НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ
2020. Том 47, № 2

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ».
Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории Педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по научной работе и международной деятельности Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор (Ереванский государственный университет, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор (Воронежский государственный педагогический университет)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.06.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

233 **Деревянко А.В.**
Роксоланы по данным античной традиции

245 **Воробьев И.Ю.**
Пеан в честь Антиоха I Сотера (Luc. Zeux.11): репрезентация идеологии династии Селевкидов

251 **Лопатина М.Ю.**
Античные мотивы в эпистолографии Энея и Прокопия Газских

259 **Зайцева И.В.**
Осуждение оригеновского учения о предсуществовании и переселении душ в IV–VI вв.

269 **Стржалковская А.Д.**
Палестинское монашество, его роль в богословских спорах IV–VII вв.

274 **Богданова А.А.**
Юджин О'Карри и средневековые ирландские тексты *Immrama* («Плавания»)

285 **Демидова К.В.**
Династические интересы Ганноверов на континенте в контексте внешней политики Великобритании при Георге I

291 **Шумаков А.А.**
Проблема происхождения и периодизации антиглобалистского движения

302 **Михайлов И.В., Исмагилова М.И.**
Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в области образования в XXI веке

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

309 **Виноградов А.Е.**
Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей

318 **Батиев Л.В.**
Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа)

327 **Наумов Д.В.**
Дискуссия православного духовенства по поводу церковно-свечной операции и создания епархиальных свечных заводов в местной периодической печати (по материалам «Воронежских епархиальных ведомостей»)

338 **Максименко Е.П.**
Шахтерская тема в журнальной графике Александра Дейнеки середины 1920-х гг. (журнал «У станка»)

350 **Медведев В.В., Попов М.В.**
Трансформация песенного фольклора чувашей в 20–30-е годы XX века: к вопросу о «советизации» традиционной культуры

359 **Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А., Шамрина Е.А.**
Боевые действия на территории Оскольского края летом 1942 года как один из этапов Воронежско-Ворошиловградской операции: анализ, итоги, значение

370 **Бисенгалиев М.К.**
«Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать…»: о роли личных перипетий в переговорах Мао Цзэдуна со Сталиным в 1949–1950 годах

378 **Сивов А.Н.**
Особенности идеологической позиции «архитектора перестройки», первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева в 1960–1970-е годы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

387 **Жерновая О.Р., Смирнова О.А.**
Языковая политика ведущих государств Европейского Союза и перспективы ее развития

397 **Акимов Ю.Г.**
Политические и правовые аспекты парадипломатии канадских провинций и субъектов Российской Федерации: общее и особенное

405 **Стоколос М.Д.**
Роль государственных лидеров в формировании американо-российских отношений в период 1992–2000 гг.

416 **Бокерия С.А., Кернер Е.А., Кузнецова Д.А.**
Эволюция приоритетов арктической политики стран Северной Европы (на основе контент-анализа доктринальных документов)

427 **Бородина М.Ю., Гасанов О.С.**
Гуманитарные аспекты сотрудничества России и Азербайджана в XXI веке

437 **Глацких О.В.**
Институциональные дефициты, «государство благоденствия» и государственная социальная политика: сущность концептов и модели политики

449 **Сведения об авторах**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
2020. Volume 47, № 2

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.02 – Russian History, 07.00.03 – World History (of a definite epoch), 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies, 23.00.04 – Political Issues of International Relations, Global and Regional Development). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».
Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.
Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after. P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Date of publishing: 30.06.2020. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

233 **Derevyanko A.V.**
Roxolans on the data of antique tradition

245 **Vorobyov I.Yu.**
The paean in honor of Antiochus I Soter (luc. Zeux.11): representation of ideology of the Seleucid dynasty

251 **Lopatina M.Yu.**
Antique motifs in epistolary heritage of Aeneas and Procopius of Gasa

259 **Zaitseva I.V.**
Condemnation of Origen's doctrine about the pre-existence of souls and reincarnation in the 4th–6th centuries A. D.

269 **Strzhalkovskaya A.D.**
Palestinian monastery, its role in theologian disputes in IV–VII centuries

274 **Bogdanova A.A.**
Eugene O'Curry and the old Irish texts *Immrama* (The Voyages)

285 **Demidova K.V.**
Dynastic interests of Hanoverians on the continent in the context of British foreign policy under George I

291 **Shumakov A.A.**
The problem of the origin and periodization of the anti-globalization movement

302 **Mikhailov I.V., Ismagilova M.I.**
Prospects of Russian and South Korean cooperation in the educational sphere in the XXI century

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

309 **Vinogradov A.E.**
Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty

318 **Batiev L.V.**
Twenty-four trustees of Nakhichevani-on-Don (from the history of one semi-forgotten authority)

327 **Naumov D.V.**
The discussion of the orthodox clergy about church-candle operation and opening eparchy candle factories in local periodicals (on the materials of «Voronezh Eparhial'nye vedomosti»)

338 **Maksimenko E.P.**
Miner's theme in Alexander Deineka's magazine graphics of the mid-1920s (the magazine «At the bench»)

350 **Medvedev V.V., Popov M.V.**
Transformation of song folklor of the Chuvashi in the 20–30s of the XX century: on the issue of the «sovietization» of traditional culture

359 **Mamaeva T.P., Pushkarenko E.A., Shamrina E.A.**
Fighting on the territory of the Oskol region in the summer of 1942 as one of the stages of the Voronezh-Voroshilovgrad operation: analysis, results, significance

370 **Bisengaliev M.K.**
«You invited me to Moscow, but i can't do anything here...»: about the role of personal vicissitudes in negotiations between Mao Zedong and Stalin in 1949–1950

378 **Sivov A.N.**
Features of the ideological position of the «architect of perestroika», First Deputy Head of the Propaganda Department of the CPSU Central Committee A.N. Yakovlev in the 1960s and 1970s

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

387 **Zhernovaya O.R., Smirnova O.A.**
Language policy of leading European Union member states and prospects of its development

397 **Akimov Y.G.**
Political and legal aspects of paradiplomacy: comparing canadian provinces and subjects of Russian Federation

405 **Stokolos M.D.**
The role of state leaders in forming the american-russian relations in 1992–2000

416 **Bokeriya S.A., Kerner E.A., Kuznetsova D.A.**
Evolution of arctic policy priorities of the nordic countries (based on content analysis of doctrines)

427 **Borodina M.U., Gasanov O.S.**
Humanitarian aspects of cooperation between Russia and Azerbaijan in the 21st century

437 **Glatskikh O.V.**
Institutional deficits, the «welfare state» and state social policy: the essence of concepts and policy models

449 **Information about authors**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 930.226:930.1
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-233-244

РОКСОЛАНЫ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

ROXOLANS ON THE DATA OF ANTIQUE TRADITION

А.В. Деревянко
A.V. Derevyanko

Воронежский областной краеведческий музей,
394018, г. Воронеж, ул. Плехановская, 29

Voronezh regional museum,
29 Plekhanovskaya St, 394018, Voronezh

E-mail: 321va1@rambler.ru

Аннотация
В статье впервые рассмотрены дошедшие до нашего времени данные античной традиции о роксоланах. В ходе анализа источников сделаны определенные выводы об этнополитической истории роксолан. Роксоланы являлись представителями многообразного сарматского мира. Они проявляли военно-политическую активность на юге Восточной Европы с конца II в. до н. э. до середины IV в. н. э. Определяется географическая территория расселения роксолан, фиксируются их миграции с востока на запад (от низовий Дона до Среднего Дуная). Социальная структура роксолан не являлась однородной и с течением времени изменялась от простого «народа-войска» до появления определенных страт. Хозяйственно-культурный тип представлен кочевым скотоводством.

Abstract
The article is devoted to the data of ancient tradition about Roxolans that have reached our time. It is noted that the mention of Roxolans in some Greek and Latin authors should be recognized as anachronisms. Analysis of sources allows us to draw some conclusions about the ethno-political history of the Roxolani. The Roxolans were representatives of the diverse Sarmatian world. They showed military and political activity in the South of Eastern Europe from the end of the II century BC to the middle of the IV A. D. The author defines geographical area of settlement of Roxolans and their migration from East to West (from the Lower Don to the Middle Danube). The social structure of Roxolan was not uniform and changed over time from a simple «people-army» to the appearance of certain strata (chief – nobles – ordinary nomads). Elite troops of nomads – cataphractarii – were formed from the stratum of the nobility. The economic and cultural type is represented by nomadic cattle breeding.

Ключевые слова: роксоланы, сарматы, кочевники, Северное Причерноморье, нарративные источники.
Key words: Roxolani, Sarmatians, nomads, Northern Black Sea Coast, narrative sources.

Одним из древнейших народов юга Восточной Европы были сарматы. Более полутысячелетия этот степной ираноязычный этнос играл ведущую роль в военно-политической и культурной жизни юга Восточной Европы. Одним из наиболее крупных

сарматских племен в Северном Причерноморье были роксоланы. При этом в научной литературе до недавнего времени не было обобщающего исследования, которое было бы посвящено истории этого народа [Деревянко, 2019]. В данной работе мы проанализируем сведения античной традиции, которые упоминают о роксоланах.

Впервые имя роксолан в форме «Ῥευξιναλῶς» упоминается в херсонесском декрете в честь Диофанта (конец II в. до н. э.). Всего имя «роксоланы» встречается в десяти работах древних авторов, на четырех эпиграфических источниках и дважды – в картографическом материале (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Этноним «роксоланы» в античной традиции
The ethnonym «roxolani» in the ancient tradition

Источник	Этноним «роксоланы» в оригинальном тексте	Русская транскрипция этнонима
Декрет в честь Диофанта	Ῥευξιναλῶς	Ревксиналы
Strabo. Geo	Ῥωξολανοί	Роксоланы
Plinius Maior. Naturalis Historiae	Roxolani	Роксоланы
Эпитафий в честь Плавтия Сильвана	Rhoxolanorum	Роксолан
Tacitus. Historiae	Rhoxolani	Роксоланы
Κλαύδιος Πτολεμαῖος. ΓΕΩΓΡΑΦΙΚΗ ΥΦΗΓΗΣΙΣ	Ῥωξολανοί Ῥακαλάνοι	Роксоланы Ревканалы/Раканалы
SHA. Spartian. Hadrianus	Roxolanorum	Роксолан
SHA. Capitolinus. M. Antoninus Philosophus	Roxolani	Роксоланы
SHA. Capitolinus. Triginta Tyranni	Roxolanis	Роксолан
SHA. Vopiscus. Divus Avrelianus	Roxolani	Роксоланы
Надгробие из г. Пола	Roxolanorum	Роксолан
Cassius Dio. Ρωμαικη	Ῥοξολάνους	Роксоланами
Tabula Peutingeriana	Roxulani. Sarmate	Роксоланы. Сарматы
Ammianus Marcellinus. Res Gestae	Roxolanique [roxuolanique]	Роксоланы и …
Getica	Aroxolani	Ароксоланы
Cosmographia Anonymi Ravennatis	Roxolanorum	Роксоланы

Наиболее часто встречаемая форма написания имени по-гречески «Ῥωξολανοί», полатински «Roxolani» или «Rhoxolani». Можно полагать, что этноним «роксоланы» является самоназванием народа. Наиболее полную этимологию предложил В.И. Абаев [Абаев, 1949, с. 156]. Его версия сводилась к следующей транскрипции: «roxs-alan» (светлые аланы). «Roxs» происходит от древнеиранского «rauxšna» (светлый), а «alan» – от «aryana» (арийский, ариец).

Важнейшую часть истории любого народа представляет хронология. Применительно к роксоланам она нашла слабое отражение в источниках. Выход роксолан на историческую арену связан с событиями Диофантовой войны конца II в. до н. э. Об участии роксолан в войне сообщают два независимых источника – декрет в честь Диофанта и отрывок из произведения греческого географа Страбона (Geo. VII. III. 17). Искаженная форма написания этнонима в декрете могла быть вызвана ошибкой резчика [Полин, Симоненко, 1997, с. 94]. Именно сарматское племя роксолан появляется на юге Центральной Европы в конце II. в. до н. э. и выступает в качестве союзника поздних скифов.

Ряд исследователей в ходе анализа сведений Страбона и археологического материала юга Восточной Европы приходят к выводу, что в степях в это время складывается мощный бастарно-скифо-роксоланский военный союз [Щукин, 1994, с. 153; Дзиговский, 2003, с. 63; Воронятов, 2018, с. 85–94]. Но ни в самом тексте «Географии» Страбона, ни в других письменных источниках прямых указаний на наличие подобного конгломерата нет. Взаимовстречаемость же вещей разных культур могла быть результатом торговых связей этносов и модой на определенные категории инвентаря (например, распространение в сарматских погребениях некоторых фибул зарубинецкого типа). Скорее всего, в данном конкретном случае роксоланы выступали в качестве наемников, что является характеризующей частью военно-политической жизни номадов. В 110 г. до н. э. роксоланы со скифами в Крыму под Калос Лименом потерпели сокрушительное поражение от армии Диофанта. После неудачного похода в Крым роксоланы выпадают из поля зрения практически на полтора столетия.

Следующее их появление на авансцене истории связано с бурными событиями на юге Восточной Европы в середине I в. н. э. В это время здесь в южнорусских степях появляются аланы [Туаллагов, 2014, с. 234–364]. Агрессивная политика новых завоевателей вызвала череду миграций на запад, что коснулось и роксолан.

Сведения о роксоланах в этот период можно почерпнуть из эпитафия в честь наместника Мезии Плавтия Элия Сильвана [Виноградов, 1994, с. 162–164]. Согласно тексту, между 60 и 64 гг. в Северо-Западном Причерноморье происходят значительные политические события. После отправки расквартированного в Мезии войска в Армению на границе Римской империи вспыхнуло движение сарматов. Против нового врага под руководством Римской империи складывается военная коалиция, в состав которой вошли даки, бастарны и роксоланы. При этом ближайшие родственники правителей оказались в числе заложников у Плавтия Сильвана. В том числе в плену в качестве почетных заложников находились сыновья роксоланского царя. Известно, что варварские государства и мир цивилизаций практиковали такую форму мирного договора. По окончании акции сыновья и родственники царей союзных варваров были возвращены домой. Под руководством Плавтия Сильвана союзникам удалось разбить сарматскую орду и восстановить равновесие в степи.

Но впоследствии политика роксолан по отношению к империи резко меняется. Воспользовавшись отсутствием войск в Мёзии в 67 и зимой 68/69 гг. н. э., роксоланы совершили нападения на римские владения (Tac., Hist. I. 79. 1–4). Анализ свидетельства Тацита показывает, что осуществленный набег роксолан отражает природу войн кочевников [Хазанов, 2002, с. 354–362]. Как и многие другие кочевые племена, они не стремились к покорению чужих земель. Главной целью набегов была добыча, которую стремились захватывать неожиданно, когда противник был отвлечен другими внутренними или внешними делами. Увлекшись грабежом, роксоланы в момент второго похода зимой 68/69 гг. оказались застигнутыми врасплох и не смогли эффективно сражаться. Как результат, роксоланские воины потерпели сокрушительное поражение. За эту победу легат Мёзии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей, а легаты легионов – консульскими украшениями. Согласно сообщению Иосифа Флавия (Bel. Jud., VII. 89–95), сарматы (Флавий не уточняет их племенную принадлежность) в январе 70 г. вновь осуществили вторжение и разбили армию нового легата Мезии Агриппы, а провинцию подвергли разграблению. Император Веспасиан послал в Мезию Рубрия Галла, который в том же году одержал победу над ними, а напавших изгнал. После этого гарнизоны на Дунае были усилены. Нельзя исключать и того, что нападения 70 г. происходили при участии роксолан.

До начала II в. н. э. мы снова не имеем никаких конкретных сведений относительно истории роксолан. Очередное упоминание роксолан приходится на время правления императора Адриана (117–138). Итак, согласно сведениям SHA (SHA, Spart., Hadr. 6. 6–8), в начале II в. н. э. римлянам удалось отбить вторжение язигов с венгерской низменности. Но вскоре последние совместно с роксоланами совершают новое вторжение в Мезию. Ад-

риан во главе войска отправился в провинцию. Цезарь вступил в переговоры с представителем роксолан, который назван в тексте царем (rege Roxolanorum). Римский император, желая избежать открытого военного конфликта, повысил царю роксолан выплаты. Данное событие специалисты относят к 117–118 гг. [Ременников, 1957, с. 391]. Этого безымянного роксоланского царя соотносят с Распараганом, надгробная плита которого была обнаружена в римском г. Пола. Свидетельство о повышении выплат империей роксоланам может указывать на то, что таковые совершались ранее. Сказать однозначно, когда впервые и по каким причинам Рим стал платить роксоланам, сложно.

В начале II в. н. э. на северо-восточных рубежах империи развернулась ожесточенная война с дакийцами. В источниках упоминаний об участии роксолан в этих войнах нет. Однако ряд ученых полагает, что изображенные тяжеловооруженные конные воины на колонне Траяна были роксоланскими катафрактариями, но однозначных подтверждений этому нет [Дзиговский, 2003, с. 122–123]. В то же время римляне могли перед началом войны подкупить роксоланского правителя взамен на его отказ от военной помощи дакийцам. Тем самым свои выгоды получали обе стороны [Комар, 1999, с. 83–85]. Предположительно, начало выплатам субсидий со стороны римлян положили события I Дакийской войны. И продолжались они до правления Адриана. В этот период практика денежных выплат со стороны Римской империи за лояльность племенной знати становится обычным явлением [Нефёдкин, 2011, с. 29]. Характерна подобная тенденция экзоэксплуатации и для кочевого мира в целом [Хазанов, 1975, с. 161].

Отразились на положении роксолан события Маркоманнских войн второй половины II в. н. э. По итогам II Маркоманнской войны в 180 г. язиги, выступавшие против империи, прислали в Рим посольство с предложением о мире. Марк Аврелий, будучи снисходительным к ним, освободил язигов от многих наложенных на них ограничений, в том числе разрешил возобновить им контакты с роксоланами (Cass. Dio. LXXI. 19. (2)). И если язиги выступали активными участниками обоих Маркоманнских войн [Ременников, 1957, с. 392], то роксоланы, по-видимому, сохраняли в это время нейтралитет. По крайней мере, об их однозначном участии в событиях и I, и II Маркоманнских войн мы не имеем достоверных свидетельств.

Последнее достоверное упоминание о роксоланах связано с событиями третьей четверти III в. н. э. в римской провинции Мезии. В 260 г. римский полководец Регалиан в период правления императора Галлиена (253–268) был провозглашен правителем при поддержке жителей провинции Мёзия. Но римские провинциалы, боясь кары со стороны императора, решили избавиться от самозванца. Чтобы избежать конфликта с Галлиеном, восставший полководец был умерщвлен. Низложение Регалиана состоялось при активном участии роксолан (SHA. Capit., Tyr. 10. 2), которые были привлечены в качестве наемников.

К 274 г. относится триумф Аврелиана, в котором по Риму были проведены пленные роксоланы. Однако безоговорочно доверять свидетельству Флавия Вописка нельзя, так как он называет большое число племен, проведенных по улицам Рима [Алеманъ, 2003, с. 53]. Скорее всего, здесь представлен неупорядоченный список соседних империи варварских народов, известных составителю биографии Аврелиана.

Таким образом, хронологический диапазон известной внешнеполитической истории роксолан на юге Восточной Европы: 110 г. до н. э. – 260 г. н. э. Данных об участии роксолан в каких-либо более поздних событиях мы не знаем. Видимо, к концу III в. н. э. они сходят с политической арены или входят в состав какого-то иного кочевого объединения. Правда, стоит здесь оговориться, что в науке устойчиво утвердилось мнение об отождествлении поздних роксолан с сарматами-ардарагантами на территории Среднего Подунавья, которые появляются в письменных источниках в IV в. н. э. [Медведев, 2017, с. 121–127]. Однако после того, как в 370-е гг. в Паннонию вторглись гунны, упоминания об ардарагантах также исчезли из нарративных источников. Скорее всего, они оказались поглощены более сильным объединением.

Наибольшее количество упоминаний в античной традиции роксолан связано с их географической локализацией – древние авторы старались отразить этногеографические реалии соседних территорий. Первым в этом ряду следует указать работу греческого географа рубежа эр Страбона, где автором воссоздается этногеография Северного Причерноморья II–I вв. до н. э. [Виноградов, 2004, с. 22; Мачинский, 1976, с. 126]. Согласно «Географии», роксоланы занимали равнинные земли между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) (Strabo, Geo. II. V. 7; VII. III. 17). На западе с роксоланами граничат урги, царские сарматы и язиги; на северо-западе – бастарны; с востока земли роксолан ограничивала река Танаис, а на юго-востоке, в районе Меотиды, – савроматы (Geo. VII. III. 17). Указать северные пределы кочевания роксолан, равно как и их северных соседей, автор не мог в силу нехватки информации (Geo. II. V. 7; VII. III. 17).

Иную географическую ситуацию для I в. н. э. фиксирует Плиний-ст. (NH IV, 80). Согласно его сведениям, земли к северу от Истра вдоль прибрежных местностей Черного моря занимали даки и сарматы. Последних автор делил на аорсов-гамаксобиев, рабских скифов-трогодитов, алан, впервые появившихся на этнокарте, и роксолан (NH IV, 80). Таким образом, мы отмечаем, что роксоланы продолжают контролировать земли в междуречье Дона и Дуная в окружении родственных народов.

Интересные сведения представляет трактат Клавдия Птолемея «Географическое руководство». Этот автор первым из древних разделил Сарматию на Европейскую и Азиатскую (Pt., Geogr., III, 5, 1). Сама карта носит сложный и противоречивый характер. Зачастую Птолемей дает сведения о современных ему народах и народах, уже давно сошедших с исторической арены [Шувалов, 2013, с. 75–89]. Применительно к югу Восточной Европы, «Географическое руководство» отражало этническую ситуацию I – начала II вв. н. э. [Медведев, 2008, с. 60]. По информации античного географа, роксоланы являлись, наряду с язигами, обитателями побережья Меотиды (Азовского моря) (Pt., Geogr., III, 5. 7; III, 5. 10). Восточными соседями последних являлись эксобигиты, гамаксобии и скифы-аланы. Земли северо-восточнее роксолан занимали осилы (в излучине Дона). Таким образом, еще один автор локализует основные кочевья роксолан к востоку от Днепра.

Топоним «роксоланы» зафиксирован на римской карте Tabula Peutingeriana. Это латиноязычная карта мира, известная римлянам на закате античной эпохи. По заключению специалистов, карта была составлена в начале III в. н. э., а последние поправки в нее вносились вплоть до V в. н. э. [Подосинов, 2002, с. 295]. Роксоланы размещены на карте между реками Южный Буг и Днепр в среднем их течении.

Сообщаемая историками SHA частая активность роксолан (участие в Дакийской и Маркоманнской войнах, мятежи при Адриане) на границе Римской империи может указывать на то, что этот племенной союз кочевал в непосредственной близости от пределов державы; скорее всего, роксоланы кочевали либо в степях Буджака, либо севернее, в среднем течении Днепра и Южного Буга, что зафиксировано в Tabula Peutingeriana.

Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) локализует роксолан на побережье Меотиды (XXXI, 2, 12–13, 8). Ученые давно отмечали, что перечень списка племен в XXXI книге римского историка носит архаичный характер и отражает реальную картину предшествующего хронологического периода [Зиньковская, 2010, с. 19–20]. В частности, последовательность перечня племен у римского историка в данном контексте напоминает список Клавдия Птолемея [Алемань, 2003, с. 70]. Таким образом, Аммиан приводит устаревшие к его времени этногеографические данные.

Иордан (VI в. н. э.) писал: «Эту Готию (*Дакию*), … тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада – язиги, с севера – сарматы и бастарны, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой» (Get., 74–75). По мнению специалистов, описываемая этническая ситуация имела место в середине III в. н. э. и относится к началу заселения готами Северного Причерноморья [Скржинская, 2000, с. 24]. Роксоланы кочевали к востоку от Дакии – в степях Буджака.

Таким образом, мы можем говорить, что роксоланы появляются на карте Восточной Европы не ранее II в. до н. э. Основная территория, подконтрольная им – это степи Северного Причерноморья в междуречье Дона и Днепра. В I в. н. э. роксоланы пересекают Днепр, а ко второй половине I в. н. э. – уже вышли к восточному побережью Дуная. Начиная с конца II в. н. э. кочевья роксолан сосредотачиваются в степях Буджака и, вероятно, несколько севернее, в лесостепной зоне, в пограничье современной Молдавии и Украины. Мы видим постепенную миграцию роксолан от течения реки Дон до левобережья Дуная в пределах степной зоны (рис. 1).

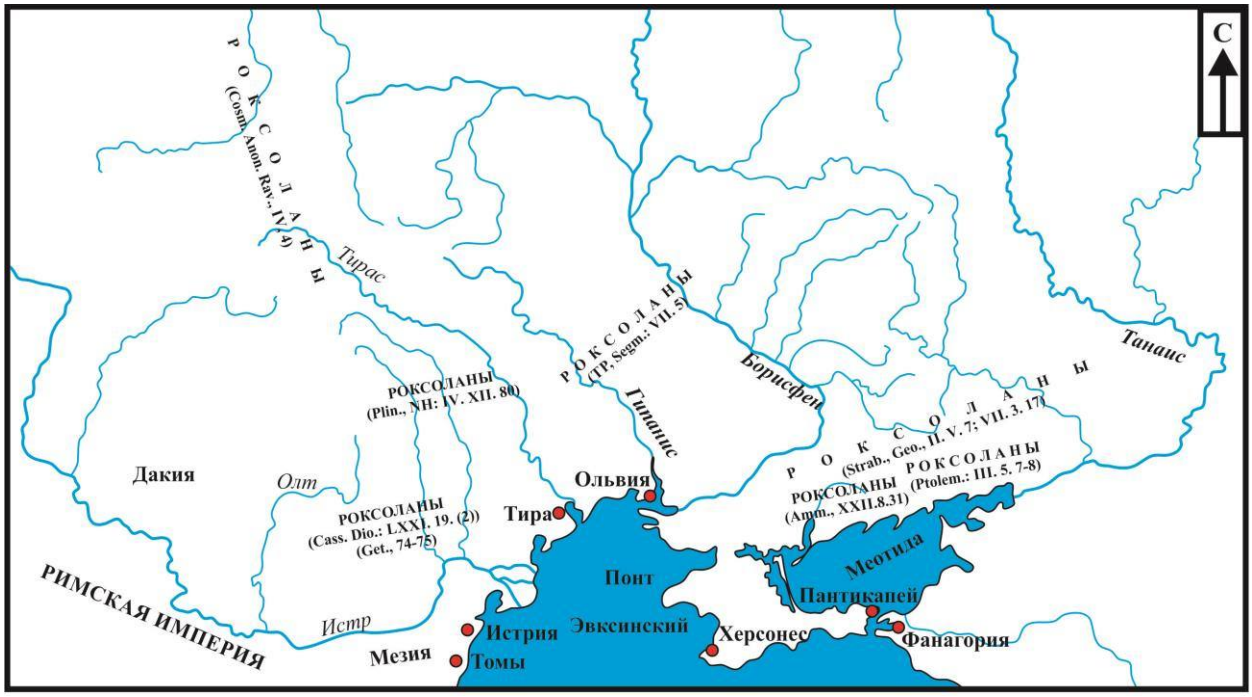

Рис. 1. Различная локализация роксолан в Восточной Европе согласно данным античной традиции
Fig. 1. Different localization of roxolans in Eastern Europe according to the ancient tradition

К тому же стоит подчеркнуть, что на данный момент удается выделить в Северном Причерноморье группу археологических памятников сарматского времени, которые можно считать оставленными историческими роксоланами и которые также датируются в пределах II в. до н. э. – II в. н. э. [Глебов, 1989, с. 23–25; Симоненко, 1991, с. 17–28; Симоненко, 1993, с. 104–112; Деревянко, 2016, с. 20–25; Деревянко, 2019].

Страбон дает яркую характеристику их повседневного быта: «Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой – на болотах около Меотиды, а летом – на равнинах» (Geo., VII. 3, 17). Аналогичный образ жизни применительно ко всем сарматам описывает Помпоний Мела: «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда их привлекают лучшие пастбища…» (III, 4, 33). Римский историк Тацит также писал о них, что они «живут на повозке и коне» (Germ. 46).

Из текста источников можно констатировать, что хозяйственно-культурный тип роксолан представляется в виде кочевого скотоводства. Для него характерны периодические сезонные перекочевки: зимой и летом народ вместе со своими большими стадами передвигался вверх по течениям рек в поисках хорошей травы и водопоев. Зимой же номады спускались на юг, к побережью Азовского моря и в низовья тех же рек, богатых камышом и другой растительностью. Таким образом, роксоланам был характерен меридиональный тип кочевания [Балабанова, 2011, с. 6–7].

Жилище роксолан, как и большинства номадов, представляется географу (или его предшественникам) в виде войлочных палаток, прикрепленных к кибиткам. Такие подвижные формы жилья существовали у различных кочевых народов. Номады жили в степи в юртах и кибитках – крытых войлоком повозках, чей вид известен, в частности, по глиняным моделькам, довольно часто находимым на Боспоре. В описании стада сарматов Страбон называет овец, отличающихся большими размерами, безрогих (комолых) или со спиленными рогами коров, а также лошадей, которые малорослы, но ретивы (Geo. VII. XVII. 3).

Логично предположить, что, как и у других номадов, в стаде преобладал мелкий рогатый скот – овцы [Медведев, 2009, с. 6]. Здесь стоит указать, что мясная пища почти всегда сопровождала умершего сармата: в могилу клали баранину – переднюю ногу вместе с лопаткой. Данная греческим автором характеристика лошадей не является случайной и вполне объяснима – полудикие табуны целый год находились в степи на подножном корме. У таких лошадей было замечательное качество – исключительная выносливость. Отправляясь в далекий поход, сарматы всегда имели заводных коней, что позволяло им проходить в день до 200 км [Медведев, 2009, с. 6]. Известно, что мальчиков в среде кочевников с детства обучали верховой езде.

Римский историк Тацит отнес сарматов к народам, «проводящим всю жизнь на повозке или на коне» (Germ. 46). Конь был не только средством передвижения, но и настоящим боевым соратником воина-сармата, что подтверждает все тот же Тацит на примере набега роксолан: «вся доблесть сарматов лежит как бы не в них самих», т. е. в их конях (Hist., I, 79, 1).

Сарматы разводили лошадей как для верховой езды, так и для получения кобыльего молока. Знает Страбон и типичный для номадов пищевой рацион: молоко, сыр и мясо скота, которого кочевники разводят (VII. III. 17). Описанный греком образ жизни роксолан соответствует типу жизни кочевых скотоводов. Этот хозяйственно-культурный тип предполагает разведение лошадей, мелкого и крупного рогатого скота, мясную и молочную пищу в качестве основы питания, отсутствие долговременных поселений, жизнь в переносных шатрах или кибитках, возможность масштабных и быстрых перемещений [Крадин, 1992, с. 44–76]. Подчеркнем, что подобный образ жизни был характерен для многих кочевых племен южнорусских степей от раннежелезного века до нового времени [Плетнева, 2003; Хазанов, 1975].

Таким образом, роксоланы, как и остальные сарматские племена [Балабанова, 2011, с. 11; Медведев, 2009, с. 5–7], являлись яркими представителями кочевого мира.

Из сведений античных авторов можно почерпнуть определенную информацию о социальной стратификации у роксолан.

Применительно к начальному этапу истории сарматов существует мнение, согласно которому все сарматские племена представляли собой народ-войско [Медведев, 2009, с. 13]. Подтверждает это предположение и Страбон, называющий роксолан варварской народностью, а выставленный ими военный контингент – толпой легковооруженных людей (Geo., VII, III, 17). Это вписывается в общую схему развития кочевых социумов, когда номады находятся на т. н. «первой стадии» кочевания [Плетнева, 2003, с. 7–18].

Следует отметить, что, по тонкому замечанию Страбона, малая часть воинов имела защитный кожаный доспех (Geo., VII, III, 17). Вероятно, что здесь уже идет речь о выделившейся из основной массы рядовых общинников и приближенной к вождю группе воинов, прообразу будущей кочевнической знати [Медведев, 2009, с. 11].

Также греческий географ сообщает, что «роксоланы появились под предводительством Тасия» (Geo., VII, III, 17). Видимо, Тасий был вождем племени. Можно предположить, что его власть основывалась на выборном принципе, базирующемся на военном предводительстве, что характерно для древних обществ. С середины I в. н. э. в источниках встречается упоминание титулатуры «царь» («rex»): первый раз – это 60-е гг. н. э., второй раз – у SHA во время правления Адриана, и еще дважды – на надгробных плитах из г. Полы.

Примечательно, что сообщение Писателей истории Августов (SHA) и надгробные плиты связаны с именем одного царя – Распарагана (с иран. – «Царь, врагов убивающий»). При этом если Распараган являлся роксоланским царем, то его сын подобной титулатуры уже не унаследовал. Для этого мог быть ряд причин, но основной нам кажется факт отсутствия у роксолан наследственной власти. Как ранее Тасий, так и Распараган, стали во главе племени роксолан благодаря своим военным заслугам. При этом сам термин «rex» с древних времен вплоть до падения Западной империи римляне употребляли для обозначения постоянных вождей варварских народов. Итак, роксолан возглавлял вождь, которого, в первую очередь, ценили за его воинские заслуги и доблесть.

Следующую ступень за вождем занимала привилегированная группа номадов, сведения о которой обнаруживаются у Тацита (Hist. I. 79. 1–4). Римский историк, повествуя о роксоланском набеге на Мезию, сообщает, что в нем принимали участие только катафрактарии, состоявшие из вождей и благородных. Надо полагать, что к этому моменту в среде роксолан выделилась социальная прослойка, возвышавшаяся над остальными членами племени. Эта группа в работе римского историка обозначена как principes и nobilissimi, что может быть переведено как вожди и знать (благородные). Не исключено, термин principi может обозначать приближенных людей к царю, его родственников.

Вторую группу могли составлять особо отличившиеся в войнах номады. «Благородными» у сарматов могли называть всех рядовых свободных мужчин-воинов [Яценко, 2002, с. 94]. Весьма интересным выглядит замечание того же Тацита о том, что в военных советах у сарматов имеет значение не только голос вождя (Annales, XII, 17). Вполне вероятно, что такие социальные категории, как «principes и nobilissimi», участвовали в распределении захваченных трофеев, что являлось одной из важных составляющих их власти в племени. Скорее всего, этой части племени принадлежала ключевая роль в определении направления военной деятельности роксолан.

Также данная группа формирует отряды катафрактариев. По свидетельству Тацита (Hist. I. 79. 1–4), вооружение роксоланского «катафрактария» составляли пластинчатый железный панцирь, пики (длинные копья-контосы) и длинные мечи, которые предназначались для нанесения рубящего удара с коня. Тацит специально подчеркивает, что роксоланы в целях обороны не использовали щиты. Отсутствие щитов в бою должны были компенсировать железные доспехи всадника [Перевалов, 2007, с. 154].

Таким образом, письменная традиция применительно к роксоланам I в. н. э. рисует следующую социальную дифференциацию в их среде: во главе племени стоит «rex» (царь, вождь), следующую ступень занимает группа, включающая в себя principi (знатные) et nobilissimi (благородные), которые формировали элитные войска роксолан – катафрактариев. Остальную же часть племени составляла масса рядовых кочевников. Вероятно, у роксолан в это время шло формирование если не социальных классов, то как минимум социальных страт или групп.

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы:

1) Роксоланы появляются на юге Восточной Европы не ранее II в. до н. э. С движением готов с севера и алан с востока в III в. н. э. роксоланы мигрировали в Венгрию (Паннонию), где они известны в письменных источниках под другим именем (сарматы-ардараганты);

2) Роксоланы занимали определенную географическую нишу: от низовий Дона до среднего течения Дуная; с течением времени под давлением более могущественных племен с востока роксоланы продвигались к западу, от Дона к Дунаю (рис. 2);

3) Роксоланы со страниц работ античных авторов предстают перед нами типичными кочевниками с характерным культурно-хозяйственным укладом;

4) У роксолан к середине I в. н. э. сложилась определенная иерархическая структура: царь (вождь) – благородные и знатные (катафрактарии) – рядовые кочевники.

Таким образом, на юге Восточной Европы роксоланы были долговременным, более чем трехсотлетним геополитическим фактором, значительно влиявшим на ход истории в северопричерноморском регионе.

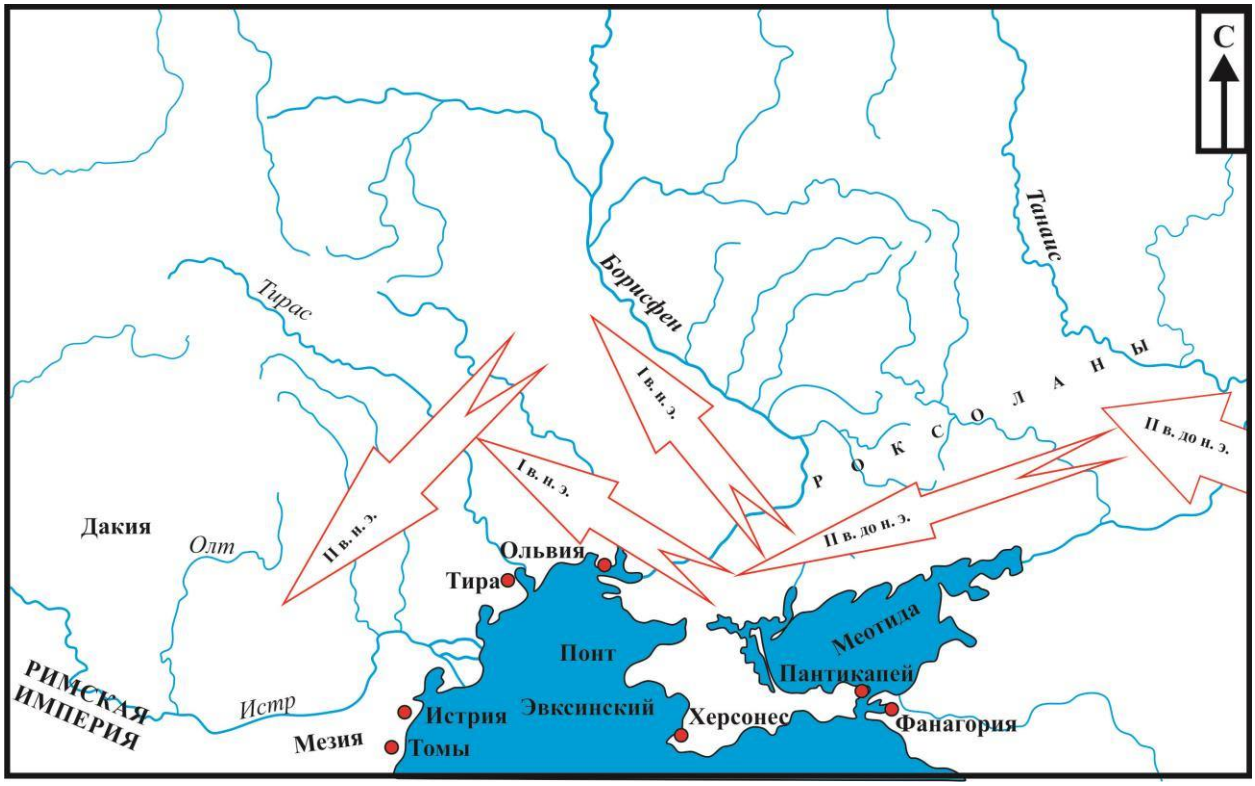

Рис. 2. Миграции роксолан в Восточной Европе на основе свидетельств античной традиции
Fig. 2. Migration the roxolani in Eastern Europe on the basis of evidence of ancient traditions

Список литературы

1. Абаев В.И. 1949. Осетинский язык и фольклор. М., Изд-во АН СССР, 601.

2. Алеманъ А. 2003. Аланы в древних и средневековых источниках. М., Менеджер, 608.

3. Балабанова М.А. 2011. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников. Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 1: 6–12.

4. Виноградов Ю.А. 2004. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени. В кн.: Херсонесский сборник. Т. XIII. Севастополь, ЧП «Стрижак-Пресс», 20–29.

5. Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. Вестник древней истории. 2. 151–171.

6. Воронятов С.В. 2018. Сарматский и южно-балтийский импульс в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II в. н. э.). Дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 309.

7. Глебов В.П. 1989. Сарматские погребения с северной ориентировкой III – I вв. до н. э. на Нижнем Дону. В кн.: Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, [Б., и.], 23–25.

8. Деревянко А.В. 2016. К проблеме выделения археологических древностей роксоланов. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 22 (243). Вып. 40: 20–25.

9. Деревянко А.В. 2019. Роксоланская проблема в российской и украинской археологии. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 24.

10. Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, Гермес, 240.

11. Зиньковская И.В. 2010. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 359.

12. Колосовская Ю.К. 2000. Рим и мир племен на Дунае в I – IV вв. н. э. М., Наука, 288.

13. Комар О.В. 1999. Сармати Поросся та «південна» гіпотеза походження Русі. Vita Antiqua, 1: 81–88.

14. Крадин Н.Н. 1992. Кочевые общества. Владивосток, Дальнаука, 240.

15. Мачинский Д.А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. АСГЭ, 16: 122–132.

16. Медведев А.П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М., Таус, 252.

17. Медведев А.П. 2009. Очерк этнографии сарматов. Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2: 3–15.

18. Медведев А.П. 2017. Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии. Раннеславянский мир. 19. 121–127.

19. Нефёдкин А.К. 2011. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Нестор-История, 304.

20. Перевалов С.М. 2007. Сарматоведение между историей и археологией. ВДИ. 3: 139–162.

21. Плетнева С.А. 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 248.

22. Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., Индрик, 488.

23. Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. Скифия и сарматы. В кн.: Донские древности. Азов, Азовский краеведческий музей, 5: 87-98.

24. Ременников А.В. 1957. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV веке н. э. Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та. 12: 389–418.

25. Симоненко О.В. 1991. Роксолани. Археологія. 4: 17–28.

26. Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев, Наукова думка, 142.

27. Скржинская Е.Ч. 2000. Иордан и его «Getica». В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., Алетейя, 39–44.

28. Туаллагов А.А. 2014. Ранние аланы. Владикавказ, ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 462.

29. Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., Наука, 344.

30. Хазанов А.М. 2002. Кочевники и внешний мир. Алматы, Дайк-Пресс, 604.

31. Шувалов П.В. 2013.Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. SP. 4. 75–89.

32. Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб., Фарн, 324.

33. Яценко С.А. 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятии в других культурах. В кн.: Кочевая альтернатива социальной эволюции. Т. 6. М., Институт Африки РАН, 91–97.

References

1. Abaev V.I. 1949. Osetinskiy yazyik i folklor [Ossetian language and folklore]. M., Izd-vo AN SSSR, 601.

2. Aleman A. 2003. Alanyi v drevnih i srednevekovyih istochnikah [Alans in ancient and medieval sources]. M., Menedzher, 608.

3. Balabanova M.A. 2011. Hozyaystvenno-kulturnyiy uklad i obraz zhizni sarmatskih plemen po dannyim antichnyih pismennyih istochnikov [Antique Manuscripts on Sarmatian groups' House keeping and way of life]. Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnyie otnosheniya. 1: 6–12.

4. Vinogradov Yu.A. 2004. O dvuh volnah sarmatskih migratsiy v prichernomorskih stepyah dorimskogo vremeni [About two waves of Sarmatian migrations in the Black Sea degrees of Dorim time]. V kn.: Hersonesskiy sbornik [Chersonesos collection]. T. XIII. Sevastopol, ChP «Strizhak-Press», 20–29.

5. Vinogradov Yu.G. 1994. Ocherk voenno-politicheskoy istorii sarmatov v I v. n. e. [Essay of the military-political history of the Sarmats in the first century A. D.]. Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]. 2. 151–171.

6. Voronjatov S.V. 2018. Sarmatskij i juzhno-baltijskij impul's v postzarubineckih drevnostjah gorizonta Rahny-Pochep (vtor. pol. I – nach. II v. n. e.) [The Sarmat and South Baltic momentum in the

post-Zarubinets antiquities of the Rahna-Počep horizon (the second half of I is the beginning of the II century A. D.)]. Dis. … kand. ist. nauk : 07.00.06. SPb., 309.

7. Glebov V.P. 1989. Sarmatskie pogrebeniya s severnoy orientirovkoy III – I vv. do n. e. na Nizhnem Donu [Sarmat burials with northern orientation of the III – I centuries BC on Lower Don.]. V kn.: Problemyi ohranyi i ispolzovaniya pamyatnikov arheologii v Donbasse [Problems of protection and use of archeological monuments in the Donbass]. Donetsk, [B., i.], 23–25.

8. Derevyanko A.V. 2016. K probleme vyideleniya arheologicheskih drevnostey roksolanov [The problem of Roxolan's archaeological evidence allocation]. Nauchnyie vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya [Scientific reports of BelSU. Series History. Political science]. 22 (243). Vyp. 40: 20–25.

9. Derevjanko A.V. 2019. Roksolanskaja problema v rossijskoj i ukrainskoj arheologii [The problem of Roxolan's in Russian and Ukrainian archaeology]. Avtoref. diss. … kand. ist. nauk. Voronezh, 24.

10. Dzigovskiy A.N. 2003. Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskih zemel [Essays of the History of the Sarmates of the Carpato-Dnieper Region]. Odessa, Germes, 240.

11. Zinkovskaya I.V. 2010. Korolevstvo Ermanariha: istochniki i istoriografiya [Kingdom of Ermanaric': sources and historiography]. Voronezh, Izdatelsko-poligraficheskiy tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 359.

12. Kolosovskaya Yu.K. 2000. Rim i mir plemen na Dunae v I – IV vv. n. e. [Rome and the world of tribes on Danube in the 1 – 4th centuries A. D.]. M., Nauka, 288.

13. Komar O.V. 1999. Sarmati Porossya ta «pIvdenna» gipoteza pohodzhennya Rusi [Sarmates of Ros region and southern theory of origin of Rus]. Vita Antiqua, 1: 81–88.

14. Kradin N.N. 1992. Kochevyie obschestva [Nomadic societies]. Vladivostok, Dalnauka, 240.

15. Machinskiy D.A. 1974. Nekotoryie problemyi etnogeografii vostochno-evropeyskih stepey vo II v. do n. e. – I v. n. e. [Some problems of ethnogeography of Eastern European steppes in II century BC – I century CE]. ASGE, 16: 122–132.

16. Medvedev A.P. 2008. Sarmatyi v verhovyah Tanaisa [Sarmats in the upper Tanais]. M., Taus, 252.

17. Medvedev A.P. 2009. Ocherk etnografii sarmatov [Essay of ethnography of Sarmatians]. Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. 2: 3–15.

18. Medvedev A.P. 2017. Eshhe raz o sarmatah-limigantah. Vzgljad iz Sarmatii [Again about the sarmate limigants. Look from Sarmatiya]. Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. 19. 121–127.

19. Nefyodkin A.K. 2011. Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannyim antichnyih istochnikov) [Military science of sarmats and alans (according to antique sources)]. SPb.: Nestor-Istoriya, 304.

20. Perevalov S.M. 2007. Sarmatovedenie mezhdu istoriey i arheologiey [Sarmatian studies between history and archaeology]. VDI. 3: 139–162.

21. Pletneva S.A. 2003. Kochevniki yuzhnorusskih stepey v epohu srednevekovya IV–XIII veka [Nomads of South Russian steppes during the Middle Ages of the IVXIII century]. Voronezh: Izd-vo VGU, 248.

22. Podosinov A.V. 2002. Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii. Tekstyi, perevod, kommentariy [Eastern Europe in the Roman cartographic tradition. Texts, translation, comment]. M., Indrik, 488.

23. Polin S.V., Simonenko A.V., 1997. Skifiya i sarmatyi [Scythia and Sarmatians]. V kn.: Donskie drevnosti [Don Antiquities]. Azov, Azovskiy kraevedcheskiy muzey, 5: 87–98.

24. Remennikov A.V. 1957. K istorii sarmatskih plemen na Srednem Dunae v IV veke n. e. [To the history of Sarmatic tribes on the Middle Danube in the 4th century A. D.] Uchenyie zapiski Kazan. gos. ped. in-ta [Scientific notes of Kazan' state ped. institute]. 12: 389–418.

25. Simonenko O.V. 1991. Roksolani [The Roxolani]. Arheologiya. 4: 17–28.

26. Simonenko A.V. 1993. Sarmatyi Tavrii [Sarmatians of the Region of Tavriya]. Kiev, Naukova dumka, 142.

27. Skrzhinskaya E.Ch. 2000. Iordan i ego «Getica» [Jordan and his «Getica»]. V kn.: Iordan. O proishozhdenii i deyaniyah getov (Getica) [Jordan. On the origin and deeds of the Getae (Getica)]. SPb., Aleteyya, 39–44.

28. Tuallagov A.A. 2014. Rannie alany [Early Alans]. Vladikavkaz, IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 462.

29. Hazanov A.M. 1975. Sotsialnaya istoriya skifov. Osnovnyie problemyi razvitiya drevnih kochevnikov evraziyskih stepey [Social history of Scythians. Main problems of development of ancient nomads of Eurasian steppes]. M., Nauka, 344.

30. Hazanov A.M. 2002. Kochevniki i vneshniy mir [Nomads and the outside world]. Almatyi, Dayk-Press, 604.

31. Shuvalov P.V. 2013.Tri karty Evropejskoj Sarmatii Klavdija Ptolemeja [Three Maps of the European Sarmatia of Claudius Ptolemaeus]. SP. 4. 75–89.

32. Shhukin M.B. 1994. Na rubezhe jer [At the turn of the era]. SPb, Farn, 324.

33. Yatsenko S.A. 2002. Osobennosti obschestvennogo razvitiya sarmato-alanov i ih vospriyatii v drugih kulturah [Peculiarities of social development of sarmato-alans and their perception in other cultures]. V kn.: Kochevaya alternativa sotsialnoy evolyutsii [Nomadic Alternative to Social Evolution]. T. 6. M., Institut Afriki RAN, 91–97.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Деревянко А.В. 2020. Роксоланы по данным античной традиции. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 233–244. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-233-244.

Derevyanko A.V. 2020. Roxolans on the data of antique tradition. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 233–244 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-233-244.

УДК 94 (38). 08
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-245-250

ПЕАН В ЧЕСТЬ АНТИОХА I СОТЕРА (Luc. Zeux. 11): РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ДИНАСТИИ СЕЛЕВКИДОВ

THE PAEAN IN HONOR OF ANTIOCHUS I SOTER (Luc. Zeux. 11): REPRESENTATION OF IDEOLOGY OF THE SELEUCID DYNASTY

И.Ю. Воробьев
I.Yu. Vorobyov

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14/2

Yaroslavl State University P.G. Demidov,
14/2 Sovietskaya St, Yaroslavl, 150003, Russia

E-mail: prozaivana@mail.ru

Аннотация
Традиционный для древнегреческой религии гимн Аполлону – пеан в эллинистический период стал посвящаться правителям: поэты занимались созданием поэтических произведений, восхвалявших царский дом. В статье анализируется фрагмент сочинения Лукиана: после битвы с галатами армия поет пеан в честь Антиоха I Сотера. Автор статьи рассматривает данный эпизод, сравнивая с другими случаями исполнения пеанов. Обосновывается, что изучаемый хоровой гимн царю имел традиционный текст и не был создан придворным поэтом. Сделан вывод о том, что пеан, исполненный воинами после победы над галатами, наглядно демонстрирует основные положения идеологической политики Селевкидов.

Abstract
Paean – a hymn to Apollo is an integral part of the ancient Greek religion. However, during the period of Hellenism, his addressee was not only a god, but also a king in the framework of the polis cult. These hymns were created by poets who received the patronage of the royal house for their work. Often it is known that a paean was performed and rarely its lyrics are found. This is precisely the case that is analyzed in the article: according to Lucian, the Seleucid army honors the anthem of king Antiochus I Soter after the victory over the Galatians. A comparison of this episode with other cases recorded in ancient literature gives us reason to assume that the traditional content of the paean is precisely as the hymn to Apollo, which was not created by the poet. In this regard, it is worth saying that this song clearly demonstrates the main provisions of the Seleucid ideological policy. Apollo was considered the ancestor and patron of the dynasty, and this circumstance contributed to the interpretation of victory as a direct intervention of god in the course of the battle.

Ключевые слова: Антиох I Сотер**,** пеан, Аполлон, Лукиан, царский культ.
Keywords: Antiochus I Soter, paean, Apollo, Lucian, ruler cult.

Учреждавшийся в полисе культ эллинистического правителя становился частью местного пантеона, перенимая и воспроизводя традиционные составляющие культа божеств: ежегодные празднества, жертвоприношения на специальных алтарях, посвящение теменосов и т. п. Музыкально-поэтические произведения, в частности хоровой гимн – пеан, также нашли свое отражение в царском культе, органично став его частью [Habicht, 1970, S. 148]. Так, С. Барбантани отмечает, что множество поэтов вследствие большого спроса создавали хвалебные песни в честь царей [Barbantani, 2005, p. 160–161].

Такие произведения всегда пользовались вниманием историков-антиковедов, так как они содержат в себе важную информацию, среди прочего и о специфике культового почитания правителя. Несмотря на наличие продолжительной традиции исследования, А. Ханиотис считает, что потенциал изучения таких текстов не исчерпан, потому что можно открывать новые, ранее не выявленные, аспекты [Chaniotis, 2011, p. 157–158]. Однако нередко нам известен лишь факт существования подобной песни и ее исполнения в честь царя. Один из таких случаев мы детально рассмотрим.

Лукиан Самосатский повествует о пеане, исполненном армией в честь царя Антиоха I Сотера после победы над галатами (Luc. *Zeux*.11.). Основное внимание ученых было направлено на описание хода «слоновой» битвы и определение источника повествования Лукиана [Габелко, 2003, с. 76–77; Bar-Kochva, 1973, p. 1] и, в значительно меньшей степени, на то, чем она была завершена. Э.Р. Биван в своей работе о династии Селевкидов, подробно пересказывая произведение Лукиана, даже не упоминает, что в нем чествование Антиоха на поле боя происходит с исполнением пеана [Bevan, 1902, p. 143], по всей видимости, не считая это важным. Для Р. Стротмана [Strootman, 2005, p. 102] и Э. Бикермана [Бикерман, 1985, с. 222] исполняемый пеан – всего лишь процедура обретения эпиклесы «Сотер» и не более. Для того чтобы проанализировать истинное семантическое значение данного обряда в честь Антиоха I, нам необходимо рассмотреть другие фиксируемые античными авторами случаи исполнения хорового гимна.

Первое, отраженное в литературных источниках, исполнение пеана произошло в честь спартанского военачальника Лисандра (452–396 гг. до н. э.) на о. Самос на Лисандриях – празднестве, посвященном Гере (Plut. *Lys*. 18.4.). Плутарх, негативно отзываясь о подобных почестях [Журавлева, 2009, с. 126], цитирует отрывок песни с характерным припевом, чтобы у читателя сложилось верное представление о том, что данная песня действительно является пеаном (Plut. *Lys*. 18.3.: ἰὴ Παιάν). В этом с ним соглашается Афиней (Athen. XV.52.: εἰς Λύσανδρον τὸν Σπαρτιάτην… ὄντως παιάν). Там же он говорит о том, что настоящий пеан исполняется родосцами в честь Птолемея I Сотера (εἰς Πτολεμαῖον δὲ τὸν πρῶτον… παιάν ἐστιν). Афиней ссылается на Горгона, автора книги «О родосских праздниках» («Περὶ τῶν ἐν Ῥόδῳ θυσιῶν»), что может свидетельствовать об устоявшейся традиции исполнения пеана в честь этого царя.

Также нам известно о пеанах в честь первых Антигонидов. В одном фрагменте Афиней, ссылаясь на Филарха, рассказывает о том, что афиняне пели пеаны в честь Антигона и Деметрия (Athen. XV.52.: ἐπ᾽ Ἀντιγόνῳ δὲ καὶ Δημητρίῳ… ᾄδειν παιᾶνας) авторства Гермокла Кизикского. От простой констатации в данном фрагменте Афиней переходит к ярому осуждению в другом, где повествуется о чествовании одного Деметрия, когда он овладел Афинами во второй раз. Это обусловлено цитированием труда другого автора – Демохара, которого возмущает, что даже льстецы царя удостоились такой высокой чести (Athen. VI.62.: τῶν κολάκων αὐτοῦ… τούτων ἑκάστῳ καὶ παιᾶνες ᾖδοντο). Однако сам Афиней негодует, что афиняне исполняли пеаны и просодические песни в честь Деметрия (εἰς αὐτὸν τὸν Δημήτριον παιᾶνας καὶ προσόδια ᾄδοντες).

Теперь обратимся к свидетельству Лукиана об исполнении пеана в честь Антиоха I Сотера (Luc. *Zeux*.11.). После победы над галатами воины поют пеан (ἐπαιώνιζον), венчают и провозглашают царя «Каллиником» (καλλίνικον). На первый взгляд может показаться, что речь идет всего лишь о хвалебной песне в честь царя, в которой армия благодарит победоносного полководца. Данная точка зрения преобладает в историографии отчасти из-за того, что эпиклеса Сотер («почти божественная», по О. Буше-Леклерку [Bouche-Leclercq, 1913, p. 65]), приобретенная Антиохом после битвы, но закрепившаяся за ним много позднее [Muccioli, 2013, p. 120–121], признана учеными не имеющей сакрального значения. Ее применение ограничивалось благодарным ответом за определенную помощь, т. е. за «спасение» [Нефедов, 2005, с. 68].

Мы должны отметить, что пеаны в честь Лисандра, Птолемея, Антигона и Деметрия являлись творческим продуктом поэтов. Так, Плутарх приводит строки пеана Лисанд-

ру, а Афиней называет автора гимнов к Деметрию и Антигону. Также он указывает принадлежность посвящаемых пеанов, когда говорит о чествовании Птолемея и Деметрия. Оба автора упоминают творческую конкуренцию среди поэтов (Plut. *Lys*. 18.4; Athen. XV.52.). Ничего подобного нет в случае с царем Антиохом, употребляется лишь имперфектная форма глагола «петь пеан» – ἐπαιώνιζον. Во всех предыдущих случаях инициатива исполнения исходила от гражданского коллектива Самоса, Родоса, Афин, чьи властные институты на официальном уровне внедряли культ и его обряды (в том числе и пеаны) в религиозную систему полиса. Как уже было сказано, празднество Лисандра было связано с празднеством Геры. Родосцы отправляли священное посольство к оракулу и впоследствии выделили теменос, назвав его в честь Птолемея (Diod. XX.100.3–4). Афиняне по отношению к первым Антигонидам учредили культ, не имевший аналогов в отдельных почестях (Plut. *Dem*. 10–13).

На наш взгляд, проблематично отождествить селевкидских воинов с гражданским коллективом, который инициирует почести, особенно если принять на веру слова Лукиана о том, что Антиох наспех собрал свою армию (Luc. *Zeux*. 8.: δι᾽ ὀλίγου). Начиная с Гомера (Hom. *Il*. I. 472–473; XXII. 391), античные авторы говорят о пеане как о важной воинской традиции (Plut. *Lyc*. 22.3; Arr. VII.11.7–9; Thuc. I.50.5; VII.44.6; Hdt. V.1.2–3), и потому логично предполагать, что селевкидская армия пела пеан, посвященный именно Аполлону. Это отсылает нас к первоначальному смыслу данного хорового гимна – умилостивить, вознести хвалу или благодарность богу. Исход битвы не был очевиден (хотя Лукиан и драматизирует, повествуя о ходе сражения), а образ галатов у эллинов был более чем чудовищен (Paus. X.19.12; X.22.3; Iust. XXV.2.10; XXIV.4.7), поэтому оснований упрекнуть победителей в неискренности не так много. Сам Лукиан акцентирует спонтанный характер чествования Антиоха: воины стекаются к нему, где и сколько бы их ни было (Luc. *Zeux*. 11: ὅσοι σὺν Ἀντιόχῳ ἦσαν… προσιόντες ἄλλος ἀλλαχόθεν). Сомнительно, что многочисленное войско пело бы пеан, посвященный специально царю каким-либо придворным поэтом, вряд ли при сложившихся обстоятельствах оно знало бы этот текст. Воины поют ту традиционную песнь, которую они точно могли знать.

Анализируя пеан в честь «Антиоха-Аполлона», можно предполагать существование песни с исконной «фебовой» основой, но с ключевыми вставками, как, например, в случае с эрифрийским гимном к Асклепию, где впоследствии были вставлены строки об отце Антиоха I Селевке Никаторе как о сыне Аполлона. В этом гимне призывается воспевать Селевка при возлияниях (SEG 15–719, сткк. 75–76: ὑμνεῖτ[ε] ἐπὶ σπονδαῖς Ἀπόλλωνος… παῖδα Σέλευκον). И это наталкивает нас на мысль о том, что речь идет об исполнении пеанов, как это указано в надписи 281 г. до н. э. из Эг Эолийских. Постановление небольшого полиса посвящено чествованию Селевка и его сына Антиоха, причем неоднократно отмечено то, что оно должно совершаться таким же образом, как и Аполлону: κἄθάπερ τῶι Ἀπόλλωνι [Malay, 2009, p. 40, vs. 17–18, 36–37]. Возлияния должны сопровождаться исполнением пеанов победителями мусического агона: παιᾶνα ἐπί σπονδαῖς ὅς ἄν νικήσηι ἐν τωι ἀγῶνι τῆς μουσικῆς [Malay, 2009, p. 41, vs. 49–51].

Исполнение пеана Антиоху следует рассматривать во внешнеполитическом контексте 270-х годов до н. э. Этолийская пропаганда упрочивала образ Аполлона Сотера как спасителя Эллады, что «явился» в ходе нападения галатов на Дельфы [Champion, 1995, p. 216]. Вмешательство божества в ход событий в Греции схоже идеологическими элементами с повествованием о победе Антиоха. Это и галаты как чудовищная варварская угроза эллинской цивилизации, это и эпифания Аполлона. Официальная эпиклеса царей – Эпифан (Ἐπιφανής) – фиксируется позднее, а именно на рубеже III–II вв. до н. э., однако употребление понятия эпифании как «явление бога» по отношению к царям существовало и ранее – это и итифаллический гимн к Деметрию, который свидетельствует об эпифании [Chaniotis, 2003, p. 431], и признание эпифании Селевка и Антиоха (θεοὶ οἱ ἐ[πι]φανέ[ντε]ς) [Malay, 2009, p. 42, vs. 4–5] в надписи из Эг Эолийских. Также в связи с этим любопытно упомянуть вторую книгу Маккавеев: армия Никанора, исполняя пеаны (2 Macc. 15:25.:

μετὰ… παιάνων), наступала на войско Иуды, но была побеждена евреями, так как произошла эпифания бога (2 Масс. 15:27.: τῇ τοῦ Θεοῦ μεγάλως… ἐπιφανείᾳ). Очевидно то, что автор книги Маккавеев противопоставлял явления «истинного» бога и языческого, которого пытались призвать или восславить, исполняя пеаны, селевкидские воины.

Если этолийцы не могли связывать явление Аполлона с кем-либо из смертных в силу политических причин, то таких ограничений не существовало для Селевкидов. Антиох I впоследствии в династическом культе будет прочно связан с Аполлоном (OGIS 245, сткк. 12–13: Ἀντιόχου Ἀπόλλωνος Σωτῆρος). Более того, эта связь дала повод А.Б. Рановичу утверждать, что Антиох был обожествлен «под именем Аполлона Спасителя» [Ранович, 1950, с. 333]. Еще одним общим элементом обеих историй является полная победа эллинов, то есть сил добра над галатами – бездумной (Polyb. II.35.3) и деструктивной силой. Прямое вмешательство Аполлона в обоих случаях меняет ситуацию в наилучшую сторону: восстанавливается правильный миропорядок, люди и земли очищаются от скверны галатов. Результат битвы – это победа божественного порядка над варварским хаосом [Strootman, 2012, p. 474]. Образ Аполлона неразрывно связан с понятием σωτηρία [Наумова, 2014, с. 75], так как он – бог исцеления, очищения, «исцеляющей песни» [Буркерт, 2004, с. 250]. Важным аргументом в пользу предположения о возможности акта «исцеления» победой в битве является фрагмент из другого сочинения Лукиана (Luc. *Laps*. 9). Александр является Антиоху во сне перед битвой и побуждает использовать для армии условный знак τὸ ὑγιαίνειν. Однако «участие» Аполлона в победе над галатами стало частью идеологии не только Селевкидов, но и Птолемеев, в частности Птолемея II Филадельфа [Barbatani, 2010, p. 243–244].

Сам нейтральный тон повествования Лукиана, а точнее, отсутствие негативной реакции, которую мы находим у Плутарха и Афинея, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это поставленные автором цели: он хотел сделать акцент на других деталях. Во-вторых, это описание реакции самого Антиоха на чествование его воинами: он театрально плачет и укоряет себя и свою армию (Luc. *Zeux*.11), тем самым автору нет необходимости отдельно выражать собственное недовольство. В-третьих, это характер предполагаемого источника, цитируемого Лукианом, автором которого мог быть Симонид из Магнезии-на-Сипиле. Можно предположить, что история о явлении Александра во сне перед боем, столь напоминающая фрагмент Плутарха о ночи перед битвой при Ипсе 301 г. до н. э. (Plut. *Dem*. 29), также заимствована из сочинения Симонида.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что пеан, исполненный войском в честь Антиоха I, был не просто хвалебной песнью, какие уже исполнялись правителям в рамках полисного культа царя, а являлся гимном Аполлону, ключевому образу в идеологии династии Селевкидов [Aldea Celada, 2013, p. 31]. В связи с этим упоминаемое Лукианом Самосатским в сочинении «Зевксис, или Антиох» («Ζεύξις ἢ Ἀντίοχος») чествование царя, произошедшее после битвы, можно трактовать как репрезентацию основных положений идеологической политики. Исполнение пеана могло иметь сразу несколько семантических значений: благодарность явившемуся в ходе битвы богу, признание воинами Аполлона как предка [Нефедов, 2014, с. 193] и покровителя царской семьи, и даже эпифании бога в самом царе.

Список литературы

1. Бикерман Э. 1985. Государство Селевкидов. М., Наука, 264.

2. Буркерт В. 2004. Греческая религия: Архаика и классика. СПб., Алетейя, 584.

3. Габелко О.Л. 2003. О злокозненности Лукиана, или несколько реплик о колесницах азиатских кельтов. Studia historica, 3. М., 74–82.

4. Журавлева Н.В. 2009. Царский культ в государстве Селевкидов (От Селевка I до Антиоха III). Дисс… канд. ист. наук. М., 227.

5. Наумова Е.С. 2014. К вопросу о почитании Аполлона Врача в античной Греции и Причерноморье. История медицины, 4. М., 73–80.

6. Нефедов К.Ю. 2005. О культовых эпиклезах диадохов. Материалы VI Международной научной конференции в честь академиков АН БССР Н.М. Никольского и В.Н. Перцева. Минск, Изд. центр БГУ, 68–71.

7. Нефедов К.Ю. 2014. Селевк Никатор и Аполлон. Доісламський Близький Схід: історія, релігія, культура. 177–196.

8. Ранович А.Б. 1950. Эллинизм и его историческая роль. М-Л., АН СССР, 386.

9. Aldea Celada J.M. 2013. Apolo y los Seléucidas o la construcción de una identidad dinástica. Studia Historica. Historia Antigua. Vol. 31: 13–34.

10. Barbantani S. 2005. Goddess of Love and Mistress of the Sea. Notes on a Hellenistic Hymn to Arsinoe-Aphrodite (P. Lit. Goodsp. 2, I–IV). Ancient Society. Vol. 35 : 135–165.

11. Barbantani S. 2010. Ideologie Royale et Litterature de Cour Dans L'Egypte Lagide. Des rois hellénistiques au Prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et impérial (III A.C. – I P.C.), 227–251.

12. Bar-Kochva B. 1973. On the Sources and Chronology of Antiochus I's Battle against the Galatians. Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 19: 1–8.

13. Bevan E.R. 1902. The House of Seleucus. Vol 1. London, BC, 388.

14. Bouche-Leclercq A. 1913. Histoire des Seleucides. Paris, Edition, 727.

15. Champion C. 1995. The Soteria at Delphi: Aetolian Propaganda in the Epigraphical Record. The American Journal of Philology. Vol. 116 (2): 213–220.

16. Chaniotis A. 2003. The Divinity of Hellenistic Rulers. A Companion to the Hellenistic World. Oxford, Blackwell, 431–445.

17. Chaniotis A. The Ithyphallic Hymn for Demetrios Poliorcetes and Hellenistic Religious Mentality. More than Men, Less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Leuven, Peeters, 157–195.

18. Habicht C. 1970. Gottmenschentum und griechische Städte. München, Beck, 1956; 2. Auflage, 290.

19. Malay H. 2009. Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis. Epigraphica Anatolica. Vol. 42: 39–60.

20. Muccioli F. 2013. Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, F. Steiner, 562.

21. Strootman R. 2012. Antiochos I Soter. The Encyclopedia of Ancient History. Malden and Oxford and New York, Wiley-Blackwell, 473–475.

22. Strootman R. 2005. Kings against Celts Deliverance from barbarians as a theme in Hellenistic royal propaganda. The manipulative mode. Political propaganda in antiquity: a collection of case studies, 101–141.

References

1. Bikerman E. 1985. Gosudarstvo Selevkidov [State of Seleucids]. M., Nauka, 264.

2. Burkert V. 2004. Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika [Greek religion: archaic and classic]. Spb., Aleteyya, 584.

3. Gabelko O.L. 2003. O zlokoznennosti Lukiana, ili neskol'ko replik o kolesnitsakh aziatskikh kel'tov [Lucian's malice or a few remarks about the chariots of the Asian Celts]. Studia historica, 3. M., 74–82.

4. Zhuravleva N.V. 2009. Tsarskiy kul't v gosudarstve Selevkidov (Ot Selevka I do Antiokha III) [The royal cult in the state of the Seleucids (From Seleucus I to Antiochus III)]. Diss… kand. ist. nauk. M., 227.

5. Naumova E.S. 2014. K voprosu o pochitanii Apollona Vracha v antichnoy Gretsii i Prichernomor'ye [To the question of veneration of Apollo the Physician in ancient Greece and the Black Sea]. Istoriya meditsiny [History of medicine], 4. M., 73–80.

6. Nefedov K.Y. 2005. O kul'tovykh epiklezakh diadokhov [On the cult epiclesias of the diadoch]. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v chest' akademikov AN BSSR N.M. Nikol'skogo i V.N. Pertseva [Materials of the VI International Scientific Conference in honor of the academicians of the Academy of Sciences of the BSSR N.M. Nikolsky and V.N. Percev]. Minsk, Izd. tsentr BGU, 68–71.

7. Nefedov K.Y. 2014. Selevk Nikator i Apollon [Seleucus Nikator and Apollo]. Doislams'kiy Bliz'kiy Skhid: istoriya, religiya, kul'tura [The Pre-Islamic Middle East: History, Religion, Culture]. 177–196.

8. Ranovich A.B. 1950. Ellinizm i ego istoricheskaya rol' [Hellenism and its historical role]. M-L., AN SSSR, 386.

9. Aldea Celada J.M. 2013. Apolo y los Seléucidas o la construcción de una identidad dinástica. Studia Historica. Historia Antigua. Vol. 31: 13–34.

10. Barbantani S. 2005. Goddess of Love and Mistress of the Sea. Notes on a Hellenistic Hymn to Arsinoe-Aphrodite (P. Lit. Goodsp. 2, I–IV). Ancient Society. Vol. 35 : 135–165.

11. Barbantani S. 2010. Ideologie Royale et Litterature de Cour Dans L'Egypte Lagide. Des rois hellénistiques au Prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et impérial (III A.C. – I P.C.), 227–251.

12. Bar-Kochva B. 1973. On the Sources and Chronology of Antiochus I's Battle against the Galatians. Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 19: 1–8.

13. Bevan E.R. 1902. The House of Seleucus. Vol 1. London, BC, 388.

14. Bouche-Leclercq A. 1913. Histoire des Seleucides. Paris, Edition, 727.

15. Champion C. 1995. The Soteria at Delphi: Aetolian Propaganda in the Epigraphical Record. The American Journal of Philology. Vol. 116 (2): 213–220.

16. Chaniotis A. 2003. The Divinity of Hellenistic Rulers. A Companion to the Hellenistic World. Oxford, Blackwell, 431–445.

17. Chaniotis A. The Ithyphallic Hymn for Demetrios Poliorcetes and Hellenistic Religious Mentality. More than Men, Less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Leuven, Peeters, 157–195.

18. Habicht C. 1970. Gottmenschentum und griechische Städte. München, Beck, 1956; 2. Auflage, 290.

19. Malay H. 2009. Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis. Epigraphica Anatolica. Vol. 42: 39–60.

20. Muccioli F. 2013. Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, F. Steiner, 562.

21. Strootman R. 2012. Antiochos I Soter. The Encyclopedia of Ancient History. Malden and Oxford and New York, Wiley-Blackwell, 473–475.

22. Strootman R. 2005. Kings against Celts Deliverance from barbarians as a theme in Hellenistic royal propaganda. The manipulative mode. Political propaganda in antiquity: a collection of case studies, 101–141.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Воробьев И.Ю. 2020. Пеан в честь Антиоха I Сотера (Luc. Zeux.11): репрезентация идеологии династии Селевкидов. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 245–250. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-245-250.

Vorobyov I.Yu. 2020. The paean in honor of Antiochus I Soter (Luc. Zeux.11): representation of ideology of the Seleucid dynasty. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 245–250 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-245-250.

УДК 94(569.4)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-251-258

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ЭПИСТОЛОГРАФИИ ЭНЕЯ И ПРОКОПИЯ ГАЗСКИХ

ANTIQUE MOTIFS IN EPISTOLARY HERITAGE OF AENEAS AND PROCOPIUS OF GASA

М.Ю. Лопатина
M.Yu. Lopatina

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

Belgorod National Research University,
14 Studencheskaja St, Belgorod, 308007, Russia

E-mail: 820301@bsu.edu.ru

Аннотация
В данной статье рассматривается эпистолярное наследие Энея и Прокопия Газских, чье творчество выпадает на сложный период истории, переход от античной эпохи к средневековой. В ходе анализа писем мы пришли к выводу, что основной задачей авторов являлось сохранение античной риторической традиции, роли «софиста» и поиск софистического самоопределения уже в христианизированном обществе. Проанализирована текстуальная традиция писем Прокопия и Энея, их адресаты, основные темы, стиль написания, ссылки на классических авторов. На основе проведенного исследования мы можем заключить, что влияние античной культуры оставило глубочайший след даже в переписке между людьми, интеллектуалами, ведь риторические и литературные мотивы, используемые авторами, чтобы придать красочность письму, должны быть поняты и оценены адресатом.

Annotation
The article is devoted to the epistolary heritage of Procopius of Gaza and Enea of Gaza, whose works fall on a difficult period of history, the transition from one era to another. During the analysis of the letters we came to the conclusion that the main tasks of the authors were to preserve the ancient rhetorical tradition, the role of «sophist» and to search for sophistic self-determination in a Christianized society. The textual tradition of the letters of Procopius and Enea, their addressees, main topics, writing style, links to the classical authors are analyzed. On the basis of our study we can conclude that the influence of ancient culture left a deep mark even on correspondence between people. After all, the rhetorical and literary motives used by the authors to make the writing colorful should be understood and appreciated by the addressee. In general, both authors give a vivid picture of the preservation of the genres of ancient literature in Gaza in the Palestinian beginning of the 6 century A. D.

Ключевые слова: поздняя античность, Газа, Эней Газский, Прокопий Газский, письма, софист.
Keywords: Late antiquity, Gaza, Enea of Gaza, Procopius of Gaza, letters, sophist.

Введение

В обширном литературном наследии Газы Палестинской произведения эпистолографического жанра в позднеантичной традиции занимают важное место в творчестве Энея и Прокопия. Переписка позволяет пролить свет на разнообразный религиозный и культурный мир рассматриваемого региона. Эпистолография Энея и Прокопия отражает исторический момент перехода от поздней античности к Византии, а также и то, как христианские софисты воплощали в себе и консерватизм, и современность своей эпохи с ее

многочисленными проблемами. Прокопий, очевидно, был очень талантлив, а широта его творчества вызывала вопрос в научном мире – мог ли один человек быть столь плодотворным, так как помимо риторико-софистических сочинений он составил комментарии к Ветхому Завету и написал опровержение элементов богословия Прокла. По-видимому, ритор считал своим интерпретационным долгом выйти за рамки традиционной софистической области и включить в нее священные тексты и философию. Подобная комбинация тем также встречается и у Энея Газского. Возможно, что такой широкий круг интересов отражает то, что все софисты Газы были христианами и контактировали с местными аскетами, которые имели существенное влияние на город.

Методы исследования

В процессе исследования проблемы нами был использован историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить эпистолярное наследие двух авторов из Газы – Энея и Прокопия. На основе проведенного сравнительного анализа мы можем установить адресатов, фигуры речи, стиль написания, заимствования отдельных сюжетов и ссылки на античных авторов. Ретроспективный метод позволяет нам заключить на основе анализа писем, что софистика в эпоху поздней античности не канула в лету, а, наоборот, проявилась на новой сущностной основе, соединив в себе языческие традиции и христианскую культуру.

Результаты исследования

Для начала необходимо акцентировать внимание на текстуальной традиции писем Энея и Прокопия, а также на состоянии и понимании текста в настоящее время. Данный вопрос является во многом дискуссионным. Ни одна из рукописей с письмами Прокопия не содержит всех 174 сохранившихся писем, и большая часть коллекции, по-видимому, претерпела различные переработки: оригинал, написанный самим Прокопием или составителем, и последующие редакции в виде писем были адаптированы для формирования избранных коллекций стилистически образцовых произведений. Таким образом, «стандартного» набора писем Прокопия не существует, только различные коллекции в разных рукописях. Следовательно, трудно определить оригинальный текст, если он когда-либо был, и тем более – установить дату написания. Рассматриваемые письма Прокопия как цельная коллекция существуют только в их более позднем восприятии. Письма Прокопия дошли до нас вместе с другими собраниями писем из поздней античности / Ранней Византии. На сегодняшний день существует около сорока рукописей, содержащих письма Прокопия.

Поскольку ни одна рукопись не содержит всех писем рассматриваемого автора, о чём упоминалось выше, количество посланий, включенных в издания, варьировалось в зависимости от того, какую рукопись использовал редактор. Можно отметить следующие издания: Marco Musuro «Aldine editio princeps» (1499 г.) – содержит 81 письмо; Angelo Mai «Auctorum classicorum» (1831 г.) – 104 письма, переиздано в латинском переводе Jacques-Paul Migne в PG 87 (1860 г.); Rudolf Hercher «Epistolographi graeci» (1873 г.) – 163 письма; Garzya – Loenertz (1963 г.) – последнее полное издание XX столетия, содержащее 166 писем.

Процесс поиска и перевода новых писем продолжался, и в последующее время был отредактирован ряд дополнительных писем [Garzya, 1987; Westerink, 1967; Maltese, 1984]. Все известные на сегодняшний день письма собраны и изданы в оригинале и переводе на итальянский язык Федерикой Чикколелла и Эуджении Амато в 2010 г. [Amato, 2010]. Это издание воспроизводит греческий текст различных предыдущих изданий (главным образом, Garzya и Loenertz), но учитываются и различные поправки (эмендации). Как отмечалось в рецензии Paul Speck, а также мнении Antonio Garzya [Speck, 1966; Garzya, 1987], греческий язык издания 1963 г. содержит ряд ошибок. Поэтому издание коллекции писем Амато 2010 г. в настоящее время является лучшим изданием.

Письма Энея Газского, напротив, образуют одну из самых маленьких и оригинальных эпистолярных коллекций поздней античности [Positano, 1950], состоящую из двадцати пяти писем. Существует предположение, что коллекция Энея, возможно, когда-то была более обширной. Собрание писем, которым мы сейчас располагаем, происходит от одной рукописи, датируемой примерно VIII веком [Positano, 1950, p. 26–27]. Данная рукопись погибла, но сохранилась ее копия X–XI вв. (Ambrosianus 81 B4). Также известны три другие ранние рукописи Энея: Matritensis 63 (XV в.), Vaticanus Reginensis 139 (XVI в.) и Marco Musuro «Aldina» (печатное издание, 1499 г.). Хотя последний текст не является рукописью, он достаточно близок к манускриптам хронологически, так что Лидия Масса Позитано включила его в свою реконструкцию текста. Во всех четырех рукописях письма следуют одному и тому же принципу, отмечаются, как правило, лишь незначительные текстовые различия между ними [Positano, 1950, p. 27–30]. Это говорит о том, что уже в X веке коллекция Энея приняла свою нынешнюю форму. Она редко копировалась, и из-за этого в текстовую традицию вкралось мало вариантов. Кроме того, письма Энея, как правило, циркулируют как отдельная единица в рукописях, которые также могли содержать другие коллекции писем, когда компилятор считал это полезным [Positano, 1950, p. 33]. Если когда-то и существовало более крупное опубликованное собрание писем Энея, выходящее за рамки двадцати пяти, которыми мы располагаем сейчас, то все следы его давно исчезли.

Стоит отметить, что эпистолярное наследие Энея Газского не привлекало пристального внимания исследователей. Это подтверждается тем, что на данный момент существует только одно издание Л.М. Позитано, содержащее текст, перевод писем на итальянский язык и их краткую характеристику [Positano, 1950].

За Газой конца V – начала VI веков закрепилось название «культурная колония Александрии». К жителям Газы, посещавшим школу в Александрии (о которых нам известно), относятся Прокопий, Эней, Захария Схоластик, адвокат Диодор [Watts, 2004, p. 15]. Поэтому многие письма, в частности Прокопия, адресованы интеллектуалам Александрии, а также Кесарии.

Адресатов писем Прокопия можно приблизительно разделить на следующие категории (иногда пересекающиеся): семья, студенты, бывшие и настоящие, друзья и коллеги (грамматики, софисты, риторы/адвокаты), другие сановники (губернаторы, епископы) [Seitz, 1892, p. 13–17; Богомаз, Болгов, 2017]. Прекрасным примером интеллектуальной деятельности в Александрии является Гессий, к которому адресованы пять писем Прокопия (Ep. 16, 102, 122, 125, и 164) [Watts, 2009]. Некий Петр является адресатом Ep. 135, который мог быть грамматиком или софистом. Возможно, это тот же Петр, о котором говорится в Ep. 35 и которого Прокопий просит поддержать адвоката Иласия. У Петра был многообещающий ученик Епифаний, которого Прокопий восхваляет в Ep. 135. Пять писем Прокопия адресованы непосредственно Епифанию (Ep. 19, 55, 60, 99, и 148). Можно предположить, что он тождествен софисту Епифанию, которому Эней написал Ep. 12 и 23. Позже Епифаний стал адвокатом и губернатором провинции и активно работал в Александрии (Proc. Ep. 19.7–10, 99.). Ритор Агапит (Proc. Ep. 87), к которому Прокопий направил свои речи для ознакомления, ранее жил в Александрии, но вернулся в родную Элузу. В Кесарии мы находим адвоката Сосиана (Proc. Ep. 21, 50, 64, 107 и 157), которому Прокопий рекомендует многообещающего Диодора (Proc. Ep. 21). Последний становится одним из самых частых адресатов Прокопия: ему адресованы Ep. 8, 23, 29, 31, 32, 72, 77, 94, 98, 110, 111, 118 (вероятно), 127, 128, 129, 133, 140, также он упоминается в Ep. 21.7 (рекомендация Сосиану) и 22.1 (адвокату Иоанну). Вполне вероятно, что это тот самый Диодор Схоластик, к которому направлены письма Энея Ep. 7 и 22. Три письма (Proc. Ep. 52, 96 и 109) направлены адвокату Силану, который когда-то был сокурсником Прокопия в Александрии. Родственники Силана – Макарий (Proc. Ep. 97, 153 и упоминается в 96.1 к Силану) и Зосим (Ep. 153) были, в свою очередь, учениками Прокопия и изучали право при некоем Вавиле (Ep. 153.1, возможно, в Бейруте). Э. Амато и Ф. Чикколелла указывают, что одно из писем Энея также адресовано софисту Зосиму [Amato, 2010, p. 496]. Отметим, что среди адресатов Прокопия есть

множество адвокатов. Это наводит на мысль о благоприятном риторическом климате позднеантичной Палестины. Многие студенты, по-видимому, приезжали в Александрию (или Газу) для обучения риторике, а затем направлялись в Бейрут для изучения права.

Особый случай – переписка Прокопия с молодым ритором Мегецием, охватывающая семь писем, которые сохранились в отдельной традиции [Procopius Gazaeus…, 2009; Amato, 2006; Amato, Corcella, 2007].

Наконец, в этой выборочной группе адресатов можно отметить, что Ep. 147 и 165 адресованы Мусею. Является ли он автором известной поэмы «Геро и Леандр», было предметом споров на протяжении более столетия [Gelzer, 1967, p. 137; Kaster, 1988, p. 313].

Подобно Либанию, Прокопий поддерживал связь со своими бывшими учениками и семьями учеников. Очевидно, такая практика была необходимой в мире позднеантичного образования. В письмах Прокопия мы находим следующих учеников: Евагрий (Ep. 161), Макарий (Ep. 96.1, 97 и 153), Несторий (Ep. 66, 66.8, 70, 75, 150), Нил (Ep. 137.4 и 162), Орион (Ep. 8.11, 92, 115, 139, 144 и 155), Созомен (Ep. 151), Ульпий (Ep. 49, 51, 51.9 и 18), Зоней (Ep. 78.1) и Зосим (Ep. 153). Примечательно, что среди адресатов нет ни монахов, ни святых. Они не упоминаются в письмах, а монастырские, аскетические и даже церковные вопросы не затрагиваются.

Сложнее обстоит дело с адресатами Энея: его корреспонденты в основном неясны, а также не прослеживается никакая логика в порядке их появления. Вместо этого они кажутся узнаваемыми образами представителей разных социальных категорий. Только одну фигуру в коллекции писем можно достоверно идентифицировать, а несколько других отождествить на основе предположений [Watts, 2009]. Например, Гессия, адресата Ep. 19 и 20, можно сопоставить с иатрософистом Гессием, известным из писем Прокопия (Ep. 102).

Карьера адресатов Энея охватывает почти все основные занятия эпохи поздней античности. К ним относятся: священники Альфий (Ep. 3), Стефан (Ep. 15), Серапион (Ep. 16), Дорофей (Ep. 21); грамматик Памп (Ep. 6); схоластик Диодор (Ep. 7, 22); софисты Зоней (Ep. 4), Епифаний (Ep. 12, 23), Дионисий (Ep. 17), Феодор (Ep. 18); врач-софист Гессий (Ep. 19 и 20); архитектор Юлиан (Ep. 25); государственные чиновники Маркиан (Ep. 24) и Мариниан (Ep. 11). Заметим, что в своих комментариях к отдельным письмам Л.М. Позитано идентифицировала многих из адресатов Энея с прокопиевскими. Конечно же, многие из этих идентификаций весьма умозрительны.

В письмах фигурирует ряд людей, которых четко можно разделить на христиан (вышеупомянутая категория священников) и языческих интеллектуалов (Гессий, александрийский философ Сарапион). Сами письма, однако, очень мало определяют отношения, которыми Эней был связан с этими людьми. В них творчески используется различие между тем, как надлежит вести себя представителям определенных профессий, и реальным поведением людей, принадлежащих к этой профессии. Например, Ep. 19 и 20, оба из которых были написаны языческому софисту и врачу Гессию, иллюстрируют эту тенденцию. В письме Ep. 19 отмечается, что болезнь Энея была вызвана его «любовью к труду со словами» – фраза, которая отмечает привязанность Энея к риторике и подчеркивает работу, которую он вкладывает в свои письма. Затем письмо противопоставляет фанатичную преданность софиста своему литературному и эпистолярному долгу с пренебрежительностью Гессия как к своему профессиональному призванию, так и дружеской ответственности. Однако небольшая коллекция писем Энея ограничивает резонанс этой критики. Это становится видно, когда два письма Энея к Гессию читаются рядом с пятью сохранившимися письмами, посланными ему же Прокопием (Proc. Ep. 16, 102, 122, 125 и 164) [Procopii Gazaei…, 1963]. Два из них – искусные письма-утешения, в которых Гессия умоляют относиться к смерти членов своей семьи философски (Proc. Ep. 102 и 125), а более обыденные заметки, сравнивающие интеллектуальные достижения Гессия с достижениями таких людей, как Сократ (Proc. Ep. 164.1) и Пифагор (Proc. Ep. 164. 21–24), только усиливают силу этих двух утешительных писем.

Таким образом, читатели двадцати пяти писем Энея, в отличие от читателей коллекции писем Прокопия, не могут оценить социальные и личные нюансы его эпистоляр-

ных отношений. Это лишает коллекцию уровня смысла, который могут создать другие, более обширные собрания. Переписка с Гессием показывает эти ограничения. Поскольку Гессий не является персоной, которая фигурирует во всей коллекции, персонализированное обвинительное письмо не сможет найти отклика у читателей Энея. Обвинительные письма Энея в адрес Гессия должны вместо этого играть на предвзятых представлениях аудитории о том, как должен вести себя врач. Это не делает их хуже писем к Гессию, написанных Прокопием, но это означает, что они по-разному резонировали с аудиторией. В целом, портрет автора писем, создаваемый каждым из этих сборников, во многом определяется репутацией людей, которым были адресованы письма. Их идентичность помогает определить, какое значение имеют слова и чувства в письме, а также какую роль играет письмо в определении профиля его автора.

От адресатов перейдем к некоторым особенностям писем Энея и Прокопия. Газа была довольно небольшой интеллектуальной средой, в которой личные связи и способности были важнее, чем границы профессии. В то же время данный факт может рассматриваться как опасность для профессиональной сферы. В письмах Прокопия мы находим ярко выраженный софистический образ и частые замечания о поприще софиста и ее отличительных чертах по сравнению с другими профессиями. В эпитафии Прокопию его ученик Хорикий называет две основные обязанности софиста: удивлять свою аудиторию и знакомить студентов с сочинениями античных авторов («посвящать их»), обеспечивая твердое понимание аттического языка (Chor. Or. 8.7). Прокопий указывает на самооценку и поведение софистов, а также выделяет несколько ключевых понятий, ассоциируемых с ними: «аплодисменты», «приподнятая бровь», «тщеславие». Бровь, сжатая в сосредоточенном раздумье либо надменно приподнятая, была знаком лица софиста. Филострат в своем описании Марка Византийского отмечает, что «выражение его бровей и серьезность лица выдавали в нем софиста» [Civiletti, 2002, p. 153]. «Приподнятая бровь» появляется и в письме к брату Захарии: *«Я не вынесу, если не буду блистать, высоко поднимать бровь и следовать правилам своего собственного искусства. Пусть же это будет поводом для шуток надо мной…»* (Proc. Ep. 46.6–9). Его брат Захария, кажется, высмеивал его за то, что он вел себя как типичный представитель позднеантичной софистики.

Термин «бровь» появляется также в менее шутливом контексте Ep. 29, адресованном другу Диодору, отправившемуся в Кесарию для продолжения своей адвокатской деятельности. И когда Прокопий критикует его, он использует данное понятие как синоним «высокомерия». Указанная тема, символизируемая «бровью», может рассматриваться как признак активного участия Прокопия в определении его роли софиста. Вероятно, в эпоху поздней античности эта роль была поставлена под удар, и традиционные софистические области могли быть присвоены не только философами, но и адвокатами, и монахами. Тогда письма отражают не что иное, как поиск софистического самоопределения. Образ Прокопия как переосмыслителя софистической профессии подтверждается, с одной стороны, попытками проникнуть в жанры, которые лучше всего рассматривать как лежащие на софистической периферии (например, комментарии к Ветхому Завету), а с другой стороны, сделать свою работу полезной обществу далеко за пределами традиционного ораторского искусства. Поскольку Прокопий стремился сохранить классические формы выражения и ядро софистической идентичности, вопрос, какое значение может иметь софистическая профессия в новую, христианскую эпоху, имел для него первостепенное значение.

Килиан Зайтц назвал письма Прокопия «образцовыми», в отличие от предыдущих ученых, считавших их в основном вымышленными. Он полагал, что письма отражают реальную ситуацию, даже если они были задуманы как риторические упражнения [Seitz, 1892, p. 11–12]. Но этот аргумент ничем не подтвержден: нет никаких оснований сомневаться в том, что письма Прокопия являются «реальными» (т. е. написанными ритором и реально отправленными адресату в рамках обмена). В. Али высказал предположение, что письма были написаны для отправки, но затем использовались в качестве учебного материала [Paulys Realencyclopadie…, 1957, S. 265–66].

Рассматривая коллекцию Энея Газского, можно предположить, что она могла быть специально создана для показа особенно интересных эпистолярных произведений и представляет собой набор отдельных примеров, предназначенных для демонстрации таланта софиста и владения им конкретными риторическими формами, в которых личности адресатов в значительной степени не важны. Почти половина писем имеют сопутствующие тексты с аналогичными темами. Поэтому вместо того, чтобы характеризовать Энея через его взаимодействие с идентифицируемыми людьми, коллекция показывает, что он был опытным софистом, как и Прокопий.

Заострим внимание на основной риторической динамике Энея. Например, письма Гессию и Юлиану работают как отдельная риторическая композиция, в которой профессия адресата служит отправной точкой для риторической критики. Некоторые из других писем в коллекции также сгруппированы вокруг подобных тем. Ep. 9 и 10 написаны для софистов и являются рекомендациями для путешествующих поэтов. В первом речь идет о поэте Константине из Италии, чей тяжелый и вычурный стиль Эней оценивал не как дар, а как способ заработать на жизнь. Второе – содержательная рекомендация поэту Павлу. Эней оценивает его как «человека, который в юности был бы поэтом, достойным чести», а теперь как «поэта и старика, ищущего подходящего признания». Характерной особенностью переписки Энея можно назвать парность писем: Ep. 7 и 22, посвящены научным спорам, которые кажутся разрешенными, но вместо этого производят только подозрительное эпистолярное молчание; Ep. 17 и 18 предлагают два разных эпистолярных празднования софистических триумфов; в Ep. 5 и 6 речь идет об утешении двух разных мужчин, потерявших имущество.

Коллекция показывает риторические навыки и творчество Энея, но мало говорит о его роде деятельности, его взаимоотношениях с адресатами, риторическом развитии с течением времени. Это отличает коллекцию Энея от собраний писем большинства его позднеантичных современников, но также предлагает современной аудитории иной взгляд на то, как коллекция позднеантичных писем могла функционировать в ранневизантийский период.

Ссылки на классических авторов варьируются в зависимости от адресата. В письмах Прокопия, например, мы находим ссылки на Сократа, Аристотеля, Анаксагора и Пифагора [Watts, 2009, p. 117], а в письмах Энея – на Гомера, Геродота, Лукиана Самосатского, Диогена Лаэрция, Платона [Лопатина, 2019]. Например, в Ep.18 брату Захарии Прокопий предстает как софист высокой учености, который предлагает риторические произведения, сосредоточенные на античных литературных сюжетах, таких как приход весны или миф об Адонисе и Афродите [Westberg, 2009]: *«... для прекрасного Адониса и Афродиты, той, что безумно любила его. Вы удивляетесь, что не слышите о розе и благодати, [дарованной] ей снова»* [Proc. Ep. 11, 18]. Ф. Чикколелла называет это письмо «манифестом утонченного взгляда» [Ciccolella, 2010, p. 122]. Стоит отметить, что данный литературный мотив был очень популярен и употреблялся в других произведениях авторов Школы Газы. В письмах Энея можно отметить частое использование отсылок к героям гомеровской «Одиссеи» и «Илиады», к богам греческого пантеона. Это лишний раз доказывает, что письма были написаны в вычурном аттическом стиле и представляют собой высокий лингвистический регистр, требующий столь же высокой компетентности у адресата.

Заключение

Таким образом, нами было рассмотрено эпистолярное наследие такой значительной фигуры, как Прокопий (174 письма), и более скромной в плане эпистолографии фигуры Энея (25 писем). Мы пришли к выводу, что эти письма, краткие по форме и в отдельном случае не столь многочисленные, приводят обширные классические заимствования с яркими свидетельствами характера эпохи и таким образом выражают дух времени каждой своей буквой. Сравнивая двух софистов Газы, Килиан Зайтц отмечал расхождение в ритмичности писем Энея и Прокопия. В эпитафии учителю Хорикий высоко оценил чистый аттикизм и чувствительность к ритму у Прокопия. И современные исследования с уверен-

ностью показали, что Прокопий был одним из наиболее чувствительных авторов нового ритма, наложенного эволюцией времени в греческой прозе. Но в целом письма как Энея, так и Прокопия отражают софистическое, философское и христианское культурное смешение. Они помещают двух авторов в разнообразный религиозный и культурный мир, а также показывают их мастерство и новаторское использование риторических и литературных мотивов, оцененных культурными читателями, как христианскими, так и языческими. Христиане Эней и Прокопий в огромной мере стоят на плечах классической традиции в своей эпистолографии.

Список литературы

1. Богомаз Е.Е., Болгов Н.Н. 2017. Письма Прокопия Газского. Научные ведомости БелГУ, История, политология. 8 (257): 46–48.
2. Лопатина М.Ю. 2019. Мифологические сюжеты в эпистолярном наследии Энея Газского. В сб. Классическая и византийская традиция. 2019. Белгород, БелГУ: 174–179.
3. Amato E. 2010. Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria, Edizioni dell'Orso, 697.
4. Amato E. 2006. Sei epistole mutuae inedite di Procopio di Gaza ed il retore Megezio. Byzantinische Zeitschrift, 98 (2): 367–382.
5. Amato E., Corcella A. 2007. Lo scambio epistolare tra Procopio di Gaza. Medioevo Greco, 7: 1–12.
6. Ciccolella F. 2010. Le Epistole. In: Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria, Edizioni dell'Orso: 120–155.
7. Civiletti M. 2002. Filostrato. Vite dei sofisti. Testo greco a fronte. Milan, R.C.S. Libri S.p.A., 734.
8. Enea di Gaza: Epistole. Ed. and trans. L.M. Positano. Naples, Libreria Scientifica Editrice, 1962, 129.
9. Garzya A. 1987. Per la storia della tradizione delle Epistole di Procopio di Gaza. In: Texte und Textkritik: Eine Aufsatzsammlung. Berlin, Akademie-Verlag: 161–164.
10. Gelzer T. 1967. Bemerkungen zur Sprache und Texte des Epikers Musaios. Museum Helveticum, 24: 129–148.
11. Kaster R.A. 1988. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, University of California Press, 560.
12. Maltese E.V. 1984. Un epistola inedita di Procopio di Gaza. La Parola del Passato, 39: 53–55.
13. Paulys Realencyclopadie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung. Bd.23.1. Ed. A. Pauly, G. Wissowa, K. Ziegler. Stuttgart, Druckenmüller Verlag, 1957, 1296 s.
14. Positano L.M. 1962. Enea di Gaza: Epistole. Napoli, Libreria scientifica editrice, 129.
15. Procopii Gazaei. Epistolae et Declamationes. Ed. Antonio Garzya. Ettal, Buch-Kunstverlag, 1963, 111.
16. Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria. Ed. E. Amato. Berlin and New York, Walter de Gruyter, 2009, 144.
17. Seitz K. 1892. Schule von Gaza. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 60.
18. Speck P. 1966. Review of Procopii Gazaei epistolae et declamations. Byzantinische Zeitschrift, 59: 115–122.
19. Watts E.J. 2004. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? Travel, Communication, and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane, 19: 13–23.
20. Watts E.J. 2009. The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius. Greek, Roman, and Byzan-tine Studies, 49: 113–133.
21. Westberg D. 2009. The Rite of Spring: Erotic Celebration in the Dialexeis and Ethopoiiai of Procopius of Gaza. In: Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading. Copenhagen, Museum Tusculanum Press: 187–211.
22. Westerink L.G. 1967. Ein unbekannter Brief des Prokopios von Gaza. Byzantinische Zeitschrift, 60: 1–2.

References

1. Bogomaz E.E., Bolgov N.N. 2017. Pis'ma Prokopija Gazskogo [Letters of Procopius of Gaza]. Nauchnye vedomosti BelGU [Scientific reports of BelSU, History, Political Science], 8 (257): 46–48.

2. Lopatina M.Ju. 2019. Mifologicheskie sjuzhety v jepistoljarnom nasledii Jeneja Gazskogo [Mythological subjects in the epistolary heritage of Aeneas of Gaza]. Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2019 [Classical and Byzantine tradition. 2019]. Belgorod, BelGU: 174–179.

3. Amato E. 2010. Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria, Edizioni dell'Orso, 697.

4. Amato E. 2006. Sei epistole mutuae inedite di Procopio di Gaza ed il retore Megezio. Byzantinische Zeitschrift, 98 (2): 367–382.

5. Amato E., Corcella A. 2007. Lo scambio epistolare tra Procopio di Gaza. Medioevo Greco, 7: 1–12.

6. Ciccolella F. 2010. Le Epistole. In: Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria, Edizioni dell'Orso: 120–155.

7. Civiletti M. 2002. Filostrato. Vite dei sofisti. Testo greco a fronte. Milan, R.C.S. Libri S.p.A., 734.

8. Enea di Gaza: Epistole. Ed. and trans. L.M. Positano. Naples, Libreria Scientifica Editrice, 1962, 129.

9. Garzya A. 1987. Per la storia della tradizione delle Epistole di Procopio di Gaza. In: Texte und Textkritik: Eine Aufsatzsammlung. Berlin, Akademie-Verlag: 161–164.

10. Gelzer T. 1967. Bemerkungen zur Sprache und Texte des Epikers Musaios. Museum Helveticum, 24: 129–148.

11. Kaster R.A. 1988. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, University of California Press, 560.

12. Maltese E.V. 1984. Un epistola inedita di Procopio di Gaza. La Parola del Passato, 39: 53–55.

13. Paulys Realencyclopadie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung. Bd.23.1. Ed. A. Pauly, G. Wissowa, K. Ziegler. Stuttgart, Druckenmüller Verlag, 1957, 1296 s.

14. Positano L.M. 1962. Enea di Gaza: Epistole. Napoli, Libreria scientifica editrice, 129.

15. Procopii Gazaei. Epistolae et Declamationes. Ed. Antonio Garzya. Ettal, Buch-Kunstverlag, 1963, 111.

16. Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria. Ed. E. Amato. Berlin and New York, Walter de Gruyter, 2009, 144.

17. Seitz K. 1892. Schule von Gaza. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 60.

18. Speck P. 1966. Review of Procopii Gazaei epistolae et declamations. Byzantinische Zeitschrift, 59: 115–122.

19. Watts E.J. 2004. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? Travel, Communication, and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane, 19: 13–23.

20. Watts E.J. 2009. The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius. Greek, Roman, and Byzan-tine Studies, 49: 113–133.

21. Westberg D. 2009. The Rite of Spring: Erotic Celebration in the Dialexeis and Ethopoiiai of Procopius of Gaza. In: Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading. Copenhagen, Museum Tusculanum Press: 187–211.

22. Westerink L.G. 1967. Ein unbekannter Brief des Prokopios von Gaza. Byzantinische Zeitschrift, 60: 1–2.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Лопатина М.Ю. 2020. Античные мотивы в эпистолографии Энея и Прокопия Газских. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 251–258. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-251-258.

Lopatina M.Yu. 2020. Antique motifs in epistolic heritage of Eneas and Procopius of Gasa. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 251–258 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-251-258.

УДК 94 (393)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-259-268

ОСУЖДЕНИЕ ОРИГЕНОВСКОГО УЧЕНИЯ О ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ В IV–VI ВВ.

CONDEMNATION OF ORIGEN'S DOCTRINE ABOUT THE PRE-EXISTENCE OF SOULS AND REINCARNATION IN THE 4th – 6th CENTURIES A. D.

И.В. Зайцева
I.V. Zaitseva

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin,
71 Gorkiy St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: zajcevil@mail.ru

Аннотация
В качестве основной цели данной статьи выступает анализ процесса осуждения взглядов Оригена относительно идеи реинкарнации и предсуществования души в IV–VI веках. Хронологические рамки объективно обуславливают структуру работы. С опорой на исторические факты автор статьи показывает, что при жизни создателя оригеновское учение сразу не подвергалось прямому осуждению, однако к IV веку отношение к Оригену и его взглядам изменяется. К числу основных оппонентов оригеновского учения следует отнести Памфила Мученика, Епифания Кипрского, епископа Александрийского Феофила. Наиболее ярко оригенистские споры проявили себя в VI веке на двух соборах, которые проходили в Константинополе в 543 и 553 годах. При этом подчеркивается, что ни один собор прямо не осудил учение Оригена по вопросу о предсуществовании и переселении душ.

Abstract
The article analyzes the issues of condemnation of the doctrine of Origen. The analysis of the topic of the research based on the works of church historians Socrates Scholasticus, Evagrius Scholasticus, ecclesiastical writer Jerome of Stridonium, antiheretic Epiphanius of Salamis, Photius I of Constantinople and on the works of Origen. On the basis of historical facts, the authors showed that in the time of life of Origen his doctrine had never been condemned in connection with any of its provisions. However, in the V–VI centuries denunciation of Origen have begun to emerge among Christian theologists. Certain preconditions of the beginning of the condemnation was that Origen himself ambiguously had suggested that souls transmigrate to another body according to their deeds in a previous life. Originally, although indirectly, he adhered to reincarnation, but later he had begun to criticized this concept, this has given rise to accusation from his opponents. Opponents proved that Origen had adhered to the pre-existence of soul based on the Origen's works, for example, «On the First Principals». Furthermore, as reflected in the article, liberal interpretations of ideas of Origen by representatives of various heretical currents had distorted numerous provisions of his doctrine, which had been referred to by himself in the time of his life. The origenian disputes had been especially true in VI century at two Ecumenical Councils, that took place in Constantinople in 543 and 553 at the initiative of Justinian the Great. In addition, the authors note that none of Ecumenical Councils has condemned the doctrine of Origen.

Ключевые слова: Ориген, оригеновские споры, предсуществование души, реинкарнация, Пятый Вселенский собор, Александрийская школа.
Keywords: Origen, origenian disputes, the pre-existens of souls, reincarnation, Fifth Ecumenical Council, the school of Alexandria.

Личность Оригена – крупнейшего христианского богослова (ок. 185–254) [Clark, 1987; Crouzel, 1989; Clark, 1992; Gasparro, 2003], доникейского «отца церкви», руководителя школы в Александрии и Кесарии – еще при его жизни вызывала большое количество споров. Хронология рассматриваемого вопроса обусловлена тем, что именно в этот период происходит выделение в среде крупных интеллектуалов группы последователей учения Оригена и его оппонентов, а также тем фактом, что в IV–VI вв. осуждение оригеновского учения имело интересную активную динамику, причем не только в контексте своей содержательной части, но и в рамках трансформации отношения к учению в разрезе взглядов отдельных христианских богословов.

Предметом исследования в статье выступает само учение Оригена о предсуществовании и переселении душ, а также процесс его осуждения высшими церковными иерархами в рассматриваемый период времени. Выбор данного предмета определяется тем, что вопросы «миграции» души и её существования до переселения в тело представляются наиболее полемичными во всем оригеновском учении как в период поздней античности, так и в исследованиях современных западных и отечественных ученых.

Ориген жил в Александрии – городе, который на протяжении нескольких веков сохранял статус интеллектуальной Мекки античности, сочетавший в себе различные элементы научной и религиозной эклектики. Подобное обстоятельство не могло не отразиться на взглядах Оригена, которые постепенно трансформировались от строгой ортодоксальности к культурно-религиозной эклектике, хотя и скрытого толка [Chadwick, 1966; Scott, 1991]. Кроме того, Ориген был учеником Климента Александрийского и, как сообщает Евсевий Кесарийский, возможно, Аммония Саккаса (Euseb., Hist. eccl. VI) [Hornschuh, 1960, p. 1–25, 193–214; Theiler, 1966, p. 1–45; Edwards, 1993, p. 1–43; Barbanti, 2002, p. 355–373; Digeser, 2012; Hanson, 2015], вследствие чего мог целенаправленно стремиться к продолжению работы по синтезированию христианства и язычества.

На первых этапах своей профессиональной деятельности Ориген пользовался большим уважением в христианском сообществе (Euseb., Hist. eccl. VI) [Cadiou, 1935, p. 184–198]. Авторитет Оригена был заметен не только в среде мирян, но и у александрийского духовенства. Подтверждением этому является тот факт, что александрийский епископ Димитрий назначил Оригена руководителем Александрийской школы [1]. Ухудшение отношений между Димитрием и Оригеном стало первым сигналом к последующему осуждению Оригена. Поскольку мы придерживаемся той точки зрения, что Ориген за свое учение при жизни осужден не был, отдельное внимание вопросу прижизненного опровержения взглядов александрийского мыслителя в рамках данной статьи не уделяется [2].

Постепенно рост авторитета александрийского мыслителя привел к тому, что на оригеновское учение стали ссылаться представители отдельных религиозных течений для подтверждения собственных воззрений (Euseb., Hist. eccl. VI). Попытки Оригена «сбалансировать» христианство и язычество вынуждали и тех, и других обращаться к его трудам, выбирая именно то, что подчеркивало их собственные идеи. Постепенно стали распространяться книги, представлявшие собой компиляции взглядов Оригена в произвольной форме [3].

Своеобразной точкой отсчета в формировании оригеновской оппозиции стал трактат Памфила Мученика «Апология Оригена», который являлся ответом на письмо испо-

[1] На это прямо указывает Евсевий: «Оригену было 18 лет, когда он стал во главе училища для оглашаемых, ... а труд оглашения поручен епископом Димитрием ему одному …» (Euseb., Hist. eccl. VI).

[2] В данном случае мы полагаем, что причины противостояния были связаны не с догматическими взглядами Оригена, а с тем, что Димитрий и Ориген по-разному смотрели на канонические правила, принятые в Александрийской церкви.

[3] Сам Ориген об этом писал следующим образом: «Если кто верит мне, который говорит пред лицом Самого Бога, тот пусть верит и в том, что говорю я о вымыслах и вставках, внесенных в письмо мое; а кто не верит, но хочет говорить обо мне худо, тот будет лжесвидетелем пред Богом». Ссылку на это мы находим у его «главного» переводчика Руфина. Иероним, пребывая в Кесарии, имел возможность ознакомиться с письмами Оригена, поэтому осознавал, что история с подлогом вполне достоверна.

ведников, находившихся на рудниках в Фэно [4]. До издания Константином Медиоланского эдикта исповедники-пустынножители пользовались среди христиан большей популярностью, чем церковный клир. Для того чтобы оправдать себя в их глазах [5], Памфил пишет свою «Апологию», обращая внимание на главное, по его мнению, место расхождения взглядов Оригена и пустынножителей – вопрос реинкарнации. Интересен тот факт, что в большей своей части книга посвящена доказательству того, что Ориген не проповедовал идею реинкарнации, но при этом в работе явно существовали попытки найти обратные доказательства. Возможно, сами исповедники были к этому причастны. Если на самом деле в роли обвинителей здесь выступали исповедники, то степень доверия к ним в отношении критики реинкарнации Оригена существенно снижается, поскольку маловероятно, что им были доступны сочинения христианского учителя, а, следовательно, они узнавали о его идеях по пересказам. При этом некоторые авторы обращают внимание на то, что и сам Памфил не имел доступа к трудам Оригена, чтобы дать им подробный анализ, в том числе и по рассматриваемому предмету. Однако после смерти Памфила «Апологию» дописывал Евсевий, ставший епископом Кесарийским, что означало автоматическое получение доступа к литературному наследию Оригена [6]. Кроме того, в распоряжении Евсевия была личная переписка и воспоминания Оригена, которые сохранили ученики мыслителя из Александрии и Кесарии. Стоит отметить, что сохранившиеся фрагменты «Апологии» скорее подтверждают то, что Ориген не придерживался идеи реинкарнации, поскольку Евсевий и Памфил являлись её последователями, и если бы подобные теории были близки Оригену, то или Памфил, или Евсевий упомянули бы об этом, подтверждая собственные воззрения [Edwards, 1995, p. 502–518].

Одним из первых оппонентов Оригена в IV веке был Епифаний Кипрский, который две главы своего труда «Панарион» назвал «Об Оригене, который зовется Адамантовым» и «Об оригенистах первых – они же срамные». Здесь мы встречаем одно из первых употреблений термина «оригенисты», но примечательно, что сам автор не знает, кого именно он к ним относит: «Некоторые еретики называются оригенистами; этот род ереси находится не везде. По моему мнению, и эта ересь явилась вслед за теми ересями. А отчего именуются они оригенистами, не совсем ясно мы знаем, – от Оригена ли Адамантового, прозванного Синтактом (сочинителем), или от кого-нибудь другого, – не знаю. Впрочем, это название у нас принято» (Epiph. Cypr. Panar.).

Вначале Епифаний дает положительную оценку личности Оригена, указывая на его подвижническую жизнь, образованность и авторитет в обществе. Однако ниже он отмечает, что основной причиной, по которой Ориген оказался в ситуации опровержения, стало его нежелание пояснять смысл сказанного (Epiph. Cypr. Panar. 64). Очевидно, Епифаний выделял несколько (как минимум две) групп оригенистов: одних он причислял к последователям самого Оригена, не наделяя их негативными чертами, а вторых называл «срамными», но не определял их прямого отношения к Оригену (Epiph. Cypr. Panar.). Самым серьезным обвинением Епифания стало то, что ересь Оригена, по его мнению, касалась сомнения относительно Божества и давала повод к возникновению арианской ереси (Epiph. Cypr. Panar.). На связь Оригена с истоками арианства указывает и Иероним Стридонский в письме к Паммахию и Океану: «Исповедали то, что отрицалось, и о том, о чем никто не спорил, умолчали, хотя косвенно осудили Оригена как источник Ария; ибо, осуждая отвергавших, что Сын есть от существа Отчего, осудили равно его и Ария» [Ориген и Св. Предание… 2010, с. 25].

[4] Пустыня к югу от Мертвого моря.

[5] Исповедники не принимали учение Оригена.

[6] После того, как Ориген покинул Александрию, соблюдая решения собора, созванного Димитрием, он переселился в Кесарию Палестинскую, где написал значительное количество трудов, которые бережно сохраняли кесарийские епископы, в частности, епископ Александр.

Более очевидными оригеновские реинкарнационные споры становятся в V веке. Начало им было положено епископом Александрии Феофилом, который в Пасхальном послании выдвинул обвинение против Оригена в том, что тот поддерживал идею о переселении душ [Болотов, 1999, с. 402; Jacobsen, 2003, p. 649–656]. Интересен тот факт, что изначально Феофил был, скорее, оригенистом. Так, он выступал с критикой так называемых антропоморфитов, представлявших Бога в чувственном, телесном образе, о чем он упомянул в Пасхальном послании 399 г. Однако идеи телесности Бога придерживались монахи, жившие в пустыне, у которых это послание вызвало возмущение. Чтобы избежать монашеского недовольства и, возможно, даже расправы над собой, Феофил принял сторону противников Оригена. В отношении того, почему Феофил поменял свою позицию относительно оригеновского учения, существуют и иные версии, однако это должно стать предметом специального исследования.

Последователь и племянник Феофила Кирилл Александрийский в отношении Оригена придерживался аналогичных взглядов. Так, обращаясь к монахам, проживавшим в Фуе, он отмечал, что Ориген извратил истину и впал в заблуждение [Ориген и Св. Предание… 2010, с. 16]. В данном послании упоминается и ключевая причина этого «заблуждения»: «….Ибо он говорит, что души существовали прежде тел, и от дел святых они увлеклись в злые похоти и удалились от Бога, а за это Он осудил их и отелесил, и они находятся во плоти, как в темнице» [Ориген и Св. Предание… 2010, с. 16].

Официальное осуждение Оригена состоялось в конце 399 – начале 400 г. на соборе в Александрии, который был созван по инициативе патриарха Феофила [Banev, 2015, p. 35–36]. Сохранились сведения о вынесении данного решения в посланиях Феофила, в которых сообщается, что сочинения Оригена были осуждены в присутствии монахов и епископов [Banev, 2015, p. 37]. Палладий, напротив, утверждал, что епископы были лишены возможности высказать свое мнение, поскольку Александрийский епископ, согласно церковному праву Египта, имел право единоличного принятия решений [Banev, 2015, p. 37].

После проведения собора патриарх обратился к Римскому папе Анастасию I, официально утвердившему осуждение. Обращает на себя внимание второе синодальное послание Феофила к епископам Палестины и Кипра, в котором он указывает на то, что Нитрийский собор единогласно осудил такие книги Оригена, как «О началах», «О молитве» и «О воскрешении». В тексте послания Феофил указал, что его стремление к осуждению оригеновских взглядов производится не на основе умозрительных обвинений и слухов, а в ходе точного и справедливого расследования. Подобные заключения, по большей части, представляют собой желание Феофила оправдать свои действия в глазах церковного клира и монахов целесообразностью и разумностью осуществляемых поступков.

Роль Феофила в осуждении учения Оригена достаточно очевидна. Пытаясь укрепить свою власть, значительная доля патриархов, в том числе и александрийских, фактически выбирала для себя оппонента с целью развенчать мифы об авторитетности того или иного автора. Такая традиция оппонирования в ранних богословских спорах автоматически приводила церковных иерархов к закреплению тех догматов, с помощью которых им было легче удерживать свою власть. Стоит отметить, что на протяжении V века о каких-либо серьезных предметных дискуссиях относительно учения Оригена у других христианских богословов мы не слышим [Диакон Андрей Кураев, 2001] [7].

Особого внимания заслуживают оригеновские споры VI века, поскольку в этот период они уже носили не просто интеллектуальный, а стали приобретать институциональный характер. Начало им было положено на Пятом Вселенском соборе, проходившем в Константинополе в 553 г. Собор был созван по инициативе императора Юстиниана. Вер-

[7] Лишь один эпизод с указанием на околоцерковность взглядов Оригена мы находим у Захарии Ритора в «Церковной истории» и несколько неубедительных аргументов у Антипатра Бострийского в его «Опровержении Апологии Евсевия Кесарийского в защиту Оригена». Оба произведения датируются примерно 440-ми гг.

сия о том, что Пятый Вселенский собор был посвящен осуждению Оригена, берет свое начало с «Хронографии» Феофана Исповедника, который писал, что «в этом году был святой и вселенский пятый Собор против Оригена суемудренного и Дидима невидящего, и Евагрия, и их еллино-мудренной болтовни, а равно и против безглавых глав» [Диакон Георгий Максимов, 2013; Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана…, 1884, с. 176]. Именно тот факт, что Ориген стоит первым в ряду богословов, преданных анафеме, и стал поводом к разворачиванию тезиса о том, что собор был созван «ради» Оригена.

Основной целью созыва собора было решение вопроса о справедливости учения трех несторианских епископов – Феодора Мопсуестийского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского. Созыв собора объяснялся тем, что Халкидонский собор 451 г., осудив монофизитов и несториан, не осудил этих трех епископов, что вызывало подозрения в сочувствии православных иерархов Константинопольской и других церквей несторианам. Для того чтобы устранить поводы для домыслов, император Юстиниан издал указ, в котором отдельные главы были посвящены осуждению трех епископов, но поскольку данный указ не был признан представителями Западной церкви и церкви в Африке, возникла необходимость созыва собора для решения спора о так называемых «Трех главах».

На Соборе присутствовало 165 епископов под руководством патриарха Константинопольского Евтихия [8]. Дело о «Трех главах» рассматривалось на восьми заседаниях собора, которые проходили с 4 мая по 2 июня 553 г. Относительно самого повода созыва собора следует упомянуть, что анафеме официально был предан Феодор Мопсуестийский, а Феодорит Кирский и Ива Эдесский были осуждены лишь за отдельные сочинения.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что ни одно заседание собора не было проведено специально для осуждения Оригена. Его имя упоминалось на соборе дважды – в рамках 5-го и 8-го заседаний. На пятом заседании он упоминался как один из тех представителей-еретиков, которые подлежат осуждению. На восьмом заседании подтверждалось осуждение и анафематствование Оригена, а помимо него еще Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия [Ориген и Св. Предание…, 2010, с. 214]. Стоит отметить, что если предположить, что все они были подвергнуты осуждению за свои размышления о перерождении души, то это явно бездоказательно, учитывая, что никого из них (кроме Оригена) в этом не обвиняли. Следовательно, собор не созывался для осуждения учения Оригена о переселении душ. Кроме того, если говорить о том, что Ориген был предан анафеме за подобные размышления, то это тоже вряд ли можно назвать реальным поводом для созыва вселенского собора. Вероятнее всего, собор просто подтвердил раннее осуждение Оригена. В послесоборных посланиях [9] также нет упоминаний об осуждении Оригена, оригенизма или его учения о переселении душ.

Диакон Георгий Максимов в своей статье «Пятый Вселенский собор и осуждение оригенизма» выдвигает несколько иную версию [Диакон Георгий Максимов, 2013]. Со ссылкой на Евагрия Схоластика он упоминает смуту в Палестине, возникшую из-за монахов оригенистской направленности, которым покровительствовал Феодор Аскида, приближенный к императору Юстиниану [Диакон Георгий Максимов, 2013; Egmond, 2013, p. 631–647] [10]. Для того чтобы отвлечь внимание императора от смуты, Феодор перевел вектор на Феодора Мопсуестийского, Феодорита Кирского и Иву Эдесского, тем самым

[8] Примечательно, что папа Римский Вигилий отказался участвовать в соборе, несмотря на неоднократное официальное приглашение и личное присутствие в Константинополе. В результате император наказал Вигилия отлучением от церкви. Несмотря на то, что в дальнейшем папа Римский согласился с постановлением собора, долгое время вся область Аквилейского митрополита находилась в состоянии раскола.

[9] Собрания, которые посылали участники собора отсутствующим епископам с целью уведомления о соборных решениях.

[10] А.В. Карташев указывает на то, что Феодор Аскида относился к монахам палестинских монастырей Мар-Саба (т. е. св. Саввы) и Новой Лавры в Фекое (Текуа) около Вифлеема, которые увлеченно поддерживали оригеновские идеи о предсуществовании и переселении душ [Карташев, 2002].

неожиданно для себя приведя церковную власть к осуждению Оригена [Диакон Георгий Максимов, 2013].

Несмотря на то, что сочинение Евагрия Схоластика дает нам несколько большую почву для размышлений, все же мы видим, что упоминание Оригена как еретика проходит второй, если не третьей темой на соборе. И, безусловно, мы в очередной раз можем подтвердить тезис о том, что учение Оригена о переселении душ на нем специально не рассматривалось. Относительно же роли Феодора Аскиды в созыве Пятого Вселенского собора можно предположить, что его действия были лишь предпосылкой осуждения оригеновского учения. Гораздо очевиднее, что процесс осуждения учения Оригена начался с Юстиниана, который преследовал куда более глобальные цели: устраняя очаги еретических движений, он пытался сплотить империю и укрепить государственную власть.

Другие исследователи отмечают, что собор, на котором были произнесены обличительные речи против Оригена, состоялся в 543 г. по обращению Саввы Освященного к императору Юстиниану с просьбой побороть беспорядки, которые устроили в его монастыре оригенисты [Egmond, 2013, p. 631–647]. Император изучил сочинения Оригена и отправил послание константинопольскому патриарху Мине с распоряжением осудить оригеновское учение. Здесь следует отметить, что, несмотря на то, что Юстиниан воспринял работы александрийского мыслителя как еретические, он не сделал ни одной пометки относительно убежденности Оригена в переселении душ. Безусловно, сам факт отсутствия замечаний по этому вопросу Юстиниана есть argumentum ex silentio, однако следует предположить, что именно такое размытое осуждение, вне контекста и без привязки к определенным положениям учения, отразилось на самом характере осуждения.

Полагаем, что версия о том, что Ориген обвинялся в «пособничестве идеи реинкарнации», связана с посланием 553 г., которое Юстиниан отправил участникам собора и отметил, что осуждающе относится к теме реинкарнации, которую в своих работах инициировали Пифагор, Платон и Плотин (то есть фактически были выдвинуты обвинения против всего неоплатонизма и неопифагорейства) [Böhm, 2002, p. 7–23]. Следует считать данную аргументацию вполне логичной, поскольку к этому периоду неоплатонизм все чаще стал подвергаться нападкам со стороны христианских властей.

В целом относительно темы осуждения оригенизма на Пятом Вселенском соборе можно сказать, что, вероятно, на соборе была подтверждена ересь Оригена посмертно, однако тема реинкарнации не поднималась. Дальнейшие обвинения Оригена в приверженности идее реинкарнации были связаны с тем, что церковь укрепляла свои позиции и называла еретическими все учения, в которых прямо или косвенно имели место тезисы, не соответствующие ортодоксальной доктрине. Причем, следует заметить, что последующие церковные иерархи субъективно-выборочно подходили к оценке учений того или иного автора, иначе сложно объяснить, почему тезисы о предсуществовании души и даже реинкарнации встречаются опосредованно у многих богословов (например, у Дионисия Александрийского), однако анафеме были подвергнуты не все они. Очевидно, что Константинопольские соборы осудили предпосылки, на которых могла строиться оригеновская доктрина реинкарнации [11], но с формальной точки зрения само учение о переселении душ осуждено не было.

В отечественной науке существуют и существовали версии о том, что учение Оригена было осуждено еще до открытия собора [Поснов, 1964, с. 443]. Однако очевидно, что осуждение учения и официальная анафема богослова – это несколько разные вещи. В целом большая часть авторов склоняется к версии о том, что собор не осуждал учение Оригена и не предавал анафеме саму его личность.

[11] Поскольку если нет предсуществования душ, если душа творится вместе с телом, то и предшествующих жизней также не существует.

Тем не менее сама идея реинкарнации опосредованно содержалась в работе Оригена «О началах». Обратим внимание на следующие цитаты: «только этим учением[12] и можно защитить правду Божью во всех распоряжениях Бога относительно этих тварей, потому что по этому учению каждая тварь в самой себе имеет причины того, что она находится в том или ином порядке жизни» [Ориген, 2008, с. 282], или ««Умирающие здесь обыкновенною смертью распределяются на основании дел, совершенных здесь, так что признанные достойными так называемой адской страны получают разные места, соответственно своим грехам. Также, может быть, и те, которые, так сказать, умирают там (на небе), нисходят в этот ад, признанные достойными обитать в различных, лучших или худших, жилищах на всем земном пространстве и родиться от таких или иных родителей, так что израильтянин может когда-нибудь попасть в число скифов, а египтянин – перейти в Иудею» [Ориген, 2008, с. 307–308]. В первом случае мы видим указание Оригена на зависимость поступков человека от его жизни, в некотором смысле мы можем полагать, что он имел в виду жизнь земную, если бы не вторая цитата, в которой он прямо указывает на подобную зависимость. Однако в своих последующих произведениях [13] Ориген, напротив, выступил с резкой критикой реинкарнации: «Допущение метемпсихозы или перевоплощения душ несовместно с кончиной мира, которую ясно утверждает Писание. Ибо если предположим, что всякая душа в течение нынешнего порядка вещей от начала и до конца мира воплощается не более как два раза, спрашивается: зачем она воплощается во второй раз?» [Origen. Commentary, 2019]. На наш взгляд, такое разноголосье в оценках Оригена, прежде всего, связано с внутренней борьбой Оригена относительно собственных взглядов на реинкарнационные процессы. Поэтому очевидно, что он пытался высказать эту идею вскользь, оставив принятие решений своему читателю. Подобная лояльность в дальнейшем самому Оригену «сослужила плохую службу» и привела к посмертной анафеме.

В заключение следует сделать следующие выводы:

– при жизни Ориген пользовался большим авторитетом как в среде церковных иерархов, так и у александрийской паствы;

– официальное осуждение Оригена состоялось в 543 и 553 гг. на соборах, созванных по инициативе императора Юстиниана, при этом на данных соборах не было осуждено учение о переселении и предсуществовании душ. Все обвинения в основном сводились к ереси Оригена в целом, а не к отдельным фрагментам его учения;

– вопрос относительно того, имели ли место в учении Оригена вопросы реинкарнации и предсуществования души, вероятнее всего, подлежит дальнейшей, более тщательной разработке. Однако мы можем утверждать, что тезис о предсуществовании души встречается в учении Оригена, в частности в его труде «О началах», а реинкарнационное учение имело двоякую трактовку, что, на наш взгляд, подтверждает версию о том, что Ориген в силу своей образованности и эклектики взглядов не мог категорично утверждать идею реинкарнации, но и не отрицал её с должным рвением. Кроме того, Ориген жил в порубежное время и был убежденным христианином, что заставляло его расширять число христианских последователей из представителей языческой среды. В этой связи занимать однозначную позицию по вопросам реинкарнации Ориген явно не мог.

В целом, полагаем, что перманентное стремление Оригена занять разные позиции в рассматриваемом вопросе привело его к дальнейшему осуждению, процесс которого также складывался стихийно. Однако ортодоксальность взглядов и жизненного пути самого Оригена, в некоторых аспектах граничившая с его любовью к античному наследию [Runia, 2003, p. 43–48], не позволила церковным иерархам «освободить» христианского богослова от последующей анафемы [Williams, 1999, p. 3–14].

[12] Имеется в виду учение о предсуществовании душ.

[13] В частности, имеем в виду «Толкование на Матфея».

Список литературы

1. Болотов В.В. 1879. Учение Оригена о Святой Троице. СПб., Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 452.

2. Диакон Андрей Кураев. 2001. Раннее христианство и переселение душ. https://azbyka.ru/rannee-xristianstvo-i-pereselenie-dush#b645 (дата обращения: 05.01.2020)

3. Диакон Георгий Максимов. 2013. Пятый Вселенский собор и осуждение оригенизма. http://www.pravoslavie.ru/63080.html (дата обращения: 05.01.2020)

4. Карташев А.В. 2002. Император Юстиниан I Великий (527–565 гг.) и V Вселенский собор / Вселенские соборы. https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory/ (дата обращения: 05.01.2020)

5. Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. 1884–1887. В пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского; с предисл. О.М. Бодянского. М., Университетская типография, 370.

6. Ориген. 2008. О Началах. Против Цельса. М., Библиополис, 792.

7. Ориген и Св. Предание. Святые отцы и православные богословы об Оригене. 2010. Сост. свящ. Алексий Петухов. СПб., Аксион эстин, 43.

8. Поснов М.Э. 1964. История христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054). Брюссель, Жизнь с Богом, 614.

9. Banev K. 2015. Theophilus of Alexandria and the First Origenist Controversy: Rhetoric and Power. Oxford, Oxford University Press, 256.

10. Barbanti M. 2002. Origene di Alessandria e la scuola di Ammonio Sacca. HENOSIS KAI PHILIA = Unione e amicizia: Omaggio a Francesco Romano. Ed. by Maria Barbanti, Giovanna Rita Giardina, Paolo Manganaro. Catania, CUECM, 355–373.

11. Böhm T. 2002. Origenes, Theologe und (Neu-) Platoniker? Oder: wem soll man misstrauen, Eusebius oder Porphyrius? Adamantius, 8: 7–23.

12. Cadiou R. 1935. La jeunesse d'Origène: Histoire de l'école d'Alexandrie au début du IIIe siècle. Etudes de Théologie Historique, 17: 184–198.

13. Chadwick H. 1966. Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen. Oxford, Oxford University Press, 512.

14. Clark E.A. 1987. The Place of Jerome's Commentary on Ephesians in the Origenist Controversy: The Apokatastasis and Ascetic Ideals. Vigiliae Christianae. Vol. 41, № 2: 154–171.

15. Clark E.A. 1992. The Origenist Controversy: The Cultural Construction of an Early Christian Debate. Princeton, Princeton University Library, 287.

16. Crouzel H. 1989. Origen: The Life and Thought of the First Great Theologian. San Francisco, 278.

17. Digeser E. 2012. A threat to public piety: Christians, Platonists, and the great persecution. Cornell, 218.

18. Edwards M.J. 1993. Ammonius, Teacher of Origen. Journal of Ecclesiastical History, 44: 1–43.

19. Edwards M.J. 2002. Origen against Plato. Ashgate, 191.

20. Edwards M.J. 1995. Origen's Two Resurrections. Journal of Theological Studies, 46: 502–518.

21. Egmond P. van. 2013. Pelagius and the Origenist Controversy in Palestine. Studia Patristica. Vol. LXX. Leuven – Paris, Peeters, 631–647.

22. Gasparro G. 2003. Origene e la magia: teoria e prassi. Origeniana VIII. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 733–756.

23. Hanson R. 2015. Origen's Doctrine of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 260.

24. Hornschuh M. 1960. Das Leben des Origenes und die Entstehung der alexandrinischen Schule. ZKG. 71, 1–25: 193–214.

25. Jacobsen A.-C. 2003. Origen on the Human Body. Origeniana VIII. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 649–656.

26. Nautin P. 1977. Origene. Sa vie et son oeuvre. Paris, Edition, 474.

27. Origen. Commentary on the Gospel of Matthew. 2019. From Ante-Nicene Fathers, Vol. 9. Ed. by Allan Menzies. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co. http://www.newadvent.org/fathers/1016.htm

28. Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana Octava. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 43–48.

29. Scott A.B. 1991. Origen and the Life of Stars. Oxford, University Press, 189.

30. Theiler W. 1966. Ammonios der Lehrer des Origenes. Forschungen zum Neoplatonismus. Ed. by W. Theiler. Berlin, de Gruyter, 1–45.

31. Williams R.D. 1999. Origen between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima. Leuven, 3–14.

References

1. Bolotov V.V. 1879. Uchenie Origena o Svyatoj Troice [The Teaching of Origen on the Holy Trinity]. Saint Petersburg, Tipografiya F.G. Eleonskogo i K°, 452.

2. D'akon Andrey Kuraev. 2001. Rannee hristianstvo i pereselenie dush [Early Christianity and the transmigration of souls]. Available at: https://azbyka.ru/rannee-xristianstvo-i-pereselenie-dush#b645 (accessed: 05.01.2020)

3. D'akon Georgiy Maksimov. 2013. Pyatyj Vselenskij sobor i osuzhdenie origenizma [The Fifth Ecumenical Council and the condemnation of Origenism]. Available at: http://www.pravoslavie.ru/63080.html (accessed: 05.01.2020)

4. Kartashev A.V. 2002. Imperator Yustinian I Velikij (527–565 gg.) i V Vselenskij sobor [Emperor Justinian I Great (527–565) and V Ecumenical Council]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory (accessed: 05.01.2020)

5. Letopis' Vizantijca Feofana ot Diokletiana do carej Mihaila i syna ego Feofilakta 1884–1887 / V per. s grech. V.I. Obolenskogo i F.A. Ternovskogo; S predisl. O.M. Bodyanskogo [Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to the kings Michael and his son Theophylact]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 370.

6. Origen. 2008. O Nachalah. Protiv Cel'sa [About the beginning. Against Celsus]. Moscow, Bibliopolis, 792.

7. Origen i Sv. Predanie. Svyatye otcy i pravoslavnye bogoslovy ob Origene. 2010. Sost. svyashch. Aleksij Petuhov [Origen and St. Tradition. The Holy fathers and Orthodox theologians on the Origen]. Saint Petersburg, Aksion estin, 43.

8. Posnov M. Je. 1964. Istoriya hristianskoj Cerkvi (do razdeleniya Cerkvej – 1054) [The history of the Christian Church (before the separation of the Churches – 1054)]. Brjussel', Zhizn' s Bogom, 614.

9. Banev K. 2015. Theophilus of Alexandria and the First Origenist Controversy: Rhetoric and Power. Oxford, Oxford University Press, 256.

10. Barbanti M. 2002. Origene di Alessandria e la scuola di Ammonio Sacca. HENOSIS KAI PHILIA = Unione e amicizia: Omaggio a Francesco Romano. Ed. by Maria Barbanti, Giovanna Rita Giardina, Paolo Manganaro. Catania, CUECM, 355–373.

11. Böhm T. 2002. Origenes, Theologe und (Neu-) Platoniker? Oder: wem soll man misstrauen, Eusebius oder Porphyrius? Adamantius, 8: 7–23.

12. Cadiou R. 1935. La jeunesse d'Origène: Histoire de l'école d'Alexandrie au début du IIIe siècle. Etudes de Théologie Historique, 17: 184–198.

13. Chadwick H. 1966. Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen. Oxford, Oxford University Press, 512.

14. Clark E.A. 1987. The Place of Jerome's Commentary on Ephesians in the Origenist Controversy: The Apokatastasis and Ascetic Ideals. Vigiliae Christianae. Vol. 41, № 2: 154–171.

15. Clark E.A. 1992. The Origenist Controversy: The Cultural Construction of an Early Christian Debate. Princeton, Princeton University Library, 287.

16. Crouzel H. 1989. Origen: The Life and Thought of the First Great Theologian. San Francisco, 278.

17. Digeser E. 2012. A threat to public piety: Christians, Platonists, and the great persecution. Cornell, 218.

18. Edwards M.J. 1993. Ammonius, Teacher of Origen. Journal of Ecclesiastical History, 44: 1–43.

19. Edwards M.J. 2002. Origen against Plato. Ashgate, 191.

20. Edwards M.J. 1995. Origen's Two Resurrections. Journal of Theological Studies, 46: 502–518.

21. Egmond P. van. 2013. Pelagius and the Origenist Controversy in Palestine. Studia Patristica. Vol. LXX. Leuven – Paris, Peeters, 631–647.

22. Gasparro G. 2003. Origene e la magia: teoria e prassi. Origeniana VIII. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 733–756.

23. Hanson R. 2015. Origen's Doctrine of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 260.

24. Hornschuh M. 1960. Das Leben des Origenes und die Entstehung der alexandrinischen Schule. ZKG. 71, 1–25: 193–214.

25. Jacobsen A.-C. 2003. Origen on the Human Body. Origeniana VIII. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 649–656.

26. Nautin P. 1977. Origene. Sa vie et son oeuvre. Paris, Edition, 474.

27. Origen. Commentary on the Gospel of Matthew. 2019. From Ante-Nicene Fathers, Vol. 9. Ed. by Allan Menzies. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co. http://www.newadvent.org/fathers/1016.htm

28. Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana Octava. Origen and the Alexandrian tradition. Ed. L. Perrone. Vol. I–II. Leuven, University press, 43–48.

29. Scott A.B. 1991. Origen and the Life of Stars. Oxford, University Press, 189.

30. Theiler W. 1966. Ammonios der Lehrer des Origenes. Forschungen zum Neoplato-nismus. Ed. by W. Theiler. Berlin, de Gruyter, 1–45.

31. Williams R.D. 1999. Origen between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima. Leuven, 3–14.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Зайцева И.В. 2020. Осуждение оригеновского учения о предсуществовании и переселении душ в IV–VI вв. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 259–268. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-259-268.

Zaitseva I.V. 2020. Condemnation of the doctrine of Origen about the pre-existence of souls and reincarnation in the IV–VI centuries A. D. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 259–268 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-259-268.

УДК 94(3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-269-273

ПАЛЕСТИНСКОЕ МОНАШЕСТВО, ЕГО РОЛЬ В БОГОСЛОВСКИХ СПОРАХ IV–VII ВВ.

PALESTINIAN MONASTERY, ITS ROLE IN THEOLOGIAN DISPUTES IN IV–VII CENTURIES

А.Д. Стржалковская
A.D. Strzhalkovskaya

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Аннотация
Зарождение монашества в Византии связано с эпохой Константина Великого. Причинами роста монашества стало то, что в государстве при Константине христианство перестало быть гонимой религией. Большое количество людей вовлекалось в монашеское движение, и христианская Церковь как организация и общественный институт создала уставы для монастырей. Монахи и монастыри полностью контролировались церковными властями. На протяжении всей дальнейшей истории Византийской империи монашество занимало важное место не только в духовной жизни государства, но в политической, экономической и общественной его жизни. В богословских спорах монашество также принимало активное участие. Одним из таких противостояний стал оригеновский спор. После смерти основателя Великой лавры Саввы Освященного оригенисты открыто стали распространять свое учение. В результате после осуждения оригенизма на V Вселенском соборе монахи, не признававшие его постановлений, были изгнаны, что привело к упадку монашества в Палестине.

Resume
The origin of monasticism in Byzantium is associated with the era of Constantine the Great. The reasons for the growth of monasticism was the fact that in the state under Constantine, Christianity ceased to be a persecuted religion. Therefore, from the 4th century, monasticism begins its dawn. A lot of people become involved in the monastic movement, and the Christian Church, as an organization and public institution, creates charters of life for monastic. Monks and monasteries were completely controlled by church authorities. The Monks and monasteries were completely controlled by church authorities. Throughout the entire history of the Byzantine Empire, monasticism occupied an important place not only in the spiritual life of the state, but in its political, economic, and social life. With the participation in theological disputes, Byzantine monasticism also took an active part. One such confrontation was the Origen dispute. After the death, the founder of the Great Lavra, Savva the Consecrated, the Origenists openly began to spread their teachings first within the walls of their monastery, and then in other monasteries. As a result, after the condemnation of Origenism at the V Ecumenical Council, monks who did not recognize its decisions were expelled, which led to the decline of monasticism in Palestine.

Ключевые слова: Ориген, Палестина, монашество, обитель, лавра, оригенизм, заблуждения, осуждение.
Keywords: Origen, Palestine, monasticism, monastery, laurel, Origenism, fallacies, condemnation.

Зарождение монашества как явление связано с эпохой Константина Великого [Ramsay, 2004; Schwartz, 1998]. Вероятно, ранее были отдельные подвижники, аскеты, пустынники, но это были единичные случаи, и они не отличались массовостью. IV век положил началу монашества в империи в известной и сегодня форме с общежительным уставом и определенными правилами.

Причинами такого роста монашества послужил тот факт, что в государстве при императоре Константине христианство перестало быть гонимой религией, и его можно было исповедовать повсеместно и беспрепятственно [Поснов, 1991]. Именно по этой причине христианам не надо было уже доказывать свою силу веры и проходить испытания или жертвовать собой во имя Христа, как это было в периоды гонений. Тогда появился новый способ испытать себя и свою силу веры – это уход от всего мирского и отказ от всех благ, посвящение своей жизни Богу [Ruphini, 1898]. Поэтому с IV века начался расцвет монашества [Преп. Антоний, 2010]. А в V–VI веках число монастырей значительно выросло.

На протяжении всей дальнейшей истории Византийской империи монашество занимало важное место не только в духовной жизни государства, но в политической, экономической и общественной его жизни. Большое количество людей вовлекалось в монашеское движение, и христианская Церковь как организация и общественный институт создала уставы для монастырей, особые сборники правил, по которым должны жить монахи [Древние иноческие уставы, 1892]. С помощью этих уставов монахи и монастыри стали подконтрольными церковной власти, и в самих монастырях появилась власть, назначаемая и контролируемая властью Церкви.

Очень часто монахи становились активными участниками богословских споров в IV–VII вв. В этих спорах монашество часто принимало ту или иную сторону, а иногда монашествующие переходили на еретическую сторону – это происходило по различным причинам. Так это было в случае с оригинизмом.

Учение Оригена [Творения Оригена, 1899] было невероятно популярным именно среди монашествующих, что в дальнейшем вынудило Церковь принять специальные меры. В данном исследовании мы кратко рассмотрим некоторые христианские монастыри, ставшие участниками оригеновских споров. Такие монастыри, по мнению исследователей, находились в большинстве своем в Палестине [Войтенко, 2012]. Несмотря на то, что древнейшим центром христианского монашества оставался Египет, Палестина тоже стала важнейшим центром раннехристианского монашества [Поснов, 1991].

В ранневизантийский период выделяют две основные формы монашества – это лавра, когда отшельники в течение недели жили в отдельных кельях и собирались вместе в общей церкви для совместной молитвы и трапезы, и киновия – где монахи встречались ежедневно. Также существовали отшельники, не имевшие формальной связи с монастырями.

В Палестине специфической формой монашеского общежития стала лавра, которая сочетала в себе и киновитные, и отшельнические черты. Развитие монашества в Иудейской пустыне (Палестине) связывают с именем Евфимия Великого (ум. 473) [Сладкопевцев, 1896, с. 93], основавшего там в начале V века первую лавру. В 429 году, когда преподобному Евфимию было 52 года, Иерусалимский Патриарх Ювеналий освятил лаврскую церковь и поставил в обители пресвитеров и диаконов [Поснов, 1991].

Святой Евфимий Великий несколькими десятилетиями позже стал вдохновителем и основоположником широкого монашеского движения, разлившегося по всем пустыням Палестины [Симонопетрский, 2011].

Основными деятелями этого периода были основатель лавры в Хан-эль-Ахмаре Евфимий Великий (377–473), его друг Феоктист [Сладкопевцев, 1896, с. 108], а также основатель киновитного монашества [Сладкопевцев, 1896, с. 107] Феодосий Великий (423–529) [Сладкопевцев, 1896, с. 135] и основатель существующей до настоящего времени лавры Савва Освященный [Kyrillos, 1939].

Великая лавра преподобного Саввы Освященного сохранилась и до сегодняшнего времени [Норов, 1839, с. 53]. О ее основании в исследовании П.М. Сладкопевцева о палестинских обителях упомянуто следующее: «Основана она в 483 году в Юдоли плача, над пропастью Кедронского потока, в скалах, на расстоянии трех часов хода от Иерусалима» [Сладкопевцев, 1896, с. 167].

По мнению церковных исследователей, эта лавра преподобного Саввы была главенствующей среди иноческих обителей Святой Земли и ее игумен первенствовал в собраниях настоятелей палестинских обителей [Сладкопевцев, 1896, с. 168; Муравьев, 1851, с. 281]. В дальнейшем палестинское монашество, в том числе и монашествующие в Великой лавре, было активно вовлечено в богословские споры V–VI веков [Ruphini, 1898].

Как известно, в начале VI века возобновились споры об учении Оригена, что привело к отделению части монахов от Великой Лавры Саввы Освященного и основанию Новой Лавры. Новая лавра – это обитель преподобного Саввы Освященного, которая сделалась главным центром оригенистов в VI веке [Сладкопевцев, 1896, с. 224]. «Она находилась на Фекойском потоке и возникла в 507 году. Эта лавра была основана самим преподобным Саввой во время возмущения недовольных им иноков, которые удалились из Великой лавры и жили на Фекойских полях, и из-за снисхождения к этим монахам («заблудшим братиям») Савва и основал самую удаленную обитель, Новую Лавру» [Муравьев, 1844, с. 179].

Место, где находилась Новая лавра, в настоящее время известно. Его указывают к югу от мугарат Харитун в Вади эль-Арруб на Фекойском потоке. Развалины эти носят у местных арабов название Хирбет-эль-Куссеир. Они лежат в скалистом ущелье Фекойского потока [Guthe, 1880, S. 39]. Такое положение развалин вполне соответствует месту, на котором, по свидетельству древних писателей, расположена была Новая лавра.

Итак, богословские расхождения в среде иноков лавры начались еще при жизни самого Саввы Освященного в одной из основанных им обителей, особенно в Новой лавре. Появилась богословская проблема, а именно: нашлись четыре инока, державшиеся некоторых мнений Оригена, которые расходились с общепризнанными догматами Древней христианской Церкви; во главе этих иноков стоял некто Нонн [Сладкопевцев, 1896, с. 169].

Позднее, уже после смерти Саввы, оригенисты открыто стали распространять оригеновское учение сначала в стенах своей обители, а потом и в других. Число их быстро увеличивалось. Поддерживал их в тот период Феодор, архиепископ Кесарийский, который имел силу в Константинополе при императорском дворе [Сладкопевцев, 1896, с. 225].

Многие палестинские монастыри были вовлечены в эти события, нередко богословские конфликты среди насельников одного монастыря доходили до насилия и убийства при склонении к той или иной стороне [Brief History]. Все эти события привели к созыву V Вселенского Собора, на котором учение Оригена было фактически осуждено.

В дальнейшем указом императора предписано было убеждать оригенистов и склонять их принимать постановления Собора, а вследствие отказа признать решения собора – изгнать их из лавры.

Оригенисты – иноки Новой лавры – отказались признавать осуждение Оригена и полностью отделились от общения с Церковью. Восемь месяцев патриарх Евстохий убеждал их возвратиться в лоно Церкви, но они отказывались признавать постановления собора. Тогда областной правитель Анастасий изгнал оригенистов не только из Новой лавры, но и из других обителей Палестины [Сладкопевцев, 1896, с. 225]. В результате многие монастыри опустели. Все эти события в достаточной степени не изучены в современной исторической науке и требуют более глубокого изучения.

Частично в связи с этими событиями начался упадок монашества в Палестине, усугублённый вторжением Персии в 614–628 годах и последовавшим за этим арабским завоеванием [Панченко, 2007, с. 68–98].

Несомненно, монашество играло важнейшую роль в общественной, духовной и политической жизни Византийской империи. Оно оказало существенное влияние на разви-

тие богословия и становление христианской Церкви как общественного института в государстве.

При изучении истории оригенизма нам не раз еще придется обратиться к вопросам истории монашества в Палестине и других районах империи.

Список литературы

1. Беляев Д.А. 1903. Православная богословская энциклопедия. Том 4. Петроград. http://www.biblioteka3.ru.html.
2. Болотов В.В. 2006. Лекции по истории Древней Церкви. Санкт-Петербург, Аксион Эстин. Т. 1, 234.
3. Бриллиантов А.И. 2014. Лекции по истории древней церкви. М., Директ-Медиа, 440.
4. Войтенко А.А. 2012. Египетское монашество в IV веке: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М., ЦЕИ РАН, 318.
5. Древние иноческие уставы. Пахомия Великого, Василия Великого, Иоанна Касианина, Венедикта. 1892. М., Типография И. Ефимова, Большая Якиманка, 664.
6. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским. 1890. СПб, Изд. И. Помяловский, 588.
7. Курэ А. 1894. Палестина под властью христианских императоров. СПб., Русский паломник, 635.
8. Муравьев А.Н. 1851. Письма с Востока. СПб., Типография III И.Е.В. канцелярии. В 2 т.
9. Муравьев А.Н. 1844. История святого града Иерусалима. СПб., Типография III И.Е.В. канцелярии, 804.
10. Норов А.С. 1839. Путешествие по Святой Земле. СПб., [б.и.], 167.
11. Панченко К.А. 2007. Монастыри и бедуины в Османской Империи и на Синае (XVI – первая половина XIX в.). Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. № 7: 68–98.
12. Поснов М.Э. 1991. История Христианской Церкви. Киев, Ч. 1.
13. Преподобный Антоний Великий. 2010. Житие и послания. М., ООО «Синтагма», 256.
14. Руфина пресвитера. 1898. Жизнь пустынных отцев. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 120.
15. Симонопетрский М. 2011. Синаксарь: Жития святых Православной Церкви в 6 т. М., Изд-во Сретенского монастыря, 511.
16. Сладкопевцев П.М. 1896. Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники. СПб., Сибирская Благозвонница, 340.
17. Творения Оригена, учителя александрийского. 1899. Казань, Изд-во Казанской духовной академии, 385.
18. Brief History of the Holy Laura of Saint Sabbas. - https://www.impantokratoros.gr/B4A11589.en.aspx
19. Guthe. 1880. Zeitschrift des Deutschen Palastina-Vereins. Bd. 3. 250.
20. Kyrillos von Skythopolis. 1939. Vita Euthymii. Ed. E. Schwartz. Lpz., Teubner, 300.
21. Ramsay W.M. 2004. The church of the Roman Empire before A. D. 170. Kessinger Publishing, 548.
22. Schwartz R.N. 1998. The Roman Empire: a concise history of the first two centuries. University Press of America, 194.

Referenses

1. Belyaev D.A. 1903. Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya [Orthodox Theological Encyclopedia]. Volume 4. Petrograd. http: //www.biblioteka3.ru.html.
2. Bolotov V.V. 2006. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. St. Petersburg, Aksion Estin. T. 1, 234.
3. Brilliantov A.I. 2014. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. M., Direct-Media, 440.
4. Voitenko A.A. 2012. Egipetskoe monashestvo v IV veke: Zhitie prep. Antoniya Velikogo, Lavsaik, Istoriya monahov [Egyptian monasticism in the IV century: Life of St. Anthony the Great, Lavsaik, History of the Monks]. M., CEI RAS, 318.

5. Drevnie inocheskie ustavy. Pahomiya Velikogo, Vasiliya Velikogo, Ioanna Kasianina, Venedikta. 1892 [Ancient monastic charters. Pachomius the Great, Basil the Great, John Cassianinus, Benedict]. M., Printing house of I. Efimov, Bolshaya Yakimanka, 664.

6. Zhitie sv. Savvy Osvyashchennogo, sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim [The Life of St. Sava the Sanctified, composed by St. Cyril Skifopolsky]. 1890. SPb, Publ. I. Pomyalovsky, 588.

7. Kure A. 1894. Palestina pod vlast'yu hristianskih imperatorov [Palestine under the rule of Christian emperors]. SPb., Russian pilgrim, 635.

8. Muravyov A.N. 1851. Pis'ma s Vostoka [Letters from the East]. SPb., Printing house III I.E.V. chancery. 2 t.

9. Muravyov A.N. 1844. Istoriya svyatogo grada Ierusalima [The history of the holy city of Jerusalem]. SPb., Printing house III I.E.V. chancery, 804.

10. Norov A.S. 1839. Puteshestvie po Svyatoj Zemle [Journey through the Holy Land]. SPb., 167.

11. Panchenko K.A. 2007. Monastyri i beduiny v Osmanskoj Imperii i na Sinae (XVI – pervaya polovina XIX v.) [Monasteries and Bedouins in the Ottoman Empire and in the Sinai (XVI – first half of the XIX century)]. Vestnik PSTGU. Seriya 3: Filologiya [Bulletin of PSTGU. Series 3: Philology] No. 7: 68–98.

12. Posnov M.E. 1991. Istoriya Hristianskoj Cerkvi [History of the Christian Church]. Kiev, Part 1.

13. Rev. Anthony the Great. 2010. Zhitie i poslaniya [Life and messages]. M., Syntagma LLC, 256.

14. Rufinus the Presbyter. 1898. Rufina presvitera Zhizn' pustynnyh otcev [The Life of the Desert Fathers]. Sergiev Posad, Holy-Trinity St. Sergius Lavra, 120.

15. Simonopetrskiy M. 2011. Sinaksar': Zhitiya svyatyh Pravoslavnoj Cerkvi v 6 t. [Sinaksar: Zhitiya svyatykh Pravoslavnoy Tserkvi v 6 t.] M., Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 511.

16. Sladkopevtsev P.M. 1896. Drevnie palestinskie obiteli i proslavivshie ih svyatye podvizhniki [Ancient Palestinian monasteries and holy ascetics glorifying them]. St. Petersburg, Siberian Invertebrate, 340.

17. Tvoreniya Origena, uchitelya aleksandrijskogo [Creations of Origen, teacher of Alexandria]. 1899. Kazan, Publishing house of the Kazan Theological Academy, 385.

18. Brief History of the Holy Laura of Saint Sabbas. - https://www.impantokratoros.gr/B4A11589.en.aspx

19. Guthe. 1880. Zeitschrift des Deutschen Palastina-Vereins. Bd. 3. 250.

20. Kyrillos von Skythopolis. 1939. Vita Euthymii. Ed. E. Schwartz. Lpz., Teubner, 300.

21. Ramsay W.M. 2004. The church of the Roman Empire before A. D. 170. Kessinger Publishing, 548.

22. Schwartz R.N. 1998. The Roman Empire: a concise history of the first two centuries. University Press of America, 194.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Стржалковская А.Д. 2020. Палестинское монашество, его роль в богословских спорах IV–VII вв. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 269–273. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-269-273.

Strzhalkovskaya A.D. 2020. Palestinian monastery, his role in theologian disputes in IV–VII centuries. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 269–273 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-269-273.

УДК 94
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-274-284

ЮДЖИН О'КАРРИ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИРЛАНДСКИЕ ТЕКСТЫ *IMMRAMA* («ПЛАВАНИЯ»)

EUGENE O'CURRY AND THE OLD IRISH TEXTS *IMMRAMA* (THE VOYAGES)

А.А. Богданова
A.A. Bogdanova

Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

University of Tyumen, 6 Volodarskogo St, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: bognastia1996@gmail.com

Аннотация
Научное творчество Юджина О'Карри (англ. Eugene O'Curry, ирл. Eoghan Ó Comhraidhe, 1794–1862) является важным этапом как в исследовательской традиции средневековых ирландских текстов «Плавания» (др.-ирл. *Immrama*), так и в изучении средневековой ирландской литературы и истории в целом. Наряду с существованием общих оценок и описаний деятельности Ю. О'Карри в историографии, научно-популярной и биографической литературе, попытки взглянуть на его творчество как на определенный этап изучения конкретных тем получили слабое развитие. Цель настоящей статьи – показать вклад ирландского ученого в историю изучения «Плаваний» и проследить, как выводы относительно данного «жанра» согласуются с общим теоретическим и концептуальным каркасом его работ. Объектом исследования выступают два его капитальных труда: «Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history» (1861) и «On the manners and customs of the Ancient Irish» (1873). Первая часть статьи посвящена теоретическому освещению «Плаваний» в «Lectures...». Показано, что ученый сформулировал определение, обозначил состав этой группы текстов, датировал описанные в них события. Также он затронул важную проблему классификации и систематизации ирландских письменных источников и уже тогда столкнулся с трудностями выделения универсальных критериев для подобных целей. Во второй части проанализированы примеры использования текстов «Плаваний» как исторического источника о материальной культуре, духовных практиках и быте раннеирландского социума. Источниковая база разнообразна: это не только литературные и исторические источники, но и археологические, и юридические памятники. На протяжении всего исследования концепции Ю. О'Карри рассматриваются в соприкосновении с последующим опытом изучения «Плаваний».

Abstract
A group of Old Irish texts known as the *Immrama* (in English the Voyages) is telling about sea journeys to some distant islands. Eugene O'Curry (Irish name – Eoghan Ó Comhraidhe, 1794–1862) is an important figure for *Immrama*'s scientific tradition and for Irish Studies in general. There are paradigms to estimate O'Curry's ouvre from biographical and illuminate positions, while making an attempt to scan O'Curry's works to recognize his countribution to the learning of specific items (the *Immrama* for example) was insufficient. To create such a new experience is the main aim of this article. The task is not only to depict O'Curry's contribution to the process «make the *Immrama* accessible», but to explain how the *Immrama* correlate with theoretical fund of his works (namely, «Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history» (1861) and «On the manners and customs of the Ancient Irish» (1873)). The first part of the article is devoted to theoretical *Immrama*'s context in Lectures. Here Eu. O'Curry stated his understanding of definition, composition, date and the problem of maintaining general criteria. The second part is about his practical experience in his trying to consider the *Immrama*, first of all, as a Historic Tale, where in tales were always a historical basis or a background. The source base was not limited by Old Irish literature or Annals; archaeological and the Old Irish Law tracts were also in usage.

Ключевые слова: «Плавания», *Immrama*, Юджин О'Карри, древнеирландская литература, средневековая Ирландия, ирландистика, кельтология, историография.
Keywords: *Immrama*, Eugene O'Curry, Old Irish literature, Medieval Ireland, Irish Studies, Celtic Studies, historiography.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета по науке и высшей школе (грант серия ПСП № 18312), Благотворительного фонда В. Потанина (одобренная заявка № СК190003672), Оксфордского Российского Фонда.

The research was supported by the Saint Petersburg Committee for Science and High School (grant PSP no. 18312), by the Vladimir Potanin Foundation (grant no. SK190003672) and by Oxford Russian Fund.

«Две или три небольшие части издаваемого ныне текста были еще опубликованы, с большей или меньшей степенью точности, доктором Питри, О'Карри и Кроу», [14] – в таком скромном контексте упоминает имя Юджина О'Карри известный кельтолог-энциклопедист В. Стоукс [The Voyage of Mael Duin, 1888, p. 476]. Позднее он отметил имеющиеся у Ю. О'Карри пересказ «Плавания Уа Корра», перевод двух фрагментов этого текста и добавил, что ни одного фрагмента оригинала не было опубликовано за исключением § 77, первое четверостишие которого, опять же, *с неточностями*, мы можем найти у Юджина О'Карри [15] [The Voyage of Mael Duin, 1888, p. 23].

Однако вклад ирландского историка и литературоведа Юджина О'Карри (Eugene O'Curry, английский вариант ирландского имени Eoghan Ó Comhraidhe, 1794 (1796) – 1862) [16] в исследовательскую традицию группы ирландских средневековых историй о плаваниях (др.-ирл. *Immrama* [17]) не сводится исключительно к издательским и переводческим аспектам. Его два капитальных труда «Лекции о манускриптах по древней ирландской истории» и «Об укладе и обычаях древних ирландцев» [18] были одним из первых опытов критического изучения «Плаваний». Тематика «Плаваний» затрагивается в его сборниках лекций и в материалах, собранных на протяжении долгой работы в библиотеках Тринити колледжа и Ирландской королевской академии. Часть работ была издана еще при жизни исследователя (лекции прочитаны в 1855–1856 гг., оформлены и изданы в 1861 г.), другая часть была не

[14] Здесь и далее перевод с английского языка наш. – *А. Б.*

[15] Ю. О'Карри делал выписки и переводы фрагментов оригинальных манускриптов, но непосредственно издание этих отрывков в качестве приложений подготовил редактор У.К. Салливан.

[16] Происходя из отдаленного места Доонаха, графства Клэр (Dunaha, near Carrigaholt, County Clare), Юджин О'Карри еще в детстве знал древние местные предания и основы ирландского языка. Его интересы приобретали форму научного творчества на протяжении трех периодов: во время его деятельности в ирландском отделении Британского агентства картографии (Ordnance Survey Ireland, с 1835 (1834) по 1842 г.), затем – в Ирландской королевской академии и других академических организациях и музеях (с 1842 по 1854 г., с 1851 г. избран членом Академии) и, наконец, в период преподавания в Католическом университете в качестве профессора археологии и ирландской истории (Professor of Archaeology and Irish History, the Catholic University) – с 1854 года и до конца жизни. Некоторые даты жизни в историографии разнятся, но мы ориентируемся на датировку П. МакСвини, т. к. он использует в своей работе уникальные источники и архивные материалы. Это касается и даты рождения – 1794, хотя некоторые другие, также наиболее ранние источники, датируют рождение ученого 1796 годом [Webb, 1878; MacSweeney, 1913, p. 26]. Относительно места и даты рождения П. МакСвини апеллирует к рукописи из собранной О'Карри коллекции манускриптов, где сохранилось много личных записей, переводов, пометок историка (O'Curry MSS., Maynooth, 2. G. 8) [MacSweeney, 1913, p. 40]. Тем не менее другие варианты, которые встречаются на ранних стадиях изучения наследия и жизни Ю. О'Карри, также указаны нами в скобках. Написание его ирландского имени мы приводим из биографической статьи Т. Ли [Lee, 1897, p. 26].

[17] Здесь и далее термины на древнеирландском языке, равно как и цитаты из оригинальных древне- и среднеирландских текстов выделены курсивом – *А. Б.*

[18] Названия трудов цитируются далее как «Lectures…» и «On the manners and customs...» соответственно. См.: [O'Curry, 1873a, b].

окончена и увидела свет только после длительной редакторской доработки его коллегами У.К. Салливаном (W.K. Sullivan) и Дж.Э. Пиготом (J.E. Pigot).

Учитывая значение деятельности Юджина О'Карри как начального опыта критического осмысления не только «Плаваний», но и средневекового ирландского наследия в целом, представляется целесообразным проследить развитие определенной тематики (в нашей статье – жанра *Immrama*) в его трудах. Мы предполагаем, что, во-первых, ученым были сформулированы важные теоретические положения в отношении «Плаваний», и, во-вторых, эти положения касались не только маленькой группы из четырех текстов, но и органично вплетались в общий теоретический дискурс трудов.

На протяжении XX века отдельные аспекты деятельности и жизни ирландского антиквария раскрывались в статьях краеведческих журналов и эссе [Atkinson, 1896; Lee, 1897]. Интересен взгляд соотечественника Патрика МакСвини [MacSweeney, 1913], который рассматривал научное творчество Ю. О'Карри, его коллег Джона О'Донована (J. O'Donovan) и Джорджа Питри (G. Petrie) в контексте т. н. Кельтского возрождения (the Celtic Revival). По его мнению, именно источниковедческая и лингвистическая работа, через которую был открыт доступ не только к чтению, но и к пониманию средневековых ирландских текстов носителями новых европейских языков, сделала возможным тот самый расцвет национального искусства и особенно литературного творчества на острове и за его пределами.

В *«Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history»* замечания Ю. О'Карри можно разделить на две части: вводную, где представлены оригинальные теоретические замечания и обобщения, и пересказ «Плавания Уа Корра». Именно в первой части автор затронул те теоретические аспекты *Immrama*, которые будут развивать и дополнять ученые в дальнейшем.

Прежде всего, взглянем на позицию «Плаваний» в авторской системе ирландской средневековой литературы: Ю. О'Карри помещает их в раздел «исторических повествований» (*Historic tales*), в которых, несмотря на трансформацию стиля и поэтическое оформление, содержится информация об историческом прошлом Ирландии [O'Curry, 1861, p. xv].

Подобное место «Плаваний» в огромном литературном корпусе не случайно – исследователь подчеркивает, что «Плавания» основаны на исторических фактах, однако «на протяжении веков и после того, как они прошли через руки рассказчиков, чей ум был преисполнен воображения, эти истории утратили свою оригинальную простоту и правдивый характер и становились все более и более фантастическими» [O'Curry, 1861, p. 289].

Таким образом, уже с середины XIX века было проведено различие между *исторической основой* и информацией, возникшей вследствие *последующей устной и литературной обработки*. Дальнейшие рассуждения и аргументы ирландского ученого, как мы увидим, органично согласуются с тезисами о том, что ирландские истории имеют некое *историческое основание*, а задача историка – его обозначить и восстановить историю древней и раннехристианской Ирландии.

Было дано и *определение* «Плаваний»: история о «*добровольном* путешествии по морю *в поисках чего-либо*»; обозначен *состав* этого «класса текстов»: «Плавание Св. Брендана», «Плавание Уа Корра», «Плавание Снедгуса и Маг Риагла», «Плавание Майль-Дуйна» [19]. Ссылаясь на литанию Энгуса (the Litany of Aengus) [O'Curry, 1861, p. 289], Ю. О'Карри допускает мысль, что в древней Эрин (*Erinn*) историй указанной группы было больше, чем мы располагаем сейчас. Примечательно, но «Плавание Брана» не было включено в *Immrama*, зато включено «Плавание Брендана», что во второй поло-

[19] «These are the Navigation of Saint Brendan; the Navigation of the sons of *Ua Corra*; the Navigation of *Snedgus* and *Mac Riaghla*; and the Navigation of *Maelduin*» [O'Curry, 1861, p. 289]. Орфография, пунктуация, выделение, а также транскрипция и перевод оригинальных ирландских наименований сохранены.

вине XIX – начале XX в. было распространенным мнением [20]. В последующем принадлежность именно этих двух произведений к группе «Плаваний» (*Immrama*) вызовет большинство разногласий в научном сообществе [21].

Вопрос о составе и дефиниции не только «Плаваний», но и других групп ирландских историй тесным образом связан с трудностями обозначения границ этих групп или так называемых «жанров». Мы можем сказать, что уже в 1861 г. Ю. О'Карри столкнулся с подобными проблемами, когда вел речь о соотношении *Immrama* с другими «жанрами». Так, он проводит границы между *Immrama* и *Longasa* (которые он также переводит как «Плавания», или Voyages), руководствуясь сюжетным критерием: в то время как *Longasa* – истории о плаваниях, предпринятых *недобровольно*, под действием тяжелых обстоятельств (побег, изгнание), *Immrama* – истории о *добровольном* желании героев отправиться в морское путешествие [O'Curry, 1861, p. 288–289].

Впрочем, трудности с выделением универсальных критериев, согласно которым было бы удобно и корректно систематизировать ирландские произведения, касаются не только «жанра» *Immrama*. Говоря о «Путешествии Лабрайда Изгнанника» (*Longeas Labhrada Loingseach*), Ю. О'Карри замечает, что история этого принца может быть отнесена и к *Tochmarca* («Сватовства»), и к *Airgne* («Убийства»), а не только к *Longasa*, так как содержит элементы и романтики, и смерти, и путешествия по морю. Опираясь на список саг в Лейнстерской книге (т. н. список А) [22] и на нарративную традицию, которая закрепила за Лабрайдом прозвище «Изгнанник», Ю. О'Карри вслед за средневековыми писчиками позиционирует историю как *Longasa* [O'Curry, 1861, p. 252]. Он также подчеркнул в целом *условность* деления историй на группы или, пользуясь авторской терминологией, на «классы» в списках саг: «Разделение историй на классы происходило произвольно, возможно, для удобства ориентирования (convenience of reference)» [O'Curry, 1861, p. 251]. Изложение *Historic tales* по хронологическому принципу тоже сталкивалось с определенными трудностями, т. к. события, описания которых мы находим в этих историях, были разнообразны, изложены фрагментарно и достаточно изолированно друг от друга, да еще и «разбросаны» по огромному хронологическому диапазону ирландской истории, с самых древних времен до X века [O'Curry, 1861, p. 251–252]. Не будет преувеличением сказать, что подобные проблемы имели место на протяжении всего существования исследовательской традиции «Плаваний», и их актуальность все еще не исчерпана [23].

Что касается датировки, то Ю. О'Карри склонен к некоторой архаизации «Плаваний»: 540 г. («Плавание Уа Корра»), 560 г. («Плавание Св. Брендана»), середина VII в. («Плавание Снедгуса и Маг Риагла») и VIII в. или 700 год («Плавание Майль-Дуйна») [24] [O'Curry, 1861, p. 289]. Еще раз подчеркнем, что он датирует не сложение историй в устной или письменной традиции, а непосредственно сами плавания как исторический факт. Соответственно, путешествия героев имеют, с его точки зрения, и географическое измерение – братья Уа Корра и Майль-Дуйн совершали свои плавания по водам Атлантического океана, приключение клириков Снедгуса и Маг Риагла и их встреча с народом Росс

[20] Подобную теорию поддерживали А. Натт [Nutt, 1895–1897, p. 162], У.Ф. Тралл [Thrall, 1917–1918, p. 450; 1923, p. 276–283].

[21] Из всех работ обозначим только статью Д. Дамвилля, целиком посвященную вопросу дефиниции жанра. Автор отмечает, что, в то время как три произведения не вызывают сомнений у большинства по поводу их принадлежности к «жанру», «Плавание Брана» наиболее дискуссионно [Dumville, 1976]. Ключевые моменты по этому вопросу отметила Т.А. Михайлова в своем емком обзоре дискуссии нативистов и антинативистов [Михайлова, 2002, с. 153–164].

[22] Найти более подробную информацию о списках саг (А и В) можно в работе П. Мак Каны [Mac Cana, 1980].

[23] Русскоязычной аудитории условность основных классификаций средневековой ирландской литературы (по Спискам саг, по сюжетам, по циклам) хорошо описал С.В. Шкунаев [Шкунаев, 1991, с. 5–6].

[24] Эволюцию датировок «Плаваний» емко и наглядно показал в своей магистерской диссертации Кит Эштон [Ashton, 2007].

(местность проживания которого автор локализует территорией графства Восточный Мит) происходят в водах Северного океана (North ocean) [O'Curry, 1861, p. 289; 1873b, p. 385].

Ю. О'Карри рассматривал древнюю ирландскую литературу как главный источник о материальной культуре и быте раннесредневекового ирландского общества. Таков был замысел второго интересующего нас труда «Об укладе и обычаях древних ирландцев», или *«On the Manners and customs of the Ancient Irish»* (1872–1873). «Плавания» не были исключением: упоминания в них предметов, реликвий, практик рассматривались скорее с исторической и этнографической точки зрения, нежели с семиотической и литературоведческой. Опять же, все это вполне согласуется с концепцией «исторического ядра» и позиционированием «Плаваний» как повествования об исторических фактах (собственно, плаваниях), хотя и претерпевших трансформацию в сторону мифологизации и художественного оформления.

Так, описания одежд, украшений, домашней утвари на островах, посещенных героями, использованы для извлечения информации непосредственно об одежде, состоянии ювелирного ремесла и металлообработки в раннесредневековом ирландском обществе.

Большое количество примеров связано с «Плаванием Майль-Дуйна», а конкретно с эпизодом XI и с эпизодом XVII (дом с котом и остров с крепостью и девушкой-хозяйкой) [25]. Данная история, по мнению автора, располагает красочными и детализированными описаниями облика героев, где фигурируют личные украшения из золота, серебра и бронзы. Указанные эпизоды составляют шесть упоминаний *Immrama* из одиннадцати в трехтомном труде О'Карри. Самый его излюбленный пример – серебряная брошь, скрепляющая платье островитянки, и ее золотая спиралевидная брошь для волос («Плавание Майль-Дуйна», эпизод XVII). Подобные спиралевидные металлические броши и кольца (*budne* или *buinne*) могли служить и украшением, и фиксатором для волос, закрученных и уложенных на затылке в прическе кругообразной или конусовидной формы, у богатых и знатных женщин [O'Curry, 1873b, p. 159]. Впрочем, ссылаясь уже на эпизод с котом, когда путники видят огромные золотые и серебряные броши (*bretnassa*), воткнутые острой частью в стену дома, автор не исключает ношение подобных больших брошей мужчинами.

Здесь важно отметить обширную источниковую базу Ю. О'Карри как ученого-энциклопедиста и «любителя древностей», которая не ограничена сугубо литературными и историческими текстами: он обращается и к юридическим, и (как мы покажем далее) к археологическим источникам. В контексте иллюстраций применения брошей, заколок и фибул древними ирландцами исследователь обращается к данным из Брегонского закона (Brehon Laws), «Плавания Майль-Дуйна», а также подчеркивает, что несколько образцов больших, с длинными иглами, мужских брошей хранится в музее Королевской ирландской академии [O'Curry, 1873b, p. 163].

Еще два аспекта быта раннеирландского общества, для воссоздания которых активно привлекаются тексты «Плаваний», – обустройство жилищ, хранение и приготовление пищи. Так, фигурирование белых стен крепостей и домов в истории о Майль-Дуйне дает повод думать, что для побелки стен в домах использовались известь или мел [O'Curry, 1873a, p. 303]. Действительно, в оригинальном тексте есть упоминание данных

[25] Нумерация эпизодов дана в соответствии с изданием В. Стоукса [The Voyage of Mael Duin, 1888, p. 451]. Майль-Дуйн отправляется в плавание, чтобы отомстить убийцам своего отца. В самом начале путешествия к нему присоединяются три молочных брата вопреки предсказанию и совету друида. В последующем Майль-Дуйн и его команда встречают острова с различными чудесами. На одном из них (эпизод XI) они посещают дом с богатым убранством, в котором нет никого, кроме играющего кота. Затем они видят три ряда золотых и серебряных украшений и оружия (брошей, ожерелий, мечей) и накрытый стол для трапезы. С согласия Майль-Дуйна путники ужинают, отдыхают и пополняют запасы в пустом доме, после чего один из молочных братьев Майль-Дуйна пытается взять одно из сокровищ дома с собой, за что кот его убивает. Продолжая свой путь, герои прибывают на остров, где расположена крепость и стеклянный мост (эпизод XVII). Там их встречает женщина, которая угощает едой и питьем с усыпляющим эффектом. Оба эпизода, как и история в целом, сопровождаются иррациональными и фантастическими элементами.

материалов [26], однако, на *наш* взгляд, не стоит забывать эстетическо-аллегорического значения деталей, где белый оттенок построек является маркером существования путешественников в «Ином мире», имеющего в ирландской традиции множество красочных и богатых репрезентаций [27]. Далее, упоминание в описаниях домов [28] огромных золотых и серебряных ожерелий на шею (*sreth di muntorcaib*, «Плавание Майль-Дуйна», эпизод XI), которые сравнивались с большими обручами для бочек (*mar chirclu dabcha*), свидетельствует, по мнению Ю. О'Карри, о разнообразном использовании металла (меди) для изготовления сосудов [O'Curry, 1873a, p. 356].

Наряду с попытками выявить информацию о материальной стороне жизни древнего и раннесредневекового ирландского общества, тексты «Плаваний» используются и в качестве исторического источника по духовной культуре ирландцев. В связи с этим примечательно использование им фрагмента из «Плавания Снедгуса и Маг Риагла» для исследования песен *Sian* или *Sianan*: когда клирики странствуют по морю, они слышат женское пение и распознают в нем указанный ирландский вид песни. Учитывая контекст [29], в котором упоминается термин *Sian (Sianan)*, исследователь определяет его как «некоторого рода тихую, жалобную музыку» [O'Curry, 1873b, p. 386], которую могут петь, тоскуя по родине, как это делали сыновья Уснеха или женщины из народа Росс, изгнанного за убийство своего короля.

Через анализ информации о повседневной жизни в «Плаваниях» Ю. О'Карри пытается сделать выводы и о фигуре переписчиков и компиляторов сохранившихся манускриптов. Так, судя по описанию убранства домов [30], он делает вывод, что автор был хорошо ознакомлен с существованием и использованием в своем крае брошей, ожерелий, пряжек и проч., благодаря чему и описал их столь детально [O'Curry, 1873b, p. 163]. Описание наряда девушки также относится к «самому раннему периоду, когда эта история была написана», с указанием на то, что автор саги не случайно выделяет его (наряда) красоту среди других одежд [O'Curry, 1873b, p. 159]. Данное наблюдение важно, так как вопрос о роли автора в становлении жанра «Плаваний» будет одним из ключевых для определения исторической и культурной значимости данных историй. Например, Дж. Карни не раз призывал учитывать творческую роль писчика и компилятора как важного фактора генезиса, развития и бытования ирландской нарративной традиции [Carney, 1955, p. 277; 1963, p. 39]. Это и другие теоретические положения Дж. Карни послужили катализатором для запуска дискуссии нативистов и антинативистов.

---

[26] «*...Adciat innsi nárbu mór ogus dún indi ogus múr gel ard imbi,* ***amal bid di áel dognethe in múr*** *ogus* ***amal bed óenchloch cailce uile***». «Увидели остров не слишком большой и крепость на нем, и стену белую вокруг нее, ***и была [эта стена] сделана как бы из извести*** *(мела),* ***как если бы вокруг была цельная скала известняка*****».** Цит. по изданию А.Г. ван Хамеля [Immrama, 2004, p. 34]. Наш перевод сверен с английским переводом В. Стоукса и русским переводом А.А. Смирнова [The Voyage of the Húi Corra, 1893, p. 477; 1933, с. 303].

[27] Проблематика образов ирландского или, шире, кельтского «Иного мира» (the Otherworld) вошла в сферу интересов филологов и историков еще в конце XIX в., и с тех пор активно развивалась. Эти процессы очень хорошо прослеживаются даже на примере исследовательской традиции и историографии такой небольшой группы произведений, как *Immrama*. Еще в 1895–1897 гг. А. Натт пытался методом сюжетного анализа и компаративистики изучить образ «безоблачного Иного мира» (the Happy Otherworld), в частности, как он представлен в «Плавании Брана»; затем в научном поле появляется еще несколько фундаментальных статей и монографий по указанной проблематике с привлечением материала «Плаваний» [Nutt, 1895–1897; Seymour, 1930; Patch, 1950]. Тематика «Иного мира» пользовалась популярностью и в англоязычных диссертациях [Löffler, 1983; Armour-Hileman, 1988; Chadbourne, 1999].

[28] В эпизоде XI герои входят в огромный пустой дом на острове, где «три ряда настенных предметов… первый ряд брошей, золотых и серебряных, с их иглами, воткнутыми в стену, и ряд ожерелий на шею из золота и серебра: каждая из них была как обруч бочки. Третьим был ряд больших мечей с золотыми и серебряными рукоятками». Пер. по изданию В. Стоукса и А. Смирнова [The Voyage of Mael Duin, 1888, p. 477–479; 1, 1933, с. 303].

[29] Всего Ю. О'Карри рассматривает три упоминания Sian (Sianan): в истории о второй Битве при Маг Туйред, в «Изгнании сыновей Уснеха» и в «Плавании Снедгуса и Маг Риагла».

[30] Ю. О'Карри ссылается здесь на «Плавание Майль-Дуйна», эпизод XI.

Как мы уже отмечали ранее, аргументация не ограничивается использованием оригинальных древнеирландских и среднеирландских текстов саг и их сравнением; по возможности Ю. О'Карри дополняет данные из нарративных источников археологическими и этнографическими данными. Помимо примера с мужскими украшениями, говоря о спиралевидной броши для поддержания причесок, он упоминает, что «имеется несколько древних образцов данного украшения из чистого золота и из бронзы, хранящихся в музее Ирландской королевской академии» [O'Curry, 1873b, p. 159]. Также довольно подробно описан образец «уникальной» броши из сплава бронзы с золотом из коллекции антиквария Дж. Питри, с указанием даже некоторых параметров (ширина одного конца броши, имеющего конусообразную форму, равна, по оценкам Ю. О'Карри, около 3/4 дюйма). Эта заколка имела форму вытянутого спиралевидного полуцилиндрического валика (a hollow or half cylindrical thin fillet of elastic bronze), постепенно сужающегося от широкого конца к другому, притупленному. В зависимости от типа прически заколку использовали поразному: ее можно было сжать по спирали, тогда сложная конструкция (круг внутри круга) приобретала форму единого большого круга и фиксировалась у широкого конца. Или, наоборот, растянуть по всей длине в виде правильного конуса. В целом украшение выглядело как металлическая витая нить, наложенная поверх круговой прически, плотно прилегающая к волосам благодаря своей гибкой спиралевидной поверхности [O'Curry, 1873b, p. 159]. Нам удалось найти и иллюстрацию непосредственно изделия (хотя редактор У.К. Салливан оставляет ссылку на изображение под номером 56, оно помечено под номером 13), и для более ясного представления приведем читателю еще несколько наглядных примеров подобных украшений (рис. 1–3).

В заключение отметим, что, в то время как анализ исторического у Ю. О'Карри превалирует над анализом метафорического, это не значит, что последний компонент вовсе не учитывался. Мы уже приводили ранее цитату из «Lectures...» о дефиниции «Плаваний», где наряду с «правдивым характером» этих историй подчеркивалась постепенная трансформация их формы в пользу «фантастического». Время от времени похожие замечания проскальзывают и в «On the manners and customs...», где автор прямо пишет, что для его исследовательских целей «малозначим тот факт, что описание придуманное и преувеличенное» [O'Curry, 1873b, p. 164]. Однако метафорическая сторона текстов раскрыта только на уровне подобных отдельных тезисов и кратких утверждений без конкретизации и тем более без попыток вскрытия ее семантической и семиотической сущности.

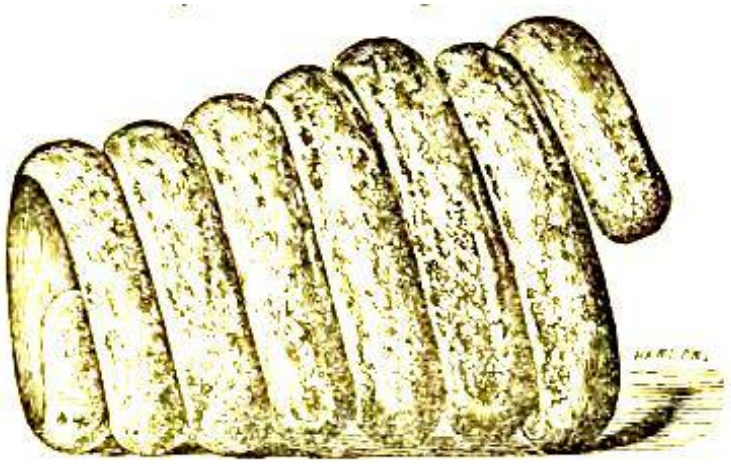

Рис. 1. Иллюстрация спиралевидной заколки для волос из собрания Дж. Питри, которую описал Ю. О'Карри. Иллюстрация в качестве приложения подготовлена У.К. Салливаном [O'Curry, 1873a, p. 407]

Fig. 1. An illustration of spiral ring from G. Petrie collection with Eu. O'Curry's description. The illustration was prepared and published by W.K. Sullivan [O'Curry, 1873a, p. 407]

Рис. 2. Электровый браслет из клада в Снеттишеме (Англия).
Иллюстрация из монографии А. Росс [2004, с. 147]
Fig. 2. A bracelet from the Snettisham's treasure (England).
An illustration from Anna Ross' book «Everyday life of the pagan Celts» [Ross, 2004, p. 147]

Рис. 3. Знаменитая брошь из Тары (the Tara brooch). Вид спереди и сзади.
Гравюра на дереве 1852 года. Из статьи Н. Уитфилда [Whitfield, 1976, p. 20]
Fig. 3. The famous Tara brooch. The Waterhouse wood-engravings made in 1852.
Front view (up) and back view (below). From the article by Niamh Whitfield [Whitfield, 1976, p. 20]

Таким образом, *Immrama* еще не рассматриваются как объект для отдельного критического изучения, но скорее как важная составляющая средневековой ирландской литературы в целом, как исторический источник для воссоздания и освещения ирландской истории, культуры и быта V–VIII вв. Ю. О'Карри высказал свое мнение по ряду аспектов изучения *Immrama*: он предложил их определение, состав, датировку, отметил степень соотношения исторического и вымышленного в нарративе. Он выделил различия между *Immrama* и другим ирландским «жанром» и обозначил критерий данного разграничения (сюжетный). Помимо источниковедческого анализа оригинальных текстов (часть из которых была введена в научный оборот впервые) исследователь пытался соотнести данные с доступными на тот момент объектами материальной культуры.

Immrama рассматривались Ю. О'Карри как исторический источник, а сами морские путешествия героев – как исторический факт. Произведения заключают в себе след исторического прошлого острова, который должен быть выявлен сквозь толщу позднейших наслоений, придавших историям легендарный и мифический характер. Мы можем предположить, что тщательная источниковедческая работа, стремление охватить и систематизировать максимально возможный диапазон источников, равно как и уклон на несколько буквальное, даже механическое выявление и вычленение «исторического ядра» без углубления в аллегорическую и интертекстуальную сущность произведений – все это происхо-

дило вполне в рамках методологии и опыта позитивизма, хотя прямых ссылок на деятелей этого направления непосредственно в трудах интересующей нас личности нет.

Несмотря на то, что многие положения Юджина О'Карри будут в дальнейшем корректироваться, они сыграли роль «отправной точки», и у последующего поколения исследователей (В. Стоукс, А. Натт, К. Мейер и др.) были уже определенные векторы для развития своих теорий и дискуссий.

Список литературы

1. Ирландские саги. Пер., предисл., вступ. статья и комментарии А.А. Смирнова. Л. – М., Academia, 1933, 369.
2. Михайлова Т.А. 2002. «Острова за морем», или Тема плаваний в Иной мир в ирландской традиции. В кн.: Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., Языки славянской культуры: 153–182.
3. Росс А. 2004. Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. СПб., Евразия, 288.
4. Шкунаев С.В. 1991. Герои и хранители ирландских преданий. Под ред. Г.В. Косикова. В кн.: Предания и мифы средневековой Ирландии. М., Изд-во МГУ: 5–29.
5. Armour-Hileman V. 1988. Otherworld motifs and paradigms: A study of celtic influence on early English literature. Ph.D. diss. The University of Iowa, 188.
6. Ashton C. 2007. Journeys to death and enlightenment: reclaiming the Immrama for the modern reader. M. of A. Thesis. Toronto, York University, 156.
7. Atkinson S. 1896. Eugene O'Curry. In: Essays, 1–26.
8. Boyne P. 1983. Thank You, Eoin O'Curry; from Mangan, O'Grady and Others. Studies: An Irish Quarterly Review, 72 (285): 76–83.
9. Carney J. 1963. Review on Navigano sancti Brendani Abbatis (Publications in Mediaeval Studies, The University of Notre Dame, XVI), by Carl Selmer. Medium Ævum, 32 (1): 37–44.
10. Carney J. 1955. Studies in Irish literature and history. Dublin, Dublin Inst. for Advanced Studies, 423.
11. Chadbourne K.A. 1999. The Otherworld procession in Irish and Welsh literature and folklore. Ph.D. diss. Harvard University, 190.
12. Dumville D.N. 1976. Echtrae and immram: some problems of definition. Ériu, 27: 73–94.
13. Immrama. Ed. by A.G. Van Hamel. Reprint. in: Co. Louth, Dundalgan Press, 2004, 155.
14. Lee T. 1897. Eugene O'Curry. Limerick Field Club Journal, I (1): 26–31.
15. Löffler Ch.M. 1983. The voyage to the otherworld island in early Irish literature. PhD. diss. Salzburg, Institut fur Anglistik und Amerikanistik, Universitat Salzburg, Vol. I–II.
16. Mac Cana P. 1980. The learned tales of medieval Ireland. Dublin Institute for Advanced Studies, 222.
17. MacSweeney P.M. 1913. A Group of Nation-Builders: O'Donovan, O'Curry, Petrie. Dublin, Catholic Truth Society of Ireland, 140.
18. Nutt A. 1895–1897. The Happy Otherworld in the Mythico-romantic Literature of the Irish. The Celtic Doctrine of Re-birth. In: The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living. London, 2 Vols.
19. O'Curry Eu. 1861. Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history. Dublin, 722.
20. O'Curry Eu. 1873. On the Manners and customs of the Ancient Irish. London, Vol. I, 422.
21. O'Curry Eu. 1873. On the Manners and customs of the Ancient Irish. London, Vol. III, 512.
22. Patch H.R. 1950. The Other World According to Descriptions in Medieval Literature. Cambridge, Mass., 395.
23. Seymour J. 1930. Irish Visions of the Otherworld: A Contribution to the Study of Medieval Visions, 345.
24. The Voyage of Mael Duin. 1888. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 9: 447–495. Paris.
25. The Voyage of Mael Duin. 1889. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 10: 50–95. Paris.
26. The Voyage of the Húi Corra. 1893. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 14: 22–70. Paris.
27. Thrall W.F. 1917–1918. Virgil's Aeneid and the Irish Immrama: Zimmer's theory. Modern Philology, 15: 449–474.

28. Thrall W.F. 1923. Clerical Sea Pilgrimages and the Imrama. In: The Manly anniversary studies in language and literature. Chicago: 276–283.

29. Webb A. 1878. A compendium of Irish biography: comprising sketches of distinguished Irishmen and of eminent persons connected with Ireland by office or by their writings. Dublin, Edition, 332.

30. Whitfield N. 1976. The Original Appearance of the Tara Brooch. The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 106: 5–30.

Referenses

1. Irlandskie sagi [The Irish Sagas]. Translation, preface and introduction by A.A. Smirnov. Leningrad, Moscow, Academia, 1933, 369 (in Russian).

2. Mikhailova T.A. 2002. «Ostrova za morem», ili tema plavanii v Inoi mir v irlandskoi tradicii [«Islands overseas», or Theme of sailing in another world in the Irish tradition]. In: Predstavleniya o smerti i lokalizaciya inogo mira u drevnih kel'tov i germancev [The idea of death and the localization of another world among the ancient Celts and Germans]. Moscow, LRC Publishing House: 153–182 (in Russian).

3. Ross Anna. 2004. Povsednevnaya zhizn' keltov v yazycheskyyu epohu [Everyday life of pagan Celts]. Sanct Petersburg, 288 (in Russian).

4. Shkunaev S. 2004. Geroi i hraniteli irlandskih predanij [Heroes and Guardians of Irish Legends]. Ed. G.V. Kosikov. In: Predaniya i mify srednevekovoj Irlandii [Traditions and myths of medieval Ireland]. Moscow, MSU: 5–29 (in Russian).

5. Armour-Hileman V. 1988. Otherworld motifs and paradigms: A study of celtic influence on early English literature. Ph.D. diss. The University of Iowa, 188.

6. Ashton C. 2007. Journeys to death and enlightenment: reclaiming the Immrama for the modern reader. M. of A. Thesis. Toronto, York University, 156.

7. Atkinson S. 1896. Eugene O'Curry. In: Essays, 1–26.

8. Boyne P. 1983. Thank You, Eoin O'Curry; from Mangan, O'Grady and Others. Studies: An Irish Quarterly Review, 72 (285): 76–83.

9. Carney J. 1963. Review on Navigano sancti Brendani Abbatis (Publications in Mediaeval Studies, The University of Notre Dame, XVI), by Carl Selmer. Medium Ævum, 32 (1): 37–44.

10. Carney J. 1955. Studies in Irish literature and history. Dublin, Dublin Inst. for Advanced Studies, 423.

11. Chadbourne K.A. 1999. The Otherworld procession in Irish and Welsh literature and folklore. Ph.D. diss. Harvard University, 190.

12. Dumville D.N. 1976. Echtrae and immram: some problems of definition. Ériu, 27: 73–94.

13. Immrama. Ed. by A.G. Van Hamel. Reprint. in: Co. Louth, Dundalgan Press, 2004, 155.

14. Lee T. 1897. Eugene O'Curry. Limerick Field Club Journal, I (1): 26–31.

15. Löffler Ch.M. 1983. The voyage to the otherworld island in early Irish literature. PhD. diss. Salzburg, Institut fur Anglistik und Amerikanistik, Universitat Salzburg, Vol. I–II.

16. Mac Cana P. 1980. The learned tales of medieval Ireland. Dublin Institute for Advanced Studies, 222.

17. MacSweeney P.M. 1913. A Group of Nation-Builders: O'Donovan, O'Curry, Petrie. Dublin, Catholic Truth Society of Ireland, 140.

18. Nutt A. 1895–1897. The Happy Otherworld in the Mythico-romantic Literature of the Irish. The Celtic Doctrine of Re-birth. In: The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living. London, 2 Vols.

19. O'Curry Eu. 1861. Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history. Dublin, 722.

20. O'Curry Eu. 1873. On the Manners and customs of the Ancient Irish. London, Vol. I, 422.

21. O'Curry Eu. 1873. On the Manners and customs of the Ancient Irish. London, Vol. III, 512.

22. Patch H.R. 1950. The Other World According to Descriptions in Medieval Literature. Cambridge, Mass., 395.

23. Seymour J. 1930. Irish Visions of the Otherworld: A Contribution to the Study of Medieval Visions, 345.

24. The Voyage of Mael Duin. 1888. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 9: 447–495. Paris.

25. The Voyage of Mael Duin. 1889. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 10: 50–95. Paris.

26. The Voyage of the Húi Corra. 1893. Ed. and tr. by W. Stokes. Revue Celtique, 14: 22–70. Paris.

27. Thrall W.F. 1917–1918. Virgil's Aeneid and the Irish Immrama: Zimmer's theory. Modern Philology, 15: 449–474.

28. Thrall W.F. 1923. Clerical Sea Pilgrimages and the Imrama. In: The Manly anniversary studies in language and literature. Chicago: 276–283.

29. Webb A. 1878. A compendium of Irish biography: comprising sketches of distinguished Irishmen and of eminent persons connected with Ireland by office or by their writings. Dublin, Edition, 332.

30. Whitfield N. 1976. The Original Appearance of the Tara Brooch. The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 106: 5–30.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Богданова А.А. 2020. Юджин О'Карри и средневековые ирландские тексты *Immrama* («Плавания»). Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 274–284. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-274-284.

Bogdanova A.A. 2020. Eugene O'Curry and the old irish texts *Immrama* (the Voyages). Via in tempore. History and political science, 47 (2): 274–284 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-274-284.

УДК 94 (420)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-285-290

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ГАННОВЕРОВ НА КОНТИНЕНТЕ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПРИ ГЕОРГЕ I

DYNASTIC INTERESTS OF HANOVERIANS ON THE CONTINENT IN THE CONTEXT OF BRITISH FOREIGN POLICY UNDER GEORGE I

К.В. Демидова
K.V. Demidova

Автономная некоммерческая организация «Агентство развития внутреннего туризма»,
Россия, 107031, г. Москва, Петровский переулок, д. 6, стр. 1

Autonomous Non-Profit Organization «Agency for development of domestic tourism»,
6 (bldg. 1) Petrovskiy pereulok, Moscow, 107031, Russia

E-mail: smdk21@mail.ru

Аннотация
В статье анализируются первые шаги во внешней политике короля Георга I. Автор выдвигает проблему, насколько, как утверждает традиционная историография, династические интересы династии Ганноверов расходились с внешнеполитическими интересами самой Великобритании, или это больше надуманные идеи ее противников. Рассмотрено, какие действия на международной арене предпринимал Георг I в первые годы своего правления и как они идеологически совпадали с дискуссиями тори и вигов о возможном взаимодействии Англии с государствами континента еще до прихода новой династии к власти. Продемонстрированы взаимоотношения со старыми союзниками Британии по войне за Испанское наследство: Республикой Соединенных Провинций и Священной Римской империей, а также взаимоотношения с Францией, Швецией и Россией. Раскрываются дипломатические усилия со стороны британского правительства в отношении Якова III. Показано, что внешнеполитический курс Георга I был направлен на сохранение баланса сил в Европе, которому следовало еще правительство Анны Стюарт.

Abstract
The article analyzes the first steps of George I in the foreign policy. The author puts forward the next problem: how, as traditional historiography claims, the dynastic interests of the Hanoverian dynasty disagreed with the foreign policy interests of Britain itself, or it's more of a far-fetched idea by its opponents. It is considered what actions on the international scene George I took in the early years of his rule, and how they ideologically coincided with the discussions of the Tories and the Whigs about the possible interaction of England with the states of the continent even before the advent of a new dynasty to the power. Relations with Britain's old allies in the war of the Spanish succession, the Republic of the United Provinces and the Holy Roman Empire, as well as relations with France, Sweden and Russia, are demonstrated. Diplomatic efforts on the part of the British government in relation to James III are revealed. It is shown that the foreign policy of George I was aimed at maintaining the balance of power in Europe, which was followed by the government of Anna Stuart.

Ключевые слова: Британская внешняя политика, Великобритания, дипломатия, династические интересы, Ганновер.
Keywords: British foreign policy, diplomacy, United Kingdom, dynastic interests, Hanover.

Традиционно воцарение короля Георга I относят к началу использования ресурсов Англии в интересах курфюршества Ганновер. В историографии постоянно высказывается мнение, что ганноверская проблема являлась актуальной для британской внешней поли-

тики, равно как и фактором, оказывающим значительное влияние на дискуссии в Парламенте во время правления Георга I [Black, 2014, p. 11]. Подобной точки зрения придерживается и российский историк А.Б. Соколов, замечая, что «Вопрос о роли династического фактора стоит исключительно остро именно в отношении Великобритании. Ни короли, ни министры не могли игнорировать собственные интересы Ганновера после 1714 года» [Соколов, 2015, с. 74]. В таком же ключе рассуждает и М.П. Айзенштат: «…выход на первый план интересов Ганноверов, союз с Францией и Германией вынуждали британских политиков в условиях быстро менявшейся обстановки отстаивать позиции страны, о которой они имели более чем слабое представление» [Айзенштат, 2007, с. 57].

Тем не менее действительно ли интересы Ганноверской династии на континенте расходились с внешнеполитическими интересами Англии на международной арене, или это больше надуманные идеи ее противников? Эту проблему и предстоит проанализировать в настоящей статье.

После Утрехтского мира 1713 г. последовала смерть правителей двух стран, игравших главные роли в войне за Испанское наследство (1701–1714). Королевы Великобритании Анны Стюарт не стало 1-го августа 1714 г., а её соперника французского монарха Людовика XIV – 1-го сентября 1715 г.

Еще «Акт об устроении» 1701 г. исключил католическую ветвь династии Стюартов из очереди на престол Англии. Преемником не оставившей наследников королевы Анны стал в итоге правнук Якова I Стюарта по женской линии курфюрст Ганновера Георг, который, короновавшись как английский король Георг I, основал в Британии Ганноверскую династию [Акт…, 1957, с. 134–136].

Установление новой династии в Англии и смена правящей партии в Парламенте с тори (1710–1714) на вигов происходили в опасной для нового короля ситуации дипломатической изоляции. Когда в 1714 г. Георг взошел на трон, ни одно из значительных государств Европы не могло считаться союзником Британии. Ее старые друзья по Великому Союзу Республика Соединенных провинций и император Священной Римской империи Карл VI еще были обижены тайными переговорами между Англией и Францией [Osiander, 1994, p. 8], в конце концов приведшими к заключению Утрехтского мира. Дипломатическая изоляция была тем более опасна, что угроза возобновления европейской войны продолжала сохраняться.

Поэтому на следующий день после коронации Георга I государственный секретарь лорд Стэнхоуп был направлен с дипломатической миссией на континент. Его задачей было примирение, с одной стороны, Лондона и Вены, с другой – Габсбургов и Голландии, находившихся в состоянии конфликта из-за так называемых «барьерный крепостей» [Киселев, 2007, с. 11]. Речь шла о ряде укрепленных городов на границе с Фландрией, в приобретении которых была заинтересована республика Соединенных Провинций. Стэнхоуп, помирив Австрию и Голландию, должен был наладить дружественные и союзные отношения между Британией и императором. Выбор Георга I был не случаен: Стэнхоуп был опытным дипломатом, он хорошо знал Карла VI, император ему симпатизировал [Сорокина, 2003, с. 81].

Не будем забывать, что после заключения Утрехтского мира Франции пришлось проститься с исключительной политической гегемонией на континенте. Внук Людовика XIV Филипп V Бурбон был возведен на испанский трон, но земли испанской территориальной империи оказались разделены. Теперь в центре внимания большинства государств находилось преодоление разрушительных последствий войны за Испанское наследство. Реваншизм Филиппа V спровоцировал административные и военные реформы в Испании, позволившие восстановить её влияние в Средиземноморье и в Карибском регионе. Напористость испанцев привела к росту напряженности в отношениях с Великобританией, а также к переоценкам Утрехтской системы, призванной сдерживать Францию [Simms, 2009, p. 135]. В новой ситуации, когда Испания, а с некоторых пор и Россия после побед над Швецией во время Северной войны (1700–1721), все чаще стали восприниматься как

угроза для баланса сил в Европе [Thompson, 2006, p. 74], ограничений, заложенных в Утрехтском и Раштаттском договорах, было явно недостаточно для поддержания европейского спокойствия.

При Георге I начались перестановки: с политической арены изгнали лорда Болингброка, игравшего важную роль во внутренней и внешней политике Англии во время войны за Испанское наследство, а также выступавшего инициатором англо-французского сближения. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что ещё при тори на завершающем этапе войны за Испанское наследство интересы Британии и Франции во многом стали совпадать. Призрак империи Карла V Габсбурга сближал намерения французской и английской дипломатии [Ивонина, 2009, с. 17]. В связи с тем, что ставший в 1711 г. императором Священной Римской империи Карл VI претендовал еще и на испанский престол, появилась угроза возрождения некогда могущественной империи Карла V Габсбурга, существовавшей в XVI веке [Swift, 1711]. Следовательно, эти действия были обусловлены внешнеполитическими интересами Англии и при этом находились в контексте сохранения баланса сил в Европе.

В конце августа Болингброк был отправлен в отставку с поста государственного секретаря. Результаты парламентских выборов в январе 1715 г. обеспечили вигам твердое большинство в Палате общин. Глава нового правительства Роберт Уолпол не скрывал своих намерений – предать суду членов последнего кабинета тори. Когда герцог Мальборо предупредил Болингброка о его возможном аресте, тот 18 марта 1715 г. в панике бежал из Англии [Болингброк, 1978, с. 285]. Находясь в эмиграции, Болингброк примкнул к якобитам.

Герцог Орлеанский тесно сблизился с королем Англии Георгом I на почве враждебного отношения к Испании. Это произошло также и потому, что Филипп V не признавал права герцога Орлеанского на регентство при малолетнем Людовике XV (в Мадриде надеялись, что в случае смерти Людовика XV, который в детстве часто болел, французский престол перейдет к Филиппу V). Тем временем Лондон, более всего озабоченный развитием морских сил Испании, настраивал герцога Орлеанского против Филиппа V как возможного претендента на регентство и французский престол [История Европы, 1994, с. 438].

Как отметил французский исследователь Филипп Эрланже, «… добрые намерения Георга I и лорда Стэнхоупа нисколько не мешали большинству вигов, начиная с премьер-министра лорда Тауншенда, питать открытую неприязнь к Франции… Напротив, восшествие на престол Якова III означало наступление счастливых времен для Франции, когда политика Сент-Джеймсского дворца была бы ориентирована на Версаль. Так были настроены министры Франции и ее общественное мнение; к этой точке зрения склоняется и регент, питающий к тому же надежды увидеть одну из своих дочерей на английском троне» [Эрланже, 2008].

Таким образом, положение правящих особ Великобритании и Франции являлось относительно неустойчивым, что, безусловно, оказывало влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику обеих держав.

Параллельно утверждение Ганноверской династии на английском троне возродило публичную дискуссию между сторонниками политики взаимодействия с континентальными странами для сохранения баланса сил в Европе (так думали виги) и приверженцами политики изоляции на основе морского превосходства (такой позиции придерживались тори) [Демидова, 2019, с. 265]. С одной стороны, остроты проблеме добавляли опасения некоторой части общества, что ресурсы Великобритании могут быть использованы её новым королем для обеспечения интересов его Ганноверских владений. Тем более опыт Георга I в качестве главы вооруженных сил Ганновера, регулярных по своему характеру, что вполне естественно для центрально-европейского княжества, внушал опасения потенциальной регуляризации и английской армии. Этот страх, который английское общество испытывало со времен Оливера Кромвеля, и послуживший одной из причин Славной рево-

люции 1688 года, теперь находил отражение в памфлетных спорах, которые продолжались английскими публицистами вплоть до середины XVIII в. [Гордиенко, 2019, с. 767–768]. С другой стороны, виги, опирающиеся на политику континентального взаимодействия, получили монарха, который мыслил в духе их видения внешнеполитического продвижения интересов Великобритании на международной арене.

Смерть королевы Анны побудила всплеск общественно-политической активности в Шотландии, выразившийся в росте числа петиций, направленных на защиту прав исключенной из престолонаследия католической ветви династии Стюартов, представители которой находились в изгнании. Одновременно петиционеры поднимали вопрос об отмене Унии 1707 г. [Апрыщенко, 2016, с. 331].

Как показывает Л.И. Ивонина, «надежды Претендента и его сторонников подогревались непопулярностью Георга I среди значительного количества англичан и поддержкой Испании и Швеции. Карл XII, разбитый Петром I и теперь хватающийся за любую соломинку, чтобы вернуться в большую политику, признал его претензии на престол, а Мадрид выделил ему финансовые средства. В июне 1715 г. Бервик, Торси и шведский посол во Франции Спарр подготовили план экспедиции» [Ивонина, 2019, с. 238]. Ответная реакция Георга I не заставила себя ждать: силам сторонников Якова III были нанесены одно за другим два крупных поражения еще до высадки Претендента, и Яков III, превратившись в изгоя, вынужден был отплыть от берегов родины. Сильно укрепивший свои позиции Георг I направил Регенту (Филиппу Орлеанскому) полный угроз протест.

Несмотря на то, что выдвинутые требования со стороны Великобритании казались несправедливыми, переговоры начались, и стороны пришли к соглашению осенью 1716 г. По договору Регент (Филипп Орлеанский) окончательно признавал протестантское престолонаследие за Ганноверами и обязался больше не поддерживать Претендента. Также по просьбе британского правительства Яков III должен был покинуть территорию Франции [Corp, 2004, p. 307–308].

В этом контексте не стоит удивляться, почему в октябре 1715 г. был заключен Грейфсвальдский союзный договор между Россией и Великобританией, направленный против Швеции. Тем не менее это соглашение было достигнуто после вывода русской армии из немецких земель. В рамках Грейфсвальдского договора Георг I стремился расширить территорию Ганновера за счет Бремена и Вердена и получить выход к Северному морю [Мартенс, 1892, с. 31–35]. Данные территории достались от Швеции, причем каких-то активных боевых действий Англия не предпринимала и уже вскоре отказалась от союза с Россией и перешла на сторону Швеции.

Таким образом, внешнеполитический курс Великобритании при утверждении новой династии в первые годы правления Георга I оставался в фарватере, действующем еще при правлении королевы Анны. В реальности защита курфюршества Ганновера обеспечивала стратегические позиции Британии на континенте и способствовала сохранению баланса сил, зафиксированного в Утрехте, Раштатте и Бадене.

Список литературы

1. Айзенштат М.П. 2007. Британия Нового времени. Политическая история. М., КДУ, 204.

2. Акт об устроении 12 июня 1701 г. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: Сборник документов. 1957. Под редакцией П.Н. Галанзы. М., Госюриздат, 412.

3. Апрыщенко В.Ю. 2016. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., Алетейя, 720.

4. Болингброк Г. 1978. Письма об изучении и пользе истории. М., Наука, 359.

5. Гордиенко Д.О. 2018. Идея постоянной армии и памфлетная война в Англии конца XVII – начала XVIII в. Учен. зап. Казан.ун-та. Сер. Гуманит. науки. Т. 160, кн. 3.: 761–771.

6. Демидова К.В. 2019. Использование Англией идеи «баланса сил» как аргумента для обоснования собственных внешнеполитических потребностей в конце XVII – начале XVIII вв. Известия Смоленского государственного университета. № 2: 262–272.

7. Ивонина Л.И. 2009. Война за наследство Испании. Вопросы истории. № 1: 3–20.

8. Ивонина Л.И. 2019. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М., Ломоносовъ, 264.

9. История Европы. 1994. Т. IV. Европа Нового времени (XVII–XVIII вв.). М., Наука, 515.

10. Киселев А.А. 2007. Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой половины XVIII века. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. № 6: 8–15.

11. Мартенс Ф.Ф. 1892. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9(10). Трактаты с Англией 1710–1801. СПб., Тип. Министерства путей сообщения, 563. Martens F.F. 1892.

12. Соколов А.Б. 2015. «Правь, Британия, морями?»: политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., Алетейя, 296.

13. Сорокина Е.А. 2003. Внешняя политика Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв. в Центральной, Восточной и Северной Европе: диссертация... канд. исторических наук. Иваново, 197.

14. Эрланже Ф. 2008. Регент. Электронная книга. URL: https://www.litmir.me/br/?b=205831&p=37 (дата обращения: 25.10.2019).

15. Black J. 2014. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. Farnham, Ashgate, 298.

16. Corp E. 2004. A court in exile: The Stuarts in France, 1689–1718. Cambridge, Cambridge University Press, 386.

17. Osiander A. 1994. The states system of Europe, 1640–1990: peacemaking and the conditions of international stability. Oxford, Clarendon Press, 358.

18. Simms B. 2009. Three Victories and a Defeat: The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783. N.Y., Perseus Books, Basic Books, 802.

19. Swift J. 1711.The conduct of the allies and of the late ministry in beginning carrying on the present war. London, Edition, 50.

20. Thompson A.C. 2006. Britain, Hanover and the Protestant Interest, 1688–1756. Woodbridge, The Boydell Press, 284.

References

1. Ajzenshtat M.P. 2007. Britaniya Novogo vremeni. Politicheskaya istoriya [Modern Britain. Political history]. Moscow, KDU, 204.

2. Akt ob ustroenii 12 iyunya 1701 g. Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuaznyh gosudarstv XVII–XIX vv. Angliya, SSHA, Franciya, Italiya, Germaniya: Sbornik dokumentov [The Act of Settlement 12 June 1701. Constitutions and legislative acts of bourgeois States of XVII–XIX centuries England, USA, France, Italy, Germany: Collection of documents]. 1957. Ed. by P.N. Galanzy. M., Gosjurizdat, 412.

3. Aprishenko V.U. 2016. Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskah identichnostej [Scotland in modern times: in search for identity]. SPb., Aletejja, 720.

4. Bolingbroke H. 1978. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters on the study and use of history]. M., Nauka, 359.

5. Gordienko D.O. Ideya postoyannoj armii i pamfletnaya vojna v Anglii konca XVII – nachala XVIII v. [The Idea of a Regular Army and the Pamphlet War in England during the Late 17th – Early 18th Centuries]. Uchen. zap. Kazan.un-ta. Ser. Gumanit. nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. 2018, vol. 160. no. 3: 761–771.

6. Demidova K.V. 2019. Ispol'zovanie Angliej idei «balansa sil» kak argumenta dlya obosnovaniya sobstvennyh vneshnepoliticheskih potrebnostej v konce XVII – nachale XVIII vv. [England’s utilization of the idea a «balance of power» as an argument to justify its own foreign policy needs at the end of the XVIIth – early XVIIIth centuries]. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Smolensk state university]. no 2: 262–272.

7. Ivonina L.I. 2009. Vojna za nasledstvo Ispanii [War of the Spanish succession]. Voprosy istorii [History issues]. № 1: 3–20.

8. Ivonina L.I. 2019. Gercog Mal'boro. Chelovek, polkovodec, politik [Duke of Marlborough. A man, a commander, a politician]. M., Lomonosov, 264.

9. Istoriya Evropy [History of Europe]. 1994. T. IV. Evropa Novogo vremeni (XVII–XVIII vv.). [Vol. IV. Europe of Modern times (XVII–XVIII centuries)]. M., Nauka, 515.

10. Kiselev A.A. 2007. Velikobritaniya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij konca XVII – pervoj poloviny XVIII veka [Great Britain in the system of international relations of the late XVII – first half of the XVIII century]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodyh uchenyh [Science journal of Volgograd state university. Series 9. Young scientists' research]. No 6: 8–15.

11. Martens F.F. 1892. Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. T. 9(10). Traktaty s Angliej 1710–1801 [Collection of tracts and conventions concluded by Russia with foreign powers. Vol. 9(10). Tracts of England, 1710–1801]. SPb., print. Ministry of railways, 563.

12. Sokolov A.B. 2015. Prav', Britaniya, moryami?»: politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnej i kolonial'noj politiki v XVIII veke [«Britain, rule the seas?»: Political Discussions about Foreign and Colonial Affairs in 18th-Century England]. SPb., Aletejja, 296.

13. Sorokina E.A. 2003. Vneshnyaya politika Anglii v konce XVII – pervoj chetverti XVIII vv. V Central'noj, Vostochnoj i Severnoj Evrope [Foreign policy of England at the end of XVII – first quarter of XVIII centuries in Central, Eastern and Northern Europe]: thesis... candidate of history. Ivanovo, 197.

14. Erlanger F. 2008. Regent [Antlion]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=205831&p=37 (accessed: 25.10.2019).

15. Black J. 2014. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. Farnham, Ashgate, 298.

16. Corp E. 2004. A court in exile: The Stuarts in France, 1689–1718. Cambridge, Cambridge University Press, 386.

17. Osiander A. 1994. The states system of Europe, 1640–1990: peacemaking and the conditions of international stability. Oxford, Clarendon Press, 358.

18. Simms B. 2009. Three Victories and a Defeat: The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783. N.Y., Perseus Books, Basic Books, 802.

19. Swift J. 1711.The conduct of the allies and of the late ministry in beginning carrying on the present war. London, Edition, 50.

20. Thompson A.C. 2006. Britain, Hanover and the Protestant Interest, 1688–1756. Woodbridge, The Boydell Press, 284.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Демидова К.В. 2020. Династические интересы Ганноверов на континенте в контексте внешней политики Великобритании при Георге I. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 285–290. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-285-290.

Demidova K.V. 2020. Dynastic interests of Hanover on the continent in the context of british foreign policy under George I. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 285–290 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-285-290.

УДК 94 (100)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-291-301

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИИ АНТИГЛОБАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

THE PROBLEM OF THE ORIGIN AND PERIODIZATION OF THE ANTI-GLOBALIZATION MOVEMENT

А.А. Шумаков
A.A. Shumakov

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53

Plekhanov Russian University of Economics in Tula,
53 Lenin Avenue, Tula, 300000, Russia

E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация
В данной статье подробно исследуется проблема появления и генезиса антиглобалистского движения. При этом наибольшее внимание уделяется выявлению его нижних хронологических рамок. Для этого автор подробно рассматривает все основные версии происхождения данного явления, а в качестве вывода предлагает собственную периодизацию. Автор доказывает, что в основе антиглобализма как социального явления лежало движение мексиканских сапатистов, став идейной платформой антиглобалисткого сопротивления в Европе. Европейский антиглобализм приобрел экономическую направленность против неолиберализма. С течением времени движение антиглобалистов приобретало все более широкий международный характер и в то же время теряло популярность в массах. Однако его идеи до сих пор актуальны.

Abstract
This article examines in detail the problem of the emergence and genesis of the antiglobalization movement. The greatest attention is paid to the problem of identifying its lower chronological framework. To do this, the author considers in detail all the main versions of the origin of this phenomenon, and as a conclusion offers its own periodization. The author proves that the movement of Mexican Zapatistas was the basis of anti-globalism as a social phenomenon, becoming the ideological platform of antiglobalistic resistance in Europe. European anti-globalism acquired a constructive character and has taken on an economic dimension against neoliberalism. Over time, the anti-globalist movement has become increasingly widespread internationally, forming own structures, expressed in various international forums and conferences. And at the same time it has lost popularity among the masses. Its social activity was declining, giving way to local protest movements. However, antiglobalistic ideas are still relevant.

Ключевые слова: антиглобалистское движение, периодизация, генезис, проблема происхождения.
Key words: anti-globalization movement, periodization, Genesis, origin problem.

Вопрос появления и периодизации антиглобалистского движения является на сегодня одним из наиболее дискуссионных. Как правило, мнения различных исследователей сходятся только в том, что феномен антиглобализма появился на рубеже XX–XXI вв. Данное явление носит сложный, противоречивый и во многом уникальный характер. Антиглобалистское движение не имеет прямых исторических аналогов, хотя отдельные элементы его протестной практики и сходные идеологические концепции можно встретить в

целом ряде различных протестных социально-политических движений XX в. и более ранних исторических периодов. Все это дает исследователям повод прийти к однозначному выводу, что теория и практика антиглобализма опирались на опыт предыдущих поколений, но вместе с тем указанное явление, безусловно, имеет ряд уникальных черт. Окончательные предпосылки к появлению данного феномена действительно сформировались только в конце XX – начале XXI вв.

Хронология и генезис антиглобалистского движения обычно прослеживаются по ключевым событиям – массовым мероприятиям, организуемым его представителями. Они являются одними из наиболее устойчиво воспроизводимых черт антиглобалистского движения [Альтерглобализм, 2003, с. 30]. Все эти мероприятия можно условно разделить на две большие группы: активные протесты и социальные форумы. Целью последних является обсуждение и выработка общих альтернативных решений наиболее острых проблем и вопросов, а также принятие и утверждение программных документов движения. При этом стоит отметить, что подобное разделение носит во многом условный характер, т. к. в большинстве случаев антиглобалистские акции могут совмещать в себе отдельные черты и того, и другого. Наиболее ярким примером здесь является институт Всемирного социального форума, который одновременно можно рассматривать как «зеркальную» акцию протеста и площадку для выработки конструктивной программы антиглобалистского движения.

Появление антиглобализма. Основным вопросом периодизации антиглобалистского движения является так называемая дата появления данного феномена. И здесь мы сталкиваемся с одной из самых серьезных проблем, без разрешения которой будет очень сложно выполнить поставленную задачу, а именно выделить этапы становления и развития исследуемого явления. В научных работах и программных документах движения встречаются несколько дат, каждая из которых вполне может считаться началом антиглобалистского движения. Рассмотрим наиболее популярные версии появления антиглобализма и на основе их анализа попробуем сделать вывод о нижней хронологической рамке исследуемого явления.

1) 1 января 1994 г. – дата начала знаменитого выступления сапатистов в мексиканском штате Чиапас.

Именно в этот день на юге Мексики заявило о себе повстанческое движение нового типа, провозгласившее путь вооруженной партизанской борьбы против федерального правительства. Примечательно, что состояло оно в основном из представителей индейских народностей, говоривших на местных языках. Впоследствии сапатистов стали рассматривать в качестве непосредственного предшественника антиглобалистского движения [Клеман, Шеин, 2001], а их бессменный лидер субкоманданте Маркос был назван первым идеологом и героем антиглобализма [Субкоманданте Маркос: первый герой антиглобализма, 2017]. Эту дату можно встретить во многих научных работах, посвященных данной тематике [Митева, 2011, с. 107; Михайлова, 2011, с. 87], программных документах движения, а также в различных справочных материалах. Некоторые даже называют ее датой рождения современного антиглобализма и фактическим началом летописи одноименного движения, хотя данный термин появился значительно позже.

Впрочем, здесь возникает немало вопросов относительно обоснованности подобного утверждения. Подавляющее большинство исследователей не принимают данной точки зрения. Поэтому в отношении сапатистского движения обычно употребляются такие определения, как «предшественник» [Антиглобалисты. История движения и хроника борьбы, 2007], реже – «прообраз антиглобалистского движения». Подобные сомнения исследователей вполне объяснимы. Современное антиглобалистское движение имеет мало сходств с повстанческой армией. Более того, одним из основополагающих принципов антиглобалистского движения является отказ от любых форм гражданского сопротивления, сопряженных с насилием [Хартия Порту-Алегри, 2002], а EZLN – Ejercito Zapatista de Liberacion Nacional (Сапатистская Армия Национального Освобождения) являлась, по сути, военизированным формированием, пусть и с некоторыми нехарактерными особенностями.

Для многих исследователей данное противоречие кажется настолько очевидным и непреодолимым, что даже они отказывают себе в рассмотрении конкретных деталей этого сравнения. Например, виднейшие исследователи сетевых войн американцы Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт относят восстание в Чиапасе к внутреннему гражданскому конфликту, при котором отдельные субъекты страны стремятся к автономии [Arquilla, Ronfeldt, 2003, p. 17]. Однако подобные предположения не выдерживают никакой критики. Не стоит забывать о том, что в случае сапатистского движения мы имеем дело не с обычной латиноамериканской герильей в ее классическом понимании, а в первую очередь с социальным движением. Вооруженная борьба никогда не была основным методом Сапатистской Армии Национального Освобождения и вообще характерна только для самых ранних этапов восстания. Основной же акцент сапатистами делался именно на развитии и организации гражданского общества. Причем Маркос и его соратники декларировали вооруженное сопротивление как вынужденный метод действий, признавая его абсолютную бесперспективность. В одном из своих интервью знаменитому колумбийскому писателю Габриэлю Гарсии Маркесу лидер сапатистов сформулировал это следующим образом: «Наша армия – это армия совершенно другая, потому что мы стремимся как раз к тому, чтобы перестать быть армией. Военный – это абсурдная личность, потому что он должен прибегать к оружию, чтобы убедить другого в том, что его истина – единственная, которой нужно следовать. В этом смысле если будущее нашего движения – военное, то у него нет будущего. Если САНО продолжит свое существование как вооруженная военная сила, это станет ее поражением. Поражением в смысле поражения ее идейных позиций, ее взгляда на мир» [Субкоманданте Маркос, 2005]. В этом отношении пацифизм, лежащий в основе современной антиглобалистской теории, почти полностью повторяет ключевые положения идеологии сапатистов.

Таким образом, указание на принципиальное несоответствие методов современных антиглобалистов и сапатистов вряд ли можно назвать весомым доказательством их непреодолимого различия. Хотя, конечно же, сама постановка данного вопроса во многом носит условный характер, т. к. движение слишком разношерстно по своему составу и вполне может включать в себя некоторые радикальные группировки или же открыто выражать им моральную поддержку.

Что касается противопоставления структуры и принципов организации антиглобалистского и сапатистского движений, то и здесь при более детальном рассмотрении мы находим значительное сходство. Все-таки не стоит забывать о том, что главную роль на территориях, занимаемых сапатистами, играли вовсе не партизаны, а самоуправляемые крестьянские общины, действующие автономно от повстанческого руководства. В принципе, все это очень напоминает сетевую организацию антиглобалистского движения, предполагающего независимость всех участников, отсутствие центрального руководства и полную автономию всех субъектов. Кроме того, именно сапатисты провозгласили в качестве одного из основополагающих положение о том, что все общественно значимые решения должны приниматься исключительно на основе консенсуса, а не принципа большинства, что впоследствии стало одной из главных черт антиглобалистского движения. Но самое главное, именно Маркос первым попытался создать международную сетевую организацию, провозгласившую своей целью противостояние политике неолиберальной глобализации.

Именно с этой целью в период с 27 июля по 3 августа в местечке Ла-Реалидад была проведена Первая Межконтинентальная Встреча ради Человечества и против Неолиберализма, по завершении которой собравшимися был подписан специальный документ, получивший название Вторая Декларация Ла-Реалидад. Вот небольшая выдержка из него: «Мы создадим коллективную сеть из всех наших частных сопротивлений. Межконтинентальную сеть сопротивления неолиберализму, межконтинентальную сеть сопротивления ради человечества. (…) Эта межконтинентальная сеть сопротивления не будет организационной структурой, в ней не будет руководящего и направляющего центра, в ней не будет ни генерального командования, ни каких-либо иерархий» [Субкоманданте Маркос,

2005]. Последняя фраза в нашем случае имеет принципиальное значение, т. к. в ней фактически сформулированы четкие контуры будущей международной сетевой организации, построенной на основе горизонтальных связей. Впоследствии это станет одной из самых уникальных черт антиглобалистского движения, положенных в основу его структуры. Впрочем, почему-то практически все исследователи обходят своим вниманием данный факт, в лучшем случае приурочивая появление доктрины антиглобализма к выходу статьи Маркоса «Четвертая мировая война началась» в 1997 г. [Захарова, Песков].

2) Июнь 1998 г. – создание первой антиглобалистской организации ATTAC-France.

Эту дату также можно встретить в целом ряде исследований и справочной литературы как отправную точку начала истории антиглобалистского движения в Европе [Мысляева, 2002]. Именно в это время в Париже в результате объединения целого ряда прогрессивных изданий, общественных организаций и профсоюзов, инициированного группой интеллектуалов респектабельной газеты «Le Monde diplomatique», была образована сетевая структура ATTAC-France (данная аббревиатура дословно расшифровывается как «Действие за налог Тобина в помощь гражданам»). Сегодня многие исследователи называют ее первой антиглобалистской структурой нового типа. 11–12 декабря 1998 г. под эгидой данного общественного объединения в столице Франции прошла международная встреча представителей многих общественных движений, цели которых так или иначе были направлены на сдерживание и преодоление пагубных последствий глобализации. А в самом конце заседания руководство предложило объединить усилия в рамках «Международного движения за демократический контроль над финансовыми рынками и их учреждениями». Т. е. предполагается, что сетевые основы антиглобалистского движения вышли на первый план именно в указанный период времени, который характеризовался тем, что в это время явление приобрело подлинно глобальный масштаб. Причем, ассоциация ATTAC-France обычно рассматривается как своеобразная матрица антиглобалистского движения, которое впоследствии приобрело очертания данной сетевой структуры, но уже в глобальном масштабе.

Вскоре после этого объединение АТТАК получает широкую известность (только в одной Франции она насчитывала свыше 40 тыс. активистов) [Альтерглобализм, 2003, с. 32], а организации с таким же названием появляются в различных странах мира, в том числе и в России. Во Франции это объединение представляет собой сеть местных комитетов в городах и кварталах. Формально их возглавляет Национальный орган, который координирует их работу и вырабатывает приоритетные направления деятельности движения, но местные комитеты сами определяют тактику и стратегию.

Таким образом, АТТАК действительно можно назвать антиглобалистской организацией нового типа, чьи черты впоследствии были переняты и воспроизведены другими гражданскими объединениями. Однако можно ли считать дату ее основания началом антиглобалистского движения?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо обратиться к хронологии и оценить истинную уникальность этого проекта. В целом, как мы могли видеть на примере создания сапатистами МССН, это уже не первая попытка формирования международного общественного движения на теоретической базе противодействия негативным проявлениям неолиберальной глобализации.

Впрочем, необходимо признать, что она была более успешной и вывела данную дискуссию на новый уровень, включив в нее представителей западных интеллектуальных элит. Уровень развития гражданского общества во Франции и других западных странах сделал появление подобной сети действительно феноменом планетарного масштаба. Однако при этом нельзя не отметить, что АТТАК во многом опиралась на опыт сапатистского движения и идей субкоманданте Маркоса. Упоминания об этой идейной преемственности и взаимосвязи двух этих движений нередко можно было встретить даже в тех же публикациях газеты «Le Monde diplomatique».

Таким образом, появление данной ассоциации едва ли можно назвать началом антиглобалистского движения. В крайнем случае ее можно обозначить как точку отсчета

распространения новых структурных форм протестного движения в Европе на теоретической основе противодействия негативным формам проявления политики неолиберальной глобализации.

Но и здесь возникает еще одна существенная проблема, т. к. на «почетное звание» первой антиглобалистской организации Старого Света претендует также и другая международная сеть, получившая название PGA – People's Global Action (Глобальное Действие Народов против «Свободной» Торговли и ВТО). Решения об учреждении этого объединения было принято в ходе международной конференции «Всемирная координация сопротивления глобальному рынку», проходившей в Женеве в период с 23 по 25 февраля 1998 г. Всего в первом заседании приняли участие свыше 300 делегатов из 71 страны [Бюллетень ГАН]. Там же были составлены проекты программных документов, определяющих основные цели и организационные принципы новой сетевой структуры.

Первый глобальный день действий прошел уже в мае 1998 г. Поводом для протестов послужила проходившая в это время встреча G8 в Бирмингеме и Министерская Конференция ВТО в Женеве. Всего в период с 16 по 20 мая прошло более 65 демонстраций в 29 странах мира. Самые массовые демонстрации состоялись в Женеве. На улицы этого города вышло приблизительно 10 тыс. чел. В принципе, это выступление можно считать первой масштабной протестной акцией антиглобалистов. 18 июня 1998 г. одновременно в 40 странах мира проходит организованный ГДН «Всемирный карнавал против капитализма». Акция доказывает высокую степень эффективности сетевой координации политических действий движений и организаций, входящих в ГДН. Примечательно, что в программных документах ГДН всячески подчеркивается преемственность этого движения от сапатистского сопротивления. Например, в одном из таких обращений говорится следующее: «Глобальное движение было рождено вовсе не в клубах сиэтлского слезоточивого газа, оно было рождено во влажном тумане джунглей Чиапаса, в Южной Мексике на Новый 1994 год. (…) Необычное народное восстание, которое должно было изменить глобальное сопротивление, началось» [Бюллетень ГАН]. Более красноречивого свидетельства сложно себе и представить. Впрочем, эта преемственность прослеживается и в более конкретных вещах. Например, впервые идея создания ГДН была озвучена в августе 1997 г. в Эль-Индиано (Испания) сразу после проведения Второй Межконтинентальной Встречи ради Человечества и против Неолиберализма, организованной европейскими сапатистами. Собственно, на этой ассамблее и было решено созвать конференцию в Женеве в феврале 1998 г. [Бюллетень ГАН].

Этот факт имеет принципиальное значение для нашего исследования, играя роль недостающего связующего звена и создавая законченную картину становления антиглобалистского движения, которое, вопреки мнениям некоторых исследователей, не зарождалось одновременно в двух различных центрах (Латинская Америка и Европа), а развивалось вполне последовательно.

Влияние сапатизма на развитие антиглобалистского движения прослеживается достаточно отчетливо. Однако, несмотря на это, почти все отечественные и западные исследователи предпочитают игнорировать этот факт, по-прежнему отводя сапатистскому движению лишь роль предшественника современного антиглобализма.

3) Ноябрь 1999 г. – крупнейшие акции протеста в Сиэтле, повлекшие за собой фактический срыв сессии ВТО.

Эту дату также можно часто встретить в различных трудах, посвященных истории антиглобалистского движения [Жирнова, 2007, с. 188], и в справочной литературе [Альтернативная культура: Энциклопедия, 2005]. Собственно, именно после этих событий термин «антиглобализм» и вошел в широкое употребление. Любопытно, что впервые предложен он был журналистами, а не активистами нового движения, и первоначально даже носил некоторую негативную окраску, т. к. таким образом подчеркивалась исключительно деструктивная составляющая и несамостоятельный, реакционный характер данного явления по отношению к глобализации. Почти все ведущие теоретики антиглобализма

обращали особое внимание общественности на этот факт, предлагая свои варианты наименования данного социального феномена.

Масштабные протестные акции, подобные «Битве в Сиэтле», впоследствии будут происходить достаточно часто и станут одними из наиболее узнаваемых и воспроизводимых черт этого социального явления. Успех данной манифестации действительно имел огромное значение в развитии данного феномена, во многом повлияв на дальнейший выбор тактики и стратегии дальнейшего развития и активности антиглобалистского движения, сделавшего ставку на проведение подобных протестных манифестаций.

Однако, как уже говорилось выше, манифестация в Сиэтле была далеко не первой, хотя и, безусловно, одной из самых успешных акций антиглобалистов. Непонимание этого принципиально важного момента порождает немалую путаницу в определении даты появления движения в исследованиях. Например, нередко в научных работах наряду с утверждением о «протестном рождении» антиглобалистского движения в Сиэтле можно встретить пояснение о том, что первая антиглобалистская манифестация была проведена в Кельне в июне 1999 г. или даже в мае 1998 г., когда состоялся «Первый глобальный день действий». Это является прямым следствием отсутствия четкой методологии и систематического подхода к рассмотрению истории данного феномена и четкого обозначения его хронологических рамок.

Российские исследователи антиглобализма Д.А. Захарова и Д.Н. Песков называют «битву в Сиэтле» «протестным рождением антиглобалистского движения» [Захарова, Песков]. Эту точку зрения можно принять лишь с оговоркой, что успех данной акции во многом предопределил развитие антиглобализма в качестве преимущественно протестного движения. К массовым протестам в Сиэтле можно относиться как к поворотному событию, но не как к точке отсчета хронологии движения. Как мы уже имели возможность наблюдать на основе приведенных выше примеров, «протестное рождение» антиглобалистского движения состоялось значительно раньше, а проведение аналогичных акций уже было опробовано в других местах. Таким образом, мы приходим к однозначному выводу, что дата проведения манифестации в Сиэтле не может считаться началом антиглобалистского движения.

4) 25 января 2001 г. – открытие в Порту-Алегри Первого Всемирного социального форума.

Эту дату также можно встретить в качестве даты рождения антиглобалистского движения. Собственно мотивы подобного предположения вполне понятны. Именно в этот день впервые фактически было заявлено о создании принципиально новой координационной глобальной общественной структуры, направленной на активное противодействие отдельным аспектам политики неолиберальной глобализации. Несмотря на наличие определенных черт «зеркальной» протестной акции, Всемирный социальный форум венчал собой новый этап в развитии антиглобалистского движения, которое переставало быть исключительно протестным и превращалось в широкую гражданскую платформу для выработки конструктивных решений по поиску новых путей выхода из сложившегося кризиса и донесения их до общественности. Основной целью проведения подобных Форумов была попытка создания и обсуждения альтернативных проектов общественного развития.

Вышеупомянутые Д.А. Захарова и Д.Н. Песков называют дату проведения Первого ВСФ «социальным рождением антиглобализма» [Захарова, Песков]. Однако и здесь возникают те же самые вопросы, что и в отношении «протестного рождения». Все-таки данная ассамблея была далеко не первой, более того, ее даже нельзя назвать самой массовой и продуктивной в плане принятых решений. Всего в ВСФ-2001 приняли участие около пяти тысяч человек [Леон, 2001], которые так не сумели даже выработать совместного заявления [Захарова, Песков]. Как упоминалось выше, за три с половиной года до этого субкоманданте Маркос провел Первую Межконтинентальную Встречу ради Человечества против Неолиберализма с куда более впечатляющими результатами. Причем основной задачей лидера сапатистов было именно создание единой гражданской площадки для выра-

ботки альтернативных путей развития, что всячески подчеркивалось в программных документах. А в случае с проведением Всемирного социального форума в Порту-Алегри не совсем понятно, что же именно послужило главной мотивацией его организаторов – отвлечение внимания общественности от Всемирного экономического форума в Давосе, проходившего в это время, или же попытка создания международной площадки для объединения различных социально-политических сил на теоретической основе противодействия негативным последствиям неолиберальной глобализации? Однако в любом случае приходится констатировать, что ни одна из данных целей в итоге так и не была достигнута. Но при этом нельзя забывать, что в дальнейшем ВСФ все-таки стал главной площадкой антиглобалистского движения, на которой вырабатывались все принципиальные решения, но случилось это уже после подписания знаменитой Хартии Порту-Алегри 2002 года.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что ни одна из предложенных дат не может быть принята в качестве даты рождения антиглобализма. Восстание в Чиапасе само по себе, конечно же, не стало началом нового движения. Судя по первым документам сапатистов, нельзя прийти к однозначному выводу, что его организаторы изначально ставили перед собой целью создание международного движения антиглобалистского направленности. Да и вообще последовательная антинеолиберальная риторика в работах Маркоса появится значительно позже – примерно в начале 1995 г. Это можно достаточно отчетливо проследить по различным документам сапатистского движения. Поначалу основной темой публикаций была борьба с федеральным правительством. Причем в этих работах всячески подчеркивался исключительно внутринациональный характер конфликта [Субкоманданте Маркос, 2005], т. е. ни о каком международном движении поначалу и речи не шло. Скорее всего, осознание самой возможности создания подобной платформы к Маркосу и его товарищам пришло значительно позже.

Поэтому 1 января 1994 г. может считаться разве что символическим рождением антиглобалистского движения. А вот его действительное рождение произошло два года спустя – в июле 1996 г. во время проведения Первой Межконтинентальной Встречи ради Человечества и против Неолиберализма в Ла-Реалидад, инициированной сапатистами, и подписания Второй декларации Ла-Реалидад, провозгласившей создание межконтинентальной сети сопротивления. Именно эта конференция, по нашему мнению, и положила начало одному из самых мощных социальных движений современности, в то время как последующие ассамблеи и акции протеста, как мы могли видеть, носили уже вторичный характер, подчеркивая преемственность.

Периодизация. Теперь можно выделить отдельные этапы развития и предложить собственную периодизацию антиглобалистского движения.

1) 1 января 1994 – 27 июля 1996 гг. Предыстория антиглобалистского движения и начало формирования будущей доктрины антиглобализма, связанная с выступлением сапатистов в Чиапасе и деятельностью их неформального лидера субкоманданте Маркоса.

На этом этапе происходит объединение будущих апологетов антиглобалистского движения вокруг идейной платформы Маркоса и его сподвижников, которая к марту 1995 г. начинает приобретать все более антинеолиберальные очертания. Выступление в Чиапасе фактически положило начало острой дискуссии по вопросам процесса глобализации и его негативных проявлений в современном мире.

2) 27 июля 1996 – 23 февраля 1998 гг. Создание нового международного сетевого объединения.

Ключевыми событиями данного этапа стало проведение международных конференций в Ла-Реалидад (июль-август 1996 г.), Эль-Индиано (август 1997 г.) и Женеве (февраль 1998 г.). Именно в ходе этих встреч были заложены основы создания международной общественной сети – ГДН, ставшей фактически первой антиглобалистской структурой нового типа.

Также на основе предложенной схемы мы можем отчетливо видеть, что антиглобалистское движение развивалось поэтапно из единого центра. Инициатива создания подоб-

ной трансконтинентальной сетевой общественной структуры была впервые озвучена на Межконтинентальной Встрече за Человечество и против Неолиберализма в Ла-Реалидад. Именно она и придала необходимый импульс для формирования позитивного вектора развития антиглобалистского движения. Это противоречит утверждению об исключительно деструктивной (протестной) природе рассматриваемого феномена на первых этапах его существования. Развитие инициативы сапатистов мы можем видеть на примере проведения второй Межконтинентальной Встречи за Человечество и против Неолиберализма в Испании (Эль-Индиано), где было принято решение о протестном выступлении против ВТО в мае 1998 г., а также о создании новой глобальной сети сопротивления, впоследствии получившей название Глобальное Действие Народов (ГДН). Произошло это уже на съезде в Женеве в феврале 1998 г.

Данный период можно рассматривать уже в контексте непосредственной истории антиглобалистского движения, хотя самого термина «антиглобализм» на тот момент еще не существовало, что, впрочем, ни в коем случае не отрицает факта отсутствия самого феномена.

3) 23 февраля 1998 – 25 января 2001 гг. Период становления протестного движения в Европе и Америке, направленного против негативных проявлений и последствий неолиберальной глобализации.

Для этого периода характерно усиление массовых манифестаций и проведение локальных акций протеста. Безусловно, ключевым событием стала 50-тысячная демонстрация в Сиэтле в ноябре 1999 г. Однако в дальнейшем рост протестной активности шел по нарастающей с периодами незначительных спадов. В сентябре и декабре 2000 г. состоялись крупнейшие антиглобалистские манифестации против саммита МВФ и МБ в Праге (10 тыс. чел.) и саммита ЕС в Ницце (50–100 тыс. чел.) [Денчев, 2005, с. 41].

4) 31 января 2001 – 17 сентября 2011 гг.

На этом этапе антиглобалистское движение приобретает практически все типичные черты социального протестного движения. И переломным моментом здесь выступил успех Второго Всемирного социального форума в бразильском Порту-Алегри 25–31 января 2002 г. Также на данном этапе наблюдается дальнейшая консолидация и структуризация антиглобалистского движения. В это время сеть антиглобалистских организаций охватывает практически всю планету. Здесь также можно выделить два периода:

4.1) 31 января 2001 – 6 ноября 2002 гг. Пик протестной активности антиглобалистского движения в Европе.

В этот период проходят наиболее масштабные и резонансные акции антиглобалистов на саммите G8 в Генуе (до 300 тыс. чел.), саммите ЕС в Барселоне (до 500 тыс. чел.) и саммите ВТО в Канкуне (150 тыс. чел.). Собственно его кульминацией стало проведение Европейского социального форума во Флоренции, собравшего до 1 млн чел. [Шумаков, 2014, с. 13].

Стоит отметить, что в Латинской Америке этот период продлился значительно дольше благодаря поддержке института ВСФ со стороны лидеров и правящих партий государств т. н. «красного пояса». Например, в январе 2005 г. в Порту-Алегри приехало около 200 тыс. чел., что является рекордным представительством для ВСФ. Также в рамках форума прошла встреча с президентами Венесуэлы и Бразилии. В принципе, интерес к антиглобализму в Латинской Америке оказался более устойчивым, чем в странах Европы. Однако и там наблюдалась тенденция к его устойчивому снижению. Например, если в ВСФ-2009, проходившем в Белеме (Бразилия), по официальным данным приняло участие 133 тыс. чел. [Игнатов, 2009], то в 2012 г. Форум в Порту-Алегри собрал 40 тыс. участников.

Что касается США, то снижение протестной активности антиглобалистов начинается с сентября 2001 г. Это можно связать с террористической атакой на ВТЦ и принятием Патриотического акта.

4.2) 6 ноября 2002 – наши дни. Постепенное угасание протестной активности.

В этот период наблюдается снижение интенсивности антиглобалистских акций и сокращение численности их участников.

5) 17 сентября 2011 – наши дни. Начало данного этапа связано с возникновением нового международного протестного движения «Оккупируй …», которое можно рассматривать как в качестве новой вехи в развитии антиглобализма, так и в контексте истории нового социального протестного феномена – антикризисного движения. Основная трансформация связана с переходом к тактике проведения бессрочных акций протеста и захвата т. н. общественного пространства.

В дальнейшем, по мере постепенного ухода с исторической арены движения «Оккупируй…», ставшего последней вспышкой активности антиглобалистского движения, тенденция к снижению его протестной и социальной активности продолжилась. В качестве наглядных примеров здесь можно привести последние Всемирные социальные форумы – 2016 г. в Монреале и 2018 г. в бразильском Салвадоре, – которые не вызвали привычного общественного резонанса и оказались одними из самых малочисленных в истории движения, собрав 35 тыс. [Activity Report World Social Forum, 2016] и 20 тыс. [Мировой социальный форум в Сальвадоре де Байя, 2018] чел. соответственно. О громких протестных акциях антиглобалистов также давно не слышно. Последним «названным» успехом движения стали массовые манифестации в июле 2017 г. в Гамбурге на саммите G20, в которых приняли участие не менее 120 тыс. чел. Однако, как отмечал ряд экспертов, и с чем необходимо согласиться, такой внезапный всплеск протестной активности был обусловлен больше внутренними немецкими проблемами и противоречиями, чем проблематикой антиглобализма [Ващенко, Халикова, 2017].

На данный момент можно отметить, что антиглобалистское движение как активный протестный феномен практически сошло с исторической арены, уступив место другим социальным движениям протестной направленности, носящим, как правило, локальный характер. Тем не менее это ни в коем случае не говорит о том, что идеи антиглобализма потеряли актуальность. Напротив, сегодня антиглобалистская риторика все чаще звучит из уст глав ведущих стран мира, констатирующих глубокий кризис модели неолиберальной глобализации. Например, недавно президент Франции Эмманюэль Макрон в интервью Agence France-Presse (AFP) заявил, что модель рыночной экономики заржавела потому, что деградировала сама система демократии и сам капитализм, который, по его мнению, «сошел с ума» [Макрон заявил…, 2019]. В этом также следует искать причину падения активности движения, потерявшего значительную часть своего конфронтационного потенциала.

Список литературы

1. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». 2003. Под ред. А.В. Бузгалина. М., Едиториал УРСС, 254.

2. Альтернативная культура: Энциклопедия [Сост. Д. Десятерик]. 2005. Екатеринбург: Ультра. Культура. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/desyaterik_dmitriy/alternativnaya_kultura_entsiklopediya.html#73022.

3. Антиглобалисты. История движения и хроника борьбы. 2007. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20070606/66782555.html (дата обращения: 30.08.2019).

4. Бюллетень ГАН Номер 5, Февраль – 2000. [Электронный ресурс] URL: http://stop-wto.narod.ru/b5.html (дата обращения: 30.08.2019).

5. Ващенко В. Халикова, Н. Разжигатели мирового пожара. 2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/07/07/10777736.shtml (дата обращения: 30.08.2019).

6. Денчев К. 2005. Феномен антиглобализма. М., Издательский дом ГУ ВШЭ, 218.

7. Жирнова Е.А. 2007. Причины возникновения антиглобалистского движения. Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева (6): 188–193.

8. Захарова Д.А., Песков Д.Н. Антиглобалисты – «миф в себе». [Электронный ресурс] URL: https://refdb.ru/look/1903969-pall.html (дата обращения: 30.08.2019).

9. Игнатов А. Новый мир возможен? В Бразилии завершился Всемирный Социальный Форум. 2009. [Электронный ресурс] URL:

http://www.stoletie.ru/geopolitika/noviy_mir_vozmozhen_2009-02-05.html (дата обращения: 30.08.2019).

10. Кагарлицкий Б.Ю. Сопротивление или революция. 2004. [Электронный ресурс] URL: https://litra.pro/sbornik-statej-i-intervjyu-2004-05gg/kagarlickij-boris-yuljevich/read/18 (дата обращения: 30.08.2019).

11. Клеман К., Шеин О., Агитон К. 2002. Антиглобалистское движение и его перспективы в России. Альтернативы. (3): 100–157.

12. Леон О. 2001. К началу инициативы. К итогам Международного Социального Форума. [Электронный ресурс] URL: http://www.tiwy.com/sociedad/2001/el_foro_social_mundial/rus.phtml (дата обращения: 30.08.2019).

13. Макрон заявил, что «капитализм деградировал и сошел с ума». 2019. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6793858 (дата обращения: 30.08.2019).

14. Мировой социальный форум в Сальвадоре де Байя. 2018. [Электронный ресурс] URL: https://alternativy.ru/ru/node/15757 (дата обращения: 30.08.2019).

15. Митева В.В. 2011. К истории зарождения антиглобалистского движения. Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. (1): 107–113.

16. Михайлова А.С. 2011. Альтерглобализм как идеология и практика антиглобализма. Социология власти. (6): 85–91.

17. Мысляева И. 2002. Истоки и суть антиглобалистского движения. Женщина Плюс. (2). [Электронный ресурс] URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2002/myslyaeva.html (дата обращения: 30.08.2019).

18. Субкоманданте Маркос: первый герой антиглобализма. 2017. [Электронный ресурс] URL: https://russian7.ru/post/subkomandante-markos-pervyy-geroy-an/ (дата обращения: 30.08.2019).

19. Субкоманданте Маркос. 2005. Четвёртая мировая война. Жизнь запрещенных людей. Екатеринбург, Ультра. Культура, 208.

20. Хартия Порту-Алегри. [Электронный ресурс] URL: http://www.alternativy.ru/ru/node/140 (дата обращения: 30.08.2019).

21. Шумаков А.А. 2014. История антиглобалистского движения в странах Европы и Америки: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 23.

22. Activity Report World Social Forum. Montreal, August 9 to 14, 2016. 2016. [Электронный ресурс] URL: https://fsm2016.org/wp-content/uploads/2017/01/RAPPORT_FSM2016_anglais.pdf (accessed 30.08.2019).

23. Arquilla J., Ronfeldt D. 2003. The Advent of Netwar (revised). Santa Monica, Calif., RAND, 127.

Referenses

1. Al'terglobalizm: teorija i praktika «antiglobalistskogo dvizhenija» [Alterglobalism: theory and practice of the «anti-globalist movement»]. 2003. Pod red. A.V. Buzgalina. M., Editorial URSS, 254 (in Russian).

2. Al'ternativnaja kul'tura: Jenciklopedija [Alternative Culture: Encyclopedia] [Sost. D. Desjaterik]. 2005. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura. [Jelektronnyj resurs] URL: https://royallib.com/read/desyaterik_dmitriy/alternativnaya_kultura_entsiklopediya.html#73022.

3. Antiglobalisty. Istorija dvizhenija i hronika bor'by [Anti-globalists. The history of the movement and the chronicle of the struggle]. [Jelektronnyj resurs] URL: https://ria.ru/20070606/66782555.html (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

4. Bjulleten' GAN Nomer 5, Fevral' – 2000 [GAN Bulletin Number 5, February 2000]. [Jelektronnyj resurs] URL: http://stop-wto.narod.ru/b5.html (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

5. Vashhenko V., Halikova N. Razzhigateli mirovogo pozhara [Firefighters of the world]. 2017. [Jelektronnyj resurs] URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/07/07/10777736.shtml (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

6. Denchev K. 2005. Fenomen antiglobalizma [The phenomenon of antiglobalism]. M., Izdatel'skij dom GU VShJe. 2005, 218 (in Russian).

7. Zhirnova E.A. 2007. Prichiny vozniknovenija antiglobalistskogo dvizhenija [The causes of the anti-globalist movement]. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M.F. Reshetneva [Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after academician M.F. Reshetnev] (6): 188–193 (in Russian).

8. Zaharova D.A., Peskov, D.N. Antiglobalisty – «mif v sebe» [Anti-globalists are a «myth in themselves»]. [Jelektronnyj resurs] URL: https://refdb.ru/look/1903969-pall.html (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

9. Ignatov A. Novyj mir vozmozhen? V Brazilii zavershilsja Vsemirnyj Social'nyj Forum [Is a new world possible? The World Social Forum has ended in Brazil]. 2009. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/noviy_mir_vozmozhen_2009-02-05.html (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

10. Kagarlickij B.Ju. Soprotivlenie ili revoljucija [Resistance or revolution]. 2004. [Jelektronnyj resurs] URL: https://litra.pro/sbornik-statej-i-intervjyu-2004-05gg/kagarlickij-boris-yuljevich/read/18 (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

11. Kleman K., Shein O., Agiton K. 2002. Antiglobalistskoe dvizhenie i ego perspektivy v Rossii [The anti-globalist movement and its prospects in Russia]. Al'ternativy [Alternatives]. (3), 100–157 (in Russian).

12. Leon O. 2001. K nachalu iniciativy. K itogam Mezhdunarodnogo Social'nogo Foruma [To the beginning of the initiative. To the results of the International Social Forum]. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.tiwy.com/sociedad/2001/el_foro_social_mundial/rus.phtml (data obrashhenija: 30.08.2019). (in Russian).

13. Makron zajavil, chto «kapitalizm degradiroval i soshel s uma» [Macron said that «capitalism has degraded and gone crazy»]. 2019. [Jelektronnyj resurs] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6793858 (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

14. Mirovoj social'nyj forum v Sal'vadore de Bajja [World Social Forum in Salvador de Bahia]. 2018 [Jelektronnyj resurs] URL: https://alternativy.ru/ru/node/15757 (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

15. Miteva V.V. 2011. K istorii zarozhdenija antiglobalistskogo dvizhenija [On the history of the origin of the anti-globalist movement]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences]. (1): 107–113 (in Russian).

16. Mihajlova A.S. 2011. Al'terglobalizm kak ideologija i praktika antiglobalizma [Alterglobalism as an ideology and practice of antiglobalism]. Sociologija vlasti [Sociology of power]. (6): 85–91 (in Russian).

17. Mysljaeva I. 2002. Istoki i sut' antiglobalistskogo dvizhenija [The origins and essence of the anti-globalist movement]. Zhenshhina Pljus [Woman Plus]. № 2. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2002/myslyaeva.html (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

18. Subkomandante Markos: pervyj geroj antiglobalizma [Subcomandante Marcos: first hero of anti-globalism]. 2017. [Jelektronnyj resurs] URL: https://russian7.ru/post/subkomandante-markos-pervyy-geroy-an/ (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

19. Subkomandante Markos. 2005. Chetvjortaja mirovaja vojna. Zhizn' zapreshhennyh ljudej [Fourth World War. The life of forbidden people]. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 208 (in Russian).

20. Hartija Portu-Alegri [Charter of Porto Alegre]. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.alternativy.ru/ru/node/140 (data obrashhenija: 30.08.2019) (in Russian).

21. Shumakov A.A. 2014. Istorija antiglobalistskogo dvizhenija v stranah Evropy i Ameriki [History of the anti-globalist movement in Europe and America]: avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 23 (in Russian).

22. Activity Report World Social Forum. Montreal, August 9 to 14, 2016. 2016. [Электронный ресурс] URL: https://fsm2016.org/wp-content/uploads/2017/01/RAPPORT_FSM2016_anglais.pdf (accessed 30.08.2019).

23. Arquilla J., Ronfeldt D. 2003. The Advent of Netwar (revised). Santa Monica, Calif., RAND, 127.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Шумаков А.А. 2020. Проблема происхождения и периодизации антиглобалистского движения. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 291–301. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-291-301.

Shumakov A.A. 2020. The problem of the origin and periodization of the anti-globalization movement. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 291–301 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-291-301.

УДК: 327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-302-308

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

PROSPECTS OF RUSSIAN AND SOUTH KOREAN COOPERATION IN THE EDUCATIONAL SPHERE IN THE XXI CENTURY

И.В. Михайлов, М.И. Исмагилова
I.V. Mikhailov, M.I. Ismagilova

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
33 Internationalnaya St, Tambov, 392000, Russian Federation

E-mail: m.i.v.2000@ mail.ru
E-mail: imi.me8@gmail.com

Аннотация
Сотрудничество России и Южной Кореи является важной частью всей системы российско-южнокорейских отношений. Республика Корея является одним из важных партнеров Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В настоящее время в Российской Федерации и Республики Корея достаточно большое количество школьников и студентов желают получить образование в странах-партнерах. В статье анализируется развитие российско-южнокорейского сотрудничества в сфере образования в XXI веке. Рассматриваются различные стипендиальные программы, разработанные правительствами России и Южной Кореи, а также ведущими российскими и южнокорейскими университетами, для привлечения иностранных студентов.

Abstract
Nowadays cooperation between Russia and South Korea is a significant part of the whole system of Russian and South Korean relationships. The Republic of Korea is one of the important partners of the Russian Federation in the Asia-Pacific region. Moreover, in the Russian Federation and the Republic of Korea there are a large amount of enrollees and students who would like to study in the partner countries. Based on these, this article reviews the development of Russian and South Korean cooperation in the educational sphere in the XXI century. The major goal of the study is the estimation of opportunities to study in the Russian Federation and the Republic of Korea. Based on these, in the present research paper the main attention is focused on various scholarship programs developed by the governments of Russia and South Korea and leading Russian and South Korean universities to attract foreign students. In the end of the study, the authors show advantages of partnership between the Russian Federation and the Republic of Korea.

Ключевые слова: поворот России на Восток, российско-южнокорейское сотрудничество, высшее образование, стипендиальные программы, «корейская волна», экзамены, высшие учебные заведения.
Keywords: Russia's turn to the East, Russian-South Korean cooperation, higher education, scholarship programs, «Korean wave», exams, universities.

Публикуется при грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи, соглашение № 091-15-2019-104 от 04.09.2019.

Поворот России на Восток, о котором в последнее время говорят политики, политологи и экономисты, становится все более актуальной повесткой дня российской внешней политики. Тема Востока, в частности, стала главной на XVI заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», членами которого являются ведущие российские и иностранные специалисты в области международных отношений. В пленарной сессии принял участие Президент Российской Федерации В.В. Путин, который подчеркнул усиление роли азиатских государств в мировых делах. «Укрепление позиций азиатских государств заметно во всех сферах, – отметил российский Президент. – … В регионе уже формируется более трети мирового валового продукта. Опережая среднемировые темпы, повышается и уровень жизни. Активно внедряются самые передовые технологии. Беспрецедентные по охвату интеграционные процессы, глобализация буквально притягивают к Азии как отдельных внешних игроков, так и целые сопредельные субрегионы» [Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (вебсайт)].

Пристальное внимание России к Востоку требует укрепления политических, экономических и культурных связей со странами региона. Нашей стране требуется все больше специалистов, понимающих как общую цивилизационную специфику, так и отличительные особенности азиатских народов. Россия заинтересована не только в завоевании перспективных азиатских рынков, она стремится к улучшению своего положительного имиджа в мире, чему во многом способствует трансляция российских достижений в различных областях деятельности на страны Востока. Очевидно, что одним из направлений, содействующих решению данных задач, является сотрудничество с азиатскими государствами в области образования. Студенческий обмен, прохождение программ бакалавриата или магистратуры в другой стране – достаточно распространенные практики на сегодняшний день. Современная молодежь понимает, что во многом именно хорошее образование является тем социальным лифтом, который дает возможности для достижения успеха в различных сферах деятельности.

В контексте «поворота России на Восток» Республика Корея является одним из приоритетных партнеров Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Развивается и сотрудничество в области образования между нашими странами. Этому способствует установление в 2014 г. безвизового режима между Россией и Южной Кореей, вследствие чего российские и южнокорейские граждане могут находиться на территории стран-партнеров в течение 90 дней без получения визы [Иммиграционная служба Республики Корея (вебсайт)]. Благодаря развивающемуся российско-корейскому сотрудничеству граждане Южной Кореи имеют возможность продолжить свое обучение в высших учебных заведениях Российской Федерации, а российские студенты, соответственно, в университетах Республики Корея. Российские и южнокорейские дипломы о получении высшего образования принимаются во всем мире. При поступлении иностранных абитуриентов в университеты России и Южной Кореи проводится равный конкурсный отбор, независимо от того, из какой страны приехал студент.

Российская Федерация – один из мировых лидеров в области информационных технологий, финансовых услуг, медицины, в космической и атомной отраслях. При этом стоимость высшего образования в России в 5–7 раз ниже, чем в странах Европы. По данным Института статистики ЮНЕСКО (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization), Россия занимает шестое место в мире по привлекательности для иностранных студентов после Соединенных Штатов Америки (США), Великобритании, Австралии, Франции и Германии [UIS Statistic (вебсайт)]. 25 российских университетов вошли в рейтинг британского исследовательского центра Quacquarelli Symonds (QS) 2020 года [QS World University Rankings (вебсайт)]. Более чем половине из них удалось улучшить свои позиции по сравнению с прошлым годом [QS World University Rankings (вебсайт)]. По версии Quacquarelli Symonds, лучшим российским университетом является Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ) (84 место) [Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (вебсайт)]. На втором месте Новосибирский государственный университет (231 место). Кроме этого, в список Quacquarelli

Symonds вошли: Московский физико-технический институт (302 место); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (322 место); Уральский федеральный университет (364 место).

При поступлении в российские университеты корейским абитуриентам нужно сдать экзамен по русскому языку. Если абитуриент не в достаточной мере владеет русским языком, он проходит языковые курсы при университете, в который планирует поступить. Длительность таких курсов составляет примерно один год. Также существуют летние и зимние школы русского языка, где обучение длится от 3 недель до 3 месяцев [Russia.Study (вебсайт)]. Южнокорейские граждане могут изучать русский язык при посольстве Российской Федерации в Республике Корея [Посольство Российской Федерации в Республике Корея (вебсайт)].

Граждане Южной Кореи, желающие продолжить свое образование в России, поступают в российские университеты преимущественно на платной основе. Однако для абитуриентов, не имеющих такой возможности, была создана «Государственная стипендия». Данная программа предоставляет бесплатное обучение в университете и ежемесячную стипендию [Russia.Study (вебсайт)].

По данным сайта Russia.Study, количество южнокорейских студентов, получающих сегодня высшее образование в России, невелико и явно уступает потоку студентов из других восточноазиатских государств, таких как Китай, Вьетнам, Монголия, а также арабских и африканских стран [Russia.Study (вебсайт)]. Этот факт не вызывает особого оптимизма, но и не слишком пессимистичен. Ведь именно здесь во многом и лежат возможности роста сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея в области образования. В июне 2017 г. Правительством Российской Федерации был утвержден Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Согласно этому документу в результате реализации проекта, который направлен на «привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг», «количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. чел. в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г., а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн 100 тыс. чел. до 3 млн 500 тыс. чел.» [Развитие экспортного потенциала российской системы образования (вебсайт)].

В начале XXI века мир накрыла «корейская волна». Это было обусловлено большой популярностью корейской музыки, моды, кинофильмов. Но «корейская волна» связана не только с популярностью южнокорейской культуры. Корейская экономика демонстрировала высокий рост [Михайлик, 2008, с. 32]. В 2019 г. (шестой год подряд) экономика Южной Кореи признана самой инновационной экономикой мира [Самые инновационные экономики мира – 2019 (вебсайт)]. Она оставила позади себя по этому показателю такие высокоразвитые экономики мира, как экономики Германии, Финляндии, Швейцарии, Израиля, Сингапура, Швеции, США, Японии и Франции. При составлении рейтинга учитывались следующие показатели: интенсивность научных исследований и разработок, добавленная стоимость в производстве, производительность труда, удельный вес высоких технологий, количество специалистов, участвующих в исследованиях, патентная активность. Также, на что следует обратить особое внимание, одним из важных факторов, влияющих на создание инновационной экономики, является «эффективность высшего образования» [Самые инновационные экономики мира – 2019 (вебсайт)].

Под влиянием «корейской волны» достаточно большое количество российских студентов стремятся посетить Южную Корею, изучить культуру, выучить язык и продолжить свое образование в корейских университетах. Система образования Республики Корея сходна с системой образования США, Великобритании и континентальной Европы. Она полностью отвечает требованиям Болонской системы – бакалавриат (4 года), магистратура (2 года), докторантура (3 года). Вместе с этим есть и свои особенности. Учебный год в Южной Корее стандартно делится на 2 семестра. Но первый начинается в марте и заканчивается в середине

июля, а второй длится с сентября по декабрь. Каникулы у студентов проходят между концом одного семестра и началом другого [Очирова, 2015, с. 65].

В 1997 г. в Республике Корея был принят закон, согласно которому высшие учебные заведения страны делятся на 4 категории: колледжи и университеты; педагогические колледжи; университеты с заочной формой обучения; богословские колледжи, семинарии [Gwang-Jo Kim, p. 33]. В настоящее время в Республике Корея существует примерно 400 университетов [Study in Korea (вебсайт)].

Тройку самых лучших вузов страны составляют: Сеульский национальный университет (Seoul National University), Университет Ёнсе (Yonsei University) и Университет Корё (Korea Advanced Institute of Science and Technology). Они также входят в топ двадцать лучших азиатских университетов [Asia University Rankings 2019 (вебсайт)].

Сеульский национальный университет – самый крупный и престижный университет в Республике Корея. Он был основан в конце XIX в. при императоре Кореи Коджоне. Факультеты технических и естественных наук имеют высокий рейтинг во всем мире [QS World University Rankings (вебсайт)]. Большая часть южнокорейских чиновников являются выпускниками этого института. Данный университет сотрудничает с более чем 800 высшими учебными заведениями по всему миру и ведет программу обучения по студенческому обмену.

Университет Корё (Корейский ведущий научно-технический институт) занимает второе место по качеству образования в Южной Корее. Он был основан в 1971 г. для развития науки и техники в стране [Университет Корё (вебсайт)].

Университет Ёнсе – также престижное корейское высшее учебное заведение. Он был основан в 1885 г. Программа по студенческому обмену достаточно хорошо развита. Данный университет сотрудничает с тремя российскими вузами: Санкт-Петербургским государственным университетом, Московским государственным университетом и Дальневосточный федеральным университетом [Университет Ёнсе (вебсайт)].

Студенты из России, желающие получить высшее образование в Южной Корее, могут поступить в университет страны только при условии, что предварительно пройдут годовой курс по изучению корейского языка. При условии того, что студент уже владеет корейским языком, он должен предоставить сертификат международного экзамена «TOPIK» («Test of Proficiency in Korean»). Для поступления в южнокорейские институты российский абитуриент должен иметь законченное среднее полное образование или же среднее профессиональное образование. Обучение в корейских университетах идет на корейском и английском языках, так как там работает большое количество иностранных преподавателей.

Граждане России, желающие изучать корейский язык и культуру на бесплатной основе, могут посещать Корейский культурный центр при посольстве Республики Корея в Москве [Корейский культурный центр при посольстве Республики Корея в Москве (вебсайт)]. На сайте Министерства иностранных дел Южной Кореи размещена подробная информация [Министерство иностранных дел Республики Корея (вебсайт)]. Кроме этого, российские абитуриенты могут посещать платные языковые школы с различными языковыми и культурными программами в корейских университетах. Обучение в таких школах длится от 3 до 10 недель. Так, например, в университетах Корё и Ёнсе работают Международные Летние школы, целью которых, как сказано на сайте университета, «является привлечение иностранных студентов для культурного обмена, расширения кругозора и обретения новых друзей из разных стран» [Университет Ёнсе (вебсайт)].

Граждане Российской Федерации могут претендовать на обучение в Республике Корея и по стипендиальной программе. Правительство Южной Кореи разработало различные образовательные программы, позволяющие иностранным гражданам продолжить свое обучение в этом государстве. Однако для того, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на получение стипендии, абитуриент должен владеть корейским языком не ниже третьего уровня, согласно требованиям «TOPIK» («Test of Proficiency in Korean»), а для студентов магистратуры – не ниже пятого уровня [Test of Proficiency in Korean (вебсайт)]. Кроме того, нужно иметь сертификат TOEFL

(Test of English as a Foreign Language) или IELTS (International English Language Testing System) о владении и сдаче международного экзамена по английскому языку.

Самой популярной стипендиальной программой является «Стипендиальная Программа Корейского Правительства» («Korean Government Scholarship Program») [(вебсайт)]. Цель программы – предоставить иностранным студентам возможности обучения по программам бакалавриата и магистратуры в высших учебных заведениях Республики Корея и посредством этого укреплять отношения с различными государствами мира. Денежное пособие включает перелет в оба конца (но только один раз), оплату обучения и годового курса корейского языка, ежемесячную стипендию в размере 800 000 вон (примерно 45 000 рублей) обучающимся по программе бакалавриата и 900 000 вон (приблизительно 50 000 рублей) обучающимся по программе магистратуры и медицинскую страховку [Сеульский национальный университет (вебсайт)].

Еще одна популярная правительственная программа «Программа правительства Кореи для студентов из стран-партнеров» («Korean Government Invitation Program for Students from Partner Countries»). Эта программа является краткосрочной и проходит на английском языке. Стать ее стипендиатами приглашаются иностранные студенты, ведущие активную общественную жизнь и стремящиеся стать лидерами в своих странах. В программу включены: лекции по истории, экономике и культуре; тур по университетам и историческим местам Республики Корея. Организаторы оплачивают билеты на самолет, проживание и страховку [Министерство иностранных дел Республики Корея (вебсайт)].

Российские граждане могут и самостоятельно поступать в южнокорейские вузы на платной основе. При этом абитуриент может получить 70 % скидку на обучение, если представит портфолио, показывающее его достижения в различных областях деятельности (дипломы, участие в международных конференциях, волонтерство, публикации и т. д.), и это будет оценено приемной комиссии [Study in Korea (вебсайт)]. Наряду с этим существует также «Программа поддержки для студентов, финансируемых за счет собственных средств» («Support Program for Self-financed Students») [Министерство иностранных дел Республики Корея (вебсайт)]. Целью данной стипендии является оказание материальной поддержки отличившихся в учебе студентов. Она предоставляется студентам, обучающимся в университете Южной Кореи не менее двух семестров и с баллом за успеваемость более 80 %. Также учащийся должен иметь 4 уровень знания корейского языка по TOPIC.

Существует еще одна программа – «Программа приглашения правительством Кореи студентов из стран-партнеров» («Korean Government Invitation Program for Students from Partner Countries»). Она является краткосрочной и проходит на английском языке. Стать участниками данной программы приглашаются иностранные студенты, которые могут стать лидерами в разных сферах деятельности в своих странах, чтобы углубить свое понимание Южной Кореи и обеспечить мотивацию обучения в Корее для будущего поколения [Министерство иностранных дел Республики Корея (вебсайт)]. В программу включены: лекции по истории, экономике и культуре; тур по университетам и историческим местам Республики Корея. Организаторы оплачивают билеты на самолет, проживание и страховку.

Корейские высшие учебные заведения создают и собственные стипендиальные программы. Так, например, университет Корё предоставляет «Global Korea University Study Abroad». Данная стипендия бывает трех видов: 1) с 1 курса в каждом семестре выплачивается по 400 000 вон (примерно 21 500 рублей); 2) единоразовое начисление стипендии в размере 1 500 000 вон (примерно 80 500 рублей); 3) ежемесячная стипендия за учебные достижения в размере 300 000 вон (приблизительно 16 000 рублей). В программе могут участвовать студенты, уже обучающиеся в корейском университете, или же студенты по обмену, желающие продолжить свое образование в Южной Корее. Стипендия оплачивает либо 50 % стоимости обучения, либо 100 %, в зависимости от уровня успеваемости учащегося [Университет Корё (вебсайт)].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует достаточно большое количество программ и стипендий как в Российской Федерации, так

и в Республике Корея, направленных на взаимное привлечение иностранных студентов. Это правительственные и университетские гранты, а также возможность проходить обучение за счет своих собственных средств. Эти возможности активно используют российские и корейские студенты. Но очевидно, что потенциал сотрудничества между нашими странами в области образования этим не исчерпывается. Создание специальных курсов, увеличение грантовой поддержки, расширение количества вузов, участвующих в программах обмена, – вот «точки роста» российско-южнокорейского сотрудничества в области образования в XXI веке.

Список литературы

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [вебсайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719 (Дата обращения 28.11.2019).

2. Корейский культурный центр при посольстве Республики Корея в Москве [вебсайт]. URL: http://russia.korean-culture.org/ru (Дата обращения 28.11.2019).

3. Михайлик О.Н. 2008. Феномен «корейской волны»: синтез Запада и Востока? Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение: 31–40.

4. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова [вебсайт]. URL: https://www.msu.ru/ (Дата обращения 28.11.2019).

5. Очирова Д.Б. 2015. Система высшего образования в Республике Корея: история и современное состояние. Образование. Личность. Общество: 64–67.

6. Посольство Российской Федерации в Республике Корея [вебсайт]. URL: https://korea-seoul.mid.ru/embassy (Дата обращения 28.11.2019).

7. Развитие экспортного потенциала российской системы образования [вебсайт]. URL: http://government.ru/news/28013/ (Дата обращения 28.11.2019).

8. Самые инновационные экономики мира – 2019 [вебсайт]. URL: http://global-finances.ru/bloomberg-innovation-index-2019/ (Дата обращения 28.11.2019).

9. Asia University Rankings 2019 [вебсайт]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/regional-ranking (Дата обращения 28.11.2019).

10. Gwang-Jo Kim. Education Policies and Reform in South Korea [вебсайт]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/465c/225a7070d9ff272b0d4c7be8858c00044617.pdf (Дата обращения 28.11.2019).

11. Immigration Service of the Republic of Korea [вебсайт]. URL: https://www.visa.go.kr/ (Дата обращения 28.11.2019).

12. Korea Advanced Institute of Science and Technology [вебсайт]. URL: https://www.kaist.ac.kr/html/en/ (Дата обращения 28.11.2019).

13. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea [вебсайт]. URL: http://www.mofa.go.kr/www/index.do (Дата обращения 28.11.2019).

14. QS World University Rankings [вебсайт]. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/asian-university-rankings/2020 (Дата обращения 28.11.2019).

15. Russia.Study [вебсайт]. URL: https://russia.study/ru (Дата обращения 28.11.2019).

16. Seoul National University [вебсайт]. URL: http://snu.ac.kr/index.html (Дата обращения 28.11.2019).

17. Study in Korea [вебсайт]. URL: http://studyinkorea.go.kr/en/main.do;jsessionid=E38B4FCD68AA76E244567C782EA02C84.node_10 (Дата обращения 28.11.2019).

18. Test of Proficiency in Korean [вебсайт]. URL: http://www.topik.go.kr/usr/cmm/index.do (Дата обращения 28.11.2019).

19. UIS Statistic [вебсайт]. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx (Дата обращения 28.11.2019).

20. Yonsei University [вебсайт]. URL: https://www.yonsei.ac.kr/en_sc/index.jsp (Дата обращения 28.11.2019).

Referenses

1. Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» [Meeting of the Valdai Discussion Club] [вебсайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719 (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

2. Korejskij kul'turnyj centr pri posol'stve Respubliki Koreya v Moskve [Korean Cultural Center at the Embassy of the Republic of Korea in Moscow] [вебсайт]. URL: http://russia.korean-culture.org/ru (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

3. Mikhailik O.N. 2008. Fenomen «korejskoj volny»: sintez Zapada i Vostoka? [The phenomenon of the «Korean wave»: a synthesis of West and East?] Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies]: 31–40 (in Russian).

4. Moscow State University named after M.V. Lomonosov [вебсайт]. URL: https://www.msu.ru/ (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

5. Ochirova D.B. 2015. Sistema vysshego obrazovaniya v Respublike Koreya: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The system of higher education in the Republic of Korea: history and current status]. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo [Education. Personality. Society]: 64–67.

6. Embassy of the Russian Federation in the Republic of Korea [вебсайт]. URL: https://korea-seoul.mid.ru/embassy (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

7. Development of the export potential of the Russian education system [вебсайт]. URL: http://government.ru/news/28013/ (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

8. The most innovative economies in the world – 2019 [вебсайт]. URL: http://global-finances.ru/bloomberg-innovation-index-2019/ (Дата обращения 28.11.2019) (in Russian).

9. Asia University Rankings 2019 [вебсайт]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/regional-ranking (Дата обращения 28.11.2019).

10. Gwang-Jo Kim. Education Policies and Reform in South Korea [вебсайт]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/465c/225a7070d9ff272b0d4c7be8858c00044617.pdf (Дата обращения 28.11.2019).

11. Immigration Service of the Republic of Korea [вебсайт]. URL: https://www.visa.go.kr/ (Дата обращения 28.11.2019).

12. Korea Advanced Institute of Science and Technology [вебсайт]. URL: https://www.kaist.ac.kr/html/en/ (Дата обращения 28.11.2019).

13. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea [вебсайт]. URL: http://www.mofa.go.kr/www/index.do (Дата обращения 28.11.2019).

14. QS World University Rankings [вебсайт]. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/asian-university-rankings/2020 (Дата обращения 28.11.2019).

15. Russia.Study [вебсайт]. URL: https://russia.study/ru (Дата обращения 28.11.2019).

16. Seoul National University [вебсайт]. URL: http://snu.ac.kr/index.html (Дата обращения 28.11.2019).

17. Study in Korea [вебсайт]. URL: http://studyinkorea.go.kr/en/main.do;jsessionid=E38B4FCD68AA76E244567C782EA02C84.node_10 (Дата обращения 28.11.2019).

18. Test of Proficiency in Korean [вебсайт]. URL: http://www.topik.go.kr/usr/cmm/index.do (Дата обращения 28.11.2019).

19. UIS Statistic [вебсайт]. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx (Дата обращения 28.11.2019).

20. Yonsei University [вебсайт]. URL: https://www.yonsei.ac.kr/en_sc/index.jsp (Дата обращения 28.11.2019).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Михайлов И.В., Исмагилова М.И. 2020. Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в области образования в XXI веке. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 302–308. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-302-308.

Mikhailov I.V., Ismagilova M.I. 2020. Prospects of Russian and South Korean cooperation in the educational sphere in the XXI century. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 302–308 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-302-308.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-309-317

АНТРОПОНИМИЯ ПЕРВЫХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

ANTHROPONYMY OF THE FIRST RUSSIAN PRINCES AND THE ORIGIN OF THE RURIK DYNASTY

А.Е. Виноградов
A.E. Vinogradov

Независимый исследователь, г. Москва
Independent researcher, Moscow

E–mail: alwynor@mail.ru

Аннотация
Зафиксированная частью русских летописей версия о происхождении династии Рюриковичей из Римской империи, возможно, содержит реальную историческую основу. Лингвистические и археологические данные свидетельствуют о связях начальной Руси с бывшими дунайскими провинциями Рима. Личные имена первых русских князей IX – первой половины X вв., упомянутые в русских летописях, западноевропейских и византийских источниках, отражают эти связи и отличаются от именослова воинско-купеческой элиты, зафиксированного в договорах Руси с греками. Княжеские антропонимы имеют, скорее, латинские корни с особенностями, отражающими этнолингвистическую специфику региона происхождения ранней Руси в Придунавье.

Abstract
The version of the origin of the Rurikovich dynasty from the Roman Empire, recorded by part of the Russian annals, possibly contains, although in a distorted form, a real historical basis. Linguistic and archaeological data testify to the connections of the initial Russia with the former Danube provinces of Rome. The personal names of the first Russian princes of the 9th – first half of the 10th century mentioned in Russian chronicles, West European and Byzantine sources reflect these connections and differ from the onomasticon of the military-merchant elite recorded in the treaties of Russia with the Greeks. The names Rurik, Sineus, Truvor, Oleg, Igor, Olga are traditionally interpreted as Norman, however, such versions contain serious linguistic stretches, which also encounter historical and narrative contradictions. In reality, these princely anthroponyms are more likely to have Latin roots, with features reflecting the ethnolinguistic specificity of the region of origin of early Russia in the Danube.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», норманнская теория, личные имена, древнерусские князья, Византия, Балканы, латынь.
Key words: The Tale of Bygone Years, Norman theory, personal names, Old Russian princes, Byzantium, the Balkans, Latin.

Антропонимия основных персонажей первого столетия русской государственности давно является предметом пристального изучения исследователей, часто фигурируя в качестве одного из доказательств той или иной теории происхождения династии Рюриковичей.

Несмотря на то, что разнообразие этнических трактовок этих имен вслед за исследователями в XVIII–XX вв. поддерживается и в XXI в. [Грот; Олейниченко], к настоящему времени преобладает одна – норманнская версия их происхождения [Горский, 2012–1, с. 10; Franklin, Shepard, p. 112, 116]. Однако мнение некоторых исследователей, что в этом вопросе якобы «поставлена точка» и «было однозначно доказано… скандинавское происхождение… первых русских князей» [Пчелов, 2012, с.16–17], на наш взгляд, представляется преждевременным.

Успех норманнской версии оказался возможен лишь на фоне слабости конструктивной части других концепций, да и его однозначность неочевидна. Так, С.Л. Николаев показывает, что традиционно предлагаемые в качестве норманнских прототипов имен братьев Рюрика Signjūt(R), Þōrvar(ð)r могли дать лишь совершенно другие русские формы (*Си(г)нуть и *Турвард [Николаев, с. 48]). По мнению А.В. Назаренко, имя *Игорь*, судя по его формам в византийских источниках, «на собственно скандинавской почве… интерпретации не поддается» [Назаренко, с. 229]).

Для решения проблемы имен представляется важным с методологической точки зрения использовать в том числе те указания источников, которые по тем или иным причинам не встраиваются в большинство существующих концепций. В частности, при общей неопределенности указаний русских источников на происхождение княжеской династии, часть из них (Воскресенская летопись) выводит ее из Римской империи [ПСРЛ 1856, с. 268]. Факт (дошедшей до нас) фиксации такой традиции лишь в XVI в. и ее политическая составляющая не могут автоматически означать, что эта традиция была целиком выдумана и не содержала реальной исторической основы. Письменные и археологические источники подтверждают факты раннесредневековой миграции из бывших римских провинций на Балтику [Виноградов, с. 140–145]. Восточные, византийские и западноевропейские источники многократно указывали на связь различных «родов» Руси с бывшими владениями или протекторатами Рима в Крыму и Приазовье [Талис], на нижнем Дунае [Gottfridum, col. 224], сделанное еще перед походом на дунайскую Болгарию заявление Святослава, что Нижний Дунай «середа в земли моей» [ПСРЛ 1846, с. 28] тоже предполагало наличие обширных владений русов в указанных землях.

Анализ первых неславянских антропонимов русских князей показывает, что происхождение их носителей если не от «кесаря Римского», то из Рима вполне возможно. Еще Г.Ф. Эверс [Ewers, s. 83] указывал, что наиболее точным соответствием имени *Рюрик* является позднеримское Ruricius. *Синеус* у Длугоша [Długosz, p. 122] фигурирует как Szynyev, трансформация конечного –ус, –us свидетельствует, что это имя рассматривалось как латинское. Вполне вероятно, что и на самом деле речь шла о латинском антропониме Senius (пример из римской истории II н. э. [Birley, p. 103]). Польский автор явно славянизировал некоторые имена русских князей [Щапелева, с. 376] как признак «славянизации» имени брата Рюрика, но уже русскими (и заимствовавшими их другими) источниками может рассматриваться инверсия корневых гласных в данном антропониме, позволившая М.П. Погодину иронизировать, что это-де «бесспорно… Синий ус!» [Публичный диспут, с. 5].

Наконец, форма *Трувор* отражается и в классическом [Lexicon I, p. 40] греческом Τρύφερος достаточно точно (а с учетом народно-латинской трансформации греческих глухих согласных, как в случае τρόπος – trovare) тем более.

Таким образом, все три ранних русских княжеских антропонима имеют соответствия в римско-греческом именослове, причем, на наш взгляд, соответствия более точные, чем Hrærekr, Signjūt(R) (Signjótr), Þōrvar(ð)r .

Для проверки этого соответствия интерес представляют три других имени: *Олег*, *Ольга*, *Игорь*, зафиксированные в разных формах в списках «Повести временных лет» и в ряде зарубежных источников, что позволяет и исключить легендарность имен, и уточнить их возможные этнические корни.

В частности, *Игорь* в византийских источниках X в. обозначен как *Ингор* (Ἴγγορ) [Constantinus MDCCCXL, p. 74], в западноевропейских источниках атаковавший Константинополь «король руссов» (rex Russorum) назван Inger [Liudprand, p. 107], [Sigibert, p. 182].

Составитель трактата «О церемониях», написанного для Константина Багрянородного, записал имя княгини Ольги, русской «архонтиссы», прибывшей в Константинополь для крещения, как Ἕλγα (род. п. Ἕλγας) [Constantinus XDCCCXXIX, p. 594].

В именослове скандинавского круга мужского имени Inger нет, попытки реконструировать его по позднесредневековым прозвищам и фамилиям типа Ingerson [The Oxford, p. 1378] лишь гипотетичны, поскольку такие фамилии могли образовываться и матронимически, от реального сугубо женского имени Inger (сокращение от средневековой формы Ingerd). Поэтому *Игорь* чаще производят от древнескандинавского мужского антропонима Ingvarr [Свердлов, с. 184–185; Mango, p. 19], но в рамках этой концепции понять, почему это имя у лангобарда Лиудпранда приобрело «женский» характер, трудно. К тому же на Руси существовал и точный аналог имени Ingvarr – *Ингварь,* но он обнаружился значительно позже, чем *Игорь*, лишь в конце XII в., когда наличие русско-скандинавских контактов было бесспорным. Зафиксированная в названии *Игорев или Инжирь брод* [Ивакин, с. 54] форма явно близка к Inger, что заставляет предполагать прямую связь между Игорь и Inger, без скандинавского посредничества.

На отсутствие такого посредничества указывают и другие факты. Ингер (Ἴγγερ) – так звали митрополита (с 825 г.) малоазийской Никеи, а также его современника – отца жены императора Василия I (в греческих хрониках именуемой Евдокией Ингериной) [Mango, p. 26]. Любопытно в этой связи рассуждение историка, придерживающегося норманнской теории, с одной стороны, логичное: «занимающие столь высокое положение сановники не могли появиться в империи случайно. Чтобы стать митрополитом Никеи, наверное, необходимо было родиться в Византии и получить соответствующее образование». С другой, он добавляет, что *Ингер* – это, мол, несомненно, скандинавское имя Ingvarr, и мы, таким образом, имеем свидетельство весьма раннего проникновения норманнов в Византию, причем сразу в элиту империи [Войтович, с. 11].

Однако не все исследователи так уверены в норманнском происхождении носителей этого византийского антропонима. По мнению Ж.-К. Шейне [Cheynet, p. 295], Ингер-митрополит наверняка прибыл не из Скандинавии. Аналогичной точки зрения придерживался С.Р. Тохтасьев, допускавший его германские, но не северные корни [Тохтасьев, с. 366]. Действительно, никаких свидетельств (как в хрониках, так и в сагах) о нахождении в Византии норманнов в IX в. нет. Сказители «Лаксдельской саги» [Laxdale saga, p. 255] сообщали о том, что им неизвестно о визитах в Константинополь кого-либо из скандинавов ранее Болле Боллесона (начало XI в.), В.Г. Васильевский считал, что это свидетельство «не потеряет своего значения» [Васильевский, с. 203]. Даже если верна поправка, что первое зафиксированное сагами появление норманнов на берегах Босфора относится к 985–993 гг. [Васильевский, с. 205], все равно между этим отрезком и началом византийской карьеры Ингера лежит пропасть более чем в полтора столетия. Даже сам факт столь раннего достижения высокой ступени в церковной иерархии скандинавом не соответствует общей истории христианизации норманнов.

Вообще появление чужеземца, даже родом из бывших провинций империи, на высоком посту в византийской церкви было явлением нечастым и, как показывает история одного из преемников Ингера в Никее, Феофана-сирийца, встречало сильное сопротивление [Феофан, с. 928]. Чужеземец же со своим «природным» именем в этой иерархии и вовсе был невозможен. К. Манго [Mango, p. 19], стараясь объяснить феномен, на его взгляд, скандинавского имени митрополита Никеи в официальной церковной истории, предполагает, что тот специально был назван так, чтобы подчеркнуть его принадлежность к «еретикам» и «варварам».

Однако, как показывают списки церковных иерархов Константинопольского патриархата, все они, как ортодоксы, так и еретики-иконоборцы и др., носили строго канонические греческие (включая эллинизированные восточные), римские, еврейские имена [Kiminas, p. 30–39]. В этой связи остается одно предположение: имя Ингер, возможно, не было в Византии таким уж чужим, и Скандинавия здесь ни при чем.

В этой связи, как нам кажется, интерес может представлять классическое [Lexicon IIIa, p. 1] греческое имя Ἀγγάριος и его латинская форма Angarius, представленная в ан-

тропонимии Западной Европы (в VIII–XI вв.) [LaCroix, p. 804–835; Turner, p. 286]. Сама по себе последняя форма не слишком близка к имени regis Russorum и его византийским аналогам, однако следует учитывать, что angarius – «гонец» – дало в балканской латыни форму inger, *înger*. В свою очередь, последняя, в силу отдаленного родства и семантической близости с angelus – «вестник» (отсюда сдвоенная старая румынская форма *angel inger* [Bobb, p. 44]), в христианскую эпоху приобрела значение «вестник, ангел».

Можно предположить, что корпус средневековых балканских романских личных имен (о которых не так много известно) отражал общие тенденции соответствующих языков и антропоним Angarius приобретал на местной почве форму Înger. В силу семантики «вестник, ангел» он и сам мог иметь с точки зрения византийской церкви христианский характер, не препятствующий его появлению в каноническом именослове.

Факт, что это имя отражено лишь в хрониках IX в., может быть объяснен тем, что со временем его популярный синоним-антропоним Αγγελος (даже династия византийских императоров носила соответствующее родовое имя) эту форму постепенно вытеснил.

Ἔλγα не может отражать свой существующий ныне скандинавский аналог Elga, который является новообразованием XIX в., даже более поздним, чем заимствованное из России Olga (конец XVIII в.) [Nordicnames]. Что касается обычно принимаемого за прототип *Ольги* скандинавского Helga [Мельникова, с. 144; [Пчелов 2019, с. 9], то еще С.А. Гедеонов отмечал, что если бы греки слышали имя *Ольга* в скандинавской форме, то в его записи не могли бы не поставить отражавший начальное Н значок густого придыхания (spiritus asper) [Гедеонов, с. 205]. И сейчас С.Л. Николаев полагает традиционное норманнское объяснение неудовлетворительным и считает, что изначальной формой антропонима *Ольга* была Eliga (форма из некоего специфического, позже исчезнувшего «русско-варяжского» диалекта [Николаев, с. 24]). Вместе с тем есть и другой вариант древнего прочтения имени *Ольга*, связанный с упомянутой в саге об Олаве Трюгвассоне якобы женой Владимира Allogia (Aurlogia). По ряду предположений речь шла не о его жене, а о бабушке [Иловайский, с. 450; Джаксон, с. 19–20]. Однако форма Allogia еще дальше по звучанию от Helga, чем Ольга, что доказывает: скандинавам это последнее имя было чуждо [Иловайский, с. 450].

В этой связи нельзя не вспомнить, что аналог имени крестившейся в Константинополе «архонтиссы» – *Елга* – встречается на Балканах, в Болгарии, и исследователи затрудняются дать его точное происхождение: скандинавское ли, немецкое или славянское (от имени *Елк*а с характерным для болгарских антропонимов переходом *к>г*) [Ковачев, с. 90]. Там же, в Болгарии, встречается и антропоним *Алга*, имеющий латинские корни. Его буквальное прочтение (от alga – «взморье» или «водоросль» [Petkova, p. 297]), при отсутствии параллелей в западно- и центральноевропейских именах латинского происхождения, однако, заставляет предположить, что речь идет о народной этимологии, позднейшем переосмыслении другого, подзабытого со временем латинского имени.

На это имя, в свою очередь, выводит исследование корней парного (по мнению Н.И. Костомарова, «все равно, что Александр и Александра» [Публичный диспут, с. 33]) для *Ольги* имени *Олег*. Оно кажется незнакомым западным и вообще источникам за пределами Древней Руси. Например, упомянутый в Кембриджском документе Х-л-г-у не может претендовать на подсказку в данном вопросе, т. к. с реальным Олегом Вещим их разводит не только фактор времени, но и, по В.Я. Петрухину, «различие их судеб» [Петрухин 2009, с. 177].

Поэтому в поисках подтверждения гипотезы о скандинавском происхождении антропонима *Олег* исследователи нередко пытаются представить прозвище летописного князя Вещий как славянский перевод имени Helgi «священный» [Мельникова, с. 145; Петрухин 1998, с. 886].

Однако и здесь фактически признается факт натяжек и противоречий: во-первых, у понятий «священный» и «вещий» «семантические поля … различны», во-вторых, прозвище Олега само по себе странно, т. к. «не только не согласовывалось с рассказами о его деяниях, но, скорее, противоречило истории его смерти (он не смог предвидеть собственную смерть)» [Мельникова, с. 145].

В этой связи вспоминается герой немецкой поэмы «Ортнит» (XIII в.) из Руси (Riuzen, Rissen) по имени Ylyas, Elias, Eligas [Ortnit, s.VII, 7, 9; Wagner, p. 56] и исследование М.Н. Халанского о том, что именно под этим именем летописный Олег получил известность на Западе [Халанский, с. 347–353]. Из логики этого исследователя вытекало, что для источников немецкой поэмы именно форма Eligas была изначальной. Близкую протоформу – Elig – для антропонима Олег предполагает С.Л. Николаев [Николаев, с. 24].

Нетрудно заметить близость последней формы, однако не к скандинавскому, а латинскому антропониму – Eligius, производному от латинского глагола eligo – «избирать» [Petrovic, p. 12], т. е. «избранный». Такая семантика особенно любопытна, если трактовать «противоречивое» прозвище Олега как измененную со временем форму «Вятший». «Вятшие», которая, по В.И. Далю, в применении к людям означает «знатные», «сановные» [Даль, с. 347], что практически синонимично понятию «избранные», «элитные». Таким образом, в цепочке *Олег – Вятший* – Eligas – Eligius мы можем встретить не различие, а ощутимое тождество «семантических полей». В эту же цепочку легко встраивается и имя *Ольга*. Антропоним Eligius имел женскую форму Eligia (иногда Elegia [Ukelman]), близкую к Ἔλγα, тем более близкую к реконструируемой С.Л. Николаевым *Eliga* и не далекую от *Ольга* и *Allogia*. Последняя близость усилится, если учесть переход elig в балканской латыни в aleg (рум., аром. alege, aleg «избрать»).

Вряд ли можно отрицать, что семантика «избранный» принципиально подходит для княжеского имени. Конечно, есть известная псковская легенда о том, что летописная Ольга происходила из «простых», незнатных варягов [Карпов, с. 84]. Но, с другой стороны, есть и свидетельство, пусть и не во всем заслуживающей доверия, но, возможно, содержащей достоверное ядро сведений Иоакимовской летописи о том, что изначально будущая княгиня звалась по-другому, но затем была переименована Олегом [Татищев, с. 35].

Мы считаем вполне возможным, что имя древнерусской княгини Ἔλγα в греческих источниках было зафиксировано правильно, при этом и форма *Allogia* не была большим искажением, т. к. отразила начало упомянутого перехода elig в aleg. Современные болгарские *Елга* и *Алга* могут быть вариантами того же имени.

Представляется, что в рамках латинского происхождения первых русских княжеских имен объяснимы и некоторые важные указания источников, в частности, на происхождение Руси «из племени франков», имеющие место в византийских хрониках [Продолжатель Феофана, с. 175]. Во всяком случае, в контексте эпохи раннего средневековья с ее процессами романизации «варварских» племен и королевств представить начальную Русь как романизированных германцев гораздо проще, чем конструировать ее как «франкизированных» скандинавов вслед за А.А. Горским [Горский 2012-1, с. 20–21].

При этом степень романизации начальной Руси была, очевидно, разной в зависимости от ступенек иерархии. Антропонимия подписей договоров Руси с греками демонстрирует, при наличии латинского и прочих элементов, значительный германский акцент [Виноградов, с. 113–124]. Именослов же князей носит, наоборот, преимущественно латинский характер. Это может свидетельствовать о том, что правящая верхушка русов старалась идентифицировать себя с Римской империей.

Таким образом, версия Воскресенской летописи о происхождении Рюрика от «Августа, кесаря Римского» вместе с актуальными для Московского государства политическими акцентами отражает, вероятно, и идеологию ранней Руси, а с ней, возможно, реальные факты ее истории.

Список литературы

1. Васильевский В.Г. 2010. Избранные труды по истории Византии. Кн. 1. М., Даръ, 928.

2. Виноградов А.Е. 2018. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М., Ломоносовъ, 256.

3. Войтович В.Л. 2011. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска. Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 3–5: 3–11.

4. Гедеонов С.А. 1876. Варяги и Русь. СПб: изд. Имп. Академии Наук, ч. 1., 395.

5. Горский А.А. 2012. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания древнерусской государственности. Исторический вестник. Т. I (148): 6–23.

6. Горский А.А. 2012. Формирование русской государственности и «призвание Рюрика». Вестник МГУ, Сер. 8, История № 5: 10–19.

7. Грот Л.П. 2015. О древнерусских именах Олег и Ольга. История: факты и символы. № 3(2): 9–30.

8. Даль В.И. 1881.Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1, А–З. М. – СПб, М.О. Вольф, 814.

9. Джаксон Т.Н. 2002. Четыре норвежских конунга на Руси. В кн.: Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., Языки русской культуры, 188.

10. Ивакин И.М. 1901. Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1. М., Унив. типогр.: 326.

11. Иловайский Д.И. 1914. Исторические сочинения, ч. 3. М., изд. А.Л. Васильев: 476.

12. Карпов А.Ю. 2003. Житие княгини Ольги в редакции псковского книжника Василия (в иночестве Валаама). Очерки феодальной России. Вып. 7. М., URSS: 66–88.

13. Ковачев Н. 1987. Честното тълковен речник на личните имена у Българите. София: Д-ръ Петър Берон, 215.

14. Мельникова Е.А. 2005. Олгъ/Ольгъ/ Олег/<Helgi>Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя. В кн.: Ad fontem. У источника. Сб. в честь С.М. Каштанова. М.: 138–146.

15. Назаренко А.В. 2014. Ἴγγορ, Βάραγγοι и др. (о вероятных следах ассимиляционных процессов в языке восточных славян). В кн.: ΠΟΛΥ ΎΤΡΟΡΟΣ. Сб. научных статей памяти А.А. Молчанова. М., Индрик: 223–236.

16. Николаев С.Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет. Вопросы ономастики т. 14 № 2: 7–54.

17. Олейниченко А.В. 2017. О происхождении имени Рюрик/Рурик/Рорик. Гуманитарные исследования. № 2(3): 57–75.

18. Петрухин В.Я. 1998. К дохристианским истокам древнерусского княжеского культа. В кн.: ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ к 70-летию. В.Н. Топорова. М., Индрик: 882–892.

19. Петрухин В.Я. 2009. Еврейские источники. В кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников, т. 3. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 167–210.

20. Полное собрание русских летописей. 1846. т. 1. СПб.

21. Полное собрание русских летописей. 1856. т. 7 СПб.

22. Продолжатель Феофана: жизнеописание византийских царей. 1992. Пер. Д.С. Лихачева. СПБ, Наука, СПб отделение: 347.

23. Публичный диспут 19 марта 1860 г. между гг. Погодиным и Костомаровым. 1860. Сост. В. Мордвинов. СПб, 36.

24. Пчелов Е.В. 2012. Рюрик и начало Руси М., Старая Басманная: 60.

25. Пчелов Е.В. 2019. Скандинавская элита на Руси в IX–X вв.: генеалогия и антропонимия. Российская генеалогия. Вып. 5. М., Старая Басманная: 7–16.

26. Свердлов М.Б. 1989. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX – п. пол. XII вв. М.–Л., АН СССР: 469.

27. Талис Д.Л. 1974. Росы в Крыму. Советская археология № 3: 87–99.

28. Татищев В.Н. 1768. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., Московский университет: 262.

29. Тохтасьев С.Р. 2018. Язык трактата Константина Багрянородного De administrando imperio и его иноязычная лексика. СПб: Наука, СПб отделение, 679 с.

30. Феофан, святые православной церкви. 1904. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XLIa. СПб: 928.

31. Халанский М. 1902. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. Журнал министерства народного просвещения. СПб, август: 287–356.

32. Щавелева Н.И. 2004. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С комм. А.И. Назаренко. М., «Памятники исторической мысли», 493 [1].

33. Birley A.R. The People of Roman Britain. University of California Press 1980, 224.

34. Bobb I. 1822. Dictionariu rumanesc, lateinesc si unguresc. T. 1. Clus, 656.

35. Cheynet J.-C. 2000. L'aristocratie byzantine (VIII–XIII siècle). Journal des savants. № 2: 281–322.

36. Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae. XDCCCXXIX Bonnae: ed. Weberi, 807.

37. Constantinus Porphyrogenitus. 1840. De thematibus et de administrando imperio. Bonnae: ed. Weberi, 594.

38. Długosz J. 1964. Ioannis Dlugossi annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Warsawa Państwowe Wydawnictwo Naukowe v. 1–2.

39. Ewers I.F.G. MDCCCXIV. Kritische vorarbeiten zur Geschichte der Russen. B. 1–2. Dorpat Universitäts-Buchhandlung, 349.

40. Franklin S., Shepard J. 2013. The Emergence of Russia 750–1200. London – New-York: Routledge.

41. Gottfridum Viterbiensis. 1559. Pantheon. Basileae 224.

42. Kiminas D. MMIX. The Ecumenical Patriarchate. History of its Metropolitans. Rockville, The Borgo press, 256.

43. LaCroix G. MDCXXIII. Serie episcoporum Cadurcensium. Cadurci, 453.

44. Lexicon of Greek Personal Names. T. 1 https://www.lgpn.ox.ac.uk/publications/vol1/documents/namfor1_000.pdf (accessed 13.09.2019).

45. Lexicon of Greek Personal Names. T. IIIA. https://www.lgpn.ox.ac.uk/publications/vol3a/documents/namfor3a.pdf (accessed 13.09.2019).

46. Liudprandi Cremonesis Opera Omnia. 1877. Hannoverae, Hahn, 181.

47. Mango C. 1973. Eudokia Ingerina, the Normans and the Macedonian dynasty. Zbornik radova Vizantološkog instituta (Beograd) v. 14–17: 17–27.

48. Nordicnames. de (elektronnyj resurs), podrazdely //wiki//Olga i //wiki//Elga (accessed 13.09.2019).

49. Ortnit und die Wolfdietriche. 1873. Berlin, Weidmann, 350 [L].

50. Petkova G. 2015. Romanian and Bulgarian Personal names derived from Latin appelatives. In: Proceedings of 3-e International conference on onomastics «Name and naming». Cluj-Napoca, Mega, Argonaut: 296–306.

51. Petrovic I. 2003. Contribution to the veneration of Saint Eligius in medieval England/ Chronica. Annal of the Institute of history, University of Szeged vol. 2: 11–19.

52. Sigiberti Gemblacencis monachi opera omnia. 1854. Paris, ed. J-.P. Migne.

53. The Laxdale saga. Transl. by M. A. C. Press. 1899. London, J. M. Dent, 276.

54. The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland v. 2 2016. Oxford, Oxford University Press, 766.

55. Turner Sh. 1830. History of England from the Earliest Period to the Death of Elizabeth. London, Longman, Rees, etc., vol. V, 479.

56. Ukelman S.L. 2018. The Dictionary of Medieval Names from European Sources.: URL: dmnes.org//name/Elegia (accessed 13.09.2019).

57. Wagner W. 1917. Epics and Romances of the Middle Ages. NY, E. P. Dutton, 488.

References

1. Vasil'evskij V.G. Izbrannye trudy po istorii Vizantii [Selected works on the history of Byzantium]. Kn. 1. M., Dar, 2010, 928.

2. Vinogradov A.E. V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In search of primary Russia. Latin mark in the Russian ethnogenesis]. M., Lomonosov, 2018, 256.

3. Vojtovich V.L. 2011. Vikingi v Central'no-Vostochnoj Evrope: zagadki Ladogi i Plisneska [Vikings in Central-Eastern Europe: the mysteries of Ladoga and Plisnesk] Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. V. 3–5: 3–11.

4. Gedeonov S.A. 1876. Varyagi i Rus' [Varangians and Rus]. SPb: izd. Imp. Akademii Nauk, ch. 1.

5. Gorskij A.A. 2012. Priglashenie Ryurika na knyazhenie i ego mesto v processe skladyvaniya drevnerusskoj gosudarstvennosti [Invitation of Rurik to the reign and its place in the process of folding the old Russian state]. Istoricheskij vestnik. T. I (148) 6–23.

6. Gorskij A.A. Formirovanie russkoj gosudarstvennosti i «prizvanie Ryurika» [Formation of Russian statehood and «Rurik's vocation»]. Vestnik MGU, Ser. 8. Istoriya 2012 № 5: 10–19.

7. Grot L.P. O drevnerusskih imenah Oleg i Ol'ga [About old Russian names Oleg and Olga]. Istoriya: fakty i simvoly. 2015 № 3(2): 9–30.

8. Dal' V.I. 1881. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. T. 1, A–Z. M. – SPb, M.O. Vol'f.

9. Dzhakson T.N. 2002. Chetyre norvezhskih konunga na Rusi // Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope [Four Norwegian kings in Russia]. M., Yazyki russkoj kul'tury, 188.

10. Ivakin I.M. 1901. Knyaz' Vladimir Monomah i ego pouchenie [Prince Vladimir Monomakh and his teaching]. Ch. 1. M., Univ. tipogr., 326.

11. Ilovajskij D.I. 1914. Istoricheskie sochineniya [Historical writings]. ch. 3. M., izd. A.L. Vasil'ev, 476.

12. Karpov A.Yu. 2003. Zhitie knyagini Ol'gi v redakcii pskovskogo knizhnika Vasiliya (v inochestve Valaama) [The life of Princess Olga in the edition of the Pskov scribe Vasily (in the monastic life of Valaam)]. Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 7. M.: URSS, 66–88.

13. Kovachev N. 1987. Chestnoto t"lkoven rechnik na lichnite imena u B"lgarite [Honest explanatory dictionary of personal names of Bulgarians]. Sofiya: D-r Pet"r Beron, 215.

14. Mel'nikova E.A. 2005. Olg"/Ol'g"/ Oleg/<Helgi>Veshchij. K istorii imeni i prozvishcha pervogo russkogo knyazya [OLG/OLG / Oleg/ < Helgi>Prophetic. To the history of the name and nickname of the first Russian Prince]. In: Ad fontem. U istochnika. Sb. v chest' S.M. Kashtanova. M.: 138–146.

15. Nazarenko A.V. 2014. Ἴγγορ, Βάραγγοι i dr. (o veroyatnyh sledah assimilyacionnyh processov v yazyke vostochnyh slavyan) [Ἴγγορ, Βάραγγοι et al. (on the probable traces of assimilation processes in the language of the Eastern Slavs)]. In: ΠΟΛΥ ΎΤΡΟΡΟΣ. Sb. nauchnyh statej pamyati A.A. Molchanova. M., Indrik: 223–236.

16. Nikolaev S.L. 2017. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoj fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v Povesti vremennyh let [On the etymology and comparative-historical phonetics of names of North German (Scandinavian) origin in the Story of time years]. Voprosy onomastiki, t. 14 № 2: 7–54.

17. Olejnichenko A.V. 2017. O proiskhozhdenii imeni Ryurik/Rurik/Rorik//Gumanitarnye issledovaniya [About the origin of the name Rurik/Rurik/Rorik]. № 2(3): 57–75.

18. Petruhin V.Ya. 1998. K dohristianskim istokam drevnerusskogo knyazheskogo kul'ta [To the pre-Christian origins of the old Russian princely cult] In: ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ k 70-letiyu. V.N. Toporova. M., Indrik: 882–892.

19. Petruhin V.Ya. 2009. Evrejskie istochniki [Jewish sources]. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov, t. 3. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke: 167–210.

20. Polnoe sobranie russkih letopisej [The complete collection of Russian Chronicles]. 1846. SPb t. 1.

21. Polnoe sobranie russkih letopisej [The complete collection of Russian Chronicles]. 1856. SPb. t. 7.

22. Prodolzhatel' Feofana: zhizneopisanie vizantijskih carej [The successor of Theophanes: the lives of the Byzantine kings]. 1992. Per. D.S. Lihacheva. SPB, Nauka, SPb otdelenie, 347.

23. Publichnyj disput 19 marta 1860 g. mezhdu gg. Pogodinym i Kostomarovym [Public dispute on March 19, 1860 between G. Pogodin and Kostomarov]. Sost. V. Mordvinov. 1860. SPb, 36.

24. Pchelov E.V. 2012. Ryurik i nachalo Rusi [Rurik and the beginning of Russia]. M., Staraya Basmannaya: 60.

25. Pchelov E.V. 2019. Skandinavskaya elita na Rusi v IX–X vv.: genealogiya i antroponimiya [The Scandinavian elite in Russia in the IX–X centuries: genealogy and anthroponymy]. Rossijskaya genealogiya. V. 5 M., Staraya Basmannaya: 7–16.

26. Sverdlov M.B. 1989. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi. Germaniya IX – p. pol. XII vv. [Latin-language sources on the history of Ancient Russia. Germany IX – the first half of the XII centuries]. M.–L.: AN SSSR, 469.

27. Talis D.L. 1974. Rosy v Krymu [The Ros in the Crimea]. Sovetskaya arheologiya № 3: 87–99.

28. Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen [Russian history from the most ancient times]. T. 1. M., Moskovskij universitet, 1768, 262.

29. Tohtas'ev S.R. 2018. Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando imperio i ego inoyazychnaya leksika. SPb: Nauka, SPb otdelenie, 679 s.

30. Feofan, svyatye pravoslavnoj cerkvi [Theophanes, saints of the Orthodox Church]. 1904. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona t. XLIa SPb: 928.

31. Halanskij M. 1902. K istorii poeticheskih skazanij ob Olege Veshchem [On the history of poetic tales about Oleg the Prophetic]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. SPb, august: 287–356.

32. Shchaveleva N.I. Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj istorii» Yana Dlugosha [Ancient Russia in «Polish history» by Jan Dlugosz]. komm. A.I. Nazarenko. M., «Pamyatniki istoricheskoj mysli» 2004, 493 [1].

33. Birley A.R. The People of Roman Britain. University of California Press. 1980, 224.

34. Bobb I. 1822. Dictionariu rumanesc, lateinesc si unguresc. T. 1. Clus, 656.

35. Cheynet J.-C. 2000. L'aristocratie byzantine (VIII–XIII siècle). Journal des savants. № 2: 281–322.

36. Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae. XDCCCXXIX Bonnae: ed. Weberi, 807.

37. Constantinus Porphyrogenitus. 1840. De thematibus et de administrando imperio. Bonnae: ed. Weberi, 594.

38. Długosz J. 1964. Ioannis Dlugossi annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Warsawa Państwowe Wydawnictwo Naukowe v. 1–2.

39. Ewers I.F.G. MDCCCXIV. Kritische vorarbeiten zur Geschichte der Russen. B. 1–2. Dorpat Universitäts-Buchhandlung, 349.

40. Franklin S., Shepard J. 2013. The Emergence of Russia 750–1200. London – New-York: Routledge.

41. Gottfridum Viterbiensis. 1559. Pantheon. Basileae 224.

42. Kiminas D. MMIX. The Ecumenical Patriarchate. History of its Metropolitans. Rockville, The Borgo press, 256.

43. LaCroix G. MDCXXIII. Serie episcoporum Cadurcensium. Cadurci, 453.

44. Lexicon of Greek Personal Names. T. 1 https://www.lgpn.ox.ac.uk/publications/vol1/documents/namfor1_000.pdf (accessed 13.09.2019).

45. Lexicon of Greek Personal Names. T. IIIA. https://www.lgpn.ox.ac.uk/publications/vol3a/documents/namfor3a.pdf (accessed 13.09.2019).

46. Liudprandi Cremonesis Opera Omnia. 1877. Hannoverae, Hahn, 181.

47. Mango C. 1973. Eudokia Ingerina, the Normans and the Macedonian dynasty. Zbornik radova Vizantološkog instituta (Beograd) v. 14–17: 17–27.

48. Nordicnames, de (elektronnyj resurs), podrazdely //wiki//Olga i //wiki//Elga (accessed 13.09.2019).

49. Ortnit und die Wolfdietriche. 1873. Berlin, Weidmann, 350 [L].

50. Petkova G. 2015. Romanian and Bulgarian Personal names derived from Latin appelatives. In: Proceedings of 3-e International conference on onomastics «Name and naming». Cluj-Napoca, Mega, Argonaut: 296–306.

51. Petrovic I. 2003. Contribution to the veneration of Saint Eligius in medieval England/Chronica. Annal of the Institute of history, University of Szeged vol. 2: 11–19.

52. Sigiberti Gemblacencis monachi opera omnia. 1854. Paris, ed. J-.P. Migne.

53. The Laxdale saga. Transl. by M. A. C. Press. 1899. London, J.M. Dent, 276.

54. The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland v. 2. 2016. Oxford, Oxford University Press, 766.

55. Turner Sh. 1830. History of England from the Earliest Period to the Death of Elizabeth. London, Longman, Rees, etc., vol. V, 479.

56. Ukelman S.L. 2018. The Dictionary of Medieval Names from European Sources.: URL: dmnes.org//name/Elegia (accessed 13.09.2019).

57. Wagner W. 1917. Epics and Romances of the Middle Ages. NY, E. P. Dutton, 488.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Виноградов А.Е. 2020. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 309–317. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-309-317.

Vinogradov A.E. 2020. Anthroponymy of the first russian princes and the origin of the Rurik dynasty. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 309–317 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-309-317.

УДК 94(470+571)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-318-326

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ (ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ПОЛУЗАБЫТОГО ОРГАНА) [31]

TWENTY-FOUR TRUSTEES OF NAKHICHEVANI-ON-DON (FROM THE HISTORY OF ONE SEMI-FORGOTTEN AUTHORITY)

Л.В. Батиев
L.V. Batiev

Южный научный центр Российской академии наук,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
41 Chekhov Ave, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: batiev@ssc-ras.ru

Аннотация
Статья посвящена особенностям процесса трансформации системы армянского самоуправления в Нахичевани-на-Дону в середине XIX в. Исследование основано на принципах научности, историзма, объективности и междисциплинарности. Это позволило изучить преобразования в совокупности их многообразия и сложности, учитывая причинно-следственные связи и особенности определенной исторической обстановки. На основе методов таких наук, как история, этнология и юриспруденция, с использованием архивных материалов рассмотрена история коллегии двадцати четырех попечителей (местного аналога городской думы). Установлено, что этот орган в первой половине XIX в. потерял свое значение и практически перестал созываться. Вновь он появляется в 1866 г. в ходе реформирования городского самоуправления уже в качестве вспомогательного совещательного органа при городском голове. Результатом реформ стало лишение магистрата Нахичевани практически всех функций и его упразднение. Основным органом самоуправления до проведения общей городской реформы становится городской голова.

Abstract
The article is devoted to the features of the process of transformation of the system of Armenian self-government in Nakhichevan-on-Don in the middle of the XIX century. The study is based on the principles of science, historicism, objectivity, and interdisciplinarity. This allowed us to study the transformations in the aggregate of their diversity and complexity, taking into account causal relationships and the characteristics of a particular historical situation. Based on the methods of such sciences as history, ethnology, and jurisprudence, using archive materials, the history of the council of twenty-four trustees (a local analog of the city council) is analyzed. It is established that this council in the first half of the XIX century lost its significance and almost ceased to convene. It reappears in 1866 during the reform of city self-government as an auxiliary deliberative body under the mayor. The reforms resulted in the deprivation of the magistrate of Nakhichevan of almost all functions and its abolition. Before the general city reform, the mayor becomes the main body of self-government.

Ключевые слова: Нахичевань-на-Дону, самоуправление, попечители (опекуны), магистрат, городской голова, дума, реформа.
Keywords: Nakhichevan-on-Don, self-government, trustees (guardians), magistrate, city head, thought, reform.

[31] Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (РФФИ) 18-59-05004.

История городского самоуправления в дореформенной России сегодня становится популярной темой исследований, реализуясь в монографиях, диссертациях и журнальных статьях. Однако на исторической карте страны остается еще много белых пятен. Одну из них составляет специфическая организация самоуправления Нахичеванского округа, объединявшего армян-переселенцев из Крыма, которые основали в 1779 город Нор-Нахичеван (с 1838 г. – Нахичеван-на-Дону [ПСЗ-II. Т. 13. 10976]) и пять армянских сел в его округе. Даже в фундаментальном труде В.Б. Бархударяна вопросам самоуправления Нахичевани в 1780–1917 гг. посвящен всего лишь один небольшой параграф [Бархударян, 1996, 47–61]. Неудивительно, что за пределами исследования остались многие особенные моменты эволюции органов общественного самоуправления. К их числу можно отнести процесс реформирования управления Нахичеванским округом, закончившийся полным упразднением остатков автономии, дарованной в 1779 г. Отдельные сведения по истории самоуправления можно почерпнуть из брошюры М. Богданяна [Богданян, 1989], мемуаров Келле-Шагинова [Келле-Шагинов, 2012; Келле-Шагинов, 2014], энциклопедии В.С. Сидорова [Сидоров, 1994–1999] и «летописи» В.В. Смирнова [Смирнов, 2018]. Наибольший интерес для исследователя представляют непереведенные на русский язык сочинения Е. Шахазиза [Шахазиз, 1903] и Г. Патканяна [Патканян, 1917]. Изложение статей Армянского судебника, которым руководствовались в Нахичевани, дано в книге К. Алексеева [Алексеев, 1870].

Цель данной статьи – анализ особенностей процесса трансформации системы армянского самоуправления в Нахичевани-на-Дону в середине XIX в. Исследование основано на принципах научности, историзма, объективности и междисциплинарности, что позволило изучить преобразования в совокупности их многообразия и сложности, учитывая причинно-следственные связи и особенности определенной исторической обстановки, на основе таких наук, как история, этнология и юриспруденция. Материалом для исследования послужили опубликованные источники и сочинения (в том числе непереведенные на русский язык), законодательство Российской империи, мемуары и статистические издания и справочники, а также неопубликованные источники (дела Национального архива Армении и Российского государственного исторического архива).

Основным органом самоуправления Нахичеванского округа являлся армянский магистрат [Батиев, Казаров, 2018, с. 518–527], образованный 14 января 1780 г. на основании «Жалованной грамоты вышедшим из Крыма христианам армянского закона», утвержденной императрицей Екатериной II 14 ноября 1779 г. [ПСЗ-I. Т. 20. № 14942]. Председатель и четыре заседателя магистрата выполняли функции суда, полиции и общего управления городом и пятью армянскими селами [Келле-Шагинов, 2012]. Такое соединение властей в одном органе являлось особенностью армянской колонии, и нахичеванцы крепко держались за него, поскольку оно обеспечивало функционирование всей колонии как единого организма.

В соответствии с «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. [ПСЗ-I. Т. 22, № 16187] в Нахичевани также предусматривалось создание двухуровневой городской думы. Однако новая модель управления в армянской колонии не прижилась в силу ее сложности и непривычности. Как указывал Е. Шахазиз, чтобы привести в порядок управление города и решить проблемы, возникшие в результате непонимания смысла закона, нахичеванцы обратились к своему духовному пастырю архиепископу Иосифу Аргутинскому. Система управления была переформатирована на основании составленной архиепископом «Конвенции единства» («Дашнадрутюн миабанутян»). Новый «устав» города из тринадцати статей был напечатан в типографии монастыря Сурб Хач и распространен среди горожан. Но этот документ, как указывал Е. Шахазиз, восстановивший по разрозненным источникам почти весь его текст, по сути, представляет клятву попечителей и содержит мало конкретных указаний на их полномочия и порядок работы. Новая городская дума из двадцати четырех попечителей была избрана 26 мая 1795 г. Под председательством городского головы попечители совместно с магистратом должны

были рассматривать и решать все основные вопросы управления городом и округом. Заседания проводились раз в неделю по субботам и длились с 8 утра до 12 часов дня. Присутствие всех попечителей на заседаниях было обязательным. Уважительной причиной отсутствия считались болезни и важные дела, о чем отсутствующий должен был сообщить заранее, иначе после двух-трех предупреждений он изгонялся из совета как не выполняющий свои обязанности, и на его место избирался новый. Должности попечителя лишались также те, кто хоть и ходил на заседания, но безразлично и беззаботно относился к должности. Предметом обсуждения были все вопросы городской жизни, счета, которые должен был представлять городской голова о доходах и расходах города за трехлетний период, а также вопросы народной морали. Решения принимались большинством голосов. Вопросы, которые требовали дополнительного ознакомления и обсуждения, заносились в протокол за подписями попечителей, а после выносились на собрание всего общества [Шахазиз, 1903, с. 14–19]. Таким образом была создана более или менее сбалансированная система властей из трех основных органов – двадцати четырех попечителей (городской думы), осуществлявших совещательные и контрольные функции, магистрата, который реализовал полномочия в сфере общего управления городом и округом, а также судебно-полицейские функции, и городского головы, чье ведение ограничивалось первоначально только сбором и расходованием денежных средств города.

Неизвестно точно, как долго функционировал совет двадцати четырех попечителей, поскольку на практике происходило его постепенное «угасание». Со временем городской голова становился все более самостоятельной фигурой, а избираемые обществом городские попечители лишь содействовали ему в исполнении его обязанностей. Формальным основанием для такого превращения являлось отсутствие какой-либо нормативной определенности (в законодательстве или общественном приговоре) по поводу прав и обязанностей головы. Поэтому, как заключал сенатор М.Н. Жемчужников, ревизовавший в 1844 г. Нахичеванский округ, «пространство власти сего почетного лица зависит от личных его качеств и от уважения, которым он пользуется в Нахичеванском округе» [32].

Пользуясь общим падением авторитета городских властей среди горожан и их безразличием к вопросам формирования и деятельности двадцати четырех попечителей, а также нежеланием служить на выборных должностях, городской голова приобрел самостоятельность и независимость от других органов нахичеванского самоуправления. Он перестал отчитываться перед попечителями, подчиняясь в этом вопросе Таганрогскому градоначальству. У попечителей осталось лишь право совета городскому голове, который, пользуясь обстоятельством, старался стать совершенным автократом, действуя своевольно во всех делах, не принимая во внимание мнение попечителей, даже не приглашая их на совет, а часто советуясь с ними лишь для формальности [Шахазиз, 1903, с. 32–34].

Последнее известное упоминание о попечителях связано с совместным обращением магистрата, попечителей и городского головы к таганрогскому градоначальнику в 1837 г. за разрешением избрать дополнительно двух «смотрителей за благоустройством» [33]. Но из информации, приведенной сенатором М.Н. Жемчужниковым, трудно понять, были ли в это время попечители самостоятельны в своих решениях, или же просто ими воспользовались для придания прошению большей убедительности.

К середине XIX в. «городская дума» вообще перестает собираться и остается только в памяти нахичеванцев [Келле-Шагинов, 2014, с. 297; Шахазиз, 1903, с. 32–34], хотя в ответах из магистрата на запросы Таганрогского градоначальства в 1854 г. все еще указывалось, что в составе магистрата заключаются в том числе и городская дума, и градской глава [34].

---

[32] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 79–79 об.
[33] РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 43–43 об.
[34] Национальный архив Армении (НАА). Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20–20 об.

В связи с предложенными правительством реформами городского самоуправления в Нахичевани-на-Дону возникла идея возрождения совета опекунов. В середине 1850-х годов в правительственных кругах продвигалась идея учреждения городских дум в городах Новороссийского края и Бессарабской области. Для оценки всех предложений и решения вопроса о целесообразности учреждения городских дум «смотря по положению каждой местности, по ее населению, торговле и т. п. обстоятельствам» министерство внутренних дел запросило с мест сведения и соображения о «необходимости устройства общественного управления в заштатных городах, посадах и местечках». Соответствующее предписание от состоящего в должности таганрогского градоначальника графа Н.В. Адлерберга 13 января 1854 г. получили и городской голова с нахичеванским армянским магистратом [35]. Из повторного предписания, полученного в Нахичевани 12 мая того же года, явствовало, что в правительстве рассматривалась также идея передачи дел всех магистратов и судебных ратуш в ведомство уездных судов [36]. Соединение в армянском магистрате трех разновидностей местной власти – «по внутреннему управлению, по судебному управлению и по полицейскому управлению» – противоречило ст. 303 «Устава о службе по выборам городских обывателей» Свода законов Российской империи [Свод законов Российской империи, Т. 3]. О недопустимом «смешении несоединимых властей» писали и позднее в официальных изданиях, подготовленных к проведению судебной реформы [Судебно-статистические сведения, 1866, с. 56].

Для Нахичевани предлагаемая реформа означала коренную ломку сложившейся системы управления и суда. Поэтому в ответе, подготовленном 14 мая 1854 г., городской голова и магистрат указали, в частности, на недостаточность средств в городском бюджете. Но в то же время городское руководство верноподданнически заявляло, что при решении о необходимости реформ «армяне, быв убеждены, что установления правительства составляют отечественное благо, всегда готовы дополнять недостаток сказанных доходов добровольною складкою» [37].

По всей видимости, до начала мая 1857 г. шла переписка между региональными и центральными органами по поводу целесообразности реформ в Нахичевани, пока наконец 7 мая 1857 г. Таганрогский градоначальник контр-адмирал Н.А. Лавров не предписал нахичеванскому армянскому магистрату и городскому голове «немедленно собрать городское общество и в видах правильного заведывания городским хозяйством войти в соображение, не следует ли образовать в Нахичевани на общих правах городскую думу, и если это будет признано возможным и необходимым, то представить на дальнейшее с моей стороны соображение, самый проект штата» [38], которая завершилась тем, что решение вопроса было возложено на само нахичеванское общество.

Собрание было назначено на 28 июня, для чего было 25 июня отослано письмо городскому голове с предложением уведомить магистрат об отзыве городского общества и, в случае положительного ответа, «представить и проект штата с объяснением, из каких источников предполагается производить отпуск суммы на содержание Думы» [39]. Городской голова С.Х. Аладжалов четвертого июля препроводил в магистрат общественный приговор, вынесенный обществом. В нем нахичеванцы вместе с представителями пяти армянских сел, ссылаясь на грамоту Екатерины II, в которой речь идет о магистрате, а не городской думе, приговорили «предоставить магистрату совместно с градским головою ходатайствовать о оставлении навсегда установленного предками нашими порядка по управлению городским хозяйством, существующего более полувека, и по убеждению нашему ручающегося в удовлетворительных и полезных результатах и на будущее время; Но чтобы доставить город-

[35] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–4 об.
[36] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 14 об.
[37] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 18 об. – 20 об.
[38] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 23–23 об.
[39] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 25–25 об.

скому голове возможность к более успешному исполнению всех обязанностей на нем имеющих, и которые в настоящее время от развития городской промышленности заметно увеличились, общество может и полагает необходимым назначить из среды себя 24 опекунов общества для советов по делам общественным и в помощь городскому голове 4 граждан, которые будут находиться под непосредственным его распоряжением для возложения на них различных поручений до городского хозяйства относящихся» [40].

Приговор нахичеванского общества последствий в ближайшие несколько лет не имел. Но 31 августа 1862 г. в нахичеванском магистрате было получено предписание екатеринославского вице-губернатора, в котором, со ссылкой на решение министра внутренних дел, указывалось: «немедленно составить требуемые соображения относительно улучшения городского общественного управления и представить ко мне … непременно не позже 20 наступающего сентября» [41].

13 сентября 1862 года городской голова К. Гайрабетов отвечал магистрату по поводу предписания: «предмет этот, относящийся ко всему городскому обществу, был мною предлагаем на обсуждение граждан города Нахичевана, и составленный ими вследствие того приговор представлен мною его превосходительству при рапорте от 13-го сего сентября» [42]. Смысл ответа не отличался от предыдущего: нахичеванское общество не нашло «существенной надобности и пользы в перемене сего существующего ныне учреждения» [43].

Тем не менее идея реформирования нахичеванского самоуправления не была забыта властями. Вновь этот вопрос был поднят действительным статским советником М.К. Катакази, состоящим при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе П.Е. Коцебу. 14 февраля 1864 г. он затребовал сведения о том, что было сделано по итогам общественного приговора 1857 г. [44]. Сам М.К. Катакази полагал целесообразным впредь до учреждения новой системы согласиться с мнением городского общества об избрании из нахичеванцев двадцати четырех опекунов в качестве советников городского головы, а также четырех граждан собственно в распоряжение городского головы, о чем информировал свое руководство. Предложение чиновника было принято в качестве временной меры, и 28 декабря 1865 г. генерал-губернатор распорядился о реализации предложенных мер [45].

В архиве магистрата сохранились некоторые сведения относительно выборов опекунов при городском голове. Так, 9 февраля 1866 г. городской голова К. Гайрабетов просил армянский магистрат: «как можно поспешнее доставить мне списки 1^{e}, общества купцов и мещан, имеющих по закону право голоса в выборах и 2^{e}, тех, которые состоят под судом и следствием вообще как дворян, так купцов и мещан» [46]. «Список жителям города Нахичевана всех сословий, составляющим наличное число домохозяев, имеющих право голоса на выборах … вместе со списком нахичеванским купцам, мещанам и поселянам, состоящим под судом и следствием» по поручению магистрата был составлен мещанским старостой М. Абрамовым и отослан городскому голове [47].

21 февраля 1866 г. городской голова получил от М.К. Катакази отношение за № 90, в котором был разъяснен порядок подготовки и проведения выборов. Нужно было «1^{e}, на 24 число сего месяца пригласить дворян, домовладельцев и купечество для назначения из среди себя 75 человек избирателей. 2^{e}, на 25 число пригласить мещанское сословие для назначения из среди оного также 75 человек избирателей, и 3^{e}, 26 числа в общем уже собрании тех и других избирателей должно приступить к выбору опекунов и помощников» [48].

---

[40] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 33–34 об.
[41] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 41–42 об.
[42] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 43.
[43] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 50 об.
[44] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 45–45 об.
[45] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 2–2об.
[46] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 79.
[47] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 80.
[48] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 81–81 об.

Проведение выборов было назначено на 26 февраля в доме уездного училища. Соответствующие повестки об этом были разосланы в магистрат (с просьбой командировать полицейского заседателя для соблюдения тишины, благочиния и порядка, как при приводе избирателей к присяге в соборной церкви, после литургии и молебствия, так и при производстве выборов, к которым приглашались все члены магистрата), исправляющему должность стряпчего по городу Нахичевани, в городское Духовное правление [49].

Следом за избранием опекунов и помощников городского головы в соответствии с указанием екатеринославского губернского правления [50] 1 июля 1866 г. прошли и выборы в шестигласную городскую думу [51]. Но ясности по поводу реформирования управления в Нахичевани не было. Екатеринославский губернатор 20 сентября 1866 г. запрашивал Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора «о том, следует ли в г. Нахичевани образовать городскую думу на общем основании или оставить ныне учрежденное там временное управление по заведыванию городским хозяйством». Этот вопрос был переадресован министру внутренних дел с присовокуплением мнения генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского. П.Е. Коцебу предлагал «разрешить оставить в г. Нахичевани в силе введенное там, по его распоряжению, временное общественное управление по заведыванию городским хозяйством, тем более что в непродолжительном времени ожидается введение в этом городе общественного управления на новых началах» [52].

31 января 1867 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу сообщил результаты переписки Екатеринославскому губернатору: министр внутренних дел П.А. Валуев 14 декабря 1866 г. уведомил П.Е. Коцебу, «что в виду предстоящего преобразования городского общественного управления, он, г. министр, не встречает препятствия к оставлению в г. Нахичевани заведывание делами общественного управления и городского хозяйства на существующих основаниях» [53]. Таким образом, новообразованная шестигласная дума так и не стала действующим органом местного управления.

Последний состав магистрата, избранный 15 ноября 1865 г. [54] на трехлетие (с 1866 г.), просуществовал дольше положенного срока. Но это было уже жалкое подобие когда-то главного органа самоуправления. В 1865 г., вопреки петициям армянской общины, решением генерал-губернатора полицейские функции армянского магистрата Нахичевани, вначале в качестве временной меры, были переданы полицейскому управлению Ростова. Армянские села Нахичеванского округа к этому времени уже находились в подчинении земств Ростова [Бархударян, 1996, с. 336]. А уже 27 февраля 1868 г. были высочайше утверждены новые штаты Ростовских (на Дону) уездного и городского полицейских управлений [ПСЗ-II. СПб., 1868. Т. 43. № 45541]. Нахичевань с округом окончательно перешли в ведение Ростовского городского и уездного полицейских управлений [Батиев, 2018, № 3 (115), с. 3–16].

13 апреля 1866 г. были утверждены «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш», на реализацию требований которых был отведен двухмесячный срок со дня получения закона на местах [ПСЗ-II. Т. 43. № 45541]. Распоряжение о реализации указа об упразднении магистрата и передаче всех судебных дел в уездный суд Екатеринославское губернское правление сделало 20 июня 1866 г. [55]. Но магистрат не был упразднен целиком и сразу. Официально и окончательно судебная часть его была упразднена с введением 30 апреля 1869 г. в действие в Екатеринославской губернии «Судебных уставов» 20 ноября 1864 г. [56]. Оставшаяся часть магистрата, за которой сохранились минимальные

[49] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 82–84.
[50] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 4.
[51] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 5–25.
[52] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 26–26 об.
[53] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 26–26 об.
[54] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 21, 22–23, 27–28.
[55] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 5–25.
[56] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 249. Л. 24.

хозяйственные, опекунские и «распорядительные» полномочия, в июне 1870 г. была перемещена в «дом хозяйственного управления», а затем и вовсе присоединена к «временному управлению городским хозяйством» [57]. Передача дел магистрата из-за противодействия оставшихся его членов затянулась до ноября 1870 г., а сам магистрат (то, что от него осталось) был официально упразднен с 1 июля 1871 г.

До введения в Нахичевани в 1872 г. нового «Городового положения» 1870 г. и образования городской думы нового – общеимперского – образца в городе по распоряжению генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского действовало «временное управление по заведыванию городским хозяйством». Возглавил его городской голова, при котором и функционировал с правом совещательного голоса совет двадцати четырех опекунов (попечителей).

О деятельности опекунов на сегодня известно немного. Так, в связи с началом процедуры упразднения магистрата, согласно указу 13 апреля 1866 г. и необходимостью перевода на русский язык дел, «производящихся по армянскому отделению магистрата на армянском языке, цена иска коих превышает 500 руб. сер. (75-я ст. высочайше утвержденных 11 октября 1865 г. правил)», исправляющий должность стряпчего по г. Нахичевани запрашивал у городского головы, было ли проведено собрание городского общества для решения вопроса о дополнительной добровольной складке для финансирования необходимых расходов [58]. Собрание общества, не беря на себя ответственность, «постановило: предмет этот для первоначального попечителям городового общественного управления, не по обязанности на них возложенной, а как на передовых почетных лиц, особенно пользующихся нашим доверием, и заключение их, поэтому передать на дальнейшее наше распоряжение» [59]. В ответ на это обращение «опекуны Нахичеванского городского хозяйственного управления», объяснив, что их обязанность «состоит в обсуждении тех только вопросов, которые относятся к городовому общественному хозяйству – изысканию средств увеличения городовых доходов и к устройству хозяйственной части, то, как и выразило общество, не находя себя вправе судить о предложенном предмете, мы однакож изъявляем наше согласие к выполнению желания общества, но на том условии, что к нам не как опекунам, а как к членам общества и почтенным лицам из граждан» [60].

Из переписки городского головы с магистратом относительно средств на содержание магистрата видно, что, например, в 1867 г. именно опекуны по Нахичеванскому городскому общественному управлению приняли постановление 12 сентября 1867 г. «по предмету расходов, произведенных членами магистрата» [61]. Из приложенного к письму исправляющего должность городского головы К. Когбетлиева видно, что заседания опекунов происходили совместно с городским головой, а также, что магистрат именно к ним обращался с просьбой о дополнительных сборах с населения (по добровольной складке) для компенсации понесенных членами магистрата расходов и призывом «увеличить по росписи число служащих в магистрате канцелярских служителей, десятских и добавить одного сторожа, с назначением им жалованья» [62]. В обеих просьбах было отказано, а относительно последнего пункта – об увеличении штатов магистрату – было указано, что «обстоятельство это не относится до суждения и разрешения общественного управления» [63].

Восстановление института опекунов при городском голове стало одним из элементов в общем процессе подготовки и проведения реформ, а по сути – упразднением армянского самоуправления вопреки упорному нежеланию нахичеванцев поступиться дарованными Екатериной II «правами и преимуществами», к числу которых относилось и армян-

[57] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 249. Л. 45 об. – 46.
[58] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 6.
[59] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 17–17 об.
[60] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 20 об., 21.
[61] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 223. Л. 28.
[62] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 223. Л. 29.
[63] НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 223. Л. 29 об.

ское самоуправление. В результате реформ Нахичевань-на-Дону утратила остатки автономии и превратилась в заштатный российский город с преимущественно армянским населением.

Список литературы

1. Алексеев К. 1870. Изложение законоположений в Армянском судебнике. М., Университетская типография, 89.
2. Бархударян В.Б. 1996. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: «Айастан», 528.
3. Батиев Л.В. 2018. Полицейская служба в Нахичевани-на-Дону (конец XVIII–XIX вв.). Вопросы арменоведения. 3 (115), 3–16.
4. Батиев Л.В., Казаров С.С. 2018. Ново-Нахичеванский магистрат: происхождение, структура, функции. Былые годы. 2, 518–527.
5. Богданян М. 1989. Из прошлого. О переселении армян из Крыма. 2-е изд. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 16.
6. Келле-Шагинов С. 2012. История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений. Relga №7 [245] 01.05 URL: https://husisapail.wordpress.com/2012/05/01/сергей-келле-шагинов-история-семьи-из/ Дата обращения – 3 ноября 2019 г.
7. Келле-Шагинов И.М. 2014. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону, Старые русские, 320.
8. Патканян Г. 1917. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, Б.и.123. (на арм. яз.)
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-I). 1830. СПб., Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. Т. 20. № 14942.
10. ПСЗ-I. Т. 22, № 16187.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). 1868. СПб., Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. Т. 43. № 45541.
12. ПСЗ-II. Т. 13. № 10976. 1838 г.
13. Свод законов Российской империи. 1857. Т. 3. Уставы о службе гражданской. СПб., Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1057.
14. Сидоров В.С. 1994–1999. История старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: В 5 т. Ростов н/Д: Изд-во ДГПБ.
15. Смирнов В.В. 2018. Летопись Нахичевани-Дону: в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьерах с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга». 456.
16. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. 1866. СПб., 483.
17. Шахазиз Е. 1903. Исторические зарисовки. – Тифлис, Типография Ротинянца. 239 (на арм. яз.).

References

1. Alekseev K. 1870. Izlozhenie zakonopolozhenij v Armyanskom sudebnike [Statement of Laws in the Armenian Criminal Code]. M., Universitetskaya tipografiya, 1870. 89 (in Russian).
2. Barhudaryan V.B. Istoriya armyanskoj kolonii Novaya Nahichevan' (1779–1917) [History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779–1917)]. Erevan, «Ajastan». 1996, 528 (in Russian).
3. Batiev L.V. 2018. Policejskaya sluzhba v Nahichevani-na-Donu (konec XVIII–XIX vv.) [Police service in Nakhichevan-on-Don (late XVIII–XIX centuries)]. Voprosy armenovedeniya. 3 (115), 3–16 (in Russian).
4. Batiev L.V., Kazarov S.S. 2018. Novo-Nahichevanskij magistrat: proiskhozhdenie, struktura, funkcii [Novo-Nakhichevan magistrate: origin, structure, functions]. Bylye gody. 2, 518–527 (in Russian).
5. Bogdanyan M. Iz proshlogo. O pereselenii armyan iz Kryma [From the past. About the resettlement of Armenians from Crimea]. 2-e izd. Rostov n/D: Rost. kn. izd-vo, 1989. 16 (in Russian).
6. Kelle-SHaginov S. 2012. Istoriya sem'i iz byvshego goroda Nahichevani-na-Donu v vospominaniyah ushedshih pokolenij [The story of a family from the former city of Nakhichevan-on-Don in the recollections of bygone generations]. Relga № 7 [245] 01.05 // URL:

https://husisapail.wordpress.com/2012/05/01/sergej-kelle-shaginov-istoriya-sem'i-iz/ Data obrashcheniya – 3 noyabrya 2019 g. (in Russian).

7. Kelle-Shaginov I.M. Moya edinstvennaya zhizn'. Dnevniki i vospominaniya. Rostov-na-Donu [My only life. Diaries and memories], Starye russkie, 2014, 320 (in Russian).

8. Patkanyan G. 1917. Istoriya Novoj Nahichevani [History of New Nakhichevan]. Nahichevan'-na-Donu, B. i., 123 (in Armenian).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e (PSZ-I). 1830. SPb., Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. T. 20. № 14942.

10. PSZ-I. T. 22, № 16187.

11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e (PSZ-II). 1868. SPb., Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. T. 43. № 45541.

12. PSZ-II. T. 13. № 10976. SPb. 1838.

13. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj. SPb., Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. 1857, 1057.

14. Sidorov V.S. 1994–1999. Istoriya starogo Rostova i Nahichevani-na-Donu: V 5 t. [The history of old Rostov and Nakhichevan-on-Don]. Rostov n/D: Izd-vo DGPB (in Russian).

15. Smirnov V.V. 2018. Letopis' Nahichevani-Donu: v istoricheskom, bytopisatel'nom, statisticheskom i illyustrativnom inter'erah s prilozheniyami, vklyuchayushchimi vazhnye, poleznye i interesnye svedeniya [Chronicle of Nakhichevan-Don: in historical, descriptive, statistical and illustrative interiors with applications that include important, useful and interesting information]. Rostov-na-Donu: ZAO «Kniga», 456 (in Russian).

16. Sudebno-statisticheskie svedeniya i soobrazheniya o vvedenii Sudebnyh ustavov 20-go noyabrya 1864 goda (po 32 guberniyam). CH. I. 1866. SPb., 483.

17. Shahaziz E. 1903. Istoricheskie zarisovki [Historical essays]. – Tiflis, Tipografiya Rotinyanca, 239 (in Armenian).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Батиев Л.В. 2020. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа). Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 318–326. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-318-326.

Batiev L.V. 2020. Twenty-four trustees of Nakhichevani-on-Don (from the history of one semi-forgotten authority). Via in tempore. History and political science, 47 (2): 318–326 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-318-326.

УДК 94 (47)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-327-337

ДИСКУССИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПО ПОВОДУ ЦЕРКОВНО-СВЕЧНОЙ ОПЕРАЦИИ И СОЗДАНИЯ ЕПАРХИАЛЬНЫХ СВЕЧНЫХ ЗАВОДОВ В МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВОРОНЕЖСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

THE DISCUSSION OF THE ORTHODOX CLERGY ABOUT CHURCH-CANDLE OPERATION AND OPENING EPARCHY CANDLE FACTORIES IN LOCAL PERIODICALS (ON THE MATERIALS OF «VORONEZH EPARHIAL'NYE VEDOMOSTI»)

Д.В. Наумов
D.V. Naumov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: naumov_d@bsu.edu.ru

Аннотация
В статье рассматривается полемика православного духовенства Воронежской епархии по вопросу создания епархиальных свечных заводов и способов получения прибыли от продажи церковных свечей. Во второй половине XIX века православное духовенство было вынуждено самостоятельно изыскивать способы улучшения собственного материального положения. Одним из таких способов могли стать доходы, получаемые от продажи церковных свечей. Являясь неизменным атрибутом христианского богослужения, церковная свеча играла и важную экономическую роль. Тем не менее до конца XIX века доходы от продажи свечей получали частные фабриканты, которые часто производили свечи ненадлежащего качества, добавляя в них различные примеси. Однако создание собственных епархиальных заводов было трудным и затратным делом для духовенства. В местной периодической печати существовали различные мнения и точки зрения по данному вопросу. Обсуждение проектов создания свечного завода в Воронежской епархии затянулось на несколько десятилетий.

Abstract
The article deals with discussion of the orthodox clergy of Voronezh eparchy about the problem opening eparchy candle factories and ways to get profit from church candle's sale. In the second half of XIX century orthodox clergy were forced to find ways to make its financial situation better. One of these ways could become profit received from church candle's sale. Church candle was the immutable attribute of Christian worship. Church candle played an important economic role. Nonetheless, until the end of XIX century private merchants made profits from candles' sale. Private merchants often made bad quality church candles, adding some admixtures. It made bad influence on candles and then on the worship. Opening own candle's factories was difficult and costly business for clergy. In local periodicals there were different opinions and viewpoints about this problem. The discussion of projects about opening candle's factory in Voronezh eparchy was slow down a few decades. It was serious and difficult problem for the clergy.

Ключевые слова: православное духовенство, церковно-свечная операция, материальное положение духовенства, церковные реформы, периодическая печать.
Keywords: orthodox clergy, church-candle operation, financial situation of clergy, the church's reforms, periodicals.

Материальное обеспечение православного духовенства было одним из главных вопросов церковных реформ, проводившихся при Александре II. Однако к 1870-м годам стало очевидно, что правительство не сможет обеспечить духовенство в полной мере. В этих непростых условиях епархиальное духовенство пыталось изыскать возможности для улучшения материального состояния приходов. Одним из таких способов потенциально могли стать средства, получаемые от церковно-свечной операции (в указанный период так называли продажу свечей и восковой продукции).

В современной историографии проблема материального обеспечения православного духовенства неоднократно становилась предметом научного изучения. Можно выделить работы Т.Г. Леонтьевой [Леонтьева, 2002], Б.А. Ершова [Ершов, 2012], Б.Н. Миронова [Миронов, 2015], А.В. Всеволодова [Всеволодов, 2017], Д.А. Беговатова [Беговатов, 2017], Ю.И. Белоноговой [Белоногова, 2017], С.А. Иконникова [Иконников, 2015]. При этом изучение церковно-свечной операции и процесса создания епархиальных свечных заводов практически не велось. Отдельного внимания в этом отношении заслуживает статья С.А. Иконникова [Иконников, 2018].

Свечи являлись непременным атрибутом христианского богослужения, поэтому церквям они требовалось в большом количестве. Епархиальные свечные заводы стали появляться в России лишь в конце XIX века. До этого времени свечи производились на частных заводах, следовательно, большая часть прибыли шла в руки частных фабрикантов, в то время как данные средства можно было направить на улучшение материального обеспечения православного духовенства. К тому же далеко не все производители добросовестно подходили к изготовлению восковых свечей, ради удешевления добавляя в их состав различные примеси (например, парафин). Такие свечи коптили и издавали неприятный запах.

Петр I, Елизавета Петровна, Александр I принимали указы, целью которых была регламентация производства и торговли восковыми свечами, а также пресечение наживы на этом со стороны фабрикантов [Иконников, 2018]. Усилия были направлены на запрещение незаконной торговли свечами (розничная торговля допускалась только при церквях или в церковных лавках), ужесточение наказания за подделку свечей и т. д. Однако все предпринимаемые в разные годы меры не сумели достичь главной цели – незаконная торговля свечами продолжалась, а Церковь по-прежнему лишалась значительной статьи доходов. А доходы были довольно солидными. Так, например, по данным на 1879 г. в Воронежской губернии производством свечей занимались 8 фабрикантов (а также Митрофановский монастырь), общий объем производства составлял 9 850 пудов на сумму 210 300 рублей [Указатель фабрик и заводов, 1881, с. 228]. Крестьяне стремились приобретать свечи по более низким ценам, несмотря на то, что такие свечи были гораздо хуже по качеству. Разница в цене могла составлять от 2 до 4 рублей с пуда [О продаже восковых свечей, 1876, с. 815].

Вопрос о церковно-свечной операции был очень важным для епархиального духовенства. Начало процессу обсуждения положил священник Дмитрий Склобовский. Публикуя материалы к предстоящему епархиальному съезду воронежского духовенства (съезд проходил 10–12 января 1878 г.), он выделил 2 вопроса «громадной важности»: вопрос о епархиальном свечном заводе и вопрос об эмеритуре [Склобовский, 1877, с. 368]. Он обратил внимание на необходимость строительства собственного свечного завода, который позволил бы епархии извлекать большую прибыль. Строительство епархиального свечного завода требовало значительных затрат: 400 000 рублей для мощностей завода, позволявших производить в год 15 000 пудов свечей (ежегодная прибыль составила бы 30 000 рублей) и 150 000 рублей на завод, который смог бы производить 4 000 пудов (ожидаемая прибыль составила бы 4 800 рублей в год) [Там же, с. 369]. Расчеты производились комиссией по устройству епархиального свечного завода для Петербургского духовенства. Помимо экономических выгод епархиальный свечной завод позволил бы поддерживать качество восковых свечей, избавить их от всяких «гадких» примесей, введенных «безбожным кулачеством» [Там же]. Церкви испытывали серьезную конкуренцию со стороны «базарных и яр-

морочных рынков», которые «парализуют церковную продажу свечей». При правильном подходе к делу епархиальный свечной завод мог бы давать епархии хорошие доходы.

Священник Д. Склобовский предлагал духовенству Воронежской епархии еще до самого съезда решить несколько основных вопросов. Главным из них был вопрос: решится ли епархиальное духовенство на строительство епархиального свечного завода либо же доверит поставки свечей в церкви местным фабрикантам. В первом случае необходимо было первоначально выбрать место для будущего завода. Если же духовенство решило бы доверить поставки фабрикантам, то Д. Склобовский предлагал выбрать в качестве поставщиков купцов Бухонова и Стрельцова. Д. Склобовский мотивировал это тем, что они имеют репутацию людей честных и добросовестных, которые не позволяли на своих заводах производить продукцию ненадлежащего качества. Д. Склобовский призывал духовенство епархии взяться за решение этих вопросов еще до съезда. В противном случае съезд не смог бы прийти к конкретному решению, ему бы осталось только «разглагольствовать о свечах и свечных заводах, пробавляться одними догадками и предположениями, да еще, пожалуй, составлять бесконечные экспедиции или комиссии» [Там же, с. 374]. Решение вопроса о свечном заводе могло затянуться на долгие годы, в течение которых духовенство Воронежской епархии будет «витать в области идей и принципов» [Там же].

Инициатива Д. Склобовского вызвала обсуждение в «Воронежских епархиальных ведомостях». Священник Н. Сильченко высказал целый ряд своих соображений. Так, он скептически отнесся к сумме, которая планировалась на создание завода. По его мнению, цифры, рассчитанные Петербургской комиссией, как минимум явно завышены для Воронежской епархии. Н. Сильченко аргументировал это тем, что сумма в 400 000 рублей является неподъемной, поскольку у духовенства епархии «никогда, кажется, не может быть в распоряжении такой громадной суммы» [Сильченко, 1877, с. 520]. Он полагал, что суммы в 75 тыс. рублей будет достаточно. Препятствием к этому могло стать то обстоятельство, что, во-первых, епархиальное духовенство не имело в наличии такой суммы (Н. Сильченко называется сумма «свободных» денег не более 4 500 рублей), а во-вторых, строительство завода потребовало бы временных затрат, в течение которых духовенство лишалось бы потенциальной прибыли. В этих условиях он предлагал разрешить производство и продажу церковных свечей выбранному Съездом купцу, который согласился бы на определенных условиях продавать их, а часть полученной прибыли отдавать в пользу духовенства. По мнению автора проекта, в год епархиальным церквям требуется порядка 10 тыс. пудов свечей, при отчислении 2–3 рубля с пуда в пользу епархии в год получилась бы сумма в 20–30 тыс. рублей. За 3 года накопилась бы сумма, достаточная для постройки завода, к чему и можно было приступить. Н. Сильченко настаивал на этом варианте, поскольку считал его более осторожным и рассудительным. Во избежание обмана и нечестности со стороны фабриканта, он предлагал составить специальную комиссию, составленную преимущественно из городских священников. Эта комиссия получила бы право контроля над финансовой стороной вопроса, а в случае выявления финансовых нарушений могла бы без дополнительных согласований расторгнуть договор аренды и выбрать другого купца.

Съезд духовенства Воронежской епархии, состоявшийся 10 января 1878 г., действительно создал комиссию по церковно-свечной операции. Вызвано это было отсутствием свободных наличных денежных средств на строительство свечного завода. В этих обстоятельствах съездом было принято решение «отсрочить на известное время устройство Епархиального свечного завода» и в течение некоторого периода времени собрать необходимые средства [Журнал заседания съезда депутатов, 1878, с. 31]. По сути, было создано две комиссии: первая должна была заняться сбором необходимой подготовительной информации для строительства будущего свечного завода; вторая (получила название центральной) занималась непосредственно закупкой и распространением свечей. В каждом благочинническом округе епархии был священник, который был уполномочен покупать свечи от комиссии, взамен высылая денежные средства на имя казначея в центральное управление. Программа действий данной комиссии была напечатана в «Воронежских епархиальных ведомо-

стях» [Программа действий центральной комиссии, 1878]. Все церкви епархии были обязаны закупать свечи только от данной комиссии, в противном случае полагался штраф: за первое нарушение – 10 рублей с каждого пуда незаконно приобретенных свечей, за повторное нарушение – 20 рублей, при нарушении в третий раз – 30 рублей. Покупка свечей в других местах запрещалась даже в случае отсутствия в церкви свечей (это могло произойти по причине несвоевременной доставки, проволочек, связанных с «бумажными» делами, и т. д.). В таком случае предписывалось занимать свечи из тех соседних церквей, где имелся запас, но «ни в коем случае не покупать свечи помимо центральной комиссии» [Программа действий центральной комиссии, 1878, с. 40]. Кроме того, комиссия обязывалась покупать свечи наилучшего качества, не допуская тех, что «производят копоть и угар в церкви». Комиссия и церкви епархии были обязаны вести строгий учет и контроль деятельности как финансовой, так и хозяйственной стороны вопроса.

Однако с самого начала своей деятельности комиссия столкнулась с трудностями. Эти трудности и общее положение дел подробно описал в своей статье член комиссии священник Иоанн Сахаров [Сахаров, 1878]. Как можно выяснить из этой публикации, на самом съезде не было единодушия. Часть представителей воронежского духовенства не поддержала идею организации свечного завода, выступив против. В таких условиях комиссии пришлось очень непросто, если бы «Его Высокопреосвященство не отнесся к ней – комиссии – и к интересам всего духовенства с полнейшим отеческим сочувствием» [Там же, с. 220]. Комиссия выполнила главное поручение – ей были закуплены свечи для продажи во всех благочиниях епархии. Комиссия отмечала тот факт, что она не имеет полномочий для преследования незаконной торговли восковыми свечами, поскольку это дело всего епархиального духовенства, а кроме того, «епархия велика и видеть, что делается в разных ее закоулках, разумеется, нет никакой возможности» [Там же, с. 221]. Кроме того, И. Сахаров отмечал, что церковные старосты могли помешать спокойному течению дела. Они могли закупать свечи у других производителей, несмотря на то что предписывалось покупать свечи только у комиссионера [Сахаров, 1878, с. 222]. В своей статье И. Сахаров призывал все епархиальное духовенство принять деятельное участие в церковно-свечной операции во избежание превращения данной комиссии в «разряд всех вообще пресловутых комиссий и подкомиссий», несмотря на «сердечную готовность своих членов послужить епархии» [Там же, с. 224].

Другим членом комиссии, который решил высказать свое видение проблемы в епархиальной периодике, был священник Аристарх Аристов (вышел из состава комиссии в мае 1878 г. по «домашним и служебным обязанностям»). Главной трудностью он назвал отсутствие в распоряжении комиссии денег – не было дано «ни одного гроша денег для предполагаемых и указанных комиссии операций» [Аристов, 1878, с. 469]. По этой причине единственным поставщиком, с которым удалось договориться, стал Митрофанов монастырь. Все остальные отказывались, поскольку «ни одному свечному заводчику комиссия не могла дать задатка за купленные свечи» [Там же]. При этом, несмотря на все трудности, дело удалось наладить в довольно короткие сроки. Более того, по утверждению А. Аристова, в течение 4–5 месяцев комиссия могла рассчитывать на прибыль до 10 000 рублей.

Создавало препятствие и епархиальное духовенство. А. Аристов отмечал, что данные о количестве необходимых свечей в некоторых случаях вызывали сомнения, 17 благочиний вообще не прислали запросы на поставку свечей, а в 19 не избрали комиссионеров [Там же, с. 473]. Помимо недовольства некоторых представителей духовенства в адрес комиссии, в т. ч. упреков в ненадлежащем расходовании средств, А. Аристов упоминает письмо от некоего лица «не низко поставленного в духовенстве» в Воронежскую духовную консисторию. В письме это «лицо» выступило против закупки свечей у комиссии, сообщив, что свечи в необходимо количестве уже были закуплены на стороне.

Статьи с критикой принятых решений епархиального съезда и действий комиссии не заставили себя ждать. Уже в следующем номере (№ 13 за 1878 г.) выступил священник слободы Новотроицкой Валуйского уезда Иаков Васильев. В своей статье он подверг до-

вольно резкой критике изначально существовавшие финансовые планы по получению прибыли. В частности, он заявил о том, что планировавшая прибыль в 8–9 рублей с пуда восковых свечей не соответствует реально существующей картине. Вспомнив знаменитое устойчивое словосочетание «игра не стоит свеч», он перефразировал его – «свечи не стоят столь неумной игры» [Васильев, 1878, с. 503]. Он писал: «смотря по тем ошибкам недодуманной мысли, которые сделаны – одна съездом, а другая, и гораздо большая, – одной комиссией, нам не останется и по 2 рубля» с каждого проданного пуда церковных свечей [Там же]. Как утверждал И. Васильев, комиссия покупала свечи не по тем ценам, которые были изначально запланированы; во-вторых, практика выбора в каждом благочинии особого комиссионера, а также то, что комиссия «своим неуместным, чтобы не сказать более, распоряжением» о ежемесячной высылке денег от продажи резко увеличила расходы церковных старост. Необходимость каждый месяц отправлять вырученные средства вынуждала их совершать минимум по 12 поездок на почту в год, что было связано с рядом трудностей и издержек. Совместно с расходами церковных старост И. Васильев называл сумму расходов на дорожные и почтовые издержки в 182 рубля. По его мнению, если комиссия не учитывает эти расходы, то она стоит «на фальшивой дороге». А церкви – это тот «уже почти иссохший источник, из которого только пока и можно что-либо почерпнуть» [Там же, с. 505]. К тому же ситуацию затрудняла нерегулярная доставка свечей комиссией и невозможность требовать комиссионеру штрафных выплат от старост церквей за просроченные платежи. Поэтому священник И. Васильев настаивает на необходимости «выбросить лишнюю спицу из многосложной и без того свечной колесницы – комиссионера» или хотя бы заменить ежемесячные платежи полугодичными [Там же, с. 506].

Дмитрий Склобовский в ответ на заметку священника А. Аристова выпустил свою статью. В ней он посетовал на нежелание Воронежского духовенства принимать участие в делах на благо всей епархии. Он охарактеризовал это так: «ересь субъективизма положительно заедает современное общество и в среде Воронежского градского духовенства по справедливости считается довольно распространенною», а ее последователи теряют «способность объективно относиться к любому общественному делу или вопросу» [Склобовский, 1878, с. 650]. Раскритиковал Д. Склобовский и ряд утверждений А. Аристова. В частности, он назвал финансовые трудности, на которые ссылался А. Аристов, препятствием «если не мнимым, то легко устранимым». Д. Склобовский указывал на тот факт, что комиссия выбрала Митрофанов монастырь в качестве поставщика свечей не потому, что не имела средств договориться с частными фабрикантами (хотя, по утверждению Д. Склобовского, комиссия обращалась ко всем продавцам Воронежской епархии), а потому, что монастырь сумел предложить наиболее выгодную цену. Д. Склобовский ссылался на разговор с одним из воронежских купцов, который предлагал духовенству епархии не взваливать на себя такое трудное дело, как строительство собственного завода, а остановиться на получении процента от прибыли проданных свечей, используя мощности какого-либо существующего свечного завода. Церковная свеча – это «самый важный ценз, единственный источник прямого и совершенно правильного обеспечения церквей и потом духовенства, но источник далеко еще не разработанный, <…> почти слегка только затронутый, только в будущем ожидающий правильной реализации» [Там же, с. 661]. К сожалению, как писал Д. Склобовский, духовенство Воронежской епархии «на половину отнеслось ко всему этому с явным пренебрежением и наперекор чему угодно, в конечное истребление всех благих чаяний, обнаруживает непостижимую косность в таком деле, в котором самым живейшим образом требуется и призывается вся его энергия» [Там же, с. 663].

В заметке «По вопросу о церковно-свечной операции» [По вопросу о церковно-свечной операции, 1878] неназванный автор предлагает сконцентрировать внимание на решении наиболее важных вопросов. Главный из них – это организовать производство церковных свечей путем создания собственного свечного завода. По мнению автора, это положение, как аксиома, «не должно подлежать ни спору, ни сомнениям» [Там же, с. 925]. Поэтому необходимо не допускать покупку свечей незаконным образом потому, что в некоторых церквях

свободная покупка свечей «широко откроет двери бессовестному барышничеству» [Там же, с. 928]. Если же создание собственного свечного завода встретит непреодолимые трудности, то в таком случае необходимо объединить усилия с Митрофановским монастырским заводом. Монастырское правление на деле доказало, что «с ним можно вести всякое капитальнейшее дело без всяких бумажных актов» [Там же, с. 930].

Священник А. Понятовский также подверг критике деятельность центральной комиссии по церковно-свечной операции. А. Понятовский выразил недовольство теми средствами, которыми она достигается. Комиссией не были учтены существовавшие правила покупки церквями свечей, разница в их количестве и др. Поэтому эти средства и «вызвали такие неотрадные последствия» [Понятовский, 1879, с. 58]. Как и И. Васильев, он отмечал необходимость затрат на дорогу, связанную с покупкой свечей и их оплатой. Более того, жесткая периодичность закупок нарушала привычный ход церковной деятельности. Не только в разных церквях, но и в разное время года продажа свечей осуществлялась с разной скоростью.

Наибольшую критику со стороны А. Понятовского вызывали штрафы. С учреждением новых правил церковно-свечной операции церковный староста был обязан в установленные сроки доставить требуемую сумму для закупки в полном объеме. Это ставило церковных старост в очень непростую ситуацию: в случае неявки будет выписан штраф, поскольку комиссия «будет думать, что свечи куплены на стороне» [Там же, с. 59].

Другим объектом критики А. Понятовского была цена на свечи, установленная комиссией. Она была завышена – «прежде свечи покупались по 18 р. за пуд, а теперь положили 24 р.». Более высокое качество свечи, купленной у комиссии, не оправдывало такую высокую цену в глазах церковных старост и крестьян. А. Понятовский писал о том, что, убеждая крестьян покупать свечи только в церкви, действовал «против собственных убеждений». Крестьян аргументация священника не убеждала – «никакие разъяснения и убеждения не в силах сбить мужика с избранной им точки опоры» [Там же, 63]. Прекратить это силами одного священника было нельзя. Рассчитывать на помощь церковного старосты не приходилось, поскольку тот в большинстве случаев сторонник «интересов мира, нежели церкви».

Все сложившуюся ситуацию А. Понятовский сравнил с ростовщичеством, которое не щадит никого и ничего, «копящее капитал законными и незаконными путями» [Понятовский, 1879, с. 62]. Им были предложены следующие меры по нормализации происходящего – отмена штрафов и отмена жестких сроков по закупкам свечей. В противном же случае комиссия оттолкнет от себя и тех, «кто сочувствовал ей во имя сочувствия общеепархиальным интересам, а через то выйдет и еще трагикомический результат» [Там же, с. 68].

Отклик на данную статью не заставил себя ждать. В ответ вышла публикация священника И. Сахарова, в которой тот подробно разобрал работу А. Понятовского и выдвинул свои контраргументы [Сахаров, 1879]. Для начала И. Сахаров отметил позитивную сторону общественного обсуждения таких сложных вопросов, каким является церковно-свечная операция. Все заметки, «возражения, сомнения и недоумения, выраженные публично путем печати, и на принципах строгой правды и теплого сочувствия составят дорогой вклад» в общее дело, поскольку в них освещались те проблемы, с которыми сталкивались представители духовенства в ходе реализации задуманного. Однако работу А. Понятовского И. Сахаров отказался причислять к этой категории, поскольку посчитал ее тенденциозной. И. Сахаров упрекнул священника А. Понятовского в чрезмерном рвении, в результате которого и страдали отношения с прихожанами, в то время как указы комиссии не вынуждали действовать строгими и радикальными методами. И как бы ни были сильны в обществе негативные настроения в адрес комиссии, причина недовольства церковных старост и некоторых священников кроется совсем в другом. И. Сахаров видел ее в том, что церковные старосты опасались потерять свое влияние, поскольку «духовенство врывается в такую область, где они *(церковные старосты – прим. Д.Н.)* были до сего времени бесконтрольными хозяевами, и что их независимой покупке и продаже церковных свечей

приходит конец» [Там же, с. 382]. Недовольство же некоторых священников объяснялось опасениями с их стороны потерять часть церковных доходов, в результате чего церковь становилась бы беднее. Кроме того, в некоторых случаях имел место сговор священника и церковного старосты с тем, что закупать свечи в обход установленных правил.

И. Сахаров указывал на данные, полученные им из некоего достоверного источника, согласно которым доходы от продажи свечей центральной комиссией в 1878 – первой половине 1879 г. оказались куда ниже ожидаемых, а количество отправленных свечей было гораздо ниже требуемого – «они едва ли покрывают собой пятую часть действительного по епархии расхода» [Там же, с. 383]. И. Сахаров настаивал на строительстве собственного епархиального свечного завода. Для успешной борьбы «со свечными торговцами, эксплуатирующими наши церкви и народ», необходима честная конкуренция. В противном случае «мы ничем не осилим этих торговцев», – писал И. Сахаров.

Не только А. Понятовский был противником того, как проводилась церковно-свечная операция, звучали голоса других противников и критиков. Одним из таких был священник Скрябин (инициалы в статье не были указаны). Данный автор вступил в полемику с Д. Склобовским. Так, он сообщал о том, что поставляемые комиссией свечи «по своему качеству, объему и цвету оказались ниже посредственности» [Скрябин, 1879, с. 645]. Свечи, поставляемые комиссией, оказались тоньше и меньше тех, что прежде покупались у торговцев. К тому же комиссия не могла обеспечить ассортимент поставляемой продукции – наиболее продаваемые маленькие свечи не поставлялись вовсе. Это вызывало неудовольствие и негодование со стороны прихожан в адрес духовенства, «затеявшего новые порядки». В результате свечи прихожанами покупались в больших объемах у торговцев, а не в церкви.

Упрекал священник Скрябин комиссию и в нерегулярности поставок. Поставляемые свечи приходили с большим опозданием. Так, например, в 1879 г. свечи были отправлены не в начале года, как требовались, а лишь в марте. Священник задавал вопрос всему епархиальному духовенству: «Что делать тем несчастным церквям, которые более чем своевременно представили о. комиссионеру требование о нужном количестве свечей на первую половину текущего года, не получали оных из комиссии до конца марта месяца, т. е. на такие месяцы, в которые <…> бывает самый большой расход свечей» [Скрябин, 1879, с. 646].

Скрябин предлагал разрешить свободную закупку свечей церквями с тем условием, что они отчисляют 3–4 рубля в пользу епархии с каждого проданного пуда. Собранные деньги предлагалось отсылать в Попечительство о бедных духовного звания, которое обязывалось хранить в Воронежском городском банке либо другом финансовом учреждении для «хранения и приращения процентами».

Наиболее активный участник обсуждения в «Воронежских епархиальных ведомостях» Д. Склобовский в 1880 г. выступил с очередной статьей. Название статьи говорит о многом: латинское выражение idem per idem можно перевести как «замкнутый круг». Комиссию по церковно-свечной операции Д. Склобовский назвал «фантасмагорией», которой «на делах в Епархии нигде почти уже и незаметно, которой и самое существование можно только подозревать по некоторым самым неясным признакам» [Склобовский, 1880, с. 424]. В епархии, по словам Д. Склобовского, царит «гробовое молчание» по вопросу о церковно-свечной операции, несмотря на количество написанных статей. «Правительство отлично знает, что духовенство по-прежнему остается все в том же нищенском положении, значит, на тощих карманах этого сословия никаких расчетов основывать невозможно; знает оно также и о том, что и церковные карманы вследствие непомерных взносов и налогов на них, с каждым годом более и более умножающихся и возрастающих, до самого дна уже исчерпаны» [Там же, с. 427]. Значит, только получение доходов от церковно-свечной операции могло дать духовенству дополнительные средства. Однако за прошедшие годы с момента начала обсуждения никаких серьезных подвижек не произошло, а комиссия не только не поспособствовала этому, а наоборот только «опустила руки».

Д. Склобовский критиковал комиссию за отсутствие инициативы, деятельного подхода, непоследовательности и многое другое. Д. Склобовский призывал активнее бороться с незаконной торговлей, а также вести строгую смету необходимого количества свечей для каждой церкви в епархии.

Вопрос о церковно-свечной операции выявил разногласия в среде воронежского духовенства. «Воронежские епархиальные ведомости» стали площадкой для обсуждения различных точек зрения, обсуждений и споров. Точка зрения того или иного автора зависела от множества факторов, в т. ч. и от того, в каком приходе служил конкретный клирик. Представители городского и сельского духовенства по-разному видели способы извлечения прибыли от продажи церковных свечей. Часть духовенства не желала каких-либо изменений, их устраивало существовавшее положение вещей, и они составляли оппозицию центральной комиссии по церковно-свечной операции. Несмотря на столь длительные и острые дискуссии, епархиальный свечной завод был всё-таки открыт в 1881 г. в Воронеже и стал играть важную роль в материальном обеспечении духовенства. С.А. Иконников приводит следующие данные: в 1913 г. чистая свечная прибыль в Воронежской епархии составила 452 238 рублей 39 копеек (44 % всех церковных доходов) [Иконников, 2018]. Получаемые доходы от продажи свечей позволили местному духовенству улучшить финансирование духовных учебных заведений, приходских храмов и т. д.

Список литературы

1. Аристов А., свящ. 1878. Заметка по свечной операции. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 12: 469–474.

2. Беговатов Д.А. 2017. Городское православное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века: профессиональная деятельность и повседневная жизнь. Тверь, СФК-офис, 312.

3. Белоногова Ю.И. 2017. Материальное обеспечение церквей в XIX – начале XX в. на примере храмов Волоколамского благочиния Московской епархии. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви, 79: 46–54.

4. Васильев И., свящ. 1878. Заметка сельского священника. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 13: 502–507.

5. Всеволодов А.В. 2017. Православное приходское духовенство в 1840–1880-е гг.: материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 382.

6. Ершов Б.А. 2012. Русская православная церковь в системе государственных отношений в XIX – начале XX в. (на материалах Центрально-Черноземных губерний): дис. ... докт. ист. наук. Курск, 412.

7. Журнал заседания съезда депутатов Воронежской епархии 10 января 1878 года. 1878. Вечернее заседание. Воронежские епархиальные ведомости. Официальная часть, 4: 31–33.

8. Иконников С.А. 2015. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 416.

9. Иконников С.А. 2018. Церковно-свечная операция и создание свечных заводов в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX века: к истории вопроса. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 4 (48).

10. Леонтьева Т.Г. 2002. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., Новый хронограф: 253.

11. Миронов Б.Н. 2015. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России. Исторический журнал: научные исследования, 1: 65–80.

12. О продаже восковых свечей, выделываемых на частных заводах.1876. Воронежские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 18: 814–821.

13. По вопросу о церковно-свечной операции. 1878. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 24: 924–932.

14. Понятовский А., свящ. 1879. Результаты постановлений Воронежско-епархиальной центральной комиссии по церковно-свечной операции. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 2: 57–68.

15. Программа действий центральной комиссии, избранной епархиальным съездом по восковой свечной операции церквей Воронежской епархии. 1878. Воронежские епархиальные ведомости. Официальная часть, 4: 38–46.

16. Сахаров И., свящ. 1878. Комиссия по свечной операции в Воронежской епархии и ее желания. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 5: 219–225.

17. Сахаров И., свящ. 1879. По поводу статьи – результаты постановлений Воронежско-епархиальной центральной комиссии по церковно-свечной операции. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 9: 378–390.

18. Сильченко Н., свящ. 1877. К вопросу об устройстве Епархиального свечного завода. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 22: 518–527.

19. Склобовский Д., прот. 1880. Idem per idem. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 9: 423–439.

20. Склобовский Д., свящ. 1877. Pia desideria: к предстоящему съезду депутатов от духовенства всей епархии (об епархиальном свечном заводе и об Эмеритальной кассе). Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям,19: 368–376.

21. Склобовский Д., прот. 1878. По поводу «Заметки по Церковно-свечной операции». Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 18: 649–667.

22. Скрябин, свящ. 1879. К статье о. Склобовского по вопросу о церковно-свечной операции, помещенной в № 11 Воронежских епархиальных ведомостей. Прибавления к Воронежским епархиальным ведомостям, 14: 644–648.

23. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. Сост. по офиц. свед. Деп. торговли и мануфактур П.А. Орлов. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых. IX, 1881.

References

1. Aristov A., svjashh. 1878. Zametka po svechnoj operacii. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Note on candle operation. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 12: 469–474.

2. Begovatov D.A. 2017. Gorodskoe pravoslavnoe duhovenstvo Tverskoj eparhii v pervoj polovine XIX veka: professional'naja dejatel'nost' i povsednevnaja zhizn' [The urban Orthodox clergy of the Tver diocese in the first half of the XIX century: professional activities and everyday life]. Tver', SFK-ofis, 312.

3. Belonogova Ju. I. 2017. Material'noe obespechenie cerkvej v XIX – nachale XX v. na primere hramov Volokolamskogo blagochinija Moskovskoj eparhii. Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Material support of churches in the 19th – early 20th centuries on the example of temples of Volokolamsk deanery of the Moscow diocese. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. History. History of the Russian Orthodox Church], 79: 46–54.

4. Vasil'ev I., svjashh. 1878. Zametka sel'skogo svjashhennika. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Note of the village priest. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 13: 502–507.

5. Vsevolodov A.V. 2017. Pravoslavnoe prihodskoe duhovenstvo v 1840–1880-e gg.: material'noe obespechenie, korporativnaja organizacija, samosoznanie (na materialah Vologodskoj eparhii): dis. … kand. ist. nauk [Orthodox parish clergy in the 1840-1880s: material support, corporate organization, self-awareness (based on materials from the Vologda diocese): dissertation of a candidate of historical sciences]. Ekaterinburg, 382.

6. Ershov B.A. 2012. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v sisteme gosudarstvennyh otnoshenij v XIX – nachale XX v. (na materialah Central'no Chernozemnyh gubernij): dis. ... dokt. ist. nauk [Russian Orthodox Church in the system of state relations in the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Central Black Earth provinces) dissertation of a doctor of historical sciences]. Kursk, 412.

7. Zhurnal zasedanija s'ezda deputatov Voronezhskoj eparhii 10 janvarja 1878 goda [Journal of the meeting of the Congress of Deputies of the Voronezh Diocese on January 10, 1878]. 1878. Vechernee

zasedanie. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. Oficial'naja chast' [Evening meeting. Voronezh diocesan sheets. Official part], 4: 31–33.

8. Ikonnikov S.A. 2015. Prihodskoe duhovenstvo Voronezhskoj eparhii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Sociokul'turnaja harakteristika: dis. … kand. ist. nauk [Parish clergy of the Voronezh diocese of the second half of the XIX – early XX centuries. Sociocultural characteristic: dissertation of a candidate of historical sciences]. Voronezh, 416.

9. Ikonnikov S.A. 2018. Cerkovno-svechnaja operacija i sozdanie svechnyh zavodov v eparhijah Central'nogo Chernozem'ja v konce XIX veka: k istorii voprosa. Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Church-candle operation and the creation of candle factories in the dioceses of the Central Black Earth Region at the end of the 19th century: on the history of the issue. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 4 (48).

10. Leont'eva T.G. 2002. Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. M., Novyj hronograf: 253.

11. Mironov B.N. 2015. Zhiznennyj uroven' rossijskogo prihodskogo pravoslavnogo duhovenstva v imperskoj Rossii. Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija [The standard of living of the Russian parish Orthodox clergy in imperial Russia. History Journal: Research], 1: 65–80.

12. O prodazhe voskovyh svechej, vydelyvaemyh na chastnyh zavodah.1876. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. Neoficial'naja chast' [On the sale of wax candles produced in private factories. Voronezh diocesan sheets. Unofficial part], 18: 814–821.

13. Po voprosu o cerkovno-svechnoj operacii. 1878. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [On the issue of church-candle operation. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 24: 924–932.

14. Ponjatovskij A., svjashh. 1879. Rezul'taty postanovlenij Voronezhsko-eparhial'noj central'noj komissii po cerkovno-svechnoj operacii. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [The results of the decisions of the Voronezh diocesan central commission for church-candle operation. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 2: 57–68.

15. Programma dejstvij central'noj komissii, izbrannoj eparhial'nym s'ezdom po voskovoj svechnoj operacii cerkvej Voronezhskoj eparhii. 1878. Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. Oficial'naja chast' [The program of action of the central commission elected by the diocesan congress on the wax candle operation of the churches of the Voronezh diocese. Voronezh diocesan sheets. Official part], 4: 38–46.

16. Saharov I., svjashh. 1878. Komissija po svechnoj operacii v Voronezhskoj eparhii i ee zhelanija. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [The program of action of the central commission elected by the diocesan congress on the wax candle operation of the churches of the Voronezh diocese. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 5: 219–225.

17. Saharov I., svjashh. 1879. Po povodu stat'i – rezul'taty postanovlenij Voronezhsko-eparhial'noj central'noj komissii po cerkovno-svechnoj operacii. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Regarding the article – the results of the decisions of the Voronezh diocesan central commission for church-candle operation. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 9: 378–390.

18. Sil'chenko N., svjashh. 1877. K voprosu ob ustrojstve Eparhial'nogo svechnogo zavoda. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [To the question of the construction of the Diocesan Candle Plant. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 22: 518–527.

19. Sklobovskij D., prot. 1880. Idem per idem. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Additions to the Voronezh diocesan sheets], 9: 423–439.

20. Sklobovskij D., svjashh. 1877. Pia desideria: k predstojashhemu s'ezdu deputatov ot duhovenstva vsej eparhii (ob eparhial'nom svechnom zavode i ob Jemerital'noj kasse). Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Pia desideria: to the upcoming congress of deputies from the clergy of the entire diocese (about the diocesan candle factory and the box office). Additions to the Voronezh diocesan sheets], 19: 368–376.

21. Sklobovskij D., prot. 1878. Po povodu «Zametki po Cerkovno-svechnoj operacii». Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [Regarding «Notes on the Church-candle operation». Additions to the Voronezh diocesan sheets], 18: 649–667.

22. Skrjabin, svjashh. 1879. K stat'e o. Sklobovskogo po voprosu o cerkovno-svechnoj operacii, pomeshhennoj v № 11 Voronezhskih eparhial'nyh vedomostej. Pribavlenija k Voronezhskim eparhial'nym vedomostjam [To the article about. Sklobovsky on the church-candle operation, placed in No. 11 of the Voronezh diocesan sheets. Additions to the Voronezh diocesan sheets], 14: 644–648.

23. Ukazatel' fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii s Carstvom Pol'skim i Velikim knjazhestvom Finljandskim: Materialy dlja fabrichno-zavodskoj statistiki. Sost. po ofic. sved. Dep. torgovli i manufaktur P.A. Orlov [Index of factories in European Russia with the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland: Materials for factory statistics. Comp. by official vault Dep. trade and manufactories P.A. Orlov]. SPb.: Tip. brat'ev Panteleevyh. IX, 1881.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Наумов Д.В. 2020. Дискуссия православного духовенства по поводу церковно-свечной операции и создания епархиальных свечных заводов в местной периодической печати (по материалам «Воронежских епархиальных ведомостей»). Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 327–337. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-327-337.

Naumov D.V. 2020. The discussion of the orthodox clergy about church-candle operation and opening eparchy candle factories in local periodicals (on the materials of «Voronezh Eparhial'nye vedomosti»). Via in tempore. History and political science, 47 (2): 327–337 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-327-337.

УДК: 94(47)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-338-349

ШАХТЕРСКАЯ ТЕМА В ЖУРНАЛЬНОЙ ГРАФИКЕ АЛЕКСАНДРА ДЕЙНЕКИ СЕРЕДИНЫ 1920-х гг. (ЖУРНАЛ «У СТАНКА»)

MINER'S THEME IN ALEXANDER DEINEKA'S MAGAZINE GRAPHICS OF THE MID-1920s (THE MAGAZINE «AT THE BENCH»)

Е.П. Максименко
E.P. Maksimenko

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
Россия, 119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4

NUST «MISIS»,
4 Leninskij prospekt, Moscow, 119049, Russia

E-Mail: maksimenko.ep@misis.ru

Аннотация
В статье в качестве визуального источника исторической информации о шахтерском Донбассе периода нэпа рассмотрены графические рисунки Александра Дейнеки, опубликованные в середине 1920-х гг. в журнале «У станка». Впервые предпринята попытка анализа графической серии «В Донбассе» не как художественного цикла, отражающего творческий поиск автора, а как иллюстративного материала, рассказывающего о шахтерских рабочих буднях и актуальных вопросах, связанных с процессом восстановления угольного региона и с нарастающими темпами его индустриального развития. Методология исследования основана на анализе сюжетного содержания данных визуальных источников в контексте некоторых вопросов промышленного, социального, культурного развития шахтерского региона в середине 1920-х гг.

Abstract
The article discusses the pictures made by Alexander Deineka and published in the magazine «At the bench» in the mid-1920s as a visual source of historical information about the miner's Donbass period of the NEP. Close attention to the contemporary events allowed the artist to use a method of observation inaccessible to historians, expanding the possibilities of studying that historical period. The author of the article for the first time made an attempt to analyze the graphic series «In the Donbass» not as an art cycle reflecting the artist's creative search, but as an illustrative material telling about mining workdays and important issues related to the process of restoration of the coal region and the increasing pace of its industrial development. The research methodology is based on the analysis of the plot content of these visual sources in the context of certain issues of industrial, social, and cultural development of the mining region in the mid-1920s.

Ключевые слова: промышленная тема, журнальная графика, Донбасс, нэп, угольная промышленность, шахтеры-угольщики, периодическая печать, ликвидация безграмотности, ручной труд, механизация, кадровый потенциал.
Keywords: industrial theme, magazine graphics, Donbass, NEP, coal industry, coal miners, periodicals, elimination of illiteracy, manual labor, mechanization, staff potential.

Выдающийся советский художник Александр Александрович Дейнека к шахтерской тематике обращался неоднократно – в многочисленных набросках, в графических и живописных работах разных лет. По собственному признанию мастера, ему «пришлось работать в самых разнообразных видах и техниках художественного творчества». Подобную многоликость творческой деятельности Дейнека связывал не только со свойством

собственного характера, но считал особенностью времени, в котором жил: «Возникают новые задачи у страны, выдвигаются новые изобразительные формы» [Дейнека, 1961].

В молодые годы убежденность в необходимости слияния задач художественного творчества с задачами социального строительства привело Дейнеку в знаковое учебное заведение – Московские высшие государственные художественно-технические мастерские, более известные как ВХУТЕМАС. В постановлении СНК РСФСР от 18 декабря 1920 г. об открытии нового учебного заведения его цель была сформулирована вполне определенно: «...подготовить художников – мастеров высшей квалификации для промышленности» [Постановление СНК…].

Структурной спецификой мастерских было объединение факультетов разной направленности. К творческим факультетам относились живописный, скульптурный и архитектурный, к производственным – печатно-графический, металлообрабатывающий, деревообделочный, текстильный и керамический. Большинство студентов обучались на архитектурном, живописном и графическом факультетах. На всех курсах обязательным являлось «преподавание политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения». Таким образом, для творческой молодежи, принявшей революционные преобразования, открывалась заманчивая перспектива отобразить современность в ее послеоктябрьской специфике, в новом темпе жизни, в новых производственных реалиях.

Александр Дейнека поступил на графический факультет ВХУТЕМАС в 1921 г. К этому моменту фактами биографии 22-летнего уроженца Курска уже были работа инструктором Наробраза, работа в курском отделении «Окон РОСТА», работа фотографом в уголовном розыске, а также служба в Красной армии. Обучение в мастерских было рассчитано на четыре года, но в 1924 г., не дождавшись защиты дипломной работы, Дейнека уходит из ВХУТЕМАС, поскольку администрация не засчитала ему летнюю практику, проведенную в качестве художника-иллюстратора журнала «Безбожник у станка» [Сысоев, 1989, с. 18].

Молодому полиграфисту хотелось скорее заняться реальным, конкретным делом. В то время иллюстрированные журналы имели огромное общественное и художественное значение. В Москве 1920-х гг. происходил настоящий журнальный бум. Поскольку для советской полиграфии той поры технология непосредственного воспроизведения фотографий в массовых изданиях представляла определенные трудности, редакции были заинтересованы в труде художников, обеспечивавших большинство журналов превосходными рисунками. Специфика периодических изданий ставила перед художниками-графиками одновременно творческие и социально-значимые задачи. Редакциями ценилась их способность немедленно откликаться на волнующие события дня, отбирать самое типичное, обобщать явления, создавать образ, характер, передавать идею посредством использования символов. Часто создаваемые ими графические изображения несли в себе упрощение формы изображаемого объекта, поскольку простые, понятные формы облегчали художникам работу и сильно сокращали время производственного цикла.

Агитационные журналы «Безбожник у станка» и «У станка», куда Дейнеку приняли в штат, издавались Московским комитетом РКП(б) и печатались многотысячными тиражами. Они собрали первоклассный художественный коллектив – достаточно сказать, что всей художественной частью руководил Дмитрий Моор. Рисунки Дейнеки появлялись в них регулярно, иногда по несколько раз в одном номере.

Насыщенная журнальная практика позволила молодому художнику, определенно не расположенному писать «пейзан в лапоточках, французские пейзажи, дам в кринолинах», увидеть мир реальных вещей и событий, питавший его лучшие произведения середины 1920-х гг. [Дейнека, 1961]. «Я понял, что без знания жизни, без того, что толкает тебя на создание произведения, работать невозможно», – запишет Дейнека позднее. В период нэпа популярным становится изобразительное творчество, предполагавшее целенаправленное развитие идеологически значимой для нового государства промышленной темы.

Уже в апреле 1920 г., как только закончился самый тяжелый этап военного противостояния внутри страны, на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих

В.И. Ленин назвал уголь настоящим хлебом промышленности. Причем задачу обеспечения промышленности углем советский лидер рассматривал как фактор даже более важный, чем победу на фронте: «чтобы спасти Советскую власть сейчас, необходимо дать хлеб для промышленности, т. е. уголь. Без этого нельзя восстановить хозяйство, нельзя пустить железные дороги, без этого нельзя пустить фабрики и дать предметы для обмена на хлеб крестьянам» [Ленин, 1974, с. 298].

Основные надежды государство возлагало на Донецкий угольный бассейн. Но его состояние после хаоса революционных лет, после разрухи, вызванной Первой мировой и Гражданской войнами, было ужасающим. Исследователь И.К. Сапицкая приводит данные комиссии проф. Б.И. Бокия, обследовавшей Донбасс летом 1920 г. Комиссия установила, что 39 % всех эксплуатационных шахт были остановлены. Не работали 623 шахты из 1 604 по следующим причинам: 256 (41 %) были затоплены; остановлено из-за отсутствия рабочих 180 (29 %) шахт; остальные 30 % были остановлены по разным причинам [Сапицкая, 2009, с. 48].

С 1922 г. в советской России начался подъем экономики, а добыча угля восстанавливалась медленно. Если в 1913 г. промышленность потребляла 67,1 % угля и 32,9 % прочего топлива, главным образом дров, то в 1923–1924 гг. потребление угля в промышленности составляло всего 42 % по отношению ко всему количеству потребленного топлива [Развитие советской экономики, 1940, с. 198]. Ситуация в промышленности в целом и в угольной отрасли в частности регулярно освещалась в советской периодической печати.

Задолго до того, как в практику широко вошли командировки художников на производство, Дейнека по заданиям редакций ездил в промышленные районы, где на месте изучал жизнь страны в годы восстановительного периода. Потом он напишет: «...в ту пору я ездил больше, чем когда-либо: я работал в шахтах Донбасса, был в подмосковных шахтах, ездил по колхозам и видел, как они создаются, работал на московских фабриках и заводах».

В середине 1920-х гг. журнал неоднократно командировал Дейнеку на Донбасс. Донецкий бассейн оставался основной угледобывающей базой страны, поэтому там шли процессы интенсивного промышленного восстановления и перевооружения. Всесоюзная кочегарка обеспечивала богатый натурный материал Дейнеке как художнику промышленности. Большое производство развернуло перед ним внушительный индустриальный пейзаж: шахтные копры, подъемные машины, надшахтные здания, сортировки и эстакады. Заходя в шахтные ламповые, нарядные, табельные, он получил возможность увидеть организацию внутреннего трудового распорядка на предприятиях. Вместе с рабочими клеть спускала молодого художника глубоко под землю, туда, где находилась главная часть этого особого шахтерского мира. Мимо бесконечных рядов из стоек крепи он вместе со всеми по штрекам шел к угольной лаве, чтобы в забое увидеть воочию то самое «торжественно-напряженное состояние труда», которое затем так стремился передать в своих произведениях.

Знакомясь с рабочим бытом рудников, Дейнека быстро фиксировал свои наблюдения. Он выполнил множество набросков рабочих на производстве: шахтер в кепке, облокотившийся локтем на перила (рис. 1а); шахтер со скрещенными на груди руками, что-то сосредоточенно обдумывающий (рис. 1б); шахтер, с усилием тянущий тяжелую угольную вагонетку (рис. 1в) и пр. Карандашные рисунки множили кипы набросков, из которых Дейнека затем выбирал, с его точки зрения, «самое типичное, образное» для создания лаконичной, полной естественной простоты и гармонии графической серии «В Донбассе».

На страницах журнала «У станка» Дейнекой представлены графические рисунки, зафиксировавшие реалии шахтерского бытия. Они выступают полноправным источником исторической информации о трудовой жизни шахтерского Донбасса. Повседневный путь его героев проходил через нарядную, ламповую и табельную. С табельной на угольных предприятиях связан ведущийся издавна обязательный подсчет всех спустившихся в шахту и вышедших (выехавших) из нее. Он необходим для получения оперативной информации о количестве работников, находящихся в каждый конкретный момент времени под землей, – во-первых, на случай аварийной ситуации, чтобы все были выведены в безопас-

ное место, во-вторых, таким образом легко подсчитать фактически отработанное каждым угольщиком время. Поэтому в табельной горняки всякий раз обязательно получали два жетона («номерка») – «Спуск» и «Выезд» – со своими личными табельными номерами.

а) б) в)

Рис. 1. Шахтеры
Fig. 1. Coal miners

Здесь Дейнека и увидел персонажей рисунка под названием «Донбасс. У табельной» (рис. 2). Пространство рисунка почти полностью заполняют три коренастые фигуры рабочих-угольщиков; этот прием помогает художнику полностью сосредоточить внимание читателя на героях графической композиции.

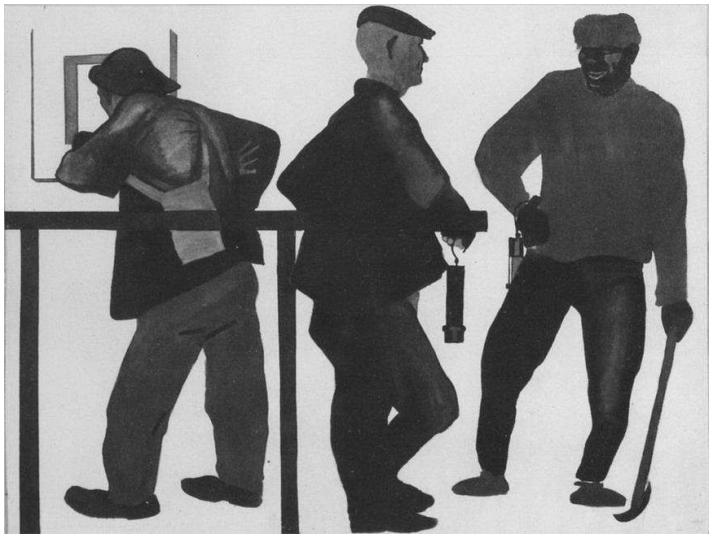

Рис. 2. Донбасс. У табельной
Fig. 2. Donbass. At the timecard room

Ведущий исследователь творчества Дейнеки В.П. Сысоев в свое время отметил, что художник умел «сообщить действию характер текучего формирующегося процесса, увлекающего воображение зрителя на путь самостоятельного домысливания выраженного содержания» [Сысоев, 1989, с. 42]. В тот момент, когда один из шахтеров склонился к небольшому оконцу табельщика, двое других ведут о чем-то разговор. В среднем персонаже сразу узнается человек с наброска (см. рис. 1а). Он облокотился рукой о перила и перенес вес тела на левую ногу, правую же слегка согнул в колене. Вполне возможно, что таким образом шахтер пытается облегчить боль в колене, спровоцированную постоянной рабо-

той в неудобной позе и большим физическим напряжением. Второй из разговаривающих, тот, что повернулся лицом к зрителю, одной рукой упирается в бедро. Руки на бедрах – первый признак готовности к активным действиям, о чем косвенно напоминает и обушок в другой руке, который забойщик тоже использует в качестве своеобразной опоры.

В иллюстрациях донбасского цикла расчет автора на способность читателя «додумать» обстановку, конкретизировать ее с помощью собственных представлений о действительности совершенно очевиден. Кроме «читаемых» поз Дейнека наделяет своих героев «читаемым» выражением лиц (при отсутствии индивидуализации черт), которое говорит об их позитивном настрое перед сменой. Собираясь на работу, связанную с ежеминутным риском обвала или осыпания горной породы, возможности взрыва метана и пр., шахтеры спокойно беседуют. Похоже, что рабочий с обушком рассказывает очередную шахтерскую байку или сообщает заинтересовавшую его новость.

Именно тему текущих новостей предполагает рисунок «Донбасс. За газетой» (рис. 3). Несколько человек стоят в очереди за свежими газетами, которые бойко расходятся прямо из окна административного здания. Обращение Дейнеки к подобному сюжету напрямую связано с проблемами культурного развития, в частности вопросами распространения периодической печати в регионе и уровня грамотности рабочего класса.

Рис. 3. За газетой
Fig. 3. For the newspaper

История прессы Донбасса началась на рубеже XIX и XX столетий, когда в Бахмуте и Мариуполе стали выходить первые газеты, носившие, как правило, информационно-рекламный характер. Журналистики в чистом ее виде было очень мало. В основном публиковались заметки на житейские или криминальные темы, то есть то, что интересовало обывателя. Серьезная журналистика появилась значительно позже. Этому способствовала Первая мировая война, а потом – революция [Газетный пласт…]. Революция вызвала настоящий всплеск местных общественно-политических изданий, среди которых были «Всероссийская кочегарка» (1920, Бахмут), «Диктатура труда» (1920, Юзовка), «Молодой Донбасс» (1919, Юзовка) и др. Советская власть придавала важное значение газетам как инструменту, влияющему на «степень общественного развития» такой значимой социальной группы, как шахтеры: «Шахтер Донбасса нас интересует не только как источник рабочей силы, но и как общественный индивидуум, реагирующий на все явления общественной жизни» [Никольский, 2017, с. 14]. Но на пути формирования человека с новым сознанием стояла проблема элементарной безграмотности.

В декабре 1922 г. – январе 1923 г. Донецкий губернский совет профсоюзов провел письменное анкетирование горняков, входящих во Всероссийский союз горнорабочих.

Опрос охватил 83 787 чел. (всего по состоянию на 1 января 1923 г. в угольной промышленности Донбасса было занято около 122 тыс. чел.). По данным, введенным в научный оборот д. и. н. В.Н. Никольским, среди опрошенных не умели читать и писать каждый четвертый из шахтеров (24,9 %) и примерно столько же относили себя к категории малограмотных (24,2 %). Не внушала оптимизма и статистика, отражавшая ситуацию с потреблением продукции периодической печати. Она показала, что «более двух третей опрошенных (55 914 чел.) газеты не читали; 14,8 % (12 396 чел.) читали 1–5 газет; 4,9 % (4 141 чел.) заявили, что читали 6–10 газет, а 10,6 % (8 862 чел.) – более 10 газет в месяц, 2 474 чел. (2,9 %) затруднились дать какой-либо ответ» [Никольский, 2017, с. 14].

Ликвидация неграмотности среди населения становилась одной из глобальных задач власти периода 1920-х гг., когда грамотность провозгласили одним из ключевых аспектов в развитии культурно-образовательной сферы. Уже по данным переписи 1926 г., хотя кампания была далека до своего завершающего этапа, среди промышленных рабочих в Донбассе неграмотными оставались 15 % [История рабочих Донбасса, 1981, с. 262].

Наделенный острым ощущением духа времени, Дейнека понимал важность реконструкции сознания шахтерской рабочей массы. Он не прошел мимо идеологически значимого сюжета, связанного с актуальностью газет, их возможностью поднимать важные, злободневные вопросы и проблемы, их широкой доступностью и направленностью на освещение широкого спектра тем, интересующих читателей. Дейнека приехал в Донбасс запечатлевать реалии нового времени. Выступая очевидцем происходящего, график создавал своеобразный художественный репортаж с места событий, а детали, подмеченные им в результате личных наблюдений, помогали перенести туда воображение читателя. Мужчина расплачивается за газету. Молодой шахтер, пользуясь моментом, завел разговор со стоящей впереди него женщиной (именно эта возможность, скорее всего, и привела его в очередь за газетой). Рабочий, более старший по возрасту, начал просматривать свежий номер, едва отойдя от импровизированного газетного прилавка и пр. Своей ориентированностью на изображение достоверности момента художник делает рисунок похожим на документальный кинокадр.

С 1921 г. Высшим советом народного хозяйства выпускался ежегодник «Промышленность СССР» (по 1923 г. включительно назывался «Русская промышленность»), подготовкой которого занимался Центральный отдел статистики (ЦОС ВСНХ). Ежегодник состоял из двух частей. Первая посвящалась общим условиям работы промышленности: ее финансовому положению, кадровому обеспечению, топливоснабжению, ценам и себестоимости промышленных изделий, деятельности трестов и пр. Вторая содержала обзоры отдельных отраслей промышленности и неизменно начиналась с обзора каменноугольной промышленности. Кратким популяризированным журнальным вариантом этой части серьезного статистического издания было экономическое обозрение Владимира Сарабьянова «Наш Донбасс», напечатанное в журнале «У станка» [Сарабьянов, 1924]. Именно к этому тексту привлекала дополнительное внимание читателя эстетическая ценность рисунков Дейнеки. Сарабьянов в то время работал экономистом-обозревателем в газете «Правда», а также преподавал в московских вузах, в частности, в 1924–1925 гг. в Московской горной академии читал курс «Экономика и экономическая политика СССР». Материалу Сарабьянова, проиллюстрированному рисунками Дейнеки, в журнале отведен полный разворот. Экономический обзор начинается с констатации успехов в восстановлении каменноугольной промышленности страны после окончания гражданской войны. Автор сразу отмечает главную роль Донбасса в процессе минерализации топливного потребления, а затем останавливается на основных задачах отрасли: поднять качество добываемого угля и устранить перебои в его добыче; удешевить себестоимость угля; решить вопрос кадрового обеспечения отрасли.

Долгое время в угольной отрасли оставался актуальным вопрос механизации трудоемких процессов. Уровень механизации Донбасса – основного топливодобывающего района страны – продолжал оставаться крайне низким, здесь по-прежнему преобладал ручной труд. Механизация производственного процесса ограничивалась главным образом переходом от паровых двигателей к двигателям электромеханическим и заменой ручного

способа добычи угля добычей с помощью врубовых машин. По данным упомянутого выше ежегодника ВСНХ, в 1924–1925 хозяйственном году с применением врубовых машин на Донбассе было добыто 505 тыс. тонн угля, что составило всего 5,5 % от общей добычи [Промышленность СССР…, 1926, с. 17].

На следующем рисунке Дейнеки четверо рабочих – трое мужчин и женщина (среди донбасских рабочих-горняков в тот период женщин было около 11 %) – заняты ручной погрузкой угля на железнодорожную платформу (рис. 4). Их фигуры изображены в свойственных манере Дейнеки выразительных ракурсах. От рисунка веет энергичным, волевым настроем его героев, занятых нелегким ручным трудом. Их жизнь основана на простой истине – «работать, строить и не ныть» (этот слоган появится затем на очень известном плакате Дейнеки 1930-х гг.). Энтузиазм, который рабочие вкладывают даже в неквалифицированный труд, придает действу масштабную жизненную проблематику.

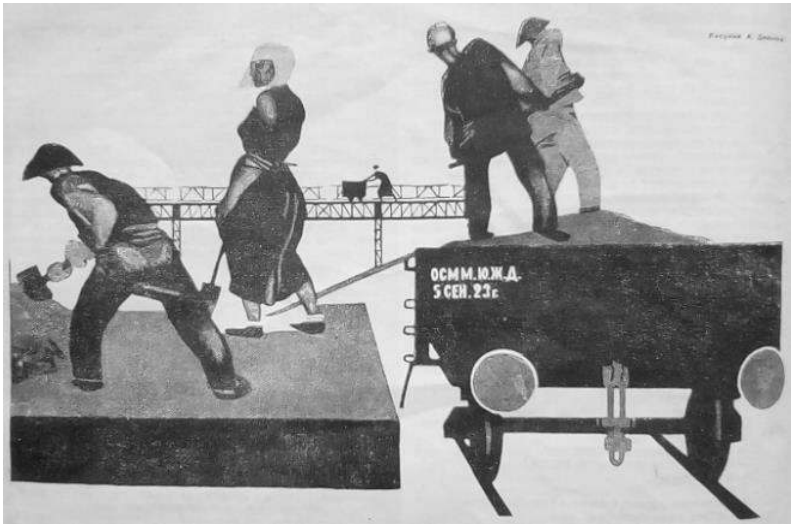

Рис. 4. Без названия
Fig. 4. No a title

Дейнека принципиально отказывался, подобно другим художникам-производственникам, «пересказывать» в своих произведениях ежедневные будни промышленности. Обладая особым типом художественного мировосприятия, в котором преобладало «чувство будущего», он возвышал повседневность, ваял памятник труду на плоскости листа.

Художник проводил строгий отбор всех деталей изображения, что позволяло ему предельно лаконично и выразительно представить задуманный образ. Он, по словам искусствоведа Б.М. Никифорова, быстро подметил, что «условия производства накладывают яркий отпечаток на человека, на ритмику его движений, порождают своеобразие позы и черт характера» [Никифоров, 1937, с. 32], и вот уже читатель видит двоих шахтеров, устало возвращающихся домой после смены (рис. 5). Они идут медленной, тяжелой походкой, чуть ссутулившись и втянув голову в плечи. Эта привычка развивалась у рабочих рудников из-за необходимости постоянно беречь голову. Так необходимая шахтеру каска в массовый обиход вошла только в 1930-е гг. Кепки и картузы защищали от летящих сверху небольших кусков породы, но от случайных ощутимых ударов (например, о балку верхняка) не могли. Вот и приходилось угольщикам постоянно пригибаться.

На подчеркнуто «антиживописное» изображение рабочего человека, свойственное раннему периоду творчества Дейнеки, неоднократно обращали внимание искусствоведы.

«Его фигуры рабочих и работниц, неуклюжих, с выпирающими из одежды налитыми, крепко развитыми мускулами, полны в то же время какой-то особой неумелой грации и силы» [Рогинская, 1926, с. 232].

Рис. 5. В Донбассе
Fig. 5. In Donbass

«В своих рисунках он не смягчает по-прежнему избыточную зависимость шахтерской профессии от физических возможностей человека. Телесный фактор играет значительную роль в образно-пластической конструкции фигур» [Сысоев, 1989, с. 39].

«Дейнека принципиально отказывается от какой бы то ни было идеализации. Его коротконогие мезоморфические герои-современники подчеркнуто антиинтеллектуальны, прозаичны и отнюдь не окружены героической аурой» [Барабанов, 2004, с. 82].

«...его вещи, проникнутые пафосом индустриального созидания, показывали человека труда остро, жестко, без малейших прикрас» [Чегодаева, 2003, с. 45].

Подобный подход к трактовке образов обусловлен вниманием художника к передаче обобщенных профессиональных признаков, а не индивидуальных характеристик рабочих. Суровая повседневная жизнь шахты, связанная с физическими перегрузками (в условиях крайне низкого уровня механизации), с работой в опасных и дискомфортных условиях требовала людей здоровых, выносливых, устойчивых к стрессовым ситуациям, способных концентрироваться на своем деле. Для их изображения Дейнека вырабатывает лаконичный стиль графики, который позволяет ему наделять своих героев не просто очевидной мышечной силой, но и силой личностной.

В этом новом стиле выполнена Дейнекой обложка следующего номера журнала [Рогинская, 1926], ставшая прообразом огромной картины «Перед спуском в шахту», представленной художником на I выставке картин ОСТ (Общества станковистов) в 1925 г. (рис. 6).

Большие, четкие силуэты забойщиков, ожидающих своей очереди на спуск в шахту, сразу привлекают внимание к журнальной обложке (зоркий зритель разглядит также силуэты рабочих, либо уже зашедших в шахтную клеть, либо занимающих в ней последние оставшиеся места). У клети подъемника застыли в ожидании фактически те самые шахтеры, что недавно оживленно обсуждали новости в табельной. Они стоят у самого входа в шахту, будто отрешившись от всего, что не имеет отношения к ждущему их делу. По замечанию критика И.Л. Мацы, Дейнека избегает «оживляющей» сценки в виде спора, или веселого разговора, или еще какого-либо эпизода ожидания. «Дейнека дает эту будничную, изо дня в день повторяющуюся сцену, с одной стороны, именно как будничную, никаких особых переживаний у участников не вызывающую, с другой стороны, все же как значительную, без мелочей и без анекдотичности» [Маца, 1959, с. 16].

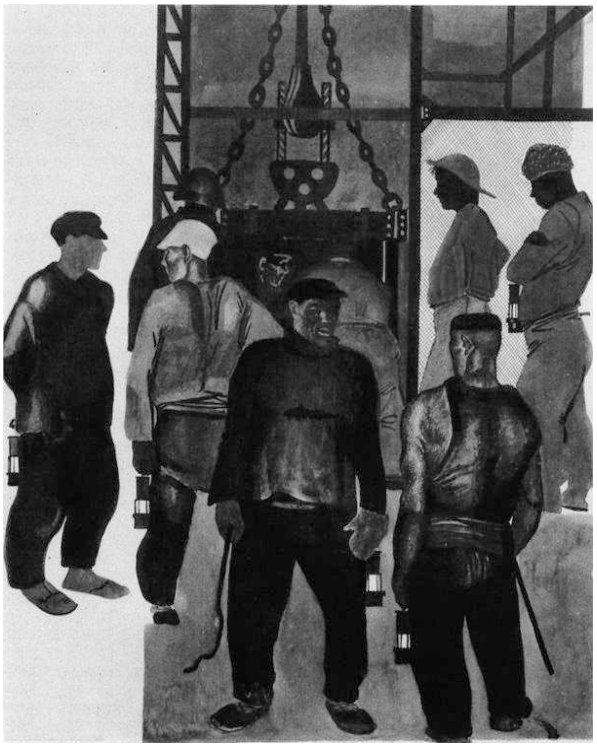

Рис. 6. Обложка журнала «У станка»
Fig. 6. Cover of the magazine «At the bench»

Искусствовед В.И. Костин, вспоминая выставку картин ОСТ, где Александр Дейнека представил две свои большие картины, отмечал сильное впечатление, произведенное ими на зрителей. Картины выглядели как увеличенные во много раз графические рисунки (в случае полотна «Перед спуском в шахту» так оно и было), но при этом «такого убедительного, жизненно верного изображения рабочих не мог достигнуть, по существу, ни один художник того времени» [Костин, 1976, с. 38]. Эти прямоугольные, мускулистые, широкоплечие фигуры будто созданы природой для преодоления сопротивления крепких угольных пластов. Тяжелый труд завершил их формирование, придав фигурам мощную кряжистость.

Дейнека воспел людей, осмысленность жизни которых придают результаты их труда. У них есть особый, свойственный только им талант – «талант рубать уголь» (Б.Л. Горбатов). Этот талант сформировал жизнеспособные и сильные личности, которые хорошо понятны читателю послереволюционной эпохи. «Шахтерская» графика Александра Дейнеки, в которой он впервые продемонстрировал свой независимый подход к изображению и трактовке рабочего человека, стала этапным явлением на пути создания нового стиля в искусстве – стиля, основанного на культе труда. И именно шахтер стал у художника главным героем этого нового культа.

Работая над обложкой, график стремился добиться максимального выразительного и смыслового эффекта, для чего применял различные художественные приемы. Например, намекая на вертикальный ствол шахты, он задает рисунку вертикальную композицию. Вертикаль выстраивается из элементов шахтного оборудования – клети подъемника, сетки ограждения – и плит бетонного пола. Выполненные в черно-серой гамме, они с определенностью очерчивают круг существования героев композиции – кадровых шахтеров, чья жизнь устойчиво, прочно связана с шахтой.

И только «одна из фигур, помещенная в светлом створе в левой части композиции, – по замечанию искусствоведа Т.В. Маловой, – оказывается вынесенной на периферию, ”за скобки“ осуществляющегося действия» [Малова, 2008, с. 109]. Дейнека использует прием выведения персонажа за пределы цветовых плоскостей, помещая его на пустом бе-

лом фоне. На наш взгляд, вполне допустима не только искусствоведческая трактовка подобного исключения персонажа из четко очерченного пространства существования остальных шахтеров. В социальном аспекте это исключение, возможно, указывает на неопределенность жизненной позиции персонажа.

Вопрос кадрового обеспечения шахт Донецкого бассейна долгое время оставался открытым. Нехватка квалифицированных рабочих кадров на шахтах характеризовала весь восстановительный период. Дело в том, что «к концу 1920 г. численность рабочих в угольном Донбассе сократилась почти вдвое по сравнению с 1913 г., особенно уменьшилось число забойщиков. В голодный 1921 г. происходило их дальнейшее сокращение. Общая довоенная численность была восстановлена здесь лишь в 1926–27 гг., а подземных рабочих – еще позже» [История социалистической…, 1976]. Но прилив рабочей силы не компенсировал ее качественного состава. Почти половина рабочих состояла из крестьян местных сел и деревень, которые часто рассматривали работу в шахте всего лишь как подсобное занятие, главным по-прежнему считая хлебопашество. Люди случайные, они перемещались с рудника на рудник в поисках лучших заработков, менее тяжелой работы и пр. Около трети рабочих удерживались на одном месте менее одного года, тогда как для практической подготовки горняка конкретной профессии в то время требовалось до двух лет. Перелом ситуации произойдет только во второй половине 1930-х гг.

В подборке иллюстраций А. Дейнеки к тексту В. Сарабьянова отсутствуют рисунки, посвященные труду шахтеров непосредственно под землей. Казалось бы, именно такой сюжет мог послужить смысловой точкой в «шахтерской» серии. Но и в размещенной на обложке следующего номера журнала [«У станка», 1924] графической работе Дейнека вновь прибегает к осознанной недосказанности. По собственному определению, он изображает шахтеров в «торжественно-напряженном» состоянии «ожидания труда», но не в процессе самого труда. График так и не завершает свою историю, оставляя читателю ощущение, что впереди будет ее обязательное продолжение.

В «шахтерской» графике Александра Дейнеки поиск новых форм художественной выразительности для идеологически значимых сюжетов сопряжен с очень пристальным личным вниманием автора ко всему происходящему у него на глазах. В отличие от историка, художнику доступен метод наблюдения, дающий ему возможность не только воочию видеть, но и запечатлевать события в момент протекания, процессы в динамике, а человека в характерных жизненных условиях и ситуациях. Зоркий наблюдатель, вовлеченный в процесс социальных преобразований, создания нового уклада, Дейнека взял на себя обязательство показывать то, «чем живет родина» так, «чтобы зритель сказал: я это видел, знаю». Его рисунки, наполненные деталями и приметами обыденной жизни шахтеров Донбасса почти 100-летней давности, способны и сегодня дать довольно целостное представление об этом особом мире, безгранично изменившемся, но в чем-то оставшимся точно таким же.

Список литературы

1. Барабанов Д.Е. 2004. Герой и героическое в советском искусстве 1920–1930-х годов: дис. ... кандидата искусствоведения. М., 215.

2. Газетный пласт: история прессы Донбасса. URL: http://novorossy.ru/history-lessons/gazetnyy-plast-istoriya-pressy-donbassa (дата обращения: 04.03.2020).

3. Дейнека А.А. 1961. Из моей рабочей практики. М., Академия художеств СССР, 79.

4. История рабочих Донбасса. 1981. Т. 1. Киев, Наукова думка, 326.

5. Костин В.И. 1976. ОСТ (Общество станковистов). Л., Художник РСФСР, 159.

6. История социалистической экономики СССР. 1976. Т. 2: Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг. М., Наука, 479. URL: http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=70044 (дата обращения: 04.03.2020).

7. Ленин В.И. 1974. Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих. Полное собрание сочинений. Т. 40. М., Политиздат, 292–298.

8. Малова Т.В. 2008. Поэтика художников ОСТа: дис. ... кандидата искусствоведения. М., 173.

9. Маца И.Л. 1959. А. Дейнека. М., Советский художник, 80.

10. Никифоров Б.М. 1937. А. Дейнека. М.–Л., Изогиз, 121.

11. Никольский В.Н. 2017. Шахтеры Донбасса в статистических обследованиях 1923 года. Журнал исторических, политологических и международных исследований. 1: 7–17.

12. Постановление СНК о Московских высших государственных художественно-технических мастерских. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12791-18-dekabrya-postanovlenie-snk-o-moskovskih-vysshih-gosudarstvennyh-hudozhestvenno-tehnicheskih-masterskih (дата обращения: 04.03.2020).

13. Промышленность СССР в 1925 году: Ежегодник ВСНХ. 1926. Ч. 2. М.–Л., 750.

14. Развитие советской экономики. 1940. М., Государственное социально-экономическое издательство, 665.

15. Рогинская Ф.С. 1926. Обзор живописного сезона. Красная новь. 7: 225–233.

16. Сапицкая И.К. 2009. Формирование жизненного цикла угольной промышленности Донбасса. Экономика и промышленность. 3: 45–52.

17. Сарабьянов В.Н. 1924. Наш Донбасс. У станка. 2: 16–17.

18. Сысоев В.П. 1989. Александр Дейнека. Т. 1. М.: Изобразительное искусство, 328.

19. У станка. 1924. 3.

20. Чегодаева М.А. 2003. Социалистический реализм: Мифы и реальность. М., Захаров, 214.

References

1. Barabanov D.E. 2004. Geroj i geroicheskoje v sovetskom iskusstve 1920–1930-h godov [Hero and heroic in Soviet art of the 1920s and 1930s]: Dis. ... candidata iskusstvovedenija. M., 215.

2. Gazetnyj plast: istorija pressy Donbassa [Newspaper formation: history of the press of Donbass]. URL: http://novorossy.ru/history-lessons/gazetnyy-plast-istoriya-pressy-donbassa (access: 04.03.2020).

3. Deineka A.A. 1961. Iz mojej rabochej praktiki [From my work practice]. M., Academija hudozhestv SSSR, 79.

4. Istorija rabochih Donbassa [History of the workers of Donbass]. 1981. Vol. 1. Kiev, Naukova Dumka, 326.

5. Kostin V.I. 1976. OST (Obshestvo stankovistov) [OST (society of easel artists)]. L., Hudozhnik RSFSR, 159.

6. Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR [History of the socialist economy of the USSR]. 1976. Vol. 2: Perehod k njepu. Vosstanovlenije narodnogo hozjajstva SSSR. 1921–1925 [Transition to NEP. Restoration of the national economy of the USSR. 1921–1925]. M., Nauka, 479. URL: http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=70044 (access: 04.03.2020).

7. Lenin V.I. 1974. Rech' na I Vserossijskom uchreditel'nom sjezde gornorabochih [Speech at the first all-Russian constituent Congress of miners]. Polnoje sobranije sochinenij. T. 40. M., Politizdat, 292–298.

8. Malova T.V. 2008. Pojetika hudozhnikov OSTa [Poetics of OST artists]: Dis. ... candidata iskusstvovedenija. M., 173.

9. Maca I.L. 1959. A. Dejneka [A. Deineka]. M., Sovetskij hudozhnik, 80.

10. Nikiforov B.M. 1937. A. Dejneka [A. Deineka]. M.–L., Izogiz, 121.

11. Nikolskij V.N. 2017. Shahtjory Donbassa v statisticheskih obsledovanijah 1923 goda [Miners of Donbass in statistical surveys of 1923]. Zhournal istoricheskih, politologicheskih i mezhdunarodnyh issledovanij. 1: S. 7–17.

12. Postanovlenie SNK o Moskovskih vysshih gosudarstvennyh hudozhestvenno-tehnicheskih masterskih [Resolution of the SNK on the Moscow higher state art and technical workshops]. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12791-18-dekabrya-postanovlenie-snk-o-moskovskih-vysshih-gosudarstvennyh-hudozhestvenno-tehnicheskih-masterskih (access: 04.03.2020).

13. Promyshlennost' SSSR v 1925 godu: Jezhegodnik VSNH [Industry of the USSR in 1925: Yearbook of the Supreme economic Council]. 1926. Part 2. M.–L., 750.

14. Razvitije sovetskoj jekonomiki [Development of the Soviet economy]. 1940. M., Gosudarstvennoje social'no-jekonomicheskoje izdatel'stvo, 665.

15. Roginskaja F.S. 1926. Obzor zhivopisnogo sezona [Overview of the scenic season]. Krasnaja Nov'. 7: S. 225–233.

16. Sapitskaja I.K. 2009. Formirovanie zhiznennogo cikla ugolnoy promishlennosti Donbassa [Formation of the life cycle of the Donbass coal industry]. Jeconomica i promyshlennost'. 3: S. 45–52.

17. Sarab'janov V.N. 1924. Nash Donbass [Our Donbass]. U stanka. 2: S. 16–17.

18. Sysoev V.P. 1989. Aleksandr Dejneka [Alexander Deineka]. T. 1. M., Izobrazitel'noje iskusstvo, 328.

19. U stanka [At the bench]. 1924. 3.

20. Chegodaeva M.A. 2003. Socialisticheskij realizm: mify i real'nost' [Socialist realism: Myths and reality]. M., Zaharov, 214.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Максименко Е.П. 2020. Шахтерская тема в журнальной графике Александра Дейнеки середины 1920-х гг. (журнал «У станка»). Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 338–349. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-338-349.

Maksimenko E.P. 2020. Miner's theme in Alexander Deineka's magazine graphics of the mid-1920s (the magazine «At the bench»). Via in tempore. History and political science, 47 (2): 338–349 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-338-349.

УДК 94(47).084.5/.6+39(470.344)“192/193”
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-350-358

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ЧУВАШЕЙ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О «СОВЕТИЗАЦИИ» ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSFORMATION OF SONG FOLKLOR OF THE CHUVASHI IN THE 20–30s OF THE XX CENTURY: ON THE ISSUE OF THE «SOVIETIZATION» OF TRADITIONAL CULTURE

В.В. Медведев, М.В. Попов
V.V. Medvedev, M.V. Popov

Сургутский государственный педагогический университет,
Россия, 628400, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Россия, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38

Surgut State Pedagogical University, Russia, 10/2 50 let VLKSM St, Surgut, 628400, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, 38 Lenin Av, Magnitogorsk, 455000, Russia

E-mail: vlad.etno@mail.ru, maxim_popov@hotmail.com

Аннотация
Новизна исследования заключается в том, что в работе продемонстрирован вариант интеграции чувашей в формирующуюся советскую культуру через трансформацию традиционного песенного творчества. «Советизация» чувашей, как и других народов, предполагалась как «ассимиляция советским обществом», с привлечением пропаганды и распространением образцов советской культуры. «Советизация» песенного фольклора чувашей негативно повлияла на аутентичную музыку. В 1930-х годах тексты народных песен, не переработанные в соответствии с новыми ориентирами, были признаны неактуальными и исчезли из репертуара профессиональных исполнителей. В условиях трансформации традиционной культуры «советизация» песенного фольклора чувашей представляла собой обоснованный и востребованный для своего времени процесс. Включение новых культурных форм и повседневных практик в традицию народа создало иной тип культуры – советский, элементы которого и сегодня наблюдаются в современной культуре чувашей.

Abstract
The sphere of political interests of the new Soviet leadership covered all aspects of traditional folk culture. Particular attention was given to cultural practices as an important element in the field of politics and ideology in the system of new social relations. The construction of new cultural images met the requirements of the young Soviet state and served as the basis for the interpretation of events and the emerging self-awareness of people. The concept of «Sovietization» involves the use of a number of cultural practices. An example is the practice with the indigenous peoples of the North, whose «Sovietization» was thought of as «assimilation» by the Soviet society, with the involvement of propaganda and the dissemination of samples of Soviet culture. Similar processes of «Sovietization» of traditional culture, language and literature took place among the Chuvashs. These processes contributed to the subsequent integration of the Chuvash into the emerging Soviet culture. The «Sovietization» of the traditional Chuvash culture influenced everyday life and mentality, was introduced into the tradition and changed it. The transformation is clearly observed in anthroponyms and oikonyms, ritual practices, folklore and other areas of material and spiritual culture. From the first years of the establishment of Soviet power, folklore was influenced by «Sovietization». The transformation of songwriting manifested itself in various aspects. The «Sovietization» of the Chuvash folklore negatively affected authentic music. In the 1930s, lyrics of folk songs that were not revised in accordance with the new guidelines were deemed irrelevant and disappeared from the repertoire of professional performers. In the context of the

transformation of traditional culture, the «Sovietization» of the Chuvash song folklore was a justified and demanded process for its time. The inclusion of new cultural forms and everyday practices in the tradition of the people created a different type of culture – Soviet, whose elements are observed today in the modern Chuvash culture.

Ключевые слова: «советизация», чуваши, традиционная культура, трансформации, песенный фольклор.
Keywords: «sovietization», Chuvashes, traditional culture, transformations, song folklore.

Проблемы формирования единой советской культуры, предназначенной объединить население и представителей всех этнических групп новой Советской России, всегда актуальны и являются предметом исследований историков, антропологов и культурологов. В своих работах исследователи прежде всего обращают внимание на культурные практики и процессы трансформации традиционной культуры в условиях «советизации». Среди подобных изданий следует выделить публикации П.Е. Азаровой [2011], С.Д. Багдасарян [2013], Ф.Г. Галиевой [2017; 2018], Е.В. Поповой [2017] и ряда других авторов. Фундаментальным трудом, рассматривающим особенности ранней истории Советской России в контексте культурного дискурса, трансформации повседневных практик, образа мышления, мировоззрения и «народной культуры по поручению правительства» является исследование Ш. Плаггенборга «Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма» [Плаггенборг, 2000].

Становление новых культурных практик и нового сознания происходило в соответствии с первыми декретами СНК. Таковыми, например, стали Декреты «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. [Декреты, 1957, с. 373–374], «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 24 января 1918 г. [Декреты, 1959, с. 95–97], «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 12 апреля 1918 г. [Декреты, 1957, с. 404–405] и т. д. Декреты и сопутствующие им документы послужили фундаментом для осуществления «советизации» территорий и населения Советской России.

Содержание понятия «советизация» подразумевает не только поэтапное учреждение советской власти, национализацию земель и изменения на государственном и социально-экономическом уровне, но и внедрение единых образцов советского образа жизни. Следует подчеркнуть, что конструирование новых культурных практик и образов не только соответствовало требованиям советской власти, но и служило основой интерпретации происходивших событий и формирующегося самосознания людей [Шнирельман, 2016; Макарова, 2017].

Наряду с понятием «советизация» в науке также используется термин «советскость». Примером этого служит монография антрополога С.Н. Абашина «Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией», рассматривающей преобразования на территории Средней Азии с конца XIX века и до распада Советского Союза [Абашин, 2015].

«Советизация» традиционной культуры чувашей, как и традиционной культуры других народов, влияла на повседневность и ментальность, внедрялась в традицию и изменяла её. Такая трансформация отчётливо наблюдается в измененных антропонимах и ойконимах, ритуальных практиках, а также в других областях материальной и духовной культуры чувашей [Медведев, Малахова, 2018].

Аналогичные процессы происходили и с формирующейся национальной чувашской литературой [Кирчанов, 2013]. В подобном положении находились все народы Советской России, поскольку вопросы культурного строительства регламентировали и унифицировали постановления партии. Например, содержание литературных произведений

отвечало требованиям постановления «О политике партии в области художественной литературы», в котором ставился акцент «на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза» [Постановление, 1925]. Подобные документы определяли и упорядочивали творческую деятельность советской интеллигенции [Постановление, 1932].

Реалии нового советского времени отразились в устном творчестве чувашей. С первых лет становления новой власти фольклор был подвержен «советизации». На чувашском языке стали исполняться песни «Варшавянка», «Дубинушка», «Смело, товарищи, в ногу!», «Интернационал», «Крестьянская марсельеза», быстро ставшие популярными среди молодёжи. Например, по воспоминаниям Е.В. Сантиметровой (1921 г. р.), одной из песен, услышанных в раннем детстве и достаточно часто исполняемой на чувашском языке односельчанами на праздниках и в будние дни, был «Интернационал» [Медведев, 2009]. А.И. Прокопьев (1926 г. р.) упоминал, что в 30-х гг. прошлого столетия одной из наиболее распространённых песен, исполняемых в его родном селе, была «Песня о Щорсе», также исполняемая на чувашском языке [Медведев, 2018]. Песенное литературное творчество этого времени, сами песни «являются утверждением новой, социалистической действительности и нового человека <…> коренные изменения во всём укладе жизни сказались и на идейном содержании, и жанровых формах народного творчества» [Чуваши, 1970, с. 212–213].

Трансформация песенного творчества проявилась в разных аспектах. Мелодии и переведённые тексты, нередко имеющие слова литературного происхождения, составили новую музыкальную основу. Стили инструментальных наигрышей отчасти совпадали со стилем традиционных песен [Чуваши, 2017, с. 529–530]. Тексты были дополнены отдельными предложениями или самостоятельными куплетами, посвященными новой жизни и советским преобразованиям. Но переводческая деятельность, развернувшаяся в отношении песенных текстов, не смогла полноценно разрешить проблему их восприятия, поскольку песенный интонационный строй был непонятен и непривычен чувашам [Погодина, 2011].

Особую популярность среди населения имели такмаки – «частушки». Так у народных исполнителей нередко именуются все краткие песни, вне зависимости от их содержания и назначения [Исмагилова, 2017]. Такмаки подразделяют на плясовые, свадебные, сатирические и игровые. В советское время среди чувашей распространяются такмаки об организации колхозов, комсомоле, новом быте, Советской Армии, ударниках социалистического труда. Приведём примеры такмаков, переведенных с чувашского языка: «Складчатая-складчатая гармошка, одна складка излишняя. Когда строится новая жизнь, поп и кулак излишни», «Подсолнухи, цветущие в огороде, подобны сорока и одному солнышку. Люди нашей страны подобны родным одной семьи», «Макушку ржаной скирды треплет ветер, Красная Армия гонит прочь Деникина. Крапива, что растёт на краю глубокого оврага, пригибается от ветра, Красная Армия громит Деникина и Колчака» [Чуваши, 1970, с. 214].

Наряду с данными произведениями появляются такмаки с выраженным антирелигиозным контекстом, что формирует самостоятельную группу фольклорного материала. Например, «Если нынче лён родится, готовь прялку, если в церковь я пойду, плюнь мне в глаза», «Ах ты, яблочко, катись, ведь дорога скользкая. Подкузьмила всех святых, Пасха комсомольская», «Какой ширины рукава у попа? Ха-ха-ха! Наверное, полтора аршина будут, хи-хи-хи! Волосы у дьякона полтора метра, ха-ха-ха!» [Козлов]. Антирелигиозный контекст стал характерной чертой многих пословиц и поговорок.

Музыкально и поэтически обработанные чувашские народные песни, отражающие советскую действительность, были собраны и опубликованы в сборниках: «Революци юррисем» («Песни Революции»), «Сыхлăх юрри» («Песня обороны»), «Çĕнĕ юрăсем» («Новые песни»), «Колхозниксен ĕç юрри» («Колхозная трудовая»), «Сăрнай» («Зурна»), «Çĕнĕ сăрнай» («Новая зурна»), «Шкул юррисем» («Школьные песни»), «Чăваш халăхĕн

13 çĕнĕ пурнăç юрри» («13 чувашских песен нового быта») и другие. Советский композитор Ф.П. Павлов, фиксировавший песенный фольклор чувашей, анализируя собранный в одном из своих рукописных сборников материал, подготовленный к печати, делает заметку: «Составитель имеет в виду пополнить некоторые отделы его новыми песнями и мотивами, появившимися за время революции, в которых ярко отразился новый быт» [Павлов, 1926, с. 46]. К моменту записи в разделе сборника «Революционные песни» находилась всего одна композиция.

Советские идеологические установки формируют песенный репертуар первых профессиональных чувашских композиторов, отражающий реалии своего времени. Например, произведение В.П. Воробьева «Ленин» создаёт представление об образе В.И. Ленина, а «Пионерская песня» С.М. Максимова транслирует лозунги пионерского движения [Погодина, 2011].

Одновременно с этим композитор С.М. Максимов, будучи одним из первых представителей профессиональной школы, считал, что «строительство социалистической культуры в национальных условиях требует создания национальной музыки с её характерными особенностями» [Максимов, 1929, с. 71]. Он полагал, что это возможно только с учетом опыта традиционной музыкальной культуры и наследия устного творчества чувашского народа. С.М. Максимов отмечал приверженность традиционным культурным ориентирам песенного творчества и фольклора в целом, понимая, что изменения в хозяйственном укладе, социальные преобразования и «идеологические сдвиги получают отражение не тотчас, а с некоторым запозданием» [Максимов, 1934, с. 10].

Известный филолог-фольклорист М.Я. Сироткин в одной из своих работ упоминает показательный случай соединения народного и авторского профессионального творчества. Поэт Н.И. Шелеби сочинил в 1924 г. стихотворение «Ленин», положенное в основу одноимённой песни. Эта песня через 16 лет была зафиксирована уже как народная чувашская песня со слов сельчан колхоза Канаш (Похвистневский район, Куйбышевская область). Стиль и норма исполнения песни демонстрируют её соответствие традиции [Сироткин, 1965, с. 128–129]. В композиции присутствует синтез новой складывающейся советской культуры и традиций народного творчества чувашей, отражён процесс «советизации», одновременно происходивший и в других сферах жизни народа. Появление фольклорных произведений, прославляющих и воспевающих образ В.И. Ленина, т. е. принадлежащих к циклу «народнопоэтической Ленинианы», филологи и фольклористы рассматривают в качестве первого этапа становления «советского фольклора» [Панченко].

«Новое» песенное творчество демонстрируют труды композитора и фольклориста В.П. Воробьева, занимающегося сочинением и обработкой чувашских фольклорных мелодий и текстов. В 1920–1940 гг. им были собраны и записаны многочисленные произведения песенного фольклора. Материалы исследователя в 2011 г. опубликованы самостоятельным изданием «Чувашские народные песни» [Воробьев, 2011].

Книга объединила 196 песен, плачей, такмаков, пеитов и наигрышей. Представленный материал демонстрирует, что процессы «советизации» нашли своё отражение в рекрутских песнях, известных как салтак юррисем (№№ 60, 62) и гостевых/пирушечных песнях – хăна/ĕçкĕ юррисем (№№ 85, 88, 93, 94, 96, 106, 109 и другие). Содержание текстов посвящено службе в Красной Армии, строительству колхозов и коллективной форме ведения хозяйства, жизни по новым советским нормам и законам. В песнях упоминаются и персоналии: В.И. Ленин, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов. Новая жизнь имеет только положительные черты, о чём, например, говорится в песне «Шупашкар варринче» («В центре Чебоксар») [Воробьев, 2011, с. 104]:

… Дом Советов, большой дом,
в большом доме добрые люди,
все добрые люди собрались,
все добрые песни поют.

Процесс «советизации» музыкального искусства потребовал от профессионального сообщества композиторов новых произведений и отказа от традиционных этнографических композиций, не отвечавших стандартам и практикам повседневности социалистического общества [Абрукова, 2006, с. 190]. Именно поэтому «советизация» песенного фольклора чувашей негативно сказалась на аутентичной музыке. В 1930-х годах тексты народных песен, не переработанные в соответствии с новыми ориентирами, признаются неактуальными, поскольку не отвечают предъявляемым требованиям и исчезают из репертуара профессиональных исполнителей [Чуваши, 2017, с. 531].

Процесс «советизации» устного творчества чувашей, помимо песенного фольклора, отражается и в иных формах – на примере пословиц, поговорок и загадок. Так, Н.Р. Романов в 1960 г. публикует сборник «Чувашские пословицы, поговорки и загадки». В издании были объединены более 2500 пословиц и поговорок, а также 1700 загадок. Эти произведения чувашского устного народного творчества автор собирал на протяжении 35 лет исследовательской деятельности. В числе тематических разделов – «прошлые времена» (по направлениям народ, хозяйство, труд, человек, семья и другие), а также «новое время», включающий такие поговорки как «Идеи Ленина дороже всего на свете», «Сила колхоза в коллективе», «Колхозное добро – достояние народа», «Каков бригадир, такова и работа» и многие другие [Романов, 1960, с. 180–181].

Морис Хальбвакс о свойствах памяти писал, что «люди порой изменяют свои индивидуальные воспоминания, чтобы согласовать их со своими нынешними мыслями» [Хальбвакс, 2007, с. 283]. Это утверждение вполне справедливо можно применить по отношению к преобразованиям и трансформациям, сопровождавшим песенную традицию чувашей, как и всех других народов в период «советизации» культуры. Песенный фольклор должен был пройти согласование с новыми реалиями и отвечать вызовам времени.

«Советизацию» устного народного творчества чувашей достаточно ярко резюмирует цитата из работы «Поёт чувашский народ»: «Теперь в чувашском крае <…> восторжествовало передовое коммунистическое сознание; вместо тоскливой заунывной песни, оплакивавшей судьбину чувашского крестьянина, зазвучала бодрая жизнеутверждающая песня, песня свободного труда и героической борьбы» [Чуваши, 2017, с. 531–532].

Таким образом, имеющиеся материалы позволили проанализировать трансформацию культурных практик чувашей в 20–30-е гг. XX века и рассмотреть «советизацию» в контексте преобразования песенной традиции и формирования советской культуры. В народной среде изменения традиционных культурных форм не вызывали конфликтной ситуации. Песенный фольклор как в контексте традиционной культуры, так и в период «советизации», позволил выразить самосознание и настроение народа и служил идентифицирующим фактором. Общие процессы, происходящие на территории страны, конкретизировались чувашами посредством песенного фольклора относительно их повседневности. Новые формы и практики, прежде всего, получили распространение среди молодежи, становились модной тенденцией и формой социализации. Через песни, частушки и другие жанры устного творчества переосмыслялся опыт прошлого и ценностные ориентиры. Из контекста содержания песен и такмаков, распространённых в сельских поселениях и городах, можно сделать вывод о положительном восприятии нового образа жизни большинством чувашей.

В условиях трансформации традиционной культуры «советизация» песенного фольклора чувашей представляла собой обоснованный и востребованный для своего времени процесс. Включение новых культурных форм и повседневных практик в традицию народа создало иной тип культуры – советский, элементы которого мы отчасти наблюдаем и сегодня в современной культуре чувашей.

Список литературы

1. Абашин С.Н. 2015. Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М., Новое литературное обозрение, 719.

2. Абрукова Т.А. 2006. Песенное творчество первых чувашских композиторов: к проблеме становления профессионализма. Вестник Чувашского университета. 5: 187–191.

3. Азарова П.Е. 2011. Феномен антипраздника в советской массой культуре 1920-х – середины 1930-х годов. Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 10, выпуск 10: История: 120–124.

4. Багдасарян С.Д. 2013. Советский праздник в российской деревне 1920-х гг. Почему советизация праздничной крестьянской культуры в эпоху нэпа проходила замедленно? Преподавание истории в школе. 3: 76–79.

5. Воробьев В.П. 2011. Чувашские народные песни. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 328.

6. Галиева Ф.Г. 2017. Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. Вопросы истории. 6: 146–153.

7. Галиева Ф.Г. 2018. Комсомольский праздник Семык у марийцев Башкирии. Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. Т. 4. 1.: 15–19.

8. Декреты Советской власти в 5 т. Т. 1. М., Государственное издательство политической литературы, 1957. 626.

9. Декреты Советской власти в 5 т. Т. 2. М., Государственное издательство политической литературы, 1959. 698.

10. Исмагилова Е.И. 2017. Современное состояние песенного фольклора чувашей Сибири. Сибирский филологический журнал. 2: 16–27.

11. Кирчанов М.В. 2013. Унификация текста в чувашской АССР в 1930-е гг. (советизация чувашской литературы). Общественные науки. 2: 28–33.

12. Козлов Ф.Н. Антирелигиозные мотивы в чувашском и марийском советском фольклоре. URL: http://mognovse.ru/b-antireligioznie-motivi-v-chuvashskom-i-marijskom-sovetskom.html (дата обращения 10 января 2020).

13. Макарова Н.Н. 2017. Религиозная жизнь в Магнитогорске (1930–1980-е гг.). Проблемы истории, филологии, культуры. 2 (56): 146–158.

14. Максимов С.М. 1929. Чувашская музыка. В кн.: Первый всечувашский краеведческий съезд (15–21 июня 1928 года в г. Чебоксарах ЧАССР). Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары, Издание общества изучения Чувашского края: 71–79.

15. Максимов С.М. 1934. Вступительная статья. В кн.: 146 песен, записанных от Гаврила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым. Чебоксары – Москва, Чувашгосиздат-Музгиз: 3–16.

16. Медведев В.В. 2009. Полевой материал автора (Республика Башкортостан, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

17. Медведев В.В. 2018. Полевой материал автора (Республика Башкортостан, Кармаскалинский р-н, с. Суук-Чишма).

18. Медведев В.В., Малахова Л.П. 2018. «Советизация» традиционной культуры чувашей в 20–30-е годы XX века. Научный диалог. 3: 186–197.

19. Павлов Ф.П. 1926. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. Чебоксары, Общество изучения местного края, 65.

20. Панченко А.А. Культ Ленина и «советский фольклор». URL: http://folk.spbu.ru/Reader/panch2.php?rubr=Reader-articles (дата обращения 10 января 2020).

21. Плаггенборг Ш. 2000. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Пер. с нем. И. Карташева. СПб., Нева, 416.

22. Погодина И.П. 2011. Песенное творчество первых чувашских композиторов: идеология и искусство. URL: https://pogodinkk.ucoz.ru/publ/pesennoe_tvorchestvo_pervykh_chuvashskikh_kompozitorov_ideologija_i_iskusstvo_issledovanie/1-1-0-48 (дата обращения 10 января 2020).

23. Попова Е.В. 2017. Новая (советская) символика и предметный мир крестьянской повседневности. В сб.: Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию ре-

волюции 1917 года в России). Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб, Российский этнографический музей: 43–47.

24. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», 18 июня 1925 г. URL: http://hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm (дата обращения 10 января 2020).

25. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», 23 апреля 1932 г. URL: http://www.refsru.com/referat-16420-16.html (дата обращения 10 января 2020).

26. Романов Н.Р. 1960. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, Чувашское государственное издательство, 359.

27. Сироткин М.Я. 1965. Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 132.

28. Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М., Новое издательство, 348. (Halbwachs M. 1994. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, Albin Michel, 374).

29. Чуваши. М., Наука, 2017.

30. Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура / Под редакцией М.Я. Сироткина, М.И. Иванова, Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1970. 308.

31. Шнирельман В.А. 2016. Социальная память и образы прошлого. Новое прошлое. 1: 100–123.

References

1. Abashin S.N. 2015. Sovetskiy kishlak: mezhdu kolonializmom i modernizatsiey [Soviet kishlak: between colonialism and modernization]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 719 (in Russian).

2. Abrukova T.A. 2006. Pesennoe tvorchestvo pervykh chuvashskikh kompozitorov: k probleme stanovleniya professionalizma [Songwriting of the first Chuvash composers: to the problem of the formation of professionalism]. Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 5: 187–191 (in Russian).

3. Azarova P.E. 2011. Fenomen antiprazdnika v sovetskoy massoy kul'ture 1920-kh – serediny 1930-kh godov [The phenomenon of opposite holiday in the Soviet mass culture of the 1920s – mid-1930s]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. Tom 10, vypusk 10: Istoriya: 120–124 (in Russian).

4. Bagdasaryan S.D. 2013. Sovetskiy prazdnik v rossiyskoy derevne 1920-kh gg. Pochemu sovetizatsiya prazdnichnoy krest'yanskoy kul'tury v epokhu nepa prokhodila zamedlenno. Prepodavanie istorii v shkole [Soviet holiday in the Russian village of the 1920-s. Why Sovietization festive peasant culture in the era of the NEP passed slowly. The teaching of history in schools]. 3: 76–79 (in Russian).

5. Vorob'ev V.P. 2011. Chuvashskie narodnye pesni [Chuvash folk songs]. Cheboksary, Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 328 (in Russian).

6. Galieva F.G. 2017. Antireligioznye prazdniki v Bashkirii v 1923 g. Voprosy istorii [Anti-religious holidays in Bashkiria in 1923. Issues of history]. 6: 146–153 (in Russian).

7. Galieva F.G. 2018. Komsomol'skiy prazdnik Semyk u mariytsev Bashkirii. Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki [Komsomol festival Semyk with the Mari of Bashkiria. Vestnik of the Mari State University. Chapter: History. Law]. T. 4. 1: 15–19 (in Russian).

8. Dekrety Sovetskoy vlasti v 5 t. [Decrees of the Soviet government in 5 v.]. T. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957. 626 (in Russian).

9. Dekrety Sovetskoy vlasti v 5 t. [Decrees of the Soviet government in 5 v.]. T. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. 698 (in Russian).

10. Ismagilova E.I. 2017. Sovremennoe sostoyanie pesennogo fol'klora chuvashey Sibiri. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [The present state of the song folklore of the Chuvashes of Siberia. Siberian Journal of Philology]. 2: 16–27 (in Russian).

11. Kirchanov M.V. 2013. Unifikatsiya teksta v chuvashskoy ASSR v 1930-e gg. (sovetizatsiya chuvashskoy literatury) Obshchestvennye nauki [Unification of the text in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s. (Sovietization of Chuvash literature) Social Science]. 2: 28–33 (in Russian).

12. Kozlov F.N. Antireligioznye motivy v chuvashskom i mariyskom sovetskom fol'klore [Anti-religious motives in the Chuvash and Mari Soviet folklore]. Available at: http://mognovse.ru/b-antireligioznie-motivi-v-chuvashskom-i-marijskom-sovetskom.html (accessed 10 January 2020) (in Russian).

13. Makarova N.N. 2017. Religioznaya zhizn' v Magnitogorske (1930–1980-e gg.). Problemy istorii, filologii, kul'tury [Religious life in Magnitogorsk in 1930–1980. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 2 (56): 146–158 (in Russian).

14. Maksimov S.M. 1929. Chuvashskaya muzyka. In: Pervyy vsechuvashskiy kraevedcheskiy s"ezd (15–21 iyunya 1928 goda v g. Cheboksarakh ChASSR). Tezisy dokladov i rezolyutsii [Chuvash music. The First All-Chuvash Local Lore Congress (June 15–21, 1928 in Cheboksary). Abstracts and resolutions]. Cheboksary, Izdanie obshchestva izucheniya Chuvashskogo kraya: 71–79 (in Russian).

15. Maksimov S.M. 1934. Vstupitel'naya stat'ya. In: 146 pesen, zapisannykh ot Gavrila Fedorova S. Maksimovym, F. Pavlovym, V. Vorob'evym i T. Paramonovym [Introductory article. 146 songs recorded by Gavril Fedorov S. Maximov, F. Pavlov, V. Vorobyov and T. Paramonov]. Cheboksary – Moscow, Chuvashgosizdat-Muzgiz: 3–16 (in Russian).

16. Medvedev V.V. 2009. Polevoy material avtora (Respublika Bashkortostan, Zilairskiy r-n, s. Berdyash) [Author's field material (Republic of Bashkortostan, Zilair district, v. Berdyash)] (in Russian).

17. Medvedev V.V. 2018. Polevoy material avtora (Respublika Bashkortostan, Karmaskalinskiy r-n, s. Suuk-Chishma) [Author's field material (Republic of Bashkortostan, Karmaskalinsky district, v. Suuk-Chishma)] (in Russian).

18. Medvedev V.V., Malakhova L.P. 2018. «Sovetizatsiya» traditsionnoy kul'tury chuvashey v 20–30-e gody XX veka. Nauchnyy dialog [«Sovietization» of Traditional Chuvash Culture in the 20–30-s of the XX Century. Scientific Dialogue]. 3: 186–197 (in Russian).

19. Pavlov F.P. 1926. Chuvashi i ikh pesennoe i muzykal'noe tvorchestvo. Muzykal'no-etnograficheskie ocherki [Chuvash and their song and music. Musical-ethnographic essays]. Cheboksary, Obshchestvo izucheniya mestnogo kraya, 65 (in Russian).

20. Panchenko A.A. Kul't Lenina i «sovetskiy fol'klor» [The cult of Lenin and «Soviet folklore»]. Available at: http://folk.spbu.ru/Reader/panch2.php?rubr=Reader-articles (accessed 10 January 2020) (in Russian).

21. Plaggenborg, S. 2000. Revolyutsiya i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoy revolyutsiey i epokhoy stalinizma [Revolutionskultur: Menschenbilder und Kulturelle Praxis in Sowietrussland Zwischen Oktoberrevolution und Stalinsmus]. Saint-Petersburg, Neva, 414. (Plaggenborg S. 1996. Revolutionskultur: Menschenbilder und Kulturelle Praxis in Sowietrussland Zwischen Oktoberrevolution und Stalinsmus. Koln, Böhlau, 372).

22. Pogodina I.P. 2011. Pesennoe tvorchestvo pervykh chuvashskikh kompozitorov: ideologiya i iskusstvo [Songwriting of the first Chuvash composers: ideology and art]. Available at: https://pogodinkk.ucoz.ru/publ/pesennoe_tvorchestvo_pervykh_chuvashskikh_kompozitorov_ideologija_i_iskusstvo_issledovanie/1-1-0-48 (accessed 10 January 2020) (in Russian).

23. Popova E.V. 2017. New (soviet) symbolism and the objective world of peasant everyday life. In: Etnokul'turnye protsessy v mnogonatsional'nom gosudarstve (k 100-letiyu revolyutsii 1917 goda v Rossii). Materialy Shestnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy. [Ethnocultural processes in a multinational state (on the 100th anni-versary of the 1917 revolution in Russia). Materials of the Sixteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. Saint-Petersburg, The Russian Museum of Ethnography: 43–47 (in Russian).

24. Postanovlenie Politbyuro TsK RKP(b) «O politike partii v oblasti khudozhestvennoy literatury», 18 iyunya 1925 g. [Decision of the Politburo of the Central Committee of the RCP (B.) «On Party Policy in the Field of Fiction», June 18, 1925]. Available at: http://hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm (accessed 10 January 2020) (in Russian).

25. Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) «O perestroyke literaturno-khudozhestvennykh organizatsiy», 23 aprelya 1932 g. [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks «On the restructuring of literary and artistic organizations», April 23, 1932]. Available at: http://www.refsru.com/referat-16420-16.html (accessed 10 January 2020) (in Russian).

26. Romanov N.R. 1960. Chuvashskie poslovitsy, pogovorki i zagadki [Chuvash proverbs, sayings and riddles]. Cheboksary, Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 359 (in Russian).

27. Sirotkin M.Ya. 1965. Chuvashskiy fol'klor: ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva [Chuvash folklore: an essay oral poetic folk art]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 132 (in Russian).

28. Halbwachs M. 2007. Sotsial'nye ramki pamyati [Les cadres sociaux de la mémoire]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 348. (Halbwachs M. 1994. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, Albin Michel, 374).

29. Chuvashi [Chuvashs]. Moscow, Nauka, 2017 (in Russian).

30. Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie. Ch. 2. Dukhovnaya kul'tura / Pod redaktsiey M.Ya. Sirotkina, M.I. Ivanova [Chuvash: ethnographic study. Part 2. Spiritual culture / Edited by M.Ya. Sirotkina, M.I. Ivanova]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 308 (in Russian).

31. Shnirel'man V.A. 2016. Sotsial'naya pamyat' i obrazy proshlogo. Novoe proshloe [Social Memory and Images of the Past. The New Past]. 1: 100–123 (in Russian).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Медведев В.В., Попов М.В. 2020. Трансформация песенного фольклора чувашей в 20–30-е годы XX века: к вопросу о «советизации» традиционной культуры. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 350–358. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-350-358.

Medvedev V.V., Popov M.V. 2020. Transformation of song folklor of the chuvashi in the 20–30s of the XX century: to the question about the «sovietization» of traditional culture. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 350–358 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-350-358.

УДК-94 (470.42)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-359-369

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОСКОЛЬСКОГО КРАЯ ЛЕТОМ 1942 ГОДА КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ВОРОНЕЖСКО-ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОПЕРАЦИИ: АНАЛИЗ, ИТОГИ, ЗНАЧЕНИЕ

FIGHTING ON THE TERRITORY OF THE OSKOL REGION IN THE SUMMER OF 1942 AS ONE OF THE STAGES OF THE VORONEZH-VOROSHILOVGRAD OPERATION: ANALYSIS, RESULTS, SIGNIFICANCE

Т.П. Мамаева, Е.А. Пушкаренко, Е.А. Шамрина
T.P. Mamaeva, E.A. Pushkarenko, E.A. Shamrina

Старооскольский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Россия, 309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Солнечный, д. 18

Belgorod State University,
Starooskolsky branch of the Belgorod State National Research University Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education,
18 Solnechny microdistrict, Stary Oskol, Belgorod region, 309502, Russia

E-mail: TatP703@yandex.ru, pushkarenko-elena@mail.ru, k1301@mail.ru

Аннотация
В статье анализируются развитие, итоги и значение оборонительных боев за город Старый Оскол в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции в весенне-летнюю кампанию 1942 года. На основе ранее не публиковавшихся архивных источников в работе исследуются особенности проведения операции и называются основные причины ее неудачи. В их числе названы ошибки тактического и стратегического характера, превосходство сил вермахта на данном участке фронта, отсутствие достаточной слаженности и согласованности в действиях отдельных частей и различных фронтов Красной Армии при попытках организации контрнаступления. Авторы приходят к выводу, что оборона города и бои в условиях окружения в районе Старого Оскола имели в последующем большое военно-тактическое значение. Они сковали значительные силы противника и задержали его дальнейшее наступление в направлении Воронежа и Сталинграда. В целом это отразилось на развитии и итогах Сталинградской битвы. Кроме того, авторы выявляют исторические основания присвоения Старому Осколу звания «Города воинской славы».

Abstract
The article analyzes the development, results and significance of defensive battles for the city of Stary Oskol during the Voronezh-Voroshshilovgrad operation in the spring-summer campaign of 1942. Based on previously unpublished archival sources, the paper investigates the features of the operation and identifies the main reasons for its failure. These include tactical and strategic errors, the superiority of the Wehrmacht forces in this sector of the front, the lack of coherence and coordination in the actions of individual units and various fronts of the Red Army when trying to organize a counter-offensive. The authors conclude that defensive battles and battles in the environment in the vicinity of Stary Oskol were subsequently of great tactical importance. They fettered significant enemy forces and restrained his further advance in the direction of Voronezh and Stalingrad. In General, this was reflected in the development and results of the battle of Stalingrad. In addition, the authors reveal the historical reasons for assigning the title of «City of military glory» to Stary Oskol. The authors analyze a number of scientific and historical sources, including previously unpublished data from the Central archive of the Ministry of defense of the Russian Federation and the Starooskolsky Museum of local lore.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Воронежско-Ворошиловградская операция, Старый Оскол, Красная Армия, оборонительные бои.
Key words: The Great Patriotic War, Voronezh-Voroshilovgrad operation, Stary Oskol, Red Army, defensive battles.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью воссоздания законченной летописи Второй мировой и Великой Отечественной войны. В последние годы Россия сталкивается с различными вызовами, среди которых многочисленные и агрессивные попытки фальсификации истории занимают особое место. Западные историки и публицисты пытаются нивелировать роль Советского Союза в победе над фашизмом, в целом провести переоценку итогов Второй мировой и Великой Отечественной войны. Более того, пытаются внедрить в массовое сознание представление о том, что нападение вермахта было превентивным ударом. Только продолжая детальное исследование истории Второй мировой войны, можно противостоять этому идеологическому давлению. Кроме того, многие события Великой Отечественной войны до сих пор изучены недостаточно, что во многом и создает благодатную почву для возможных фальсификаций. К их числу следует отнести боевые операции КА в условиях окружения, маневренной войны [Бешанов, 2003, с. 178]. Много ненаписанных страниц в анналах истории связано с проведением Воронежско-Ворошиловградской операции летом 1942 г., в частности оборона Старого Оскола и бои в условиях окружения на подступах к городу. А ведь итоги этого этапа операции отразились на развитии и результатах Сталинградской битвы. Надо признать, что и в советской, и в российской историографии основное внимание уделялось освещению успешных и победоносных действий КА. Операции КА, связанные с тяжелыми кровопролитными боями в условиях окружения или в ситуации т. н. позиционной войны, до сих пор не получили должной оценки исследователей. Буквально в последние годы историки обратились к проблеме ожесточенных кровопролитных оборонительных боев за малые города: Ржев, Вязьму, Старый Оскол, давая оценку их итогам и влияния на общую ситуацию на фронтах Великой Отечественной войны. Например, в крайне тяжелой ситуации в июне-июле 1942 года оказались жители Старого Оскола и части КА, оборонявшие город. Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция развивалась неудачно, двенадцать дивизий КА в районе Старого Оскола попали в т. н. «котел». Тем не менее их личный состав продолжал героически сражаться. Стойкость и мужество советских солдат, воевавших на подступах к городу, отразились в дальнейшем на темпах немецкого наступления на Воронеж, а впоследствии – на Сталинград. В нашей статье мы постарались максимально подробно восстановить детали проведения Воронежско-Ворошиловградской операции на данном участке фронта, чтобы определить значение боев в условиях окружения для дальнейшего развития военно-тактической ситуации на фронтах Великой Отечественной войны, а также для выявления исторических оснований присвоения Старому Осколу звания «Города воинской славы». Таким образом, анализ боевых действий КА в ходе оборонительной Воронежско-Ворошиловградской операции на территории Оскольского края летом 1942 г. позволит расширить знания о Великой Отечественной войне в целом, а также определить значение боев советских дивизий в немецком «котле» на подступах к Старому Осколу для дальнейшего развития войны.

На необходимость более детального изучения развития и итогов Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции КА указывают и другие историки [Немцев, 2006, с. 3–4; Пермяков, 2012, с. 3–4], аргументируя ее значением для всей Великой Отечественной войны итогов Сталинградской битвы, ставшей прямым продолжением Воронежско-Ворошиловградской операции.

Основными методами исследования стали анализ научной литературы, мемуарных источников, исторических источников, их интерпретация, обобщение и выводы, а также сравнительно-исторический метод.

В начале июля 1942 года линия советско-германского фронта приблизилась к Старому Осколу [Хроника событий, 2008, с. 116]. Небольшой районный центр не имел какого-либо стратегического значения для наступавших частей вермахта. Однако город лежал на пути движения крупнейших вражеских сил в направлении Воронежа, а далее – Сталинграда, а потому имел важное тактическое значение в планах противника. Они заключались в окружении советских войск западнее Старого Оскола, выходе к Дону, захвате плацдарма на его левом берегу и совершении разворота на юг – в направлении Сталинграда. В немецких источниках данная операция проходила под кодовым названием «Блау». Советская сторона на данном участке фронта осуществляла Воронежско-Ворошиловградскую оборонительную операцию, которая проходила в период с 28 июня по 24 июля 1942 года и предусматривала предотвращение дальнейшего наступления противника на воронежском и ворошиловградском направлениях.

Немецкая наступательная операция «Блау» стала логическим продолжением успешных действий противника под Харьковом в мае 1942 года [Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945, 1970, с. 367]. Ее началу предшествовало проведение кампании по дезинформации под кодовым названием «Кремль». Она должна была убедить советское командование в том, что главный удар вермахта весной-летом 1942 г. будет снова направлен на Москву. При этом о немецких планах в Ставке ВГ стало известно незадолго до начала немецкого наступления. В начале июня 1942 г. в районе села Белянка Шебекинского района был сбит немецкий самолет, при этом были изъяты документы, раскрывавшие стратегические задачи операции «Блау». Их содержание шло вразрез с дезинформацией о готовящемся наступлении на Москву [Во имя Победы, 2000, с. 75]. Тем не менее Верховный Главнокомандующий посчитал, что главный удар вермахта в весенне-летнюю кампанию 1942 г. будет снова направлен столицу СССР. По указанию Сталина именно московское направление наиболее прочно прикрывалось войсками [Маркова, 2000, с. 28].

Из захваченных документов выяснилось, что немцы планируют нанести два удара и окружить советские войска западнее Старого Оскола. Один удар был направлен против 40-й армии Брянского фронта. Его должна была осуществлять 4-я танковая армия немцев. Второй удар, южнее, был направлен против 21-й армии Брянского фронта. Его осуществляли 6-я армия и 40-й танковый корпус вермахта. Дата начала наступления была неизвестна, но достоверность захваченных документов подтверждалась авиа- и радиоразведкой. Однако в Ставке сочли полученные разведданные дезинформацией. В итоге накануне проведения оборонительной операции силы противника превосходили на этом участке фронта в полтора – два раза.

Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция осуществлялась силами 40-й и 21-й армий [Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945, Москва, 1985, 711]. На правом фланге фронта дислоцировались части 40-й армии. Она располагала 121 СД, 160 СД, 212 СД, 45 СД, 62 СД, 6 СД, 141 СД, 176 танковой бригадой, 14 танковой бригадой, 4 гвардейским артполком, одним бронепоездом, двумя батальонами противотанковых ружей и двумя инженерно-саперными батальонами. На левом фланге фронта дислоцировались части 21-й армии. В ее состав входили 124 СД, 343 СД, 13 танковый корпус, 4 танковый корпус, 24 танковый корпус, 226 СД. Советская оборона состояла из двух эшелонов [64].

Численность дивизий КА доходила до 6–8 тысяч человек. План советской оборонительной операции предусматривал жесткую оборону переднего края. Ход оборонительных боев в полосах советских дивизий предполагал втягивание противника в так называемые «мешки» и его уничтожение силами резервных частей. Активная роль в проведении операции отводилась авиации. Ее действия должны были быть направлены на изолирование первых эшелонов наступающего противника от последующих эшелонов и резервов, в осо-

[64] Старооскольский краеведческий музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

бенности танковых и моточастей. В случае прорыва противника предполагалось нанесение контрудара, в том числе силами танковых корпусов [65].

28 июня 1942 г. началось немецкое наступление [В суровом 1941-м, 2001, с. 45]. В этот день после авиационной и артиллерийской подготовки немецкая группа армий под командованием генерала М. фон Вайхса нанесла удар по стыку 13-й и 40-й армий Брянского фронта («северный удар»). Используя свое преимущество, немецкое командование на участке фронта длиной в 45 км использовало против трех советских дивизий 40-й армии семь дивизий вермахта. Наступлению противника предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. По данным начальника штаба 40-й армии генерал-майора Рогозного, в воздухе находилось одновременно до 1 000 самолетов противника, в том числе штурмовики и пикирующие бомбардировщики [66]. Их удары изначально пресекали действия советских противотанковых орудий и попытки маневра. Уже в ходе боя командующий 40-й армией генерал Парсегов принимает решение о проведении контрудара по прорвавшимся частям вермахта, однако авиация противника не позволила этого сделать. Как следствие, противник вклинился в советскую оборону на 25–28 км [67].

В этот же день на Старый Оскол был совершен налет немецких бомбардировщиков. И уже в начале июля город становится ареной ожесточенных боевых действий [Пушкаренко, 2005, с. 212].

30 июня 1942 г. произошел т. н. «южный» удар немцев, осуществлявшийся силами 6-й армии Паулюса и 40-го танкового корпуса из района Белгорода. Наступление противника завершилось прорывом советской обороны на стыке 21-й и 28-й армий Юго-Западного фронта. Части вермахта устремились по направлению к Старому Осколу и Воронежу [Самсонов, 1989, с. 66]. Армейская группа Вайхса и 6-я армия Паулюса превосходили в живой силе и технических средствах оборонявшиеся советские войска почти в два раза. Наступавшая немецкая группа войск имела в своем составе 41 дивизию, в том числе 4 моторизованных, 6 танковых, одну пехотную бригаду.

Оценивая результаты действий КА в первые дни Воронежско-Ворошиловградской операции, некоторые представители советского военного командования считали, что даже в сложившейся обстановке у войск были возможности для более успешных действий. Так, генерал-майор Данилов высказывал мнение, что своевременно начатое советское наступление на данном участке фронта могло помешать реализации планов операции «Блау», уменьшив боеспособность частей вермахта [68]. С другой стороны, попытки идти в наступление, предпринимавшиеся нашими войсками в начале операции, привели к большим потерям. В результате маршал Тимошенко приказал 4-му танковому корпусу «прекратить перемалывать свои танки, идя в лоб на сильно укрепленные пункты противника» [69].

Кроме того, для наступательных действий не хватало резервов, а в связи с начавшимися боевыми действиями на участке 40 армии, 24-й и 4-й танковые корпуса были переброшены в район Старого Оскола. В частности, в докладе командира 4-го танкового корпуса генерал-майора Мишулина об итогах боевых действий за 29 июня говорилось следующее: «4 ТК в 1.00 29.06 совершил выход из боя с задачей совершить 135-километровый марш и сосредоточиться в Старооскольском районе. Марш проходил в исключительно трудных условиях». В докладе указывалось на нехватку горюче-смазочных материалов и продовольствия, а также на тяжелые погодные условия (дожди, прошедшие накануне, сделали дороги трудно проходимыми для колесного транспорта). Тем не менее корпус справился с поставленной задачей и к 5 утра 30.06 завершил пере-

[65] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 955. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–3.
[66] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 102. Л. 3–6.
[67] ЦАМО. Ф. 6 гв. А (335). Оп. 5113. Д. 12. Л. 5–21.
[68] ЦАМО. Ф. 6 гв. А (335). Оп. 5113. Д. 12. Л. 34.
[69] ЦАМО. Ф. 3404. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об.

дислокацию. Это в значительной степени ослабило концентрацию сил и средств левого крыла фронта, и соотношение в маневренно-броневой силе стало уступать противнику [70].

30 июня противник начал новое наступление. На ближних подступах к Старому Осколу развернулись ожесточенные бои. На северо-западной окраине города дислоцировался 4-й танковый корпус [71].

В течение 01.07.1942 войска Брянского и Юго-Западного фронтов противостояли наступавшим частям немецкой пехоты и танковым соединениям, которые двигались с северо-запада на Старый Оскол. В этот день севернее Старого Оскола танковые соединения КА вели упорные бои с танковыми частями противника [72].

Утром 2 июля массированное наступление противника на Старый Оскол продолжилось. В отчете о боевых действиях 5-й танковой бригады за этот день сообщалось: «Противник сосредоточил большую группу танков (свыше 100), самоходную артиллерию и мотопехоту, поставив своей задачей ударом в правый фланг наших частей овладеть станцией Роговое и продолжить наступление на Старый Оскол» [73].

С 4 часов утра немцы осуществляют авиаудары, а с 8 утра начинается наступление танков и мотопехоты. Согласно отчетам 47-й танковой бригады, которая участвовала в обороне Старого Оскола, в течение дня 2-го июля она подверглась свыше 200 авианалетам; фронт был прорван и по приказу командования бригада в числе других воинских подразделений начала отступать [74].

Немецкий прорыв на данном участке фронта стал возможен в силу того, что передислокация наших войск происходила с опозданием, что и дало преимущества противнику. Так, уже бои в течение 30 июня – 1 июля показали необходимость перевести в район Старого Оскола группу войск в составе 212 СД, 45 СД, 62 СД и 176 танковой бригады для предотвращения захвата города. Однако санкция Ставки была получена лишь 2 июля, когда противник уже занял Старый Оскол, а также переправы на реках севернее и западнее города [75].

Начальник штаба 40-й армии генерал-майор Рогозный считал, что приказ об отводе частей КА из района Старого Оскола был отдан с опозданием. Это позволило противнику взять здесь в «кольцо» несколько дивизий КА. Помимо этого, Рогозный обвинил командующего 21-й армии в досрочном оставлении позиций, что позволило противнику зайти в тыл частям КА [76].

В соответствии с приказом Ставки, полученным 02.07.1942 г. войска левого крыла 40-й армии отходили на новые рубежи, при этом 160-я СД должна была занять оборонительную позицию на восточной окраине Старого Оскола [77].

Однако отступление советских войск было недостаточно организованным, что во многом предопределило неудачу операции и большие людские потери. В отчетах о боевых действиях 47-й СТБр за 2 июля говорилось, что бригада отступала к селу Набокино, неся большие потери в личном составе и технике, не имея при этом с другими частями огневого и тактического взаимодействия. Недостатки взаимодействия были обусловлены отсутствием связи между нашими воинскими подразделениями, командиры которых зачастую не имели сведений о том, где и какая воинская часть дислоцируется [78].

В отчетах 875-го артполка, входившего в состав 226-й СД, также указывалось на ряд существенных организационных упущений. Сообщалось, что в период с 30 июня по

[70] ЦАМО. Ф. 6 гв. А (335). Оп. 5113. Д. 12. Л. 7–8.
[71] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 98. Л. 59.
[72] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 100. Л. 90.
[73] ЦАМО. Ф. 3404. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
[74] ЦАМО. Ф. 3404. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об.
[75] ЦАМО. Ф. 3404. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
[76] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 102. Л. 5–6.
[77] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 100. Л. 93.
[78] ЦАМО. Ф. 3404. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об.

6 июля 1942 года полк действовал без пехоты, не имея никакого прикрытия. Занимая подвижную оборону, полк непосредственно соприкасался с противником [79]. О нехватке личного состава в частях 226-й стрелковой дивизии докладывали высшему военному командованию буквально накануне операции. В донесении генерал-лейтенанту Баграмяну от 25 июня 1942 г. было сказано, что подразделения КА на данном участке фронта испытывали существенную нехватку командного состава и вооружения (оружием дивизия была укомплектована только на 30 %) [80]. Помимо этого, одной из причин неудачного завершения Воронежско-Ворошиловградской операции стало отсутствие централизованного управления всей группой войск. Об этом, в частности, говорилось в журнале боевых действий 40-й армии за период с мая по август 1942 года. В штабе армии пришли к выводу, что в первых числах июля 1942 г. «на левом крыле армии создалась чрезвычайно напряженная обстановка. Сосед слева – 21 армия – еще 02.07.1942 г. без управления отходила на восточный берег р. Оскол, а ее правое крыло, 8 МСД, 297 СД и другие части под фланговыми ударами противника, переправившегося на восточный берег р. Оскол, откатились в район Старого Оскола. Создалась угроза окружения левого крыла 40 армии и правого крыла 21 армии в силу того, что противник с севера и юга вдоль восточного берега р. Оскол стремился отрезать пути отхода». Исходя из сложившейся дислокации сил, генерал-майор Жмаченко и член военного совета армии Грушецкий, возглавлявшие группировку левого крыла армии, обратились к командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Голикову с просьбой сосредоточить управление всей группой войск в одном центре, включая танковые корпуса, чтобы осуществить массированный удар по тылам противника. Не получив утверждения, они обратились к представителю Ставки ВГ генерал-лейтенанту Федоренко, вновь указывая на необходимость централизации руководства и оставлении 4-го и 24-го танковых корпусов в районе Старого Оскола до подхода соединений левого крыла армии. В дальнейшем предполагалось всей группой войск ударить по тылам противника. Но Федоренко категорически отказался поддержать их инициативу и отдал распоряжение о том, чтобы танковые корпуса самостоятельно отступали в направлении Касторного. В результате отвода танковых корпусов противник сомкнул кольцо на восточном берегу р. Оскол и захватил все переправы. Левое крыло 40 армии было окружено в районе Старого Оскола. При этом на южной окраине Старого Оскола происходили особенно ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. К 5 июля 1942 г. войска правого крыла и центра 40 армии, ведя сдерживающие бои, отступали к Дону. А войска левого крыла в полном окружении вели тяжелые бои южнее Старого Оскола [81].

Следует подчеркнуть, что Сталин был крайне возмущен отсутствием Федоренко в районе боевых действий. Еще 1 июля он указывал на необходимость присутствия генерала Федоренко в районе Старого Оскола для руководства всеми танковыми корпусами в ходе проведения контрударов [Старый Оскол на защите Отечества, 2013, с. 83].

Таким образом, боязнь проявить инициативу, отдать необходимое на тот момент распоряжение об объединении руководства отступавшими частями КА, сыграло свою отрицательную роль. Время было потеряно, а разрозненные советские части не могли остановить наступление противника. Тем не менее, отступавшие советские войска мужественно сопротивлялись. Более того, на ряде участков наши танковые соединения наносили контрудары, в том числе севернее Старого Оскола. В боях 02.07.1942 г. частями фронта было уничтожено 282 танка и до 14 тысяч солдат и офицеров противника [82].

В течение первых дней июля советские войска вели сдерживающие бои, а в ночь на 02.07 начали отход за реку Оскол на новый рубеж обороны. Однако не всем частям удалось это сделать. В результате массированного немецкого наступления 2 июля 1942 г.

[79] ЦАМО. Ф. 226 СД (1267). Оп. 1. Д. 32. Л. 118.
[80] ЦАМО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 80. Л. 491.
[81] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 98. Л. 72–73.
[82] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1072. Д. 481 е. Л. 10–17.

в районе Старого Оскола соединились силы вермахта и венгерские части. В «кольцо» были взяты 12 дивизий 21-й и 40-й армий [Пушкаренко, 2019, с. 124]. Шесть из них были окружены полностью, шесть – частично [Немцев, 2006, с. 277–279]. «Утром 3 июля 1942 г. в город вошли передовые части противника, а под городом продолжалась героическая борьба воинов 40-й и 21-й армий, которые с боями отходили на восток» [Никулов, 1997, с. 542].

В наиболее тяжелом положении оказались 45-я, 62-я, 160-я и 124-я стрелковые дивизии, которые попали в окружение в районе Атаманского и Ямского лесов южнее и юго-западнее Старого Оскола и были полностью отрезаны от основной группы войск. Здесь, на участке протяженностью в 45 км, в полном окружении сражались около 50 тысяч советских бойцов и офицеров. В ходе этих боев практически полностью была уничтожена 62-я СД под командованием полковника П.А. Навроцкого. Бойцы 45-й СД организовали круговую оборону и сдерживали натиск противника в течение пяти дней. 45-я СД понесла огромные потери после боев в условиях полного окружения. Из попавших во вражеское кольцо 6 тысяч солдат и офицеров с боями вышли только около пятисот [83].

Ожесточенные бои велись на всей территории Оскольского края. В районе сел Архангельское, Городище, Солдатское вели бои 4-й и 24-й танковые корпуса. Они отступали параллельно линии фронта и отвлекали на себя до 600 танков противника [Андрусенко, 2012, с. 2].

Среднесуточные потери в ходе проведения оборонительной Воронежско-Ворошиловградской операции составили 2 452 человека на участке Брянского фронта, 15 516 человек на участке Юго-Западного фронта и 4 758 человек на участке Воронежского фронта [Гриф секретности снят, 1993, с. 178].

В течение 4–5 июля 1942 г. наши войска, ведя сдерживающие бои, продолжали отход уже на восточный берег р. Дон. При этом части левого крыла 40-й армии вели бои в полном окружении в лесах южнее Старого Оскола. О героическом сопротивлении советских войск свидетельствуют находки поисковиков. Южнее Старого Оскола, в районе населенных пунктов Сорокино, Нижнее Чуфичево, Шмарное, поисковики обнаружили останки советских солдат, солдатские медальоны, документы, подтверждающие, что здесь продолжались ожесточенные бои. В одной из предсмертных записок говорилось следующее: «Патроны кончились, кругом фашисты. За Родину, за Сталина!» Поисковики установили, что ее автором был лейтенант Денга Я.П., командир взвода связи 45-й СД [84].

Попавшие в окружение советские войска продолжали сражаться в течение первой декады июля, пытаясь разорвать вражеское кольцо. Участник боев А.Ф. Носенко вспоминал, что на вероятных путях отступления к Дону противник устраивал минные поля [Во имя жизни, 2010, с. 75].

О неспособности противника сломить сопротивление советских воинов, сражавшихся в окружении, говорит тот факт, что немцы использовали против них нервно-паралитический газ «Гелон» [85]. Потери противника в ходе этих боев были значительными. Начальник немецкого госпиталя в Старом Осколе О. Рюле вспоминал: «Немецкое кладбище в Осколе было самым большим, которое оставила наша санитарная рота после нападения на Советский Союз» [Рюле, 1959, с. 132].

Точное число погибших советских бойцов в оборонительных боях 1942 г. на территории города и района неизвестно до сих пор. По данным руководителя патриотического объединения «Поиск» И.И. Андреева, только в районе села Нижнее Чуфичево было выявлено и захоронено более 400 советских воинов. Они погибли, сражаясь в «кольце» окружения в июле 1942 года. В целом по данным поисковиков на 2020 г. выявлено и захороне-

[83] ЦАМО. Ф. 955. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–5.
[84] Архив Старооскольского общественного объединения «Поиск». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
[85] Архив Старооскольского общественного объединения «Поиск». Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

но около 7 000 человек [86]. Земля Оскольского края хранит множество останков советских солдат и офицеров, последним земным пристанищем которых стала не могила, а поле боя. Вероятно, речь идет о десятках тысяч погибших. Работа по их выявлению, идентификации и захоронению продолжается.

В первой декаде июля 1942 г., ведя упорные кровопролитные бои, советские войска отошли с рубежа по реке Северский Донец в направлении Дона. По оценкам начальника штаба 40-й армии генерал-майора Рогозного, указанные дивизии на данном участке фронта потеряли до 50 % личного состава; потери в артиллерии доходили до 30 %. В результате 8-дневных оборонительных боев советские войска также нанесли противнику серьезные потери. Так, войска 40-й армии уничтожили не менее 450–480 танков противника [87].

Оценивая итоги Воронежско-Ворошиловградской операции, приходится признать, что для советской стороны она была неудачной. Несмотря на упорное сопротивление, превосходящим силам вермахта удалось прорвать оборону советских войск на воронежском и ворошиловградском направлениях на глубину до 400 км и развернуть наступление на Сталинград [Великая Отечественная война, 1970, с. 367].

Причины неудачи Воронежско-Ворошиловградской операции были стратегического и тактического характера. Изначально части вермахта превосходили КА на данном участке фронта в два раза, так как основные силы Ставка направила на оборону столицы. В итоге другие фронты испытывали нехватку в личном составе и вооружении [Пушкаренко, 2017, 221]. Таким образом, к Москве были переброшены резервы, и в полосе других фронтов возникло превосходство вермахта. Причем советским военачальникам, руководившим операцией, это было очевидно изначально. Например, в боевом донесении № 309 в штаб 40-й армии от 21.06.1942 г. за подписями генералов Парсегова и Рогозного указывалось на необходимость: «Форсировать подачу пополнения личным составом; в армии некомплект более 20 000 человек рядового и младшего комсостава» [88].

Кроме того, в 1941–1942 гг. действиям наших войсковых соединений не хватало согласованности и координации. Этот фактор имел место, когда в районе Старого Оскола пытались осуществить танковые контрудары в первых числах июля 1942 г. Но они не были единовременными, в результате чего танковые соединения были окружены. В боевом донесении от 02.07.1942 г. за подписями генералов Парсегова и Рогозного давалась следующая оценка сложившейся обстановки: «Противник крупными танковыми соединениями развивает наступление в направлении Воронежа и стремится окружить центр и левое крыло 40-й армии в районе Старого Оскола. Введенная в бой наша крупная танковая группировка разделила армию на две части. Считаю совершенно необходимым немедленно передать управление своим правым крылом 13-й армии, а мне вместе со Штабом армии переехать в район Старого Оскола для управления только войсками центра и левого крыла» [89].

Однако необходимые указания по реорганизации управления войсками для предотвращения образования «кольца» так и не последовали. Разрозненный отвод танковых корпусов дал возможность противнику сомкнуть кольцо на восточном берегу р. Оскол и занять все переправы. Южнее Старого Оскола шли ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. В этом районе противник использовал до четырех дивизий с танками и авиацией [Бессмертного мужества огонь, 2010, с. 169].

Генерал-майор Рогозный вспоминал: «С нашей стороны не было общего управления достаточно крупными танковыми соединениями. Резерв Главнокомандующего, состоявший из трех танковых корпусов, возглавлялся генералом Федоренко и действовал без должной увязки с войсками армии и фронта. Это, по существу, способствовало противни-

[86] Архив Старооскольского общественного объединения «Поиск». Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.
[87] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 98. Л. 6.
[88] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 100. Л. 3.
[89] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 100. Л. 90.

ку в овладении и удержании г. Старый Оскол. Кроме того, по его мнению, весьма отрицательную роль в судьбе южной группы войск сыграла 21-я армия, которая по приказу командующего ушла со своих позиций ранее на сутки и открыла противнику путь для выхода в тыл 40-й армии [90].

При этом угроза окружения была вполне прогнозируема, исходя из сложившейся обстановки. Об этом предупреждал Верховный Главнокомандующий еще на начальном этапе операции. В частности, 30.06.1942 года в ходе переговоров с командующим войсками Брянского фронта Голиковым Сталин высказал опасения в связи со слабой обеспеченностью фронта и отсутствием налаженной связи. Это, по его мнению, могло привести к выходу противника в тыл нашей 40-й армии и окружению наших частей [91].

Авторы пришли к выводу, что главными причинами поражения в Воронежско-Ворошиловградской операции являются, во-первых, существенное превосходство сил противника; во-вторых, отсутствие достаточной координации и согласованности в действиях частей КА, входивших в состав разных армий. Принятие необходимых решений о передислокации войск либо их отводе запаздывало, что в совокупности позволило противнику развить успех. В-третьих, отрицательную роль в развитии операции сыграло отсутствие налаженной радиосвязи между отдельными войсковыми соединениями и фронтами, в результате чего в Ставке не могли реально оценить сложившуюся обстановку и необходимые решения принимались с опозданием. В итоге линия фронта отодвинулась на восток. В результате неудачного завершения операции в июле 1942 года в зоне оккупации оказалась вся территория нынешней Белгородской области. С 3 июля 1942 года по 5 февраля 1943 года Старый Оскол и Старооскольский район находились в руках противника. Однако, говоря об итогах оборонительных боев в районе Старого Оскола летом 1942 года, следует еще напомнить об их военно-тактическом значении. Советские войска, взятые во вражеское кольцо, продолжали самоотверженно сражаться. Благодаря действиям частей 6-й, 8-й, 45-й, 62-й, 297-й, 227-й, 212-й и других стрелковых дивизий, воевавших в полном окружении, враг значительно снизил темпы своего наступления на Воронеж, а впоследствии – на Сталинград, что в итоге повлияло на дату начала, развитие и результаты Сталинградской битвы. Оборона Старого Оскола и бои в условиях окружения на подступах к городу, продолжавшиеся в течение нескольких недель, сковали и отвлекли на себя крупные силы противника, что в итоге отразилось на общих темпах немецкого наступления на восток. Тысячи советских солдат, погибших на Оскольской земле летом 1942 года, ценой своих жизней значительно приблизили нашу Родину к Великой Победе. Следует отметить, что именно кровопролитные бои за город в июне-июле 1942 г. стали одним из исторических оснований присвоения Старому Осколу звания «Города воинской славы».

Список литературы

1. Андрусенко Е.А. 2012. Цена Победы. Технолог. 5 февраля 2012 года. Старый Оскол, СТИ НИТУ МИСиС, 8.

2. Бессмертного мужества огонь. Старооскольский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Старый Оскол, издательство редакции газеты «Оскольский край», 2010.

3. Бешанов В.В. 2003. Год 1942 – «учебный». Мн., Харвест, 278.

4. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970.

5. Во имя победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (По документам и материалам областных архивов). Белгород, Белгородская областная типография, 2000.

6. В суровом 1941-м. Белгородчина в первый год Великой Отечественной войны (Документы областных государственных архивов). Белгород, Белгородская областная типография, 2001.

7. Гёргени Д. 1959. Один из первых. М., Воениздат, 330.

[90] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 102. Л. 5–6.

[91] ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 103–113.

8. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (статистическое исследование). М., Воениздат,1993.

9. Маркова С.В. 2000. История сражений советских войск на территории Центрального Черноземья летом и осенью 1942 года. Автореф. дис. канд. ист. наук. Воронеж, 28.

10. Немцев А.Д. 2006. Боевые действия советских войск на территории Центрального Черноземья осенью 1941 – летом 1942 г. (по материалам Курской области). Автореф. дис. канд. ист. наук. Курск, 3–4.

11. Никулов А.П. 1997. Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). Курск, ГУИПП Курск, 542.

12. Пермяков И.А. 2012. История боевых действий частей КА за Воронеж в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции 1942 г. Автореф. дис. канд. ист. наук, Воронеж, 3–4.

13. Пушкаренко Е.А. 2005. Старооскольский край накануне немецкой оккупации (июнь 1941 – июль 1942 года). Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Выпуск 4 (13), 2005: 208–212.

14. Пушкаренко Е.А. 2017. Изучение военной истории Оскольского края как фактор воспитания патриотизма и гражданственности студенчества. Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Отв. ред. З.З. Мухина, 218–223.

15. Пушкаренко Е.А. 2019. Военная история родного края в патриотическом воспитании студентов. Социально-экономическое развитие России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 14 мая 2019 г.). Редкол.: Л.П. Кураков [и др.]: 122–125.

16. Рюле О. 1959. Исцеление в Елабуге. М., Воениздат, 256.

17. Самсонов А.М. 1989. Сталинградская битва. М., Воениздат, 266.

18. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945/ Отв. ред. А.М. Самсонов. 2 изд., испр. и доп. М., Наука, 1985.

19. Старый Оскол на защите Отечества. М., Мегаполис, 2013.

20. Хроника событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Белгородчине. Белгород, Везелица, 2008.

References

1. Andrusenko E.A. 2012. Cena Pobedy [Price of victory]. Tekhnolog. 5 fevralya 2012 goda. Staryj Oskol, STI NITU MISiS, 8.

2. Bessmertnogo muzhestva ogon'. Starooskol'skij kraj v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. [Immortal courage fire. Starooskolsky Krai in the great Patriotic war of 1941–1945]. Staryj Oskol, izdatel'stvo redakcii gazety «Oskol'skij kraj», 2010.

3. Beshanov V.V. 2003. God 1942 – «uchebnyj» [Year 1942 – «training»]. Mn., Harvest, 278.

4. Velikaya Otechestvennaya vojna Sovetskogo Soyuza 1941–1945. Kratkaya istoriya [Great Patriotic war of the Soviet Union 1941–1945. Brief history]. M., Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1970.

5. Vo imya pobedy. Belgorodchina v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (Po dokumentam i materialam oblastnyh arhivov) [In the name of victory. Belgorod region in the great Patriotic war of 1941–1945 (According to documents and materials of regional archives)]. Belgorod, Belgorodskaya oblastnaya tipografiya, 2000.

6. V surovom 1941-m. Belgorodchina v pervyj god Velikoj Otechestvennoj vojny (Dokumenty oblastnyh gosudarstvennyh arhivov) [In the harsh 1941. Belgorod region in the first year of the great Patriotic war. (Documents of regional state archives)]. Belgorod, Belgorodskaya oblastnaya tipografiya, 2001.

7. Gyorgeni D. 1959. Odin iz pervyh [One of the first]. M., Voenizdat, 330.

8. Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennyh sil SSSR v vojnah, boevyh dejstviyah i voennyh konfliktah (statisticheskoe issledovanie) [Secrecy is removed. Losses of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts (statistical study)]. M., Voenizdat,1993.

9. Markova S.V. 2000. Istoriya srazhenij sovetskih vojsk na territorii Central'nogo Chernozem'ya letom i osen'yu 1942 goda [History of battles of the Soviet troops on the territory of the Central Chernozem region in the summer and autumn of 1942]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Voronezh, 28.

10. Nemcev A.D. 2006. Boevye dejstviya sovetskih vojsk na territorii Central'nogo Chernozem'ya osen'yu 1941 – letom 1942 g. (po materialam Kurskoj oblasti) [Fighting of Soviet troops in the Central

black earth region in the autumn of 1941 – summer of 1942 (based on the materials of the Kursk region)]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Kursk, 3–4.

11. Nikulov A.P. 1997. Staryj Oskol (Istoricheskoe issledovanie Oskol'skogo kraya) [Stary Oskol (Historical research of the Oskol region)]. Kursk, GUIPP Kursk, 542.

12. Permyakov I.A. 2012. Istoriya boevyh dejstvij chastej KA za Voronezh v hode Voronezhsko-Voroshilovgradskoj operacii 1942 g. [History of combat operations of KA units for Voronezh during the Voronezh-Voroshilovgrad operation in 1942]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk, Voronezh, 3–4.

13. Pushkarenko E.A. 2005. Starooskol'skij kraj nakanune nemeckoj okkupacii (iyun' 1941 – iyul' 1942 goda) [Starooskolsky Krai on the eve of the German occupation (June 1941 – July 1942)]. Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii. Vypusk 4 (13), 2005: 208–212.

14. Pushkarenko E.A. 2017. Izuchenie voennoj istorii Oskol'skogo kraya kak faktor vospitaniya patriotizma i grazhdanstvennosti studenchestva [Study of the military history of the Oskol region as a factor of education of patriotism and citizenship of students]. Patrioticheskoe vospitanie v sisteme vysshego obrazovaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Otv. red. Z.Z. Muhina: 218–223.

15. Pushkarenko E.A. 2019. Voennaya istoriya rodnogo kraya v patrioticheskom vospitanii studentov [Military history of the native land in the Patriotic education of students]. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Cheboksary, 14 maya 2019 g.). Redkol.: L.P. Kurakov i dr.: 122–125.

16. Ryule O. 1959. Iscelenie v Elabuge [Healing in Yelabuga]. M., Voenizdat, 256.

17. Samsonov A.M. 1989. Stalingradskaya bitva [Battle of Stalingrad]. M., Voenizdat, 266.

18. Sovetskij Soyuz v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 [The Soviet Union during the great Patriotic war 1941–1945]. Otv. red. A.M. Samsonov. 2 izd., ispr. i dop. M., Nauka, 1985.

19. Staryj Oskol na zashchite Otechestva [Stary Oskol in defense of the Fatherland]. M., Megapolis, 2013.

20. Hronika sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. na Belgorodchine [Chronicle of the events of the great Patriotic war of 1941–1945 in Belgorod region]. Belgorod, Vezelica, 2008.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А., Шамрина Е.А. 2020. Боевые действия на территории Оскольского края летом 1942 года как один из этапов Воронежско-Ворошиловградской операции: анализ, итоги, значение. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 359–369. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-359-369.

Mamaeva T.P., Pushkarenko E.A., Shamrina E.A. 2020. Fighting on the territory of the Oskol region in the summer of 1942 as one of the stages of the Voronezh-Voroshilovgrad operation: analysis, results, significance. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 359–369 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-359-369.

УДК 929
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377

«ВЫ МЕНЯ ПРИГЛАСИЛИ В МОСКВУ, НО Я ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕ МОГУ СДЕЛАТЬ…» [92]: О РОЛИ ЛИЧНЫХ ПЕРИПЕТИЙ В ПЕРЕГОВОРАХ МАО ЦЗЭДУНА СО СТАЛИНЫМ В 1949–1950 ГОДАХ

«YOU INVITED ME TO MOSCOW, BUT I CAN'T DO ANYTHING HERE...» : ABOUT THE ROLE OF PERSONAL VICISSITUDES IN NEGOTIATIONS BETWEEN MAO ZEDONG AND STALIN IN 1949–1950

М.К. Бисенгалиев
M.K. Bisengaliev

член Платоновского общества, независимый исследователь,
Россия, Москва, 125047, Миусская пл., 6, к 6

member of the Platonic society, independent researcher,
k 6, 6 Miusskaya sq., 125047, Moscow, Russia

E-mail: bermont_avalov@mail.ru

Аннотация
Статья обращена к остающемуся дискуссионным среди историков вопросу о влиянии на процесс эволюции политики Советского Союза в отношении Китая личных перипетий лидеров двух социалистических государств – Сталина и Мао Цзэдуна, чьи взаимоотношения составляют один из самых спорных моментов в истории международных отношений XX в. Приводится подробный обзор противоречивых оценок темы в современных исследованиях. Представлен историко-компаративный анализ опубликованных в последние годы воспоминаний бывших советских дипломатов, других свидетельств и архивных источников послевоенного времени. На основании проведенного анализа обосновывается актуальность пересмотра традиционных политических и идеологических трактовок вопросов, связанных с проблематикой встреч Сталина и Мао Цзэдуна в ходе советско-китайских переговоров в декабре 1949 – феврале 1950 гг., которые сопровождались оскорбительно длительными для китайского вождя перерывами аудиенций у Сталина (в результате чего Мао был вынужден задержаться в Москве на два месяца). В статье рассматривается версия о том, что длительные перерывы во встречах Сталина и Мао в декабре 1949 г. были обусловлены не только политическими расчетами и личным отношением Сталина к китайскому гостю, – как утверждает большинство мемуаристов, на мнение которых опираются исследователи, – но также состоянием здоровья и, соответственно, работоспособностью вождя СССР, который в декабре 1949 года перенес обширный инсульт, что тщательно скрывалось вне ближайшего сталинского окружения и не отражено в мемуарах, послуживших исследователям основанием для противоречивых трактовок хода советско-китайских переговоров.

Annotation
The article addresses the issue of the influence of personal vicissitudes of the leaders of two socialist States – Stalin and Mao Zedong, whose relationship is one of the most controversial moments in the history of international relations of the XX century-on the evolution of the Soviet Union's policy towards China. A detailed review of conflicting assessments of the topic in modern research is given. The article presents a historical and comparative analysis of the memoirs of former Soviet diplomats published in recent years, as well as other evidence and archival sources of the post-war period. Based on the analysis, the author substantiates the relevance of revising traditional political and ideological interpretations of issues related to the problems of meetings between Stalin and Mao Zedong during the Soviet-Chinese negotiations in December 1949 – February 1950, which were accompanied by offensively long breaks for the Chinese leader

[92] Фраза Мао Цзэдуна цит. по [Гончаров, 2013, с. 388].

of audiences with Stalin (as a result, Mao was forced to stay in Moscow for two months). The article deals with the theory that the long breaks in the meetings of Stalin and Mao in December 1949 they were due not only to the political calculations and personal attitude of Stalin to the Chinese guest – as most memoirists, whose opinion is based on researchers, claim - but also to the health and, accordingly, the performance of the leader of the USSR, who in December 1949 suffered a massive stroke, which was carefully hidden outside the immediate Stalinist environment and is not reflected in the memoirs, which served as the basis for researchers contradictory interpretations of the course of the Soviet-Chinese negotiations.

Ключевые слова: СССР, Китайская Народная Республика, советско-китайские отношения, встреча Сталина и Мао Цзэдуна, международные отношения.
Keywords: USSR, People's Republic of China, Soviet-Chinese relations, meeting of Stalin and Mao Zedong, international relations.

Вопрос о влиянии на процесс эволюции политики Советского Союза в отношении Китая хода личных переговоров харизматичных лидеров двух социалистических государств Сталина и Мао Цзэдуна во время их встречи в 1949–1950 гг. до настоящего времени вызывает множество споров среди историков. Так, по заключению А.В. Шатохина: «Одним из самых спорных вопросов в истории международных отношений XX в. являются взаимоотношения Мао Цзэдуна и И.В. Сталина» [Шатохин, 2011, с. 118]. При этом вопрос остается относительно малоизучен, будучи ограничен, в основном, субъективными мемуарными публикациями и комментариями к ним. Вероятно, свою роль в этом сыграла традиция нивелирования «роли личности в истории», характерная для подхода советских историков. В то же время представленный в предлагаемой работе источниковедческий и историко-компаративный анализ тематических мемуаров, как ставших «классическими» для современных исследователей, так и опубликованных в последние годы воспоминаниях бывших советских дипломатов [93], проведенный с привлечением внемемуарных источников и архивных материалов послевоенного времени (таких как медицинские свидетельства о здоровье И.В. Сталина), не только предоставляет новый обширный фактический материал, но также в значительной степени позволяет преодолеть субъективизм «мемуарной» истории [94] и более полноценно разобраться в закулисной подоплеке принятия политических решений, инициированных встречей Сталина и Мао Цзэдуна.

Как писал Н.С. Хрущев, один из свидетелей встречи двух коммунистических вождей: «Политика – это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи» [Хрущев, 1990, с. 108]. И по сегодняшний день встречу Сталина и Мао большинство исследователей расценивают как «спаринг» двух профессиональных и равноценных игроков, выискивая мотивы политической игры в каждом их действии. В этой связи ряд историков сравнивает переговоры Сталина и Мао с по-византийски изощренным словесным поединком [Люблина, 2008]. Известный немецкий политолог Дитер Хейнциг в монографии «Советский Союз и коммунистический Китай, 1945–1950: Трудный путь к альянсу» [Heinzig, 2015] уделяет специальную главу московской встрече Сталина с Мао, где, опираясь на множество новых источников, документально демонстрирует, с каким трудом этот альянс был достигнут, несмотря на разногласия и недоверие с обеих сторон, и что он не был неизбежным итогом встречи вождей, в особенности при выборе в тот момент Америкой иной политики в отношении КПК.

Следует также учесть, что это была также первая поездка Мао Цзэдуна за границу. Известно, что он планировал встречу со Сталиным в Москве с 1947 года, но неоднократно от-

[93] Обзор этих источников см.: [Тихвинский, 2007; Heinzig, 2015, p. 480–504].

[94] О проблематике работы с источниками личного происхождения исследуемого периода, в особенности – мемуарными, см., напр.: [Соколов, 2011, с. 259–260], в работе которого отмечается, что «для исследователей важно обнаружить несоответствия между мемуарами и другими источниками» [Соколов, 2011, с. 261].

кладывал ее, как правило, по просьбе Сталина [Heinzig, 2015, p. 263]. Таким образом, на личную встречу с «вождем мировой революции» Мао должен был возлагать большие надежды. Однако, согласно мемуарным свидетельствам, при личном знакомстве в декабре 1949 – феврале 1950 гг. Сталин и Мао вели переговоры с некоторым напряжением, а их встречи в первый месяц пребывания Мао в Москве были оскорбительно редки для высокого китайского гостя. В итоге Мао, всенародно заявивший в опубликованном центральными газетами СССР 3 января 1950 г. «Интервью корреспондента ТАСС с председателем Центрального народного правительства Народной республики Китая господином Мао Цзэдуном» [Ковалев, 1997], что приехал в СССР на несколько недель, отбыл из СССР лишь 17 февраля 1950 г., после того как 14 февраля 1950 года в Москве был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [Heinzig, 2015, p. 290–293].

Столь длительное пребывание Мао в СССР дало повод как советским, так и китайским исследователям проявить недюжинную фантазию в объяснении того весьма странного факта, что в первый месяц нахождения Мао Цзэдуна с дружественным визитом в Москве Сталин уделял ему очень мало внимания, чем нанес гостю обиду, отразившуюся на дальнейших отношениях стран. Рассуждения об этом событии во многом основаны на идеологических построениях мемуаристов, на которые опираются многие гипотезы современных исследователей. Так, Ю.М. Галенович, ссылаясь на мемуарные источники, приходит к заключению, что, игнорируя пребывание в Москве Мао Цзэдуна, ожидающего его аудиенции, Сталин таким образом защищал интересы России – СССР [Галенович, 2009].

Ряд историков полагает, что «Сталин вообще не был заинтересован в создании единого мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну» [Галенович, 2009, с. 186], поэтому поддерживал противостояние «Севера» с «Югом» и лишь в начале 1950 г. изменил свое мнение – отсюда произошедший прогресс в переговорах Мао со Сталиным. Другие исследователи приводят различные конкретные, но неизменно политические версии, порою анекдотичные. Например, по мнению М. Люблина, «Мао выдумал способ, как заставить Сталина начать переговоры. На своей даче, полной прослушивающих устройств, он громко заявил, что готов договориться с США, Великобританией и Японией…», что, по мнению автора, «подтолкнуло Сталина начать переговоры, потому что он стал бояться внешнеполитического поворота Пекина» [Люблина, 2008, с. 153–154]. В упоминавшейся ранее монографии немецкий ученый Д. Хейнциг также отмечает роль советской «прослушки», сознательно использованной Мао для интенсификации переговоров [Heinzig, 2015, p. 288]. Автор посвящает «двум унизительным неделям “томления в собственном соку” на даче Сталина» [Heinzig, 2015, p. 294] две специальные части главы «Сталин и Мао Цзэдун в Москве: достижение союза» («“Stewing in His Own Juices at the Dacha”: Act I» [Heinzig, 2015, p. 281–283] и «Act II» [Heinzig, 2015, p. 286–290]). Хейнциг не рассматривает причин сложившейся ситуации, однако причиной её преодоления называет кардинальное изменение мнения Сталина по поводу необходимости заключения нового договора между СССР и Китаем: если на встрече с Мао 16 декабря 1949 года Сталин был категорически против его заключения, то уже в начале января 1950 года его позиция переменилась и начались конструктивные переговоры [Heinzig, 2015, p. 290–293].

С другой стороны, в изданной в серии «ЖЗЛ» монографии «Мао Цзэдун» известного американского исследователя, проф. Капитолийского университета США А.В. Панцова [Панцов, 2006], позиция Сталина истолковывается не иначе как изощренное коварство: «Сталин сознательно гнул свою линию. Ему очень хотелось унизить Мао, дать тому урок на будущее, сбить с него спесь…». Это мнение А.В. Панцов развивает и в своей англоязычной книге о Мао [Pantsov, Levine, 2012].

Однако тот же автор на основании новоопубликованных документов предлагает «переосмыслить даже некоторые ставшие общепринятыми оценки взаимоотношений Мао Цзэдуна со Сталиным» [Панцов, 2012, с. 75], в частности отмечая, что «именно Москва активно способствовала выдвижению Мао и <…> именно Москве и прежде всего Сталину Мао обязан своим возвышением» [Панцов, 2012, с. 75–87]. Противоречивость данных

А.В. Панцовым оценок можно в первую очередь связать с противоречивостью самих рассматриваемых фактов: помощи Сталиным Мао и его оскорбительным бездействием во время визита Мао Цзэдуна. Эта оскорбительность ныне стала общим местом в работах китайских историков, опирающихся на высказывания самого Мао Цзэдуна и воспоминания его ближайшего окружения [95].

В марте 1956 года на совещании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун кратко рассказал о поездке к Сталину и своей обиде на него следующее: «В 1949 году я поехал в Москву и поздравил с днем рождения Сталина <…> Я выступил с приветствием, но Сталин, как прежде, относился очень холодно к нам. Затем я рассердился и вскипел гневом, потом он согласился подписать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [Цзяцин, 2008, с. 62–63]. Мемуары личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ (1905–1988), которые были опубликованы в 1991 г. в Китае под названием «Рядом с великанами истории», передают слова Мао Цзэдуна, сказанные «на пределе терпения», когда «он взорвался и рассердился» от длительного ожидания аудиенции Сталина [Галенович, 2009, с. 307].

Когда И.В. Ковалев, сопровождавший Мао из Пекина, приехал к нему на дальнюю сталинскую дачу «Зубалово» во второй половине декабря 1949 г., «Председатель Мао в разговоре с Ковалевым дал волю своему гневу. Он заявил: “Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать, для чего я вообще сюда приехал? Не для того ли я приехал, чтобы есть, посещать уборную да спать?”» [Гончаров, 2013, с. 388]. На вопрос И.В. Ковалева о планах, Мао вновь повторил грубо звучащую для китайцев характеристику своего приезда в Москву и добавил: «Разве я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы поздравить Сталина с юбилеем?» [Галенович, 2009, с. 307].

Согласно версии самого И.В. Ковалева (с негативным докладом которого о случившихся «перегибах» Мао Сталин впоследствии ознакомил самого Мао Цзэдуна в качестве знака доверия), Сталин оставил китайского вождя во временной изоляции в наказание за то, что тот отцепил вагон с подарками от правительства Манчжурии на сталинский юбилей, что можно считать еще одним объяснением случившемуся из «мемуарной» истории. Согласно этой версии, опирающейся на свидетельство И.В. Ковалева как очевидца события, когда к поезду Мао Цзэдуна, направлявшемуся к границе СССР, прицепили вагон с подарками, Мао распорядился: «Вагон отцепите и подарки выгрузите» <…> инцидент вызвал раздражение и у Сталина, которому было доложено шифровкой. <…> Мао оставался на даче в одиночестве, как бы в качестве узника. <…> По-видимому, Сталин очень сильно обиделся на решение Мао в отношении снятия портретов и отцепки вагона с подарками Сталину» [Ковалев 1997].

В записи состоявшейся впоследствии в Пекине беседы с Мао Цзэдуном переводчик его трудов на русский язык чл.-корр. АН СССР П.Ф. Юдин отмечал следующее [96]:

«На первой же беседе со Сталиным, сказал Мао Цзэдун, я внес предложение заключить договор по государственной линии, но Сталин уклонился от ответа. Во время второй беседы я вновь возвратился к этому вопросу, показав Сталину телеграмму ЦК КПК с подобной же просьбой о договоре. Я предложил для подписания договора вызвать в Москву Чжоу Эньлая, поскольку он является министром иностранных дел. Сталин воспользовался этим предложением в качестве предлога к отказу и сказал, что “так поступать неудобно, поскольку буржуазная печать будет кричать о том, что все китайское правительство находится в Москве”. Впоследствии Сталин уклонялся от всяких встреч со мной. С моей стороны была попытка дозвониться к нему на квартиру, но мне ответили, что Сталина нет дома,

[95] Современный англоязычный обзор китайских работ по теме представлен в главе «Поездка Мао в Москву» и обширных примечаниях к ней в книге проф. Восточного университета Китая Шень Чжихуа «Сталин и Корейская война: Трехсторонние отношения в 1950-е годы» [Zhihua, 2012, p. 88–105, 218–222].

[96] На встрече с Мао Цзэдуном 8 февраля 1950 г. Сталин предложил издать в СССР его работы, рекомендовав для этого бывшего директора Института философии, чл.-корр. АН СССР П.Ф. Юдина, и уже в июле 1950 г. Юдин прибыл в Пекин. В этой связи приводимое свидетельство, как представляется, следует отнести более к области документальной, чем «мемуарной» истории.

и рекомендовали встретиться с Микояном. Меня все это обидело, сказал Мао Цзэдун, и я решил ничего больше не предпринимать и отсиживаться на даче. Затем состоялся неприятный разговор с Ковалевым и Федоренко, которые предложили мне поехать в экскурсию по стране. Я резко отклонил это предложение и ответил, что предпочитаю “отсыпаться на даче”. Спустя некоторое время, продолжал Мао Цзэдун, мне вручили проект моего интервью для печати, который был подписан Сталиным. В этом документе сообщалось, что в Москве идут переговоры о заключении советско-китайского договора. Это уже был значительный шаг вперед. Возможно, что в изменении позиции Сталина, сказал Мао Цзэдун, нам помогли индусы и англичане, которые в январе 1950 г. признали КНР» [Григорьев, Зазерская, 1994, с. 105–106].

Таким образом, мы находим в пояснениях Мао еще одно политическое объяснение произошедшего изменения позиции Сталина к его приезду: признание КНР Англией, что открывало для Мао возможность нежелательных для СССР альянсов. Однако встречи Сталина с Мао возобновились и стали регулярными с начала января 1950 г., т. е. до этого признания. Что касается упомянутой Мао обиды, вероятнее всего, ее следует в первую очередь связать не только со вполне естественными опасениями амбициозного лидера «потерять лицо», обманув ожидания КПК, но и с очевидным обманом его личных ожиданий, незадолго до того инспирированных самим Сталиным.

Известно, что ко времени визита в Москву накопились серьёзные проблемы во взаимоотношениях двух лидеров – Мао искал союзников не только в Москве, не нашёл, но всё равно победил. Сталин же пытался в Китае «усидеть между двух стульев», КПК и Гоминьданом, более того – в 1945 г. заключил с Чан Кайши полноценный договор о «дружбе и союзе», что, фактически, поддерживало раскол в стране, а не китайских коммунистов. Лишь в начале 1949 г., когда стало очевидно, что КПК берет верх, политика СССР стала перестраиваться. В Китай выехал один из наиболее влиятельных советских политиков, член Политбюро А.И. Микоян; с ответным визитом в июле 1949 года в Советский Союз прибыл представитель КПК Лю Шаоци, один из самых близких к Мао людей, которому был оказан в высшей степени дружеский приём. На банкете Лю Шаоци было предоставлено место рядом со Сталиным, который вел себя скромно и излучал дружелюбие [Галенович, 2009, с. 219]. По сообщениям китайских источников, приводимым Ю.М. Галеновичем, во время визита Лю Шаоци Сталин приватно «выразил ему сожаление, что он лично и другие в прошлом вмешивались в китайскую революцию своими советами и предложениями. При этом он сказал, что “мы были помехой для вас, и я очень об этом сожалею”. И хотя самокритичное это признание было сделано приватно, оно представляется очень необычным для Сталина» [Галенович, 2009, с. 279].

В этом ракурсе оказывается особенно неожиданным и нелогичным совершенно иное холодное отношение советского вождя к приему Мао в декабре 1949 г., частично объясняющее степень его недоумения и обиды. Так зачем же было злить лидера потенциальной стратегической партии-партнёра, которую раньше недооценивали, неделями уклоняясь от встреч и любых переговоров с ним (даже телефонных), после столь дружественного приёма его представителя и демонстрации тому самых позитивных намерений?

Представляется, что все рассмотренные версии не учитывают в объяснении действий игроков «византийского диалога» тот факт, что один из них мог на время выйти из игры по состоянию здоровья, а не по коварному расчету.

Несмотря на то, что в течение 1951–1952 гг. Сталин отказывался проходить медицинские осмотры, а «после ареста личного врача Сталина, профессора Виноградова, в 1952 году Сталин приказал уничтожить все его медицинские записи, очевидно, решив, чтобы никто не имел доступа к объективным данным о своем физическом состоянии» [Medvedev, Medvedev, 2003, p. 1, 6], согласно свидетельствам историков: «Очень тщательно, в том числе от официального окружения Сталина, скрывался тот факт, что в 1943, 1944 и 1945 годах Сталин перенес спазм мозговых сосудов, а возможно, и кровоизлияние в мозг <…> в декабре 1949 года Сталин перенес тяжелый инсульт <...> Практически отнялись рука и нога, нарушилась речь. В дальнейшем состояние несколько улучшилось, но Сталин почти не принимал посетителей, перестал работать с документами» [Вахания, 2004, с. 326]. На праздновании семидесятилетия

Сталина 21 декабря 1949 г. Мао посадили рядом с вождем, однако общение не состоялось – Сталин «сидел молча и не поднялся, чтобы поблагодарить тех, кто произносил речи в его честь» [Медведев, 1997, с. 5]. И лишь в январе 1950 г. Сталин стал возвращаться к руководству страной. Однако, согласно журналу записей посещений кремлевского кабинета Сталина, в 1949 г. перерыв в его приемах составил 3 месяца: между 2 сентября и 10 декабря 1949 года Сталин никого не принимал [Чернобаев, 2008, с. 10, 527]. Во многом причиной тому послужил случившийся с ним инсульт. В этой связи представляется уместным связать длительные перерывы во встречах Сталина и Мао в декабре 1949 г. не только с рассмотренными выше политическими расчетами и личным отношением Сталина к китайскому гостю, как утверждает большинство мемуаристов, но также с состоянием здоровья и, соответственно, работоспособностью вождя СССР.

Из мемуарных свидетельств известно, что уже на их первой встрече в 1949 г. Мао показал себя непредсказуемым и во многом равным Сталину по искусству переговоров собеседником, о чём свидетельствует рассмотренная исследователями «запись беседы товарища Сталина И.В. с Председателем Центрального Народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном 16 декабря 1949 года» [Гончаров, 2013, с. 12].

Известны также сообщения советских представителей в Китае о ряде скептических отзывов Мао и его критическом отношении к некоторым аспектам политики КПСС, которые могли побудить Сталина проявить ответное настороженное поведение в отношении независимого от Москвы председателя коммунистической партии, управляющей большей частью Китая. Об этом недоверии неоднократно вспоминал и сам Мао [Панцов, 2012, с. 80]. Также получил широкую известность конспект критических отзывов Мао о Сталине представителя Коминтерна П.П. Владимирова, который (на его основании) предупреждал Сталина еще в 1943 г., что «Мао Цзэдун рассматривает СССР не в качестве идейного союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами “доить”» [Галенович, 2009, с. 64]. «Вместо честного сотрудничества с Москвой, основанного на идейной общности, игра» [Галенович, 2009, с. 77].

В Кремле опасались появления – после прихода к власти в Китае КПК во главе с Мао – «второй Югославии» и второго, «китайского Тито» [Галенович, 2009, с. 70; Heinzig, 2015, p. 266], а потому переговоры с ним действительно требовали «византийской изощренности». Очевиден факт, что именно болезнь Сталина, т. е. последствия перенесенного в лобной доле инсульта, могла привести к его осторожности во встречах с Мао, вызвавшей возмущение последнего и ту «азиатскую обиду», о которой писал Н.С. Хрущев, впоследствии сказавшуюся на отношениях двух социалистических держав.

Предшествующая приезду Мао демонстративно дружественная встреча его ближайшего соратника по КПК Лю Шаоци позволяет предположить, что Сталин возлагал и на встречу с Мао большие ожидания, однако частично утраченная дееспособность после инсульта принудила его проявить осторожность и, как следствие, помешала провести встречи с ним в скорое время, что обидело Мао и, в свою очередь, сказалось на дальнейшем развитии событий и их итоговой оценке.

Учет фактора болезни Сталина в качестве одной из главных причин затянувших переговоры и вызвавших негодование Мао неурядиц, связанных с длительно отлагавшимися встречами Сталина и Мао, на наш взгляд, снимает отмеченные выше противоречия исследовательских оценок и позволяет рассмотреть последовательность этого события в едином логичном ракурсе. Образно говоря, кроме истории «болезни левизны» в большевизме учету историков, несомненно, подлежат и подлинные истории болезней – в частности, «удары» – его вождей, о которых мемуарная литература деликатно умалчивает.

Список литературы

1. Вахания В.В. Личная секретная служба И.В. Сталина: Стратегическая разведка и контрразведка: Сб. док. М., 2004. 416 с.

2. Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М, 2009. 576 с.

3. Гончаров С.Н. «Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным»: история одного интервью через призму одной жизни // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43 (2). С. 356–401.

4. Григорьев А., Зазерская Т. Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. Запись беседы П.Ф. Юдина с Мао Цзэдуном 31 марта 1956 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 103–111.

5. Ковалев И.В. Россия и Китай. (С миссией в Китае / Переговоры Сталина и Мао) // Дуэль. 1997. 5 ноября. (Электронный ресурс) URL: http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm (дата обращения: 04.03.2020).

6. Ледовский А.М. 1999. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. Москва. Памятники исторической мысли, 344.

7. Люблина М. «Византийский поединок» Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: зб. наук. пр. 2008. Вип. 11. С. 150–156.

8. Медведев Р.А. Здоровье и власть в России. Новый класс российского общества. Александр Солженицын: три года в новой России // Пути России. М., 1997. 78 с.

9. Панцов А.В. Мао Цзэдун. 2-е изд., испр. М., 2012. 880 с.

10. Панцов А.В. Как Сталин помог Мао Цзэдуну стать вождем // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 75–87.

11. Соколов А.А. Хо Ши Мин: поездки в СССР в 1950 и 1952 гг.: «мемуарная» история // Вьетнамские исследования. 2011. № 1. С. 259–301.

12. Тихвинский С.Л. Мемуарная литература по истории советско-китайских отношений (1939–1950 годы) // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 109–126.

13. Федоренко Н.Т. Сталин и Мао Цзэдун // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 98–113; № 6. С. 83–95.

14. Федоренко Н.Т. Беседа с Мао Цзэдуном // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 135–148.

15. Хрущев Н.С. Мао Цзэдун и раскол // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 108–116.

16. Цзяцин С. Мао Цзэдун совершил визит в СССР // Современные гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 62–63.

17. Чернобаев А.А. (ред.). На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. 784 с.

18. Шатохин А.В. Взаимоотношения Мао Цзэдуна и И.В. Сталина в процессе создания нового государства в Китае // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 4 т. Т. 4. Иркутск, 2011. С. 118–120.

19. Heinzig Dieter. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. New York, 2015. 488 p.

20. Medvedev Zhores, Medvedev Roy. The Unknown Stalin: His Life, Death, and Legacy. Woodstock, NY: Overlook Press, 2003. 335 p.

21. Pantsov A.V., Levine S.I. Mao: The Real Story. New York, 2012. 735 p.

22. Zhihua Shen. Mao, Stalin and the Korean War: Trilateral Communist Relations in the 1950s (trans. Neil Silver). London: Routledge, 2012. XIII + 249 p.

Referenses

1. Vakhaniya V.V. 2004. Lichnaya sekretnaya sluzhba I.V. Stalina: Strategicheskaya razvedka i kontrrazvedka: Sb. dok. [Personal secret service of I. V. Stalin: Strategic intelligence and counterintelligence]. Moscow: Svarog, 416 (in Russian).

2. Galenovich Yu. M. 2009. Stalin i Mao. Dva vozhdya [Stalin and Mao. Two of the leader]. Moscow: Vostochnaya kniga, 576 (in Russian).

3. Goncharov S.N. 2013. «Dialog Mao Tszeduna so Stalinym»: istoriya odnogo interv'yu cherez prizmu odnoy zhizni [«Mao Zedong's dialogue with Stalin»: the story of one interview through the prism of one life. Society and state in China]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 43 (2): 356–401 (in Russian).

4. Grigor'ev A., Zazerskaya T. 1994. Mao Tszedun o kitayskoy politike Kominterna i Stalina. Zapis' besedy P.F. Yudina s Mao Tszedunom 31 marta 1956 g. [Mao Zedong on the Chinese policy of the Comintern and Stalin. Record of a conversation between P.F. Yudin and Mao Zedong on March 31, 1956]. Problemy Dal'nego Vostoka, 5: 103–111 (in Russian).

5. Kovalev I.V. 1997. Rossiya i Kitay (S missiey v Kitae / Peregovory Stalina i Mao) [Kovalev I.V. Russia and China (With a mission in China / Negotiations between Stalin and Mao)]. Duel'. November, 05. URL: http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm (accessed: 04.03.2020) (in Russian).

6. Ledovskiy A.M. 1999. SSSR i Stalin v sud'bakh Kitaya. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytiy. 1937–1952 [Ledovsky A.M., 1999. The USSR and Stalin in the fate of China. Documents and certificates of the participant of events. 1937–1952] Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 344 (in Russian).

7. Lyublina M. 2008. «Vizantiyskiy poedinok» Iosifa Stalina i Mao Tszeduna [Lublina M. «The Byzantine duel» of Joseph Stalin and Mao Zedong]. In: Aktual'ni problemi vitchiznyanoï ta vsesvitn'oï istoriï [Actual problems of national and world history]: zb. nauk. pr., 11: 150–156 (in Russian).

8. Medvedev R.A. 1997. Zdorov'e i vlast' v Rossii. Novyy klass rossiyskogo obshchestva. Aleksandr Solzhenitsyn: tri goda v novoy Rossii [Medvedev R.A. Health and power in Russia. A new class of Russian society. Alexander Solzhenitsyn: three years in the new Russia] // Puti Rossii [Way of Russia]. Moscow: Russlit, 78 (in Russian).

9. Pantsov A.V. 2012. Mao Tszedun [Mao Tszedun]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 880 (in Russian).

10. Pantsov A.V. 2006. Kak Stalin pomog Mao Tszedunu stat' vozhdem [How Stalin helped Mao Zedong to become a leader]. Voprosy istorii, 2: 75–87 (in Russian).

11. Sokolov A.A. 2011. Kho Shi Min: poezdki v SSSR v 1950 i 1952 gg.: «memuarnaya» istoriya [Ho Chi Minh: trips to the USSR in 1950 and 1952: a «memoir» history]. V'etnamskie issledovaniya, 1: 259–301 (in Russian).

12. Tikhvinskiy C.L. 2007. Memuarnaya literatura po istorii sovetsko-kitayskikh otnosheniy (1939–1950 gody) [Memoir literature on the history of Soviet-Chinese relations (1939–1950)] // Novaya i noveyshaya istoriya, 3: 109–126 (in Russian).

13. Fedorenko N.T. 1992. Stalin i Mao Tszedun [Stalin and Mao Tszedun]. Novaya i noveyshaya istoriya, 5: 98–113; 6: 83–95 (in Russian).

14. Fedorenko N.T. 1996. Beseda s Mao Tszedunom [Conversation with Mao Zedong]. Novaya i noveyshaya istoriya, 2: 135–148 (in Russian).

15. Khrushchev N.S. 1990. Mao Tszedun i raskol [Mao Zedong and division]. Problemy Dal'nego Vostoka, 2: 108–116 (in Russian).

16. Tszyatsin S. 2008. Mao Tszedun sovershil vizit v SSSR [Mao Zedong paid a visit to the USSR]. Sovremennye gumanitarnye issledovaniya, 2: 62–63 (in Russian).

17. Chernobaev A.A. (ed.). 2008. Na prieme u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Stalinym (1924–1953 gg.) [At Stalin's reception. Notes (journals) of records by the people received by I.V. Stalin (1924–1953)]. Moscow: Noviy khronograph, 784 (in Russian).

18. Shatokhin A.V. 2011. Vzaimootnosheniya Mao Tszeduna i I.V. Stalina v protsesse sozdaniya novogo gosudarstva v Kitae [Relations between Mao Zedong and I.V. Stalin in the process of creating a new state in China]. In: Pyatye Baykal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya: materialy: In 4 vol. [Fifth Baikal international social and humanitarian readings: materials V.4]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 4: 118–120 (in Russian).

19. Heinzig Dieter. 2015. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 488.

20. Medvedev Zhores, Medvedev Roy. 2003. The Unknown Stalin: His Life, Death, and Legacy. Woodstock, New York: The Overlook Press, 335.

21. Pantsov A.V., Levine S.I. 2012. Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 735.

22. Zhihua Shen. 2012. Mao, Stalin and the Korean War: Trilateral Communist Relations in the 1950s (trans. Neil Silver). London: Routledge, 249.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Бисенгалиев М.К. 2020. «Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать…»: о роли личных перипетий в переговорах Мао Цзэдуна со Сталиным в 1949–1950 годах. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 370–377. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377.

Bisengaliev M.K. 2020. «You invited me to Moscow, but i can't do anything here...»: about the role of personal vicissitudes in negotiations between Mao Zedong and Stalin in 1949–1950. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 370–377 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377.

УДК 94 (47). 084.9
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-378-386

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ «АРХИТЕКТОРА ПЕРЕСТРОЙКИ», ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС А.Н. ЯКОВЛЕВА В 1960–1970-е ГОДЫ

FEATURES OF THE IDEOLOGICAL POSITION OF THE «ARCHITECT OF PERESTROIKA», FIRST DEPUTY HEAD OF THE PROPAGANDA DEPARTMENT OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE A.N. YAKOVLEV IN THE 1960s AND 1970s

А.Н. Сивов
A.N. Sivov

Московский педагогический государственный университет,
Россия, Москва, 115571, Проспект Вернадского, 88

Moscow state pedagogical University,
88 Vernadsky Avenue, 115571, Moscow, Russia

E-mail: sivov.tolya@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена изучению особенностей идеологической работы секретаря ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева в период 1960–1970-х годов, во время, предшествующее политике «перестройки» в СССР. Данные проблемы представляются малоизученными. Рассматриваются его суждения по совершенствованию идеологической работы, пропаганды, улучшению ее содержания и методологии. Приведены сведения из архивных источников, которые свидетельствуют о стремлении А.Н. Яковлева объективно показать значение личности и политической деятельности И.В. Сталина. Дана сравнительная характеристика исторической роли В.И. Ленина и И.В. Сталина в понимании А.Н. Яковлева. Сделан вывод о серьезном влиянии А.Н. Яковлева на формирование конкретных идеологических оценок в 1960–1970-е годы, хотя при этом его влияние на советскую идеологию в целом не стоит преувеличивать. Отмечается, что формирование в партийно-пропагандистском аппарате идеологических установок, типичных для периода «перестройки», происходило задолго до ее официального объявления руководством КПСС.

Abstract
The Article examines the characteristics of the ideology Secretary of the CPSU Central Committee Alexander N. Yakovlev in the period 1960–1970s, during the preceding policy of «perestroika» in the USSR. These problems appear to be poorly understood. His opinions on improving ideological work, propaganda, improving its content and methodology are considered. The article presents information from archival sources that indicate the desire of A.N. Yakovlev to objectively show the significance of the personality and political activity of I.V. Stalin. A comparative characteristic of the historical role of V.I. Lenin and I.V. Stalin in the understanding of A.N. Yakovlev is given. The conclusion is made about the serious influence of A.N. Yakovlev on the formation of specific ideological assessments in the 1960s and 1970s, although, at the same time, his influence on Soviet ideology as a whole should not be exaggerated. It is noted that the formation in the party propaganda apparatus of ideological attitudes typical of the period of «perestroika» occurred long before its official announcement by the leadership of the CPSU.

Ключевые слова: А.Н. Яковлев, идеологическая работа, пропаганда, И.В. Сталин, В.И. Ленин, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.
Keywords: A.N. Yakovlev, ideological work, propaganda, I.V. Stalin, V.I. Lenin, Central Committee of the Communist party of the Soviet Union.

Изучение периода «перестройки» в СССР и распада советского государства требует тщательного и объективного подхода к оценке суждений того или иного политического деятеля. Несмотря на большой объем литературы, посвященной данному периоду, исследований, характеризующих отдельных политков, немного. Малоизученной представляется также и тема формирования предпосылок конкретных идеологических постулатов, проявившихся во второй половине 1980-х годов. Между тем их появление было отнюдь не случайным, а в общем закономерным результатом эволюции предшествующих общественных запросов и ожиданий. Но нельзя не учитывать и роли партийно-пропагандистского аппарата, степени его готовности к пониманию новых тенденций в формальной и неформальной идеологических сферах.

Одним из влиятельных политиков того времени был Александр Николаевич Яковлев. В его компетенции находились вопросы идеологии, наиболее важные в условиях происходивших в Советском Союзе перемен в период «перестройки». Следует отметить, что многие из идеологических тезисов, прозвучавших во второй половине 1980-х годов, восходят в своем содержании к 1960–1970-м годам.

Историография, посвященная непосредственно жизни и деятельности А.Н. Яковлева, невелика. Здесь отличается зарубежная историография, в которой следует отметить монографию Р. Пайпса [Pipes, 2015]. Но прямо или косвенно его биографии в период 1980-х годов касаются очень многие авторы. При этом оценочные суждения даются в основном негативного порядка, характеризующие Яковлева в качестве «агента влияния» иностранных государств [Крючков, 2003; Широнин, 2016; Бобков, 2011]. Согласно этой версии, Яковлев с самого начала «перестройки» был готов к целенаправленной дискредитации советской идеологии и лишь выжидал, чтобы наиболее эффективно произвести подмену устоявшихся идеологических ценностей и понятий.

Значительное влияние Яковлева на формирование советской идеологии в целом выделяет в своих воспоминаниях Е.К. Лигачев, называя его «серым кардиналом» [Лигачев, 2011]. А.Н. Яковлев оказался даже персонажем исторической прозы [Минутко, 2010]. Многие аспекты идеологического обоснования происходивших в стране перемен изучались А.С. Барсенковым [Барсенков, 2001]. Интересны оценки идеологических разногласий, в частности, на уровне противостояния центра и регионов, даваемые в монографии А.В. Шубина [Шубин, 2001]. О необходимости перемен в официальной идеологии в условиях низкого доверия со стороны общества к партийно-политической системе управления писал Р.А. Медведев [Медведев, 2010].

Можно отметить также статьи в рецензируемых журналах, авторы которых в той или иной степени затрагивали проблемы идеологических трансформаций советской политической системы в 1980-е годы [Вилков, Пивоваров, 2016; Артемов, 2017; Логвенков, 2017; Казьмина, Казьмин, 2017]. Следует отметить исследования форм и методов идеологической работы в СССР [Цветков, 2016, 2017]. Поможет в этом и обращение к историческим источникам, не вводившимся ранее в широкий научный оборот. Среди них большое значение имеет документальный двухтомник «Александр Яковлев» (редактор и составитель – его сын А.А. Яковлев), включающий немало исторических свидетельств, отражающих его политическую биографию [Александр Яковлев, 2008]. Тем не менее и здесь приоритет отдается периоду «перестройки» и 1990-х годов. Предшествующие годы идеологической работы Яковлева в них практически не отражены. Таким образом, его деятельность в 1960–1970-е годы заслуживает дополнительного изучения.

Неправомерно, очевидно, искать объяснение эволюции его мировоззрения исключительно в субъективном восприятии Яковлевым идеологических программных установок к карьеристским соображениям. Важнее представить себе степень влияния на него конкретных перемен в общественно-политической жизни страны не только в середине 1980-х, но и в более раннее время.

Целесообразно поэтому ознакомиться с некоторыми аспектами работы Александра Николаевича в Отделе пропаганды ЦК КПСС. Деятельность его начиная с 1960-х годов

можно было бы охарактеризовать как период, когда он уже являлся не безоговорочным приверженцем принципов официальной идейно-политической работы, а становился сторонником перемен, многие из которых будут реализованы во второй половине 1980-х. Документы, отражающие эти перемены, сосредоточены в его личном фонде, переданном в Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Еще в начале 1964 года, занимая должность заведующего сектором газет в Отделе пропаганды ЦК КПСС, Яковлев решительно выступал за активизацию органов печати, радио, телевидения и кино, оценивая их как важнейшие инструменты идеологического воздействия на население СССР. Для него приоритетными становятся не методы «железного занавеса», связанные с решительным запретом «иновещания», а противодействие («контрпропаганда») Западу посредством создания более эффективной «системы ценностей», поддерживаемой советским населением: «…приняты и принимаются меры по более рациональному использованию средств радиовещания, включая прекращение глушения официальных радиостанций капиталистических стран, что позволило направить освободившиеся мощности непосредственно на радиовещание и потребовало бы большой контрпропагандистской гибкости с нашей стороны…» [Яковлев, Активизировать печать… Л. 2]. Как известно, уже в годы «перестройки» инициативы о прекращении «глушения» этих радиостанций были воплощены в жизнь. Примечательно, что многие сотрудники КГБ СССР и специалисты по информационно-психологическому противостоянию отмчали негативные последствия разрешения радиовещания возможных идеологических противников [Волкогонов, 1983].

Немало внимания Александр Николаевич уделял противодействию националистическим взглядам. По его мнению, национализм был наиболее опасен для стабильности государства и общества. И позднее, во второй половине 1980-х годов, Яковлев постоянно подчеркивал эту опасность, видя в ней едва ли не главную причину распада Советского Союза. Особое значение это имело для региональной прессы, в которой под видом сохранения «национальных культурных традиций» мог пропагандироваться «национализм». В одном из документов он отмечал: «…Правда, кое-где иные хранители так называемых ”национальных“ традиций пытаются протиснуться в печать, отравить сознание советских людей. В прошлом году были подвергнуты острой критике некоторые писатели Каракалпакии, которые обнародовали вредные в идейном отношении произведения, освещающие явления нашей общественной жизни с узких, эгоистических позиций. Назовем хотя бы статью А. Алламуратова «Несколько слов о каракалпакской музыке». Под видом защиты народных музыкальных мелодий автор статьи идеализирует прошлое каракалпакского народа, выражает недовольство тем, что творческие коллективы много внимания уделяют разучиванию, исполнению музыкальных произведений народов СССР. Мы не должны проходить мимо явлений, когда нашу печать используют для проповеди националистических взглядов» [Активизировать печать…, Л. 5].

Обличение проявлений национализма в советских республиках означало для Яковлева отнюдь не критику политических достижений страны «развитого социализма», но призвано было сохранить «интернациональное единство», что позднее, в 1980-е годы, стало резко контрастировать с очевидной нерешенностью многих проблем в СССР, в том числе и проблем национальной политики.

При оценке конкретной методологии пропагандистской работы Яковлев обращал внимание на актуальность наполнения газет качественным, интересным материалом. По его мнению, не должно быть каких бы то ни было исторических фальсификаций, наличие которых способно было резко снизить степень доверия к средствам массовой информации. Вот как писал он об одном инциденте с публикацией газетой недостоверных сведений: «…Недавно газета «Гудок» в двух номерах опубликовала воспоминания В. Гурченко «Солдаты в гражданском». В этих воспоминаниях Гурченко совершенно бездоказательно выдает себя за члена штаба подпольной группы сопротивления «Искра», действовавшей якобы в Германии в 1942–1945 гг. Если верить автору, то членам группы сопротивления

все удавалось легко и просто: снимать на железных дорогах рельсы и пускать поезда под откос, поджигать скирды хлеба, обрывать электрокабели, ломать прокатные станы, токарные станки и компрессоры, распространять листовки и даже выпускать стенную газету. В целях личной славы Гурченко в течение вот уже многих лет добивается признания его «заслуг» перед Родиной. При этом он грубо подтасовывает факты, вооружается липовыми документами, подыскивает фиктивных свидетелей. Проверка, однако, показала, что антифашисткой группы сопротивления «Искра» просто не существовало. Не подтверждают фактов существования группы «Искра» и ее подпольной деятельности и сами немецкие товарищи, которых Гурченко назвал в качестве очевидцев и свидетелей событий. Воспоминания Гурченко проникли на страницы газеты «Гудок» в результате грубого нарушения установленного порядка проверки и подготовки материалов перед их опубликованием. В погоне за сенсацией редакция газеты допустила грубую ошибку…» [Активизировать печать…, Лл. 6, 7].

В данной ситуации Яковлев проявил не только принципиальность и твердость в отношении к фальсификаторам истории, но и тщательность в историческом расследовании. Надо заметить, что и позднее, в период «перестройки», он неоднократно будет обращать внимание на достоверность тех или иных исторических свидетельств.

Примечательно, что Яковлев немало критиковал и редакционную политику региональных изданий, их стремление к публикации непроверенных, «жареных» фактов. Это также наносило сильный ущерб по репутации изданий. «…Иной раз создается впечатление, – писал он, – что вместо гневного обличения авторы злорадствуют по поводу уродливых фактов. Например, редакция газеты «Комсомолец Киргизии» специальный выпуск «Комсомольский прожектор» превратила в витрину недостатков. Потеряв чувство меры в критических материалах, работники редакции явно и преднамеренно сгущают краски. В течение нескольких месяцев в газете мелькала рубрика «Тревога! Тревога! Тревога!» Уже одни заголовки, уместные разве только в уголовной хронике, показывают уровень материалов: «Преступление в Кара-Су», «Километры расточительства», «Миллионы на свалке» и многие другие. Причем чуть ли не в каждой корреспонденции настойчиво подчеркивалось: «Наши корреспонденты побывали на месте преступления». В этой же газете введена рубрика «Трибунал чести». Забыв о том, что такое название ко многому обязывает, кригизкие (орфография А.Н. Яковлева сохранена – авт.) журналисты заботятся только об одном, им хочется написать похлеще, ошарашить читателя…» [Активизировать печать…, Л. 7].

Представляется важным отметить, что Александр Николаевич уже в то время понимал особенности деятельности некоторых работников советских СМИ, которые могли бы дестабилизировать общественные настроения: «…Следует подчеркнуть, что писатели и работники искусства поняли ошибки и стремятся доказать это своим творчеством. Разумеется, было бы наивным думать, что все сделано и все вопросы решены. Мы далеки от такой маниловщины в оценке положения в области литературы и искусства. Неверные тенденции еще не преодолены до конца, а с рецидивами их мы встречаемся и в произведениях искусства, и в художественной критике…» [Активизировать печать…, Л. 35].

Но наиболее показательным из «доперестречных» представлений Яковлева является его оценка личности и политики И.В. Сталина, в частности, в сравнении с В.И. Лениным. Им были написаны тезисы, посвященные 90-летию со дня рождения Сталина (1969 год).

Примечательно, что многие из тех оценок, которые главный «идеолог перестройки» давал Сталину и его юбилею, позднее будут повторяться в его новых публикациях. Следует отметить, что для формирования подобных взглядов немаловажное значение имело отношение к личности и к политической позиции И.В. Сталина. Несмотря на процессы «оттепели» и начавшуюся «десталинизацию» после XX и особенно XXII съездов КПСС, отношение к бывшему правителю в советском обществе оставалось неоднозначным. Немало было тех, кто считал, что политика Сталина и его деятельность во главе Советского государства были правильными. Яковлеву в этой связи представлялось необхо-

димым более четко обозначить приоритеты идеологической платформы ЦК КПСС, к чему обязывал и его официальный статус первого заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, одной из важнейших политических структур в СССР.

И ранее Яковлев, как уже отмечалось выше, находясь на своем посту, поднимал различные вопросы о формах и методах проводимой идеологической работы. В специально составленной им служебной записке о «юбилее Сталина» Яковлев отмечал принципиальную важность юбилейных дат в Советском Союзе и приводил тезис о значении наступающего 90-летия со дня рождения Сталина. При этом указывалось и на целенаправленные усилия США по «дезорганизации» советского общества и «единства коммунистов и беспартийных» [Предложения А.Н. Яковлева…, Л. 1]. Он проводил примечательный сравнительный анализ между известными ему общественными представлениями о Сталине, отмечая при этом, что составить объективно-научную картину представляется невозможным без специальных исследований. Он перечислял заслуживающие внимания оценки бывшего правителя СССР. Значимым аспектом общественного представления о Сталине и «сталинизме», по мнению Яковлева, были следующие:

«…Сталин был верный ленинец. Всю политику партии он строил в соответствии с учением Маркса, Энгельса, Ленина, считал себя их учеником, относился к ним с огромным уважением. В течение 30 лет своего руководства он добился величайших успехов, превратил нищую и забитую страну в одну из самых великих держав современности. Эти его заслуги никогда не будут забыты.

– Сталин был носителем сильной власти. Сильная власть – первый признак государства, совершенно необходима для осуществления любого политического курса.

– Сталин выиграл войну, без него мы ее проиграли бы.

– Сталин ежегодно снижал цены, а это важнейшее свидетельство его постоянной заботы о народе.

– Сталин очень высоко ценил и поддерживал престиж нашего государства, не гнул спину перед Западом, вел себя перед иностранными деятелями, даже с такими китами как Черчелль (орфография источника) и Рузвельт, с огромным достоинством.

– Сталин был скромен, пренебрегал личными интересами, не вызволил из плена родного сына в обмен на фельдмаршала.

– Сталин был беспощаден к жулью, проходимцам, хапугам, ко всем, кто пытается греть руки на народном добре – обогащаться, обзаводиться дачками, участками, машинами и т. п.

– Сталин берег копейку, не держал на нашей шее иностранных нахлебников.

– При Сталине не было разброда в международном коммунистическом движении. Все нас благодарили и почитали. Единственная страна, которую он отверг, была Югославия, и в этом, как показали события, он был совершенно прав.

– При Сталине был порядок – дисциплина труда; жестоко каралось посягательство на общественную собственность, указания сверху строго соблюдались и т. п. Сейчас порядка не стало.

– При Сталине на низовом звене была критика и самокритика. Начальство боялось зажимать критику, его можно было критиковать. Сейчас критика исчезла.

– При Сталине у руководителей на местах не было столь широкой власти, боялись ЦК, в ЦК тогда можно было найти правду. Сейчас – иное дело. ЦК уже не боятся, роль личных взаимоотношений возросла, возможность несправедливо поступить с человеком усилилась, нет, как в прошлом, гарантий от произвола начальства.

– При Сталине у руководства было высоко развито чувство ответственности, безответственность строго каралась. Сейчас безответственность возросла. Многие умудряются ничего не делать, ничего не решать, не брать на себя ответственности, и все сходит с рук.

– При Сталине в теоретическом освещении практики социализма все было ясно, четко и понятно. Неясных вопросов не было. Сам развивал теорию…» [Предложения А.Н. Яковлева…, Л. 3].

Таким образом, в изложенных Яковлевым положениях, отражающих как бы «перечень» преобладающих в обществе мнений в отношении Сталина, вполне очевидно присутствует и особо выделенное противопоставление современного (1960-е годы) состояния и периода «правления» Сталина. Предлагается также своеобразный контраст представлений о И.В. Сталине и Л.И. Брежневе в «народном сознании». И сравнение здесь оказывается не в пользу тогдашнего Генерального Секретаря. Возможно, зная свойственные Леониду Ильичу и его окружению честолюбивые стремления, Яковлев рассчитывал добиться дополнительного эффекта. Очевидно и то, что проводил параллели между Владимиром Ильичом и Леонидом Ильичом, стремясь явно польстить последнему. Для аппаратной работы это был вполне оправданный прием.

Далее в записке перечислялись общественные мнения и представления против Сталина и «сталинизма». По своему объему они занимали на 2 листа больше положительных. Яковлевым фиксировалось следующие: «…Сталин ослабил партию, армию и страну массовыми необоснованными репрессиями. Гитлер уничтожил одного своего соратника. Сталин физически истребил всех соратников В.И. Ленина, с которыми В.И. Ленин вел партию к победе 1917 года, победил в гражданской войне и приступил к строительству социализма.

Сталин замахнулся на святая святых в партии, на ее высший руководящий орган – съезд партии, физически истребив большую часть делегатов XVII съезда.

Сталин расстрелял мозг партии – ее Центральный комитет, уничтожив почти весь ЦК, избранный XVII съездом. То же самое по вине Сталина произошло с руководящим ядром в каждом районе страны, в каждой области и республике.

Не Сталин выиграл войну. Если бы его вообще не существовало, ЦК в лице соратников В.И. Ленина лучше бы подготовили партию и страну к войне. Сталин проморгал начало войны. Если бы в ЦК была здравая атмосфера, этого не произошло бы.

Незадолго до войны Сталин обезглавил армию, уничтожив почти весь ее высший командный состав. Тот урон, который нанес Сталин по комсоставу, значительно больший, чем когда-либо в истории испытывала какая бы то ни было армия, понесшая самое сокрушительное поражение от врага.

Сталин поставил органы безопасности над партией. В следственных органах и местах заключения создал режим пыток. Условия царской тюрьмы, где томили революционеров, были значительно человечней, хотя царь боролся со своими врагами, а Сталин бил по своим, по революционерам.

Массовыми репрессиями Сталин опорочил социализм, опозорил имя русского революционера-ленинца, ибо все свои деяния прикрывал святым именем В.И. Ленина. Его ближайшим соратником был откровенный мерзавец – Берия и его шайка.

Сталин был самый нескромный человек, превратив себя при жизни в божество, позволяя в его присутствии так бесстыдно возвеличивать себя – не все короли этого допускали.

Сталин был величайший фарисей и лицемер. В момент наивысшего нарушения законности он больше всего говорил о демократии. В условиях массового истребления людей он заявил, что из всех капиталов, которыми располагает партия, самый ценный, это люди.

Неисчерпаемое богатство диалектики он свел к отдельным пунктам и цитатам, убив тем самым живую душу марксизма. Все, что ему приписывалось (как вклад в теорию), было сделано В.И. Лениным. Он не развил, а омертвил теорию…» [Предложения А.Н. Яковлева…, Лл. 3, 4, 5].

В отрицательных мнениях, перечисленных Яковлевым, присутствовало немало обвинений, которые в период гласности будут широко распространяться во многих советских «масс-медиа». Очевидно также, что проблемы идейно-политической работы в СССР

конца 1960-х годов он косвенно связывал с ее упадком при Сталине. Можно заметить и упомянутое в записке сравнение Сталина с Гитлером, что представляло собой весьма распространенное явление в англо-американской политологии и публицистике середины XX столетия.

Говоря о значении личности И.В. Сталина, Яковлев считал необходимым ссылаться на авторитет В.И. Ленина, что в целом было характерно для агитационно-пропагандистских установок 1960-х – начала 1970-х годов. «…С моей точки зрения, – писал Яковлев, – в связи с 90-летием Сталина ”Правда“ могла бы опубликовать статью, но не 21 декабря, а на один-два дня раньше. Статья, на мой взгляд, не должна быть посвящена Сталину, но в своей большей части она скажет о нем. К примеру, статья могла бы называться (условно) «В.И. Ленин об облике пролетарского революционера». В рамках ленинской тематики нашей пропаганды статья на эту тему была бы вполне уместной. В ней излагались бы ленинские взгляды о вождях пролетариата Марксе, Энгельсе, Сталине, Свердлове. Здесь же говорилось бы о самом В.И. Ленине как идеале вождя. Оценка же Сталина должна базироваться на постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» [Предложения А.Н. Яковлева…, Л. 7].

Таким образом, будущий «архитектор Перестройки», как его позже назовут, в конце 1960-х – начале 1970-х годов выступал с позиций сохранения и дальнейшего развития идеологических установок периода «оттепели». Особенно ярко это проявилось в отношении оценки роли личности И.В. Сталина в истории Советского Союза. Яковлев продолжал считать актуальными принципы партийной коллегиальности, борьбы с «последствиями культа личности», провозглашенные на XX съезде КПСС. Негативно оценивал Яковлев проявления экстремизма, причем в любой форме, какими бы привлекательными (например, борьба за исключительность традиций «национальной культуры») целями и лозунгами он ни прикрывался. По его мнению, развитие любых экстремистских взглядов может привести к дестабилизации положения в стране, к серьезным общественно-политическим конфликтам. Сохраняли свою неизменную значимость для Александра Николаевича и задачи совершенствования методики идеологической работы. При этом особое внимание он уделял актуализации и доступности ее для массового слушателя и читателя. В то же время нельзя не отметить наличие схематизма в отстаиваемых им подходах к принципам организации пропаганды и агитации. Очевидно, имело место и сугубо субъективное отношение Яковлева к аппаратным конфигурациям работы, переоценка их значимости как для партийной организации, так и для взаимодействия с населением. Специфические особенности периода 1960–1970-х годов нашли отражение и в последующих формах видения им специфической идеологии периода «перестройки».

Список литературы

1. Артемов А.В. 2017. Идеология обновления в риторике М.С. Горбачева как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском Пленуме ЦК КПСС 1988 г.). Вестник Пермского университета. Серия: История. Выпуск 2 (37): 106–114.

2. Барсенков А.С. 2001. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М., МГУ, 276.

3. Бобков Ф.Д. 2011. Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует. М., Эксмо, 240.

4. Вилков А.А., Пивоваров В.А. 2016. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР. Известия Саратовского университета. Серия: Социология, политология. 2016. Том 16, выпуск 4. 432–438.

5. Волкогонов Д.А. 1983. Психологическая война: Подрывные действия в области общественного сознания. М., Воениздат, 283.

6. Казьмина М.В. Казьмин В.Н. 2017. Отечественная историография 1970-х годов – начала XXI века об идейно-политической жизни России 1971–1991 годов. Вестник Кемеровского государственного университета. № 2: 50–57.

7. Крючков В.А. 2003. Личное дело. М., Эксмо, 480.

8. Лигачев Е.К. 2011. Кто предал СССР? М., Алгоритм-Эксмо, 285.

9. Логвенков И.С. 2017. Демонтаж СССР: историография причин, условий и факторов, Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество), № 4: 129–145.

10. Медведев Р.А. 2010. Советский Союз. Последние годы жизни. М., АСТ, 637.

11. Минутко И.А. 2010. Провидец. М., Независимое издательство «ПИК», Российская политическая энциклопедия, 560.

12. Цветков В.Ж. 2016. Актуальность опыта идеологической работы в период подготовки и начала «перестройки» в СССР: нереализованные возможности и роковые ошибки. Clio-science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Выпуск VII. М., МПГУ: 204–258.

13. Цветков В.Ж. 2017. Определения «идеологической диверсии» и методика контрпропаганды в разработках отечественных спецслужб в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., Наука. 265–274.

14. Широнин В.С. 2016. Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М., Алгоритм, 241.

15. Шубин А.В. 2001. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М., РОССПЭН, 689.

16. Яковлев А.Н. 1964. Активизировать печать, радио, телевидение и кино как основные ударные идеологические силы партии. // ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 59. Лл. 1–7.

17. Яковлев А.Н. 1969. Предложения о выработке принципиальной позиции в связи с 90-летием со дня рождения И.В. Сталина и поляризацией общественного мнения о его личности. // ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 72. Лл. 1–5.

18. Яковлев Александр. 2009. Избранные интервью: 1992–2005 // Составитель А.А. Яковлев. М., Международный фонд «Демократия», 476.

19. Яковлев Александр. 2008. Перестройка: 1985–1991 // Составитель А.А. Яковлев. М., Международный фонд «Демократия», 867.

20. Pipes, Richard. 2015. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism. IL: NIU Press, 151.

References

1. Artemov A.V. 2017. Ideologiya obnovleniya v ritorike M.S. Gorbacheva kak bazovyj element obraza perestrojki (na primere podgotovki vystupleniya na fevral'skom Plenume CK KPSS 1988 g.) [Perestroika: 1985–1991. The ideology of renewal in the rhetoric of Mikhail Gorbachev as a basic element of the image of perestroika]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Vypusk 2 (37). 106–114.

2. Barsenkov A.S. 2001. Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva 1985–1991 [Gorbachev's reforms and the fate of the Union state 1985–1991]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 364.

3. Bobkov F.D. 2011. Kak gotovili predatelej. Nachal'nik politicheskoj kontrrazvedki svidetel'stvuet [How traitors were trained. The head of political counterintelligence testifies]. M.: Eksmo, 240.

4. Vilkov A.A., Pivovarov V.A. 2016. Propagandistskij faktor dezorientacii i raskola sovetskogo obshchestva i raspada SSSR [Propaganda factor of disorientation and split of the Soviet society and the collapse of the USSR]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sociologiya, politologiya. Tom 16, vypusk 4. 432–438.

5. Volkogonov D.A. 1983. Psihologicheskaya voina: podryvnye deistvia v oblasti obchestvennogo soznania [Psychological warfare: Subversive actions in the field of public consciousness]. M., Voenizdat, 283.

6. Kaz'mina M.V. Kaz'min V.N. 2017. Otechestvennaya istoriografiya 1970-h godov – nachala XXI veka ob idejno-politicheskoj zhizni Rossii 1971–1991 godov [Russian historiography of the 1970s – the beginning of the XXI century about the ideological and political life of Russia in 1971–1991]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2. 50–57.

7. Kryuchkov V.A. 2003. Lichnoe delo [Private affair]. M.: Eksmo. 480.

8. Ligachev E.K. 2011. Kto predal SSSR? [Who betrayed the USSR?]. M.: Algoritm-Eksmo. 285.

9. Logvenkov I.S. 2017. Demontazh SSSR: istoriografiya prichin, uslovij i faktorov [Dismantling the USSR: historiography of causes, conditions and factors]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), № 4. 129–145.

10. Medvedev R.A. 2010. Sovetskij Soyuz. Poslednie gody zhizni [Soviet Union. The last years of his life]. M.: AST. 637.

11. Minutko I.A. 2010. Providec. [Seer]. M.: Nezavisimoe izdatel'stvo «PIK», Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 560.

12. Tsvetkov V.G. 2016. Aktual'nost' opyta ideologicheskoj raboty v period podgotovki i nachala «perestrojki» v SSSR: nerealizovannye vozmozhnosti i rokovye oshibki [Relevance of the experience of ideological work in the period of preparation and beginning of «perestroika» in the USSR: unrealized opportunities and fatal mistakes]. M., MPGU, 204–258.

13. Tsvetkov V.G. 2017. Opredeleniya «ideologicheskoj diversii» i metodika kontrpropagandy v razrabotkah otechestvennyh specsluzhb v konce 1970-h – nachale 1980-h gg. [Definitions of «ideological sabotage» and methods of counter-propaganda in the development of domestic special services in the late 1970s and early 1980s]. M., Istoricheskie chtenia na Lubyanke. 265–274.

14. Shironin V.S. Agenty perestrojki. Rassekrechennoe dos'e KGB [Perestroika Agents. Declassified KGB dossier]. M.: Algoritm. 2016. 241.

15. Shubin A.V. Ot «zastoya» k reformam. SSSR v 1978–1985 gg. [From «stagnation» to reforms. USSR in 1978–1985]. M.: ROSSPEN, 2001. 689 s. (in Russian).

16. Yakovlev A.N. 1964. Aktivizirovat' pechat', radio, televidenie i kino kak osnovnye udarnye ideologicheskie sily partii. 1964 g. [To active press, TV and radio as importance ideological party forces]. GA RF. F. 10063. Op. 1. D. 59. Ll. 1–7.

17. Yakovlev A.N. 1969. Predlozheniya A.N. Yakovleva o vyrabotke principial'noj pozicii v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya I.V. Stalina i polyarizaciej obshchestvennogo mneniya o ego lichnosti. Oktyabr' 1969 g. [Proposals of A.N. Yakovlev on the development of a principled position in connection with the 90th anniversary of the birth of I.V. Stalin and the polarization of public opinion about his personality. October 1969] // GA RF. F. 10063. Op. 1. D. 72. Ll. 1–5.

18. Yakovlev Aleksandr. 2009. Izbrannye interv'yu: 1992–2005 [Interview. 1992–2005]. Sostavitel' A.A. Yakovlev. M., Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 476.

19. Yakovlev Aleksandr. 2008. Perestrojka: 1985–1991 [Perestroyka. 1985–1991]. Sostavitel A.A. Yakovlev. M.: Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 867.

20. Pipes, Richard. 2015. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism. IL: NIU Press, 151.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Сивов А.Н. 2020. Особенности идеологической позиции «архитектора перестройки», первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева в 1960–1970-е годы. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 378–386. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-378-386.

Sivov A.N. 2020. Features of the ideological position of the «architect of perestroika», first deputy head of the propaganda department of the CPSU Central Committee A.N. Yakovlev in the 1960s and 1970s. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 378–386 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-378-386.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327(4)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-387-396

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

LANGUAGE POLICY OF LEADING EUROPEAN UNION MEMBER STATES AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT

О.Р. Жерновая, О.А. Смирнова
O.R. Zhernovaya, O.A. Smirnova

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Российская Федерация, 603600, г. Нижний Новгород, улица Ульянова, 2

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
2 Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603600, Russian Federation

E-mail: oxana.zh@mail.ru, oasmirnova64@mail.ru

Аннотация
Объединение Европы – это важное политико-экономическое достижение, которое стоило всем европейским языкам, кроме английского, утраты своего коммуникативного престижа и своих национальных позиций. Регулирование внешней языковой политики в Европейском союзе связано с реализацией важных для человека потребностей – потребности в выражении своей национальной идентичности и потребности во взаимопонимании. В данной статье авторы рассматривают внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование языковой политики в рамках ЕС на современном этапе. Изучив текущую политическую ситуацию внутри и вне ЕС и её влияние на языковую политику, авторы называют причины низкой эффективности языковой политики ЕС на данном этапе ее реализации. Несмотря на развитие европейской стратегии мультилингвизма, которая определяет лингвистическое и культурное разнообразие как неотъемлемый сегмент европейской идентичности, в ЕС наблюдается тенденция в пользу монолингвизма. Кроме того, в условиях притока мигрантов политика мультилингвизма стала камнем преткновения для правительств стран ЕС, именно это стало одной из причин корректировки французским правительством своей миграционной политики.

Abstract
The unity of Europe is an important political and economic achievement, which made all the European languages, except English, lose their communicative value and national positions. External language policy regulation in the European union is connected with two human necessities – the necessity to express your national identity and the necessity of mutual understanding. The authors of the article consider external and internal factors affecting the formation of language policy in the current frameworks of the EU. Having studied the recent political situation inside and outside the EU and their impact on language policy, the authors highlight the causes of low efficient EU language policy at the present. Despite the fact that the European strategy of multilinguism, which defines linguistic and cultural diversity as an inalienable part of the European identity, one can observe the trend that fear of diversity appears to be far more common than fear of uniformity. Moreover, in the light of immigrants' flow the policy of multilinguism has become a stumbling block for the governments of many EU states. In spite of the fact that there are a lot of EU programmes aimed at helping immigrants get assimilated in the EU society, the immigrants hardly get assimilated in the European community, thus, they break common

European traditions. And it has become the reason why the French government has to reshape its immigration policy.

Ключевые слова: языковая политика, равноправие, мультилингвизм, миграционные потоки, регулирование, сплоченность, межкультурное разнообразие, национальная идентичность.
Key words: language policy, equality, multilinguism, migration flows, regulation, solidarity, intercultural diversity, national identity.

Языковое разнообразие и равноправное использование языков в институциональных структурах – важный компонент и особенность Европейского союза, экономико-политического объединения пока еще 28 европейских государств [Official languages of the EU, 2014]. В Европе, особенно в последние годы, общепризнано, что соблюдение принципов равенства гарантирует защиту прав всех национальных меньшинств, а языковые трудности должны быть преодолены в ходе гармонического развития общества. Языки являются неотъемлемой частью европейской идентичности и самым непосредственным средством культурного выражения и диалога. В свою очередь, диалог культур неразрывно связан с такими понятиями, как «многоязычие» и «мультилингвизм».

Мультилингвизм – это политика равенства языков в обществе. Не секрет, что Европа – это регион с богатейшим набором культур и языков. Сейчас Европа ассоциируется, прежде всего, с Европейским Союзом (ЕС), являющимся ярчайшим примером организации, которая проводит такую политику. История показывает, что курс на мультилингвизм был взят Евросоюзом еще до появления этого термина как такого, поскольку он изначально был основан на принципе культурного и языкового разнообразия. В ЕС, в основе которого лежит девиз «единство в разнообразии», способность общаться на нескольких языках – очень важный навык как для частных лиц, так и для организаций и компаний. Данный девиз подчеркивает, что европейцев объединяет совместная работа во имя мира и процветания, и что такое обширное разнообразие культур и языков является своеобразной движущей силой для всей Европы. Языки не только играют ключевую роль в повседневной жизни Европейского Союза, но также имеют основополагающее значение для уважения культурного и языкового разнообразия в ЕС [Christiansen, 2006].

Актуальность исследования заключается в том, что изменения внутри стран-участниц ЕС, находящихся под давлением миграционных потоков, оказали влияние на проведение языковой политики, и мультилингвальная система, которая была стабильна более 10 лет, в настоящее время претерпевает изменения.

Объектом данного исследования являются основные этапы развития и принципы языковой политики ведущих стран Европейского Союза и его перспективы развития в ближайшем будущем, предметом исследования являются важнейшие законодательные документы, исследования ведущих специалистов в области языковой политики ЕС, статьи СМИ.

Так как язык – это, прежде всего, структурно-системное образование, в основе данной работы лежит системно-структурный подход, позволяющий рассмотреть проблему с разных точек зрения и комплексно подойти к поиску ее решения. Также использовался метод исторического анализа, благодаря которому авторам удается проследить развитие языковой политики стран ЕС за весь период существования этого союза. Теоретический анализ, произведенный на основании всей изученной информации, позволяет выделить наиболее характерные и отличительные черты языковых режимов в рамках ЕС и выбрать наиболее эффективный. Кроме того, был использован метод анализа и синтеза, что позволило сделать теоретическое обобщение. Среди политологических методов при работе над исследованием авторы использовали методику «кейс стадиз».

На данном этапе, в связи с процессом «глобализации», можно наблюдать две противоречивые тенденции даже в рамках ЕС. С одной стороны, заметно стремление к моно-

лингвизму, который выражается в доминирующей роли английского языка в институтах ЕС. С другой стороны, в связи с миграционными процессами происходит увеличение числа языков и культур, которым необходимо существовать вместе тем или иным образом.

Языковая политика, направленная на создание мультилингвистического общества, становится приоритетным направлением деятельности международных организаций стран, входящих в эти организации. Разными политическими институтами принимаются меры в социальной, экономической и политической сферах по разработке языковой политики. Основными задачами языковой политики на современном этапе становятся: регулирование статуса языков, а также определение инструментов и форм её реализации на разных уровнях.

Изначальные идеи о том, что мультикультурализм и мультилингвизм в контексте проблемы миграции могут послужить выходом из неё, оказались ошибочными. На практике ведущие страны ЕС пытаются скорректировать навязанную им руководством ЕС политику и пытаются выстроить свою языковую политику.

Языковая основа имеет первостепенное значение в интеграционных процессах ЕС и для обеспечения демократического союза. Евросоюз признает в качестве официальных языков только официальные языки государств-членов, подающих заявку на признание такого статуса в рамках Европейского Союза [Bandov, 2013].

Первое постановление сообщества, определяющее официальные языки, было принято в 1958 г., и оно определило голландский, французский, немецкий и итальянский в качестве первых официальных и рабочих языков ЕС, которые в то время были языками государств-членов. С тех пор увеличилось как число стран-участниц ЕС, так и количество официальных и рабочих языков [Bandov, 2013].

Важность адекватной языковой политики становится очевидной при сопоставлении статуса языков большинства и языков меньшинств. Еще в начале 2000-х гг. по оценкам Европейского бюро по менее используемым языкам более 40 миллионов человек в ЕС принадлежали к языковому меньшинству. Если в расчет включить иммигрантские меньшинства, то, по оценкам, около 50 миллионов человек принадлежат к языковому меньшинству [Christiansen, 2006, p. 29].

В рабочем документе «Языковой режим: дополнительные варианты», который был предложен в ходе подготовки языковой политики Европейского Союза до большого присоединения в 2004 году, было предложено семь различных языковых концепций (от монолингвизма до полного мультилингвизма) [Working document, 2001]. Эти концепции предлагают возможность для выбора оптимальной и наиболее подходящей для ЕС языковой политики, но, с другой стороны, такой обширный выбор также вызывает новые проблемы, а некоторые концепции даже теоретически неприменимы в рамках политики ЕС.

В 2005 г. комиссией по мультилингвизму была принята «Новая рамочная стратегия мультилингвизма», которая стала первым официальным документом, принятым данной комиссией [Climent-Ferrando, 2016].

Как следствие, в июле 2005 г. Совет ЕС создал новую категорию языков рядом с уже существующей категорией «официальных языков» и назвал эти языки «совместными официальными языками» («co-official languages»). Граждане ЕС, говорящие на «совместных официальных языках» (например, на каталонском, баскском, галисийском и других), имеют ряд возможностей, включая устный перевод во время официальных заседаний, перевод окончательного законодательства на данный язык или возможность для граждан переписываться с учреждениями ЕС на их родном языке [Climent-Ferrando, 2016].

Таким образом, к 2005 г. в связи с расширением и подготовкой к новому расширению необходимость проведения четкой и сбалансированной языковой политики стала ощущаться особенно остро, и в то время перед Европой было несколько альтернативных вариантов развития. Учитывая принятие стратегии мультилингвизма в 2005 г. и создание категории «совместных официальных языков», были предприняты первые шаги на пути к мультилингвизму.

Европейская стратегия мультилингвизма предполагает проведение такой языковой политики, которая привела бы к достижению трех основополагающих целей, которые формулируются следующим образом: укрепление социальной сплоченности, межкультурного диалога, под этим, на наш взгляд, как раз и понимается интеграция мигрантов, а также укрепление идеи «Европейского строительства»; содействие в движении рабочей силы, в предоставлении возможностей трудоустройства и социального роста в Европе. Третья цель касается эффективного управления мультилингвальными коммуникациями в учреждениях ЕС [Climent-Ferrando, 2016].

Почему именно мультилингвизм является наиболее предпочтительным для ЕС? В рамках данной статьи рассмотрим и проанализируем 3 альтернативных языковых режима.

Языковой конфликт в рамках Европейского Союза по вопросу введения одного или нескольких официальных языков был значительным еще на этапе самого основания Европейского Союза. Хотя Европейский Союз имел официальные языки всех своих государств-членов на момент создания, были некоторые инициативы в поддержку концепции монолингвизма. В то время приоритетным кандидатом был французский язык. Следует отметить, что Франция, например, предпринимала попытки утвердить французский язык как единственный рабочий язык ЕС, но он так и не получил поддержки других государств-членов Европейского Союза.

Среди 7 вариантов языковой политики, предложенных в 2005 г., можно выделить основные языковые режимы: одноязычная языковая политика на базе только английского языка, трехъязычный режим, основанный на английском, французском и немецком языках, а также многоязычный режим, основанный на формальном равенстве между официальными языками государств-членов ЕС [Christiansen, 2006, p. 31].

Для учреждений ЕС, имеющих единый внутренний и рабочий язык (английский), концепция монолингвизма была бы наиболее эффективным решением. Также это было в интересах каждого государства-члена, язык которых исключен в качестве рабочего языка [Bandov, 2013, p. 68]. Кроме того, на национальном уровне английский является самым распространенным иностранным языком в 19 из 25 государств-членов, где он не является официальным языком [Europeans and their Languages, 2012]. Однако для государств-членов из крупных языковых сообществ такое решение представлялось неприемлемым и не соответствовало бы официальной языковой политике ЕС по сохранению языкового разнообразия, что делало монолингвальный режим неподходящим для ЕС. Тем не менее в рамках ЕС английский язык сохраняет свой статус лингва-франка.

Другая альтернативная концепция – языковой режим, основанный на ограниченном числе официальных языков, например, на английском, французском и немецком. Этот режим поддерживался Европейской комиссией, но лишь для определенных целей и при некоторых обстоятельствах, что значительно сокращало возможности использования трилингвизма в ЕС [Christiansen, 2006, p. 33].

Что касается мультилингвизма, его положительные стороны не ограничивались лишь социокультурным аспектом и вкладом в разнообразие культур. Теперь знание языка и межкультурные навыки являются предпосылками успеха на международных бизнес-рынках. Именно незнание языка и культуры приводит к значительным потерям в международных операциях европейских представителей, как показали проведенные исследования. Была четко выявлена связь между знанием иностранных языков и ростом экспортных продаж, указывая на то, что языковая стратегия является существенным элементом общего успеха европейского бизнеса [ELAN…, 2006].

Используя данные, представленные Евростатом [Civil Society…, 2011], можно заключить, что сокращение числа официальных языков ЕС или областей использования некоторых из нынешних официальных языков нанесет ущерб не только гражданам некоторых государств, но также слабейшим социальным группам в этих странах (людям с низким уровнем образования, доходов, а также пожилым людям). Таким образом, именно

мультилингвизм является (и будет являться в обозримом будущем) наиболее эффективной языковой политикой для ЕС.

Европейская стратегия мультилингвизма (2008 г.) определяет лингвистическое и культурное разнообразие как неотъемлемый сегмент европейской идентичности: это одновременно общее наследие, богатство, вызов и ценность для Европы. Согласно стратегии, мультилингвизм является одним из основных элементов, охватывающих социальную, культурную, экономическую и, следовательно, образовательную сферы [Kraus, 2014].

Политика ЕС в области мультилингвизма преследует четыре основные цели: поощрение изучения языков и языкового разнообразия в обществе; содействие формированию здоровой многоязычной экономики; предоставление гражданам доступа к законодательству, процедурам и информации ЕС на их родном языке; обеспечение свободы передвижения и миграции в рамках ЕС [Council Resolution…, 2008].

В 2013 г. в докладе парламента «Языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и языковое разнообразие» была затронута тема исчезающих языков и важности мультилингвизма [Endangered languages…, 2013].

В 2016 г. Европарламент представил два доклада, связанных с языковой политикой: в «Европейской стратегии в отношении мультилингвизма: выгоды и издержки» был проведен обзор рыночного подхода к языкам за последние годы, а в докладе «О языках меньшинств и образовании» уделялось внимание важности всех языков для социальной интеграции [Climent-Ferrando, p. 10].

Таким образом, нельзя не отметить, что грамотная языковая политика в таком мультикультурном объединении, как Европейский Союз, оказывает огромное влияние не только на социокультурные процессы, но и на функционирование всего объединения в целом. Что еще более важно, мультилингвизм делает европейские институты более доступными и прозрачными для всех граждан Европейского Союза, что имеет первостепенное значение для успеха демократической системы ЕС.

Языковая политика Франции считается одной из самых стратегически продуманных языковых политик в мире. На протяжении всей истории правительство Франции постоянно предпринимало меры по распространению своего языка и культуры как в стране, так и за её пределами [Кельчевский, 2003, с. 112]. Французский язык является рабочим во многих международных организациях, таких как ЮНЕСКО, ООН, МОТ, а также в институтах ЕС. Также ярчайшим примером эффективности политики продвижения французского языка за рубежом является создание в 1970 г. Франкофонии – организации сотрудничества франкоязычных стран мира [Cristiansen, 2006, p. 22].

Как уже отмечалось, «золотая эра» мультилингвизма и мультикультурализма подходит к концу, отсюда можно смело считать, что ЕС в целом, а в особенности его ведущие страны столкнулись с кризисом мультикультурализма и мультилингвизма [Рекош, 2014, 225]. Это в первую очередь связано с миграционной ситуацией в Европе. Очевидно, что Франция – одна из процветающих стран ЕС, и как следствие привлекательна для мигрантов. В условиях колоссальных притоков мигрантов политика мультилингвизма и мультикультурализма является вызовом для правительства Франции, поскольку, несмотря на существующие программы помощи мигрантам в ассимиляции, мигранты не интегрируются в европейское общество, а только лишь наоборот, пропагандируют свои ценности, ломая привычные уклады европейцев. Именно это стало одной из причин корректировки французским правительством миграционной политики.

Позицию Франции по этому вопросу разделяет и Германия, где миграционный вопрос встает еще более остро. Несмотря на то, что в 2010 г. немецкий канцлер заявлял о провале политики мультикультурализма, тем не менее не перестает подчеркивать тот факт, что Германия открыта для принятия мигрантов [Europe migrant…, 2015].

Также необходимо отметить, что на данном этапе правительству Франции необходимо обратить внимание на свою языковую политику ввиду предстоящего выхода Великобритании из состава ЕС. Очевидно, что английский язык – ведущий язык Евросоюза,

больше половины официальных документов пишутся по-английски, а также именно он изучается большинством граждан [Report of European…, 2016]. Именно на этой же волне, выступая на праздновании Международного дня Франкофонии в марте 2018 г., президент Франции Эммануэль Макрон заявил о том, что необходимо предпринимать меры по усилению французского языка в мире. «Английский никогда не использовался в Брюсселе в такой степени, в какой на нем обсуждают «Брекзит», – заявил Эммануэль Макрон. – Это доминирование преодолимо, нам необходимо очертить новые правила, вложить средства в некоторые сферы и таким образом вновь сделать французский языком возможностей» [Wilsher, 2018].

Языковая политика Франции, на наш взгляд, может считаться сегодня одной из самых эффективных в Европе. Её продуманность позволяет сохранять и активно распространять родной язык. Несмотря на европейский кризис мультилингвизма, Франция старается всеми силами координировать свою политику по этому направлению. Предстоящий выход Великобритании из состава ЕС даёт новый стимул для Франции активизировать свою политику по укреплению позиций французского языка в мире.

Нет сомнений в том, что с начала XXI в. в странах-участницах Европейского союза, согласно стратегиям, принятым в области языковой политики, был взят курс на мультилингвизм и культурное разнообразие. Однако уже к середине 2010-х гг. мультилингвизм перестал быть основным приоритетом в рамках ЕС, вероятнее всего из-за внешнеполитических вызовов, брошенных в первую очередь со стороны Ближнего Востока.

Более того, не все страны-участницы ЕС полностью следуют положениям утвержденных программ, а проконтролировать их исполнение затруднительно, ведь у национальных законодательных органов большинства государств компетенция шире, чем у Европарламента.

Концепция мультилингвизма подразумевает изучение как минимум двух европейских языков как иностранных, но враждебное отношение к двуязычию лишь свидетельствует о том, что некоторые европейские страны по-прежнему отождествляют национальность или даже гражданство с однородностью.

Так, например, на ломбардском языке, как и на корсиканском и многих других региональных языках Европы, сейчас говорят исключительно старшие поколения, в результате чего дети двуязычных родителей вырастают как одноязычные и монокультурные [Bandov, 2013, p. 73].

Несмотря на то, что региональное правительство публично объявило корсиканский «совместным официальным языком» в мае 2013 года, эта декларация остается чисто символической, поскольку французская Конституция признает только французский язык в качестве официального. Такие же тенденции наблюдаются и в Италии [Corsican Assembly…, 2013].

Другой серьезный вызов, с которым Европа сталкивается в настоящее время, – большой приток мигрантов, и, согласно данным Евростата, страны ЕС выдали в среднем 2–2.6 млн первоначальных видов на жительство для выходцев из третьих стран в последние годы [Acquisition of citizenship statistics, 2018]. Больше всего от притока мигрантов пострадали Франция и Германия, наиболее развитые страны ЕС и, соответственно, наиболее привлекательные для мигрантов.

Приток мигрантов замедляет развитие последовательной стратегии мультикультурализма, ведь такой большой наплыв людей, придерживающихся совершенно других ценностей и говорящих на разных языках, невозможно сразу интегрировать в европейское общество, что вкупе с негативной реакцией большинства европейцев делает социокультурную ситуацию в ЕС еще более напряженной.

Сейчас Европа сталкивается с вызовами как внутри Европейского сообщества, так и извне, что, несомненно, влияет на изменение внутри- и внешнеполитических приоритетов. На данном этапе идея мультикультурализма сравнительно потеряла свои позиции в связи с обострением проблемы мигрантов, которая вынуждает правительства ведущих ев-

ропейских государств выделять значительные ресурсы на обеспечение беженцев, и из-за роста национального самосознания в ряде государств.

В настоящее время, принимая во внимание изменения, происходящие в ЕС, и проблемы, с которыми сталкиваются европейские государства, перспективы развития языковой политики стран ЕС выглядит неясно.

Несмотря на скорый выход Великобритании из Европейского Союза, английский язык сейчас является лингва-франка, и данный факт, скорее всего, не изменится в обозримом будущем: именно этот язык учат как первый иностранный в большинстве европейских государств, и число европейцев, говорящих на английском, значительно превосходит число говорящих на других языках. Так, за английским следует немецкий, французский и итальянский, языки экономически развитых стран.

Еще с момента образования Европейского Союза представители Франции стремились сделать свой язык наиболее востребованным в Европе, и в настоящее время ситуация повторяется: французский президент Эммануэль Макрон, который пришел к власти в 2017 г., одним из своих приоритетов считает вернуть влияние Франции на международной арене [French…, 2017].

Возможность превратить французский в мировой язык, на котором к 2050 г. будут говорить более 500 млн человек по всему миру, президент Франции считает вполне реальной, связывая это с важной ролью Франкофонии.

Тем не менее в реалиях современной Европы превращение французского языка в основной маловероятно, потому что английский уже закрепился как лингва-франка, и представители разных наций на официальных заседаниях и в повседневной жизни будут использовать для диалога именно английский.

Что касается дальнейшего развития политики мультилингвизма, данный шаг полностью зависит от того, как и когда разрешится ситуация с мигрантами в Европе. Пока абсолютно точно можно сказать одно: присутствие в ЕС миллионов мигрантов, должным образом не интегрированных в обществе, – одна из причин, по которым мультилингвизм и мультикультурализм переживают период стагнации. Теперь первоочередной задачей является не поддержание языкового и культурного разнообразия в странах ЕС, а защита этими странами своего культурного наследия и национальной идентичности.

Маловероятно, что Европейский Союз перейдет к политике монолингвизма со всеми ее недостатками, а концепция трилингвизма, пусть и привлекательная для институциональных структур, все еще уступает мультилингвизму. Поэтому с нормализацией ситуации в Европе, пусть и в среднесрочной перспективе, наиболее вероятно вступление мультилингвизма в новый виток развития.

Эффективное функционирование Европейского Союза невозможно без языкового и культурного разнообразия, которые влияют как на социокультурные, так и на экономические процессы. Именно поэтому с начала XXI в. особенное внимание стало уделяться политике в области языкового разнообразия, но ее воплощение в жизнь стало возможным не полностью.

Вне всякого сомнения, можно утверждать, что языковая политика ЕС неразрывно связана с поддержкой культурного и языкового разнообразия и соответствует девизу ЕС «Единство в разнообразии», поэтому монолингвизм и трилингвизм не получили развития в рамках ЕС. Многоязычная языковая политика является наилучшим, а также наиболее эффективным решением как для институциональных структур, так и для граждан ЕС. Институты ЕС, как правило, поддерживают этот режим, но сами не реализуют его полностью в своей регулярной деятельности. Официальная языковая политика ЕС направлена на реализацию режима мультилингвизма. Более того, мультилингвизм напрямую связан с успехами европейских компаний, ориентированных на внешний рынок: знание языка бизнес-партнера оказывает положительное влияние на ведение бизнеса. На развитие языковой политики Европейского Союза серьезное влияние оказывают как внешние, так и внутренние факторы: из-за миграционного потока и несоответствия между официальной языковой

политикой ЕС и политикой некоторых его государств-членов мультилингвизм в настоящее время переживает период застоя. На практике очевидно, что с учетом современной миграционной ситуации, проводя одновременно политику мультикультурализма и мультилингвизма, трудно сохранять культуру страны. На данный момент ведущие страны пытаются словно отстраниться от политики мультикультурализма, корректируя и свою языковую политику. Согласно исследованиям и опросам, проведенным среди граждан государств-членов, большинство опрошенных изучали как первый иностранный английский язык и говорят на нем свободно, что делает английский самым распространенным языком в рамках ЕС. Занимающий третье место французский язык стремится укрепить свое влияние в Европе и в мире в целом, но в обозримом будущем изменение статус-кво маловероятно.

Список литературы

1. Кельчевский А. 2003. Языковая политика: опыт Франции. Мир русского слова. 1: 111–113. URL: http://mirs.ropryal.ru/мир-русского-слова-2003-№-1 (дата обращения: 18.12.2019).

2. Рекош К.Х. 2014. Языковая политика в Европе – Вавилоне XXI века. Вестник МГИМО. 3: 225–228.

3. Acquisition of citizenship statistics. 2018. Веб-сайт Евростата. Март. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics (accessed: 18.12.2019).

4. Bandov G. 2013. Language Policy of the European Union – Realization of the Multilingual Policy of the EU. Međunarodne studije. 1. URL: https://hrcak.srce.hr/file/181705 (accessed: 18.12.2019).

5. Civil Society Platform on Multilingualism. 2011. Policy Recommendations for the Promotion of Multilingualism in the European Union. June 9. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/languages/information/documents/report-civil-society_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

6. Christiansen P.V. 2006. Language policy in the European Union: European/English/Elite/Equal/Esperanto Union? Language Problems & Language Planning. 1. URL: http://ns1.esperanto-jongeren.nl/pdf/EuropeanUnion.pdf (accessed: 18.12.2019).

7. Christiansen P.V. 2006. Language policy in the European Union. Rosklide University Press. URL: http://ns1.esperanto-jongeren.nl/pdf/EuropeanUnion.pdf (accessed 18.12.2019).

8. Climent-Ferrando V. 2016. Linguistic Neoliberalism in the European Union. Politics and Policies of the EU's Approach to Multilingualism. Journal of Language and Law. № 66. URL: https://www.raco.cat/index.php/RLD/article/viewFile/317802/407815 (accessed: 14.12.2019).

9. Corsican Assembly passes co-official status for Corsican and French. 2013. Nationalia.info: 17 мая. URL: https://www.nationalia.info/new/9861/corsican-assembly-passes-co-official-status-for-corsican-and-french (accessed: 12.12.2019).

10. Council Resolution of 21 November 2008 on a European strategy for multilingualism. 2008 / the Council of the European Union. November 21. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32008G1216(01) (accessed: 10.12.2019).

11. ELAN: Effects on the European Economy of Shortages of Foreign Language Skills in Enterprise. 2006. CILT, the National Centre for Languages. December. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/languages/information/documents/report-civil-society_en.pdf (accessed: 07.12.2019).

12. Endangered languages and linguistic diversity in the European Union. 2013. Directorate general for internal policies, culture and education. Policy department B. March. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)495851_EN.pdf. (accessed: 10.12.2019).

13. Europe migrant crisis: Surge in numbers at EU borders. 2015. BBC News. 18 Sep. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-33972632 (accessed: 10.12.2019).

14. Europeans and their Languages. 2012. The European Commission, Directorate-General for Education and Culture, Directorate-General for Translation and Directorate-General for Interpretation. June. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 07.12.2019).

15. French the new lingua franca of the world – vraiment? 2017. Theguardian.com: 2 декабря. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/02/french-language-world-lingua-franca-emmanuel-macron-optimism-grandiose (accessed: 21.12.2019).

16. Kraus P.A. 2014. Addressing linguistic diversity in the European Union: strategies and dilemmas Ethnicities. 14: 4. URL: https://helda.helsinki.fi//bitstream/handle/10138/233226/Addressing_linguistic_diversity_in_the_European_Union_ca_February_26_2014_2.pdf?sequence=6 (accessed: 14.12.2019).

17. Official languages of the EU. 2014. Web-site of education and training of the European Commission. 26 июня. URL: http://ec.europa.eu/education/official-languages-eu_en (accessed: 07.12.2019).

18. Report of European Commission: Europeans and their languages. 2016. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 10.12.2019).

19. Wilsher K. Emmanuel Macron launches global campaign to promote French speaking. 2018. The Guardian. 28 March. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/mar/20/emmanuel-macron-campaign-french-speaking (accessed: 10.12.2019).

20. Working document № 9 for the bureau on The language regime: additional options, Brussels. 2001. August 29. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/committees/budg/20010912/DT9en.pdf (accessed 07.12.2019).

References

1. Kel'chevskij A. 2003. Jazykovaja politika: opyt Francii [Language policy: France's experience]. Mir russkogo slova. 1: 111–113. URL: http://mirs.ropryal.ru/mir-russkogo-slova-2003-№-1 (data obrashhenija: 18.12.2019).

2. Rekosh K.H. 2014. Jazykovaja politika v Evrope – Vavilone XXI veka [Language policy in Europe – 21st century Babylon]. Vestnik MGIMO. 3: 225–228.

3. Acquisition of citizenship statistics. 2018. Веб-сайт Евростата. Март. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics (accessed: 18.12.2019).

4. Bandov G. 2013. Language Policy of the European Union – Realization of the Multilingual Policy of the EU. Međunarodne studije. 1. URL: https://hrcak.srce.hr/file/181705 (accessed: 18.12.2019).

5. Civil Society Platform on Multilingualism. 2011. Policy Recommendations for the Promotion of Multilingualism in the European Union. June 9. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/languages/information/documents/report-civil-society_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

6. Christiansen P.V. 2006. Language policy in the European Union: European/English/Elite/Equal/Esperanto Union? Language Problems & Language Planning. 1. URL: http://ns1.esperanto-jongeren.nl/pdf/EuropeanUnion.pdf (accessed: 18.12.2019).

7. Christiansen P.V. 2006. Language policy in the European Union. Rosklide University Press. URL: http://ns1.esperanto-jongeren.nl/pdf/EuropeanUnion.pdf (accessed 18.12.2019).

8. Climent-Ferrando V. 2016. Linguistic Neoliberalism in the European Union. Politics and Policies of the EU's Approach to Multilingualism. Journal of Language and Law. № 66. URL: https://www.raco.cat/index.php/RLD/article/viewFile/317802/407815 (accessed: 14.12.2019).

9. Corsican Assembly passes co-official status for Corsican and French. 2013. Nationalia.info: 17 мая. URL: https://www.nationalia.info/new/9861/corsican-assembly-passes-co-official-status-for-corsican-and-french (accessed: 12.12.2019).

10. Council Resolution of 21 November 2008 on a European strategy for multilingualism. 2008 / the Council of the European Union. November 21. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32008G1216(01) (accessed: 10.12.2019).

11. ELAN: Effects on the European Economy of Shortages of Foreign Language Skills in Enterprise. 2006. CILT, the National Centre for Languages. December. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/languages/information/documents/report-civil-society_en.pdf (accessed: 07.12.2019).

12. Endangered languages and linguistic diversity in the European Union. 2013. Directorate general for internal policies, culture and education. Policy department B. March. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)495851_EN.pdf. (accessed: 10.12.2019).

13. Europe migrant crisis: Surge in numbers at EU borders. 2015. BBC News. 18 Sep. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-33972632 (accessed: 10.12.2019).

14. Europeans and their Languages. 2012. The European Commission, Directorate-General for Education and Culture, Directorate-General for Translation and Directorate-General for Interpretation. June. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 07.12.2019).

15. French the new lingua franca of the world – vraiment? 2017. Theguardian.com: 2 декабря. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/02/french-language-world-lingua-franca-emmanuel-macron-optimism-grandiose (accessed: 21.12.2019).

16. Kraus P.A. 2014. Addressing linguistic diversity in the European Union: strategies and dilemmas Ethnicities. 14: 4. URL: https://helda.helsinki.fi//bitstream/handle/10138/233226/Addressing_linguistic_diversity_in_the_European_Union_ca_February_26_2014_2.pdf?sequence=6 (accessed: 14.12.2019).

17. Official languages of the EU. 2014. Web-site of education and training of the European Commission. 26 июня. URL: http://ec.europa.eu/education/official-languages-eu_en (accessed: 07.12.2019).

18. Report of European Commission: Europeans and their languages. 2016. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (accessed: 10.12.2019).

19. Wilsher K. Emmanuel Macron launches global campaign to promote French speaking. 2018. The Guardian. 28 March. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/mar/20/emmanuel-macron-campaign-french-speaking (accessed: 10.12.2019).

20. Working document № 9 for the bureau on The language regime: additional options, Brussels. 2001. August 29. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/committees/budg/20010912/DT9en.pdf (accessed 07.12.2019).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Жерновая О.Р., Смирнова О.А. 2020. Языковая политика ведущих государств европейского союза и перспективы ее развития. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 387–396. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-387-396.

Zhernovaya O.R., Smirnova O.A. 2020. Language policy of leading european union member states and prospects of its development. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 387–396 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-387-396.

УДК 327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-397-404

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПАРАДИПЛОМАТИИ КАНАДСКИХ ПРОВИНЦИЙ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF PARADIPLOMACY: COMPARING CANADIAN PROVINCES AND SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION

Ю.Г. Акимов
Y.G. Akimov

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

St Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: y.akimov@spbu.ru

Аннотация
Статья посвящена сравнительному анализу международной деятельности (парадипломатии) субъектов Российской и Канадской федераций. Рассматриваются сходства и различия российской и канадской модели федерализма, выясняется правовой статус внешних связей субъектов, формы и методы их осуществления. Подчеркивается, что развитие федеративных отношений в Канаде идет по формуле *симметрия de jure при асимметрии de facto*, что, с одной стороны, позволяет избежать конфликта между субъектами и в то же время дает им возможность отстаивать свои интересы и реализовать локальные потребности, оставаясь в рамках федерации. Отмечаются те стороны канадского опыта провинциальной парадипломатии, которые могут быть полезны для регионов Российской Федерации.

Abstract
The article presents a comparative analysis of paradiplomatic activity of the subjects of the Russian Federation and Canadian provinces. Special attention is given to political and legal aspects of paradiplomacy. It shows similarities and differences between the Russian and Canadian models of federalism as well as the legal status of subjects' external relations, their forms and methods. It is emphasized that the evolution of contemporary Canadian Federalism follows the formula of de jure symmetry with de facto asymmetry. On the one hand, such combination helps to avoid conflicts between provinces and gives them opportunity to achieve their specific goals and interests while remaining respectful members of the Federation. The author shows the specificity of Quebec Identity Paradiplomacy and the role of Gérin-Lajoie doctrine in its development. The article stresses those aspects of Canadian provinces' paradiplomatic experience that could be applicable for subjects of the Russian Federation, which are currently taking an increasingly active part in the implementation of Russia's foreign policy.

Ключевые слова: парадипломатия, провинции Канады, субъекты Российской Федерации, внешняя политика, федерализм, региональная идентичность.
Keywords: Paradiplomacy, Canadian Provinces, Subjects of Russian Federation, Foreign Policy, Federalism, Sub-National Identity, Quebec.

Россия и Канада – две крупнейшие по территории федерации мира с полиэтничным и мультикультурным составом населения. Субъекты обеих из них активно развивают соб-

ственные внешние связи различного уровня. Данное явление, получившее собирательное название *парадипломатия*, в конце XX – начале XXI в. стало заметным фактором международных отношений. В настоящей статье мы остановимся на политических и правовых аспектах парадипломатии канадских провинций и субъектов Российской Федерации (а также на тех внутренних факторах, которые на нее влияют) и постараемся выявить их сходства и различия.

Говоря о парадипломатии субъектов той или иной федерации, прежде всего следует обратить внимание на особенности ее федеративного устройства, а также на специфику ее политического режима и сложившихся в ней федеративных отношений. Очевидно, что канадский и российский варианты федерализма имеют ряд существенных отличий. Это связано как с историческими особенностями формирования двух федераций, так и с теми базовыми принципами, на которых они строились. Канада – договорная, централизованная парламентская федерация с монархической формой правления [Данилов, 2012, с. 55], недавно отметившая свой полуторавековой юбилей. Современное Российское государство сформировалось в начале 1990-х гг. как конституционно-договорная федерация (хотя с этим согласны не все исследователи [Мелкумов, 2010, с. 60]); в начале XXI в. характер российского федерализма стал меняться [Захаров, 2012].

И Канада, и Россия являются асимметричными федерациями. Однако характер данной асимметрии представляется различным. В Канаде она носит скрытый характер и связана главным образом с некоторыми положениями Конституционного акта 1867 г., составляющего основу ее конституции. В частности, там закреплено неравное представительство провинций в верхней палате парламента (Сенате), наличие разных типов провинциальных легислатур, а также некоторые правовые особенности провинции Квебек [Данилов, 2012, с. 56–59].

В дальнейшем развитие канадского федерализма шло по пути, который, на наш взгляд, можно охарактеризовать формулой: *симметрия de jure при асимметрии de facto*. С одной стороны, сохранялось и подчеркивалось равенство конституционно-правового статуса субъектов, с другой – допускалась, признавалась и развивалась фактическая асимметрия.

Прежде всего это было связано с провинцией Квебек, которая с момента образования федерации *de facto* занимала в ней особое положение. Безусловно, главной причиной этого являлось то обстоятельство, что основную массу населения Квебека составляли франкофоны. До начала 1960-х гг. применительно к ним чаще использовался этноним франко-канадцы (Canadiens français / French Canadians), а затем распространение получил термин квебекцы (Québécois) – причем как во французском, так и в английском языке (в русскоязычной научной литературе иногда встречается вариант франко-квебекцы). В настоящее время франко-канадцы / франко-квебекцы составляют более 80 % населения Квебека. Это обстоятельство отличает его от всех остальных провинций, где большинство населения составляют англоязычные канадцы: англо-канадцы (English Canadiqns) и представители других этнических групп. Территория Квебека представляет собой «историческое ядро» Французской Канады, возникшей в результате французской колонизации долины реки Св. Лаврентия и прилегающих областей Североамериканского континента в XVII – середине XVIII вв., и затем завоеванной англичанами в ходе Семилетней войны (1756–1763). С 1960-х гг. (в период так называемой Тихой революции) Квебек и его провинциальные институты стали рассматриваться франко-канадцами как главный политический и экономический инструмент выражения, защиты и продвижения их коллективных прав и интересов [Balthazar, 1986].

Согласно распространенному в Канаде выражению, Квебек всегда был «провинцией не как все» («pas comme les autres»). С 1960-х гг. его лидеры стали позиционировать провинцию как «федерированное государство»; в 1970–90-е гг. там имело место достаточно мощное суверенистское движение; в 1982 г. Квебек отказался признать конституционную реформу, что породило конституционный кризис, продолжающийся по сей день. Од-

нако чрезвычайно важно подчеркнуть, что, несмотря на все вышеперечисленное, конституционно-правовой статус провинции не менялся! Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. правительством М.Б. Малруни дважды предпринимались попытки преодолеть конституционный кризис за счет законодательного закрепления «особого статуса» Квебека, что означало бы переход от скрытой асимметрии канадского федерализма к открытой. Обе эти попытки (Мич-Лейкское и Шарлоттаунское соглашения 1987 и 1992 гг. соответственно) провалились, в первую очередь из-за оппозиции других провинций, не желавших нарушать внешнюю симметрию федерации и предоставлять одному из субъектов особые права. В поисках выхода из сложившейся ситуации канадское федеральное правительство пошло по пути расширения прав субъектов (формально – всех), подразумевая, что этим воспользуется только Квебек, однако внешняя симметрия федерации не будет нарушена.

В отличие от Канады, в России асимметрия федерализма не является скрытой. Конституция Российской Федерации закрепляет за республиками бóльшие права, чем за другими субъектами. В 1990-е асимметрию еще больше усиливала практика заключения двусторонних договоров «о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий» [Сборник, 1997] между центром и субъектами, которые часто являлись результатом межэлитного «торга» [Мартьянов, 2010]. С начала 2000-х гг. эта практика постепенно была свернута, однако не только формальная, но и неформальная асимметрия российского федерализма продолжает сохраняться [Панкевич, 2008].

В Канаде и России по-разному регламентируется конституционно-правовой статус международной деятельности субъектов федерации. В Канаде он базируется на только (и не столько) на самой конституции, сколько на решениях высших судебных инстанций (то есть на прецедентах) и их толковании. Дело в том, что в Конституционном акте 1867 г. вообще нет статей, где регламентируются вопросы реализации внешней политики и соотношения международных договоров и внутреннего права. Это связано с тем, что данный документ (первоначально он назывался Акт о Британской Северной Америке) создавался как основной закон доминиона, являющегося составной частью Британской империи, а не суверенного государства. Впоследствии, когда Канада в 1931 г. обрела внешнеполитический суверенитет, данный пробел не был устранен, хотя фактически внешняя политика сосредоточилась в руках федерального центра. В то же время уже в конце XIX – начале XX в. провинции начали делать первые самостоятельные шаги на международной арене, открывая в Европе свои представительства с целью развития торговли, получения займов и привлечения иммигрантов. Впрочем, масштабы этой деятельности были достаточно скромными, а лица, осуществлявшие ее, действовали скорее как коммерческие агенты и вербовщики, а не как чиновники (и тем более не как дипломаты). Соответственно, вопрос о конституционно-правовом статусе этой деятельности не поднимался.

Ситуация кардинально изменилась в 1960-е гг. Главным «виновником» изменений стал, что неудивительно, Квебек. В годы Тихой революции его международная деятельность не просто резко активизировалась, но вышла на качественно иной уровень. С одной стороны, многократно возросла интенсивность его контактов с зарубежными партнерами, расширился их спектр и география. С другой – внешние связи Квебека перестали носить чисто утилитарный характер и прибрели заметную неэкономическую составляющую. Франкоязычная провинция стала заявлять о себе как об автономном игроке / несуверенном акторе международных отношений, обладающем собственной идентичностью и интересами, отличными от общеканадских. Знаковым событием стало заключение в начале 1965 г. квебекско-французского «диагонального» соглашения о сотрудничестве в сфере образования, где одной стороной выступал субъект федерации, а другой – суверенное государство! Это актуализировало вопрос о праве провинций на осуществление внешних связей. В апреле 1965 г. тогдашний вице-премьер и министр образования Квебека Поль Жерен-Лажуа сформулировал доктрину внешней пролонгации внутренних компетенций провинций, впоследствии названную его именем [Allocution, 1965]. При этом он, с одной стороны, исходил из закрепленного в конституции разделения сфер компетенций между цен-

тром и провинциями, а с другой – из судебного решения по Делу о трудовых конвенциях, вынесенного в 1937 г. Последнее гласило, что факт заключения «центром» международного договора, относящегося к сфере провинциальной юрисдикции, сам по себе не дает тому права вмешиваться в эту сферу [Акимов, 2016]. Доктрина Жерен-Лажуа отстаивает право провинций вести международные переговоры и заключать соглашения с иностранными партнерами по тем вопросам, которые по конституции отнесены к провинциальной или конкурирующей юрисдикции. Это, прежде всего, образование, природные ресурсы, энергетика, пути сообщения, иммиграция. Данная доктрина стала основой международной деятельности Квебека; ее положения стали использовать и другие провинции.

Со своей стороны федеральное правительство, официально не согласившись со всеми положениями доктрины Жерен-Лажуа, в итоге пошло на уступки провинциям, стремившимся действовать на международной арене в сфере своей юрисдикции. В конце 1984 г. министр иностранных дел Канады Джо Кларк направил провинциальным премьерам письмо, где говорилось о признании «законных интересов [провинций] в сфере международных отношений» и в то же время подчеркивалась необходимость «избегать размывания имиджа Канады за границей» [Blanchette, 1994, p. 139].

Конечно, между двумя уровнями власти случались и конфликты по поводу международной деятельности. Опять-таки чаще всего эти конфликты были связаны с Квебеком – особенно в периоды нахождения у власти Квебекской партии (1976–1985, 1994–2003, 2012–2014), выступавшей за суверенитет провинции и дважды проводившей референдумы по данному вопросу (в 1980 и 1995 гг.). Очевидно, что в эти критические моменты внешние связи провинции выходили за рамки парадипломатии субъекта федерации, превращаясь в протодипломатию непризнанной нации [Histoire, 2006, p. 194–196], что, естественно, вызывало противодействие федерального центра, стоявшего на страже территориальной целостности и единства страны. В то же время с начала 2000-х гг. эти конфликты не просто сошли на нет, но постепенно сменились конструктивным и взаимовыгодным федерально-провинциальным сотрудничеством [Акимов, 2011].

В России конституция относит внешнюю политику к ведению федерального центра [Конституция, 1993, ст. 71 к] и возлагает на него ответственность за исполнение международных договоров, которым дается приоритет над внутренним законодательством [Конституция, 1993, ст. 15.4]. В то же время она закрепляет за субъектами федерации право на развитие «международных и внешнеэкономических связей», относя их координацию к совместному ведению федерального центра и субъектов [Конституция, 1993, ст. 72.о].

Выход на международную арену субъектов Российской Федерации начался в период «парада суверенитетов» рубежа 1980–1990-х гг. На первых порах данный процесс носил хаотичный и неорганизованный характер, что было связано с общей кризисной ситуацией в стране, испытывавшей разнообразные трудности переходного периода. Внешние связи рассматривались руководством многих субъектов в первую очередь как одно из средств улучшения тяжелой социально-экономической ситуации. Кстати, первоначально именно с этой целью республиками стали использоваться элементы «идентификационной парадипломатии». Так, Карелия с 1992 г. получала значительные объемы гуманитарной помощь от «родственной» Финляндии [Цумарова, 2013]. В этой ситуации между центром и субъектами возникали конфликты (например, по поводу соглашения Калининградской области с Литвой, аннулированного в 1995 г.). Однако уже к середине 1990-х гг. ситуация стала меняться. С одной стороны, начала формироваться законодательная база функционирования механизмов координации внешних связей субъектов (принятие Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (1995), издание Указа Президента «О координирующей роди Министерства иностранных дел Российской Федерации» (1996), принятие Федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (1999) и др.). С другой, сами субъекты приобрели определенный опыт и стали воздерживаться от необдуманных решений и рискованных шагов.

Уже в самом слове «парадипломатия» содержится прямой намек на то, что она имеет общие черты с «традиционной» дипломатией, которую осуществляют суверенные государства. Действительно, *по форме* международная деятельность многих субнациональных акторов (и прежде всего субъектов федераций) нередко напоминает национальную внешнюю политику. У субнационального актора может быть специальное ведомство, занимающееся внешними связями и собственные представительства за границей; он может заключать двусторонние соглашения, участвовать в деятельности международных организаций, принимать программы международной деятельности и т. п. Однако очевидно, что это лишь внешнее сходство, за которым стоит принципиальное различие, связанное с наличием/отсутствием суверенитета, полной/частичной международной правосубъектностью и всеми вытекающими отсюда последствиями.

Канадские провинции используют различные формы осуществления международных связей. Так, у Квебека международная деятельность по структуре и по оформлению напоминает организацию внешней политики суверенного государства. Безусловно, это связано с главной особенностью квебекской парадипломатии – наличием в ней «идентификационной» составляющей, являющейся элементом национального строительства «квебекской нации» [Paquin, 2005].

В настоящее время Квебек обладает разветвленной сетью провинциальных представительств в государствах Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Он также представлен в международной организации франкофонии и ЮНЕСКО. Провинция имеет собственное министерство международных отношений и франкофонии, отвечающее за внешние связи. Квебекское правительство регулярно выпускает белые книги по международным отношениям и принимает стратегические планы действий на международной арене [Акимов, 2017]. В международной деятельности Квебека отчетливо видны два основных направления: экономическое (нацеленное на США) и культурно-лингвистическое (связи с Францией и франкоязычными странами и структурами [Акимов и др. 2007]).

Большинство провинций «Остальной» (или Английской) Канады начали развивать свои внешние связи с середины – второй половины 1970-х гг. В отличие от Квебека их контакты с зарубежными партнерами были продиктованы почти исключительно материальными (экспорт, импорт, инвестиции, туризм) и функциональными (экология, транспортная логистика) интересами. Первоначально провинции Английской Канады также пошли по пути создания сетей собственных зарубежных представительств. К началу 1990-х гг. практически все они обладали агентствами или офисами за границей, в частности, у провинции Онтарио их насчитывалось 18, у Британской Колумбии – 9 [Blanchette, 1994, p. 147–148]. К середине в 1990-х гг. в условиях экономического спада многие провинции либо вообще отказались от представительств, либо существенно урезали их численность и бюджет (так, Онтарио в 1993 г. закрыло все свои агентства).

В настоящее время провинции используют различные формы организации международной деятельности. У некоторых сохраняется сеть постоянных представительств. Например, у стремительно развивающейся Альберты имеется 12 зарубежных офисов, причем 9 из них находятся в Южной и Юго-Восточной Азии. Онтарио в начале XXI в. активно развивает практику провинциальных торговых миссий – масштабных делегаций, объединяющих представителей бизнеса и администрации этой крупнейшей провинции. Еще одной формой осуществления международного сотрудничества является участие в организациях, объединяющих губернаторов штатов США и премьеров провинций Канады, относящихся к определенному региону (Совет губернаторов и премьеров региона Великих озер и реки Св. Лаврентия и т. п.) [McHugh, 2015]. Практически в каждой провинции приняты собственные программы/стратегии развития международной деятельности. Важным инструментом продвижения провинциальных интересов на международной арене является цифровая дипломатия (в том числе аккаунты в социальных сетях) [Минкова, 2016].

В Российской Федерации с начала 1990-х гг. субъекты шли по «традиционному» пути – создание постоянных представительств, учреждение департаментов/комитетов по внешним связям и т. п. Безусловно, на определенном этапе эта практика принесла свои плоды: был накоплен опыт (как позитивный, так и негативный), налажены контакты, определены перспективные и заинтересованные партнеры. Однако представляется, что в настоящее время субъекты могут пойти по пути диверсификации форм осуществления внешних связей, используя в том числе опыт канадских провинций.

Еще одной характерной чертой международной деятельности субъектов Российской Федерации является их более тесное вовлечение в реализацию общенациональных задач, стоящих перед внешней политикой нашей страны. Наиболее ярко данная тенденция стала проявляться во второй половине 2010-х гг. В настоящее время «внешние связи регионов, согласованные с общенациональными интересами, становятся важным фактором успешного развития государства в современном мире и повышения общей конкурентоспособности территорий в его составе» [Гиматдинов и др. 2019. с. 13].

Канадские провинции обладают большим и разносторонним опытом выстраивания международных контактов с партнерами различного уровня. Представляется, что российские регионы могут использовать некоторые формы и методы международной деятельности, успешно применяемые субъектами Канадской федерации. В то же время в условиях резкого охлаждения двусторонних отношений Москвы и Оттавы, произошедшего в последние годы, региональный уровень может стать своего рода альтернативным каналом взаимовыгодного сотрудничества двух стран. К настоящему времени субъектами Российской Федерации и канадскими провинциями накоплен значительный опыт развития двусторонних контактов. На региональном уровне есть возможность обойти «острые углы», найти узко-профильные точки соприкосновения, и, что немаловажно, избежать воздействия тех сил в Канаде, которые в настоящее время не заинтересованы в нормализации российско-канадских отношений.

Список литературы

1. Акимов Ю.Г. 2016. Канадский федерализм и конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии. Управленческое консультирование, 11: 18–26.

2. Акимов Ю.Г. 2011. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 4: 48–56.

3. Акимов Ю.Г. 2017. Организация международной деятельности субъекта федерации (на примере канадской провинции Квебек). Управленческое консультирование, 12 (108): 22–32.

4. Акимов Ю.Г., Костюк Р.В., Чернов И.В. 2007. Франция в мировом порядке начала XXI в. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 198.

5. Гиматдинов Р., Насыров И., Садыкова Э. 2019. Участие регионов в реализации внешней политике Российской Федерации. Международная жизнь. Август: 12–25.

6. Данилов С.Ю. 2012. Эволюция канадского федерализма. М., Издательский дом ВШЭ: 303.

7. Захаров А.А. 2012. «Спящий институт». Федерализм в современной России и мире. М., НЛО: 144.

8. Конституция Российской Федерации. 1993. Официальный сайт. URL: http://www.constitution.ru/index.htm (дата обращения 28 февраля 2019).

9. Мартьянов В.С. 2010. Федерализм: политическое устройство или пакт элит? ПОЛИС. Политические исследования. 1: 173–184.

10. Мелкумов А.А. 2010. Российская и канадская модели федерации: сравнительный анализ. М., Логос: 392.

11. Минкова К.В. 2016. Цифровая дипломатия как новое направление публичной дипломатии. В кн.: Дипломатия на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: всероссийская научная конференция (Иркутск, 13 мая 2016 г.): материалы. Иркутск, Издательство Иркутского государственного университета: 19–26.

12. Панкевич Н.В. 2008. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург, УрО РАН: 194.

13. Сборник договоров и соглашений между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997. М., Издание Государственной Думы; Известия: 776.

14. Цумарова Е.Ю. 2013. Европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия Studia Humanitatis Borealis. 1: 42–52.

15. Allocution du ministre de l'Éducation, M. Paul Gérin-Lajoie. Québec, hôte officiel du Corps consulaire de Montréal. Montréal, le 12 avril 1965. URL: http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/Ministere/Historique/Doctrine-Paul-Gerin-Lajoie/allocutions-discours-officiels/pgl1965/ (дата обращения 28 февраля 2018).

16. Balthazar L. 1986. Bilan du nationalisme au Québec. Montréal, Les Éditions de L'Hexagone: 217.

17. Blanchette A. 1994. Canadian Foreign Policy, 1977–1992: Selected Speeches and Documents. Montreal, McGill–Queen's University Press: 197.

18. Histoire des relations internationales du Québec. 2006. Montréal, VLB éditeur: 357.

19. McHugh J.T. 2015. Paradiplomacy, protodiplomacy ant the foreign aspirations of Quebec and Other Canadian Provinces. Canadian Foreign Policy Journal. 21, 3: 238–256.

20. Paquin S. 2005. La paradiplomatie identitaire. Le Québec, la Flandre et la Catalogne en relations internationales. Politique et Sociétés. 23, 3: 176–194.

21. Soldatos P. 1990. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. In: Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Oxford, Oxford University Press: 34–53.

References

1. Akimov Yu.G. 2016. Kanadskiy federalizm i konstitutsionno-pravovoy status kvebekskoy paradiplomatii [Canadian Federalism and Constitutional-Legal Status of Quebec Paradiplomacy]. Upravlencheskoe konsul'tiro-vanie, 11: 18–26.

2. Akimov Yu.G. 2011. Kvebekskaya paradiplomatiya i pozitsiya federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu [Quebec paradiplomacy and Canadian federal government: from conflict to compromise]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 6th Series, 4: 48–56.

3. Akimov Yu.G. 2017. Organizatsiya mezhdunarodnoy deyatel'nosti sub"ekta federatsii (na primere kanadskoy provintsii Kvebek) [Organization of the International Activity of the Territorial Subject of the Federation (on the Example of the Canadian Province of Quebec)]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 12 (108): 22–32.

4. Akimov Yu.G., Kostyuk R.V., Chernov I.V. 2007. Frantsiya v mirovom poryadke nachala XXI v. [France in World Order at the beginning of the 21st century] Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Press, 198.

5. Gimatdinov R., Nasyrov I., Sadykova E. 2019. Uchastie regionov v realizatsii vneshney politike Rossiyskoy Federatsii [Participation of Regions in the Implementation of the Foreign Policy of Russian Federation]. Mezhdunarodnaya zhizn'. Avgust: 12–25.

6. Danilov S.Yu. 2012. Evolyutsiya kanadskogo federalizma [Evolution of Canadian Federalism]. Moscow, HSE Publishing House: 303.

7. Zakharov A.A. 2012. «Spyashchiy institut». Federalizm v sovremennoy Rossii i mire [«Sleeping Institution»: Federalism in contemporary Russia and in the World]. Moscow, NLO: 144.

8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. 1993. Ofitsial'nyy sayt [Constitution of the Russian Federation. 1993. Official website]. URL: http://www.constitution.ru/index.htm (accessed February, 28, 2018)

9. Mart'yanov V.S. 2010. Federalizm: politicheskoe ustroystvo ili pakt elit? [Federalism: political structure or a pact between elites?]. POLIS. Politicheskie issledovaniya. 1: 173–184.

10. Melkumov A.A. 2010. Rossiyskaya i kanadskaya modeli federatsii: sravnitel'nyy analiz [Russian and Canadian Models of Federalism: Comparative Analyses]. Moscow, Logos: 392.

11. Minkova K.V. Tsifrovaya diplomatiya kak novoe napravlenie publichnoy diplomatii [Digital Diplomacy as a new type of Public Diplomacy]. In: Diplomatiya na Vostoke i Zapade: vzglyad iz Sibiri. Irkutsk, Irkutsk State University Press: 19–26.

12. Pankevich N.V. 2008. Modeli federativnogo ustroystva: zakono-mernosti politicheskoy transformatsii [Models of Federalism: Patterns of Political Transformation]. Ekaterinburg, UrO RAN: 194.

13. Sbornik dogovorov i soglasheniy mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federacii i organami gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federacii [A Collection of Treaties and agreements between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the subjects of the Russian Federation]. 1997. M., Izdanie Gosudarstvennoy Dumy; Izvestiya: 776.

14. Tsumarova E.Yu. 2013. Evropeyskiy diskurs v politike identichnosti Respubliki Kareliya [European discourse in the identity politics of the Republic of Karelia]. Studia Humanitatis Borealis. 1: 42–52.

15. Allocution du ministre de l'Éducation, M. Paul Gérin-Lajoie. Québec, hôte officiel du Corps consulaire de Montréal. Montréal, le 12 avril 1965. URL: http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/Ministere/Historique/Doctrine-Paul-Gerin-Lajoie/allocutions-discours-officiels/pgl1965/ (дата обращения 28 февраля 2018)

16. Balthazar L. 1986. Bilan du nationalisme au Québec. Montréal, Les Éditions de L'Hexagone: 217.

17. Blanchette A. 1994. Canadian Foreign Policy, 1977–1992: Selected Speeches and Documents. Montreal, McGill–Queen's University Press: 197.

18. Histoire des relations internationales du Québec. 2006. Montréal, VLB éditeur: 357.

19. McHugh J.T. 2015. Paradiplomacy, protodiplomacy ant the foreign aspirations of Quebec and Other Canadian Provinces. Canadian Foreign Policy Journal. 21, 3: 238–256.

20. Paquin S. 2005. La paradiplomatie identitaire. Le Québec, la Flandre et la Catalogne en relations internationales. Politique et Sociétés. 23, 3: 176–194.

21. Soldatos P. 1990. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. In: Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Oxford, Oxford University Press: 34–53.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Акимов Ю.Г. 2020. Политические и правовые аспекты парадипломатии канадских провинций и субъектов Российской Федерации: общее и особенное. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 397–404. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-397-404.

Akimov Y.G. 2020. Political and legal aspects of paradiplomacy: comparing canadian provinces and subjects of russian federation. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 397–404 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-397-404.

УДК 32.327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-405-415

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИДЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД 1992–2000 гг.

THE ROLE OF STATE LEADERS IN FORMING THE AMERICAN-RUSSIAN RELATIONS IN 1992–2000

М.Д. Стоколос
M.D. Stokolos

Донецкий национальный университет,
ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

Donetsk National University,
24 Universitetskaya str., Donetsk, 283001, DPR

E-mail: margarita.stokolos@gmail.com

Аннотация
Данная статья посвящена анализу американо-российских отношений в период с 1992 г. по 2000 г. Хронологические рамки исследования обусловлены периодами пребывания на президентских постах Билла Клинтона и Бориса Ельцина. Автор выделяет три условных этапа в формировании и развитии американо-российских отношений, каждый из которых включает в себя важные, с точки зрения двусторонних контактов, события как внутриполитического характера, так и международной повестки дня в контексте поведения или реакции США и Российской Федерации на них. Основное внимание автор акцентирует на основных подходах и стратегиях, которыми руководствовалась Администрация Президента США Билла Клинтона при выстраивании внешнеполитической линии в отношениях с Россией. На основании анализа содержания договоренностей и двусторонних документов, заключенных между США и Россией в период с 1992 г. по 2000 г., установлено, что Америка оказывала существенное влияние на развитие политической и экономической ситуации в России, что в итоге способствовало усилению антизападных настроений в конце 1990-х годов, а также ухудшению двусторонних отношений.

Abstract
The present article is devoted to the analysis of the U.S.-Russian relations from the period of 1992 to 2000. The chronological framework of the study is determined by the periods of Bill Clinton and Boris Yeltsin' presidency. Author identifies three conditional stages in the formation and development of the U.S.-Russian relations, either of which includes important, from the point of view of bilateral contacts, events of both domestic political nature and the international agenda on the context of the behavior or reaction of the Unites States and the Russian Federation to them. The author focuses on the main approaches and strategies that the representatives of the U.S. President Bill Clinton Administration have used in forming the foreign policy line in relations with Russia. The deep analysis of the agreements and bilateral documents concluded between the United States of America and the Russian Federation in the period from 1992 to 2000 shows that America had a significant impact on the development of the political and economic situation in Russia. Ultimately, such diplomatic landscape contributed to the strengthening of anti-Western sentiments in the late 1990s as well as the worsening of the bilateral relations.

Ключевые слова: демократия, политическая элита, НАТО, глобализация, кризис, внешняя политика, стратегия.
Key words: democracy, political elite, NATO, globalization, crisis, foreign policy, strategy.

Окончание «холодной войны» стало очередным этапом перекраивания и переосмысления существующей системы политического и экономического взаимодействия членами международного сообщества. С начала 90-х годов США вынуждены принимать во внимание новые вызовы, среди которых распад социалистического блока и активизирующиеся глобальные процессы. Так, исчезновение СССР с политической карты мира, с одной стороны, свидетельствовало об открытии перспектив распространения американского влияния в странах социалистического лагеря. С другой стороны, растущая конкуренция между развитыми государствами в торгово-экономической сфере требовала разработки кардинально новой стратегии внутреннего экономического развития Соединенных Штатов.

Нестабильная экономическая ситуация в годы правления республиканца Дж. Буша-старшего повлияла на поддержку действующего на тот момент президента американскими гражданами в ходе избирательной кампании 1992 г. Накануне выборов в 1992 г. граждане США были не готовы жертвовать своим благополучием ради футуристических глобальных проектов и считали непозволительным чрезмерную трату средств на продвижение идеалов демократии, когда масса вещей требовала починки в собственном американском доме [Спасский, 1992, 36]. В то же время Билл Клинтон, позиционировавший себя «внутриполитическим» кандидатом и выступавший за снижение военных расходов, налогов, проведение реформ в сфере образования и здравоохранения, завоевал симпатии более 100 млн американцев. Такая поддержка позволила ему предстать перед мировым сообществом 20 января 1993 г. в качестве 42-го президента страны.

Основное внимание Билла Клинтона в первые годы пребывания на президентском посту было сосредоточено на «наведении порядка в доме» (put the house back on track) и «восстановлении американской мечты» (restore the American dream) [Скрынник, 2000, с. 81], в то время как вопросам внешних сношений, по мнению бывшего сотрудника Администрации Президента Билла Клинтона Дэвида Гергена, уделялось не более 25 % рабочего времени [Gergen, 2001, p. 277]. Однако обострение обстановки в мировой политике, примером чему послужила неблагоприятная внутриполитическая обстановка в России после краха СССР, вынуждало президента Билла Клинтона и его администрацию все больше вовлекаться в разрешение проблем мировой повестки дня.

Как США, так и Российская Федерация в начале 1990-х годов столкнулись с рядом угроз. Сложности в вопросах обеспечения и поддержания безопасности в мире, борьба с международным терроризмом, региональные конфликты – все это свидетельствовало о необходимости налаживания двусторонних отношений и совместному противодействию этим сложным вызовам. Актуальность нашего исследования определяется устойчивым интересом к роли государственных лидеров США и России – Билла Клинтона и, соответственно, Бориса Ельцина, – в формировании двусторонних отношений в период их пребывания на президентских постах. Целью работы является анализ предпринимаемых государственными лидерами США и России действий, а также их последствий, как положительных, так и отрицательных, для межгосударственных сношений.

Для эффективного анализа нами были выделены три этапа, а именно: 1991–1993 гг., 1994–1997 гг., 1998–2000 г., каждый из которых отражает трансформацию взаимоотношений США и России через призму предпринимаемых государствами действий.

Характеризуя первый этап (1991–1993 гг.), следует отметить, что он ознаменовался коренным изменением внешнеполитических доктрин двух стран, бывшее американо-советское противостояние превращалось в кооперацию путем расширения сфер сотрудничества и взаимных интересов. Конец «биполярной эпохи», как отмечал бывший Госсекретарь США Генри Киссинджер, породил искушение переделать мир по американскому образу и подобию [Киссинджер, 1997, с. 733], а распространение демократии стало одним из важнейших направлений американской внешней политики конца XX столетия. Для американского истеблишмента идея мировой демократизации стала синонимом возможности вмешательства во внутренние дела других государств. Это подтвердило принятие в 1992 г. Конгрессом США Закона США «О содействии становлению и защите гражданских свобод

в России, молодых демократических государствах Евразии и поддержке открытых рынков» (Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act), выполнение которого контролировалось Государственным департаментом, а суть сводилась к выделению 5,4 млрд долларов США на различные программы помощи для России и государств, получивших независимость в результате распада СССР, – от подготовки кадрового резерва до технико-научных проектов [Congressional Research …, 1996, p. 9–10]. Интересными для нашего исследования являются официально провозглашенные цели внешней политики США в России, среди которых создание демократических институтов и развитие свободной рыночной экономики, вышеуказанным целям подчинялись также программы из таких секторов, как жилищное строительство, здравоохранение, энергетика и защита окружающей среды [Congressional Research …, 1996, p. 13].

Специалист по изучению российско-американских отношений Игорь Стеценко утверждает, что перед Биллом Клинтоном в первый срок пребывания у власти стояла непростая задача в виде определения места России в новой системе международных отношений [Стеценко, 2008, с. 264]. Стремление поддерживать внутригосударственные преобразования в России было впервые озвучено советником Билла Клинтона по национальной безопасности Энтони Лейком в качестве важнейшего приоритета внешней политики США [Lake, 1993]. Предложенная Энтони Лейком программа преобразований основывалась на следующих принципах:

– всесторонняя поддержка проведения внутренних реформ, поскольку они предопределят внешнюю политику российского государства, а отношения с Россией так или иначе оказывают влияние на сохранение национальной безопасности США;

– устранение исходящей от России ядерной угрозы, обеспечение безопасности российской ядерной инфраструктуры;

– интеграция России в европейские демократические институты и организации, а также налаживание тесных личных связей для укрепления стратегического партнерства [Warren, 1995, p. 21].

Следует отметить, что разработка новой модели двусторонних отношений была начата еще администрацией Дж. Буша-старшего (1989–1993 гг.), именно в период его президентства были подписаны основополагающие документы, заложившие основы концепции «стратегического партнерства». Так, Кэмп-Дэвидская декларация в феврале 1992 г. провозгласила, что государства не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников, а отношения основываются на общей приверженности демократии и экономической свободе [Joint Declaration …, 1992]. В июне того же года в ходе Вашингтонского саммита стороны подписали Хартию российско-американского партнерства и дружбы, которая декларировала развитие отношений дружбы и партнерства [Joint Russian-American Declaration …, 1992]. Само же провозглашение «стратегического партнерства» было отражено в Ванкуверской декларации 1993 г., в соответствии с которой межгосударственные отношения основывались на равенстве, взаимной выгоде и признании национальных интересов друг друга [Vancouver Declaration …, 1993].

Несмотря на достижение ряда договоренностей в результате подписания вышеизложенных документов, конкретные шаги, предпринятые Россией и США в рассматриваемый нами период, являются весьма неоднозначными и противоречивыми. Это главным образом затрагивает все аспекты сотрудничества, в особенности это касается сотрудничества в экономической и военно-промышленной сферах. Подписанная в ходе Вашингтонского саммита 1992 г. Декларация о конверсии оборонного комплекса предполагала такую модель экономического сотрудничества, которая бы оказывала всестороннее содействие американскому бизнесу для инвестирования в конверсионные проекты; Россия же со своей стороны должна была обеспечить создание благоприятных условий в стране для улучшения инвестиционного климата, поддержать процесс приватизации и демонополизации промышленности [Congressional Research …, 1996, p. 47]. Как показала практика, пребывание Бориса Ельцина на президентском посту было воспринято американцами как невероятное везение,

потому что российское руководство одобряло любые действия, предпринимаемые со стороны США. Весьма ценны воспоминания одного из советников Билла Клинтона о том, что США купили СССР по ценовому соотношению «копейка за рубль» [Полеванов, 2018].

Проведенный анализ первого этапа позволяет нам утверждать, что обе стороны к концу 1993 г. не достигли поставленных перед собой целей. США чрезмерно преувеличили политический потенциал России, которого оказалось недостаточно для успешного проведения реформ. А Россия, в свою очередь, преследовала цель получения экономической помощи, что привело к фактическому пренебрежению национальными интересами в обмен на следование ценностям «демократического мира» и способствовало бесспорному принятию американского лидерства по всем пунктам мировой повестки дня.

Второй этап с 1994 г. по 1997 г. характеризуется тем, что двусторонние отношения были лишены завышенных ожиданий и приобрели более реалистичный характер со своими положительными и отрицательными сторонами. Однако практика показала, что непоследовательные и порой противоречивые шаги в двусторонних контактах, равно как и неадекватное восприятие сторонами друг друга, стали главными чертами российско-американских отношений на втором этапе.

На первый план внешнеполитической повестки дня России в период 1994–1997 гг. выходит проблема расширения НАТО на Восток. Данный процесс стал составной частью «стратегии расширения», идея создания которой принадлежала советнику по национальной безопасности США Энтони Лейку. Основная идея новой стратегии состояла в распространении демократии и рыночных отношений в регионах, которые представляют наибольший интерес для США в вопросе обеспечения безопасности [Lake, 1993]. С этой целью была разработана программа «Партнерство во имя мира», направленная на планирование и проведение военных учений, взаимодействие со структурами НАТО в рамках мероприятий по поддержанию мира. Несомненно, что такие далеко идущие цели могли способствовать достижению большей безопасности в мире, укреплению доверия между странами-участниками программы и странами-членами альянса, чем и руководствовались более чем 30 государств Восточной Европы и Средней Азии, ставших участниками программы в период с 1994 г. по 2006 г. [Signatures of Partnership …, 2012].

Безоговорочная приверженность американским идеалам и принципам после 1991 г. сделала Россию безразличной ко вступлению в НАТО бывших союзников, но крах надежд на равноправное партнерство с США заставил в корне пересмотреть политику в отношении Альянса. К началу второго президентского срока Билла Клинтона вопрос о расширении НАТО был решен окончательно в обход интересов и позиции России. Отношение российского государства к проблеме расширения Альянса было выражено в Совместном российско-американском заявлении по европейской безопасности, которое подписали президенты Борис Ельцин и Билл Клинтон 21 марта 1997 г. в г. Хельсинки. В документе была отражена озабоченность российского лидера тем фактом, что расширение НАТО станет инструментом активного наращивания боевых сил Альянса в непосредственной близости к государственным границам России. Американский лидер в свою очередь заверил, что Альянс не предусматривает ничего подобного [Совместное российско-американское заявление …, 1997, с. 12].

Следует отметить, что встреча Б.Н. Ельцина и Билла Клинтона в г. Хельсинки в 1997 г. засвидетельствовала диаметрально противоположные мнения по вопросу расширения НАТО. Российский лидер в ходе диалога неуклонно настаивал, что расширение НАТО на восток с возможным включением бывших советских республик является непоправимой ошибкой, и заключение соглашения с Альянсом хотя бы минимально смягчит негативные последствия возможного приближения НАТО к российским границам [Оверченко, 2018]. Позиция же американского лидера была основана, с одной стороны, на ключевой роли Альянса в строительстве единой и свободной Европы, что позволило США работать с Россией и другими странами, с другой стороны – на полном отсутствии угроз в адрес России, напротив – принятие в НАТО стран бывшего СССР должно помочь построить новую Россию [Оверченко и др., 2018].

Несмотря на отсутствие консенсуса между США и Россией в вопросе расширения НАТО, основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора был подписан в Париже 27 мая 1997 г. Основная идея документа состояла в том, что стороны впредь не рассматривают друг друга в качестве противников. Отдельным пунктом отмечалось создание совета Россия – НАТО для углубления двусторонних контактов. Особое внимание было уделено участию России в совместных проектах с НАТО, кооперации сторон в области нераспространения оружия массового поражения, борьбе с наркотрафиком [Основополагающий акт …, 1997]. Государства-члены НАТО путем подписания акта так или иначе смягчили тотальное неприятие Россией процесса вхождения новых государств в состав Альянса; Москва, в свою очередь, проблему расширения так и не решила.

Планомерное выстраивание добрососедских отношений с НАТО, вылившееся в подписание акта о взаимных отношениях между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора в мае 1997 г. было, однако, подвергнуто критике. По мнению российского политолога Андраника Миграняна, российская дипломатия в очередной раз не смогла сказать «нет» западным партнерам, а по-прежнему, приняла навязанные извне правила игры, что могло способствовать превращению России из объекта международных отношений в дееспособного субъекта [Мигранян, 1997]. Наряду с этим отказ от подписания договора свидетельствовал бы о том, что Россия была вправе самостоятельно рассматривать любые проявления действий как недружественных по отношению к самой себе и оставлять за собой право отвечать на них так, как сама считает нужным, без сторонней помощи западных партнеров [Мигранян, 1997].

Необходимо, однако, отметить, что в период 1994–1997 гг. трансформация взаимоотношений имела место ввиду влияния политической обстановки, изменившейся как в России, так и в США. В России из-за неблагоприятной внутренней ситуации произошло усиление «антизападнической» политической элиты. Так, на смену первому министру иностранных дел Андрею Козыреву, который вошел в историю под прозвищем «Мистер «Да» из-за чрезмерной зацикленности на всестороннем сближении со странами Запада, пришел Евгений Примаков, занимавший пост министра иностранных дел в 1996–1998 гг. Именно Е. Примаков открыл новую эру во взаимоотношениях России с западными партнерами. В отличие от своего предшественника, новый глава внешнеполитического ведомства сделал ставку на «условное сотрудничество» и отстаивание национальных интересов государства на международной арене. Такой курс предполагал, с одной стороны, всяческое подчеркивание независимости России, с другой стороны – налаживание добрососедских, но не слишком тесных отношений со странами Запада в сфере безопасности, экономики с целью интеграции в глобальные экономические процессы [Blacker, 1998, p. 182].

Следующим важным событием рассматриваемого нами этапа стали президентские выборы 1996 г. в России, ставшие беспрецедентным случаем вмешательства США во внутренние дела другого суверенного государства. Журналист-международник Алан Гилман окрестил такое поведение США не иначе, как «неприкрытой наглостью», подкрепив свое мнение статистическими данными – в период с 1946 г. по 2000 г. США 81 раз вмешивались в избирательный процесс других стран, что явилось абсолютным мировым рекордом [Gilman, 2017].

Накануне президентских выборов 1996 г. занимавший в тот момент президентское кресло Б.Н. Ельцин совершенно не пользовался популярностью среди населения. Виной тому была непростая экономическая ситуация в стране из-за навязанной извне программы реформ, включавшей в себя масштабную приватизацию, сокращение государственной поддержки для важнейших отраслей экономики, неравномерное распределение средств. В результате наблюдалось резкое падение уровня жизни населения, стремительно сокращалось ВВП, коррупция достигала ужасающих масштабов – такая внутриполитическая картина требовала прихода к власти нового человека, который бы мог выровнять и спасти ситуацию. Главным претендентом на эту роль был лидер Коммунистической партии России Ген-

надий Зюганов, известный своими националистическими взглядами и заявлениями о поддержке интересов трудящихся, а также призывами к национализации ранее приватизированного имущества [Шабиль, 2018]. Однако США не могли допустить поражения Б.Н. Ельцина ввиду существующих договоренностей между Россией и США, также необходимо учесть фактор хороших межличностных отношений между Борисом Ельциным и Биллом Клинтоном. Для спасения ситуации в Россию были направлены политтехнологи, среди которых Дж. Шумейт, Дж. Гортон и Р. Дреснер. Р. Дреснер в своих воспоминаниях отмечал, что у И.В. Сталина было меньше негативных оценок и больше позитивных, нежели у Б.Н. Ельцина [Анпилогов, 2018]. Опираясь на данные первоначального исследования американских специалистов, более 60 % опрошенных считали Б.Н. Ельцина коррумпированным, а почти 80 % полагали, что он развалил экономику, однако страстное желание американцев оставить в президентском кресле Бориса Ельцина способствовало выделению Международным валютным фондом кредита в размере $10,2 млрд для выплаты задолженностей гражданам по заработной плате и тем самым оказало воздействие на снижение напряженности в обществе и поднятие рейтинга Б.Н. Ельцина [Yanks To The Rescue …, 1996, p. 33].

В 1996 г. Б.Н. Ельцин остался на второй президентский срок, однако это никоим образом впоследствии не улучшило внутреннюю ситуацию в России, равно как и не укрепило ее позиции на международной арене. Победа Б.Н. Ельцина свидетельствовала, что Россия в очередной раз плотно попала под американское влияние, а американцы, в свою очередь, не упустили возможность снова продемонстрировать свое преимущество и вседозволенность в вопросах установления нового, удобного США миропорядка. Весьма неожиданным образом оценил поддержку Бориса Ельцина американцами бывший президент России Дмитрий Медведев (2008–2012 гг.), заявив об отсутствии всяческих сомнений в проигрыше Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. [Иванов, 2012]. Кроме того, в статье американского журнала «Time», посвященной выборам 1996 г. в России, было акцентировано внимание на том, что Россия уходила вперед от тоталитарного прошлого, а вместе с тем ощущался триумф демократии и использование американских инструментов ведения предвыборных кампаний, среди которых лишь обман и коварство [Yanks To The Rescue, 1996, p. 33].

Анализируя второй этап американо-российских отношений, следует сделать вывод, что он был непоследовательным и противоречивым. В России, несмотря на колоссальные финансовые вливания со стороны США, зрели антиамериканские настроения, так как любого рода инвестиции не улучшали жизнь граждан, а способствовали увеличению капитала лиц, находящихся у власти. Представители американской политической элиты, с другой стороны, на официальном уровне демонстрировали свою приверженность развитию партнерских и взаимовыгодных отношений с Россией. В июне 1997 г. своеобразным жестом доброй воли со стороны Вашингтона стало участие России во встрече «большой семерки» в Денвере. Это событие можно считать по-настоящему историческим, так как «семерка» впоследствии стала «восьмеркой», и это свидетельствовало об укреплении позиций России на международной арене. Бывшая госсекретарь США Мадлен Олбрайт констатировала, что встреча в верхах в Денвере прошла удивительно хорошо, в то время как имели место намеки о том, что Россия вошла в состав восьмерки не через «экономическую дверь», а через «политическое окно» [Строка в истории…, 1997]. Однако тотальный провал внутренней программы преобразований свидетельствовал о том, что государства практически не имеют точек соприкосновения, и слабость России на внутреннем и внешнем фронте играет только на руку США в деле укрепления американского могущества.

Завершающий (третий) этап президентства Билла Клинтона (1998–2000 гг.) усугубил дистанцирование России от США. Мировой общественности становилось понятно, что интересы двух стран диаметрально противоположны, разрыв между декларируемыми заявлениями и реальными действиями катастрофически велик, а предпринимаемые в одностороннем порядке США действия привели к краху провозглашенной ранее идеи «стратегического партнерства». В 1998 г. во время визита президента США Билла Клинтона в Москву был обозначен новый, более прагматичный внешнеполитический курс в отноше-

нии России. Так называемый «откровенно реалистичный» подход предполагал не безоговорочную поддержку представителей российской политической элиты и принимаемых ими мер внутриполитического и внешнеполитического характера, а собственно оценку конкретных шагов политических деятелей в разрешении кризисных ситуаций, сокращение финансирования программы реформ, расширение контактов с лицами, принимающими непосредственное участие в принятии стратегически важных политических и экономических решений. С нашей точки зрения, такой поворот лишь подтвердил отдаление двух сторон – США и России – друг от друга. Россия уже не могла рассчитывать на всестороннюю помощь США, а американцы, в свою очередь, заняли исключительно наблюдательную позицию за разворачивающейся внутри России и за ее пределами ситуацией.

На отношениях США и России в рассматриваемый нами этап отрицательно сказалась силовая операция НАТО в Югославии, начавшаяся в марте 1999 г. Агрессия США на Балканах была спланирована и проведена в обход Совета Безопасности ООН, так как два постоянных члена – Россия и КНР – незамедлительно использовали бы право вето при голосовании, а основным поводом к военной операции стали ничем не подкрепленные и не обоснованные свидетельства представителей высших эшелонов власти стран Запада о проведении этнических чисток в Косово. К концу 1990-х внешняя политика США как никогда пользовалась поддержкой американцев, и каждый шаг на международной арене был оправдан необходимостью защиты жизненно важных интересов граждан. Согласно данным Института Гэллапа, в 1999 г. более 50 % опрошенных американцев высказывались за участие вооруженных сил США в урегулировании конфликта в Югославии под эгидой НАТО [Newport, 1999]. Реакция находившегося в тот момент на посту премьер-министра России Евгения Примакова заслуживает внимания и уважения даже спустя 30 лет – в одностороннем порядке, без уведомления президента Бориса Ельцина, он принял решение отменить свой визит в США, развернув правительственный самолет в небе в районе острова Ньюфаундленд. Это было яркое выражение протеста российского государства против военной операции НАТО на Балканах и своего рода противодействие политике США.

Реакция России на Балканский кризис стала зеркальным отражением реакции США на Чеченский конфликт. В декабре 1999 г. консолидированную позицию стран Запада во время своего визита в Москву изложил бывший заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт. Суть этой позиции – незамедлительное прекращение боевых действий в Чечне и подготовка к раундам переговоров с руководством боевиков, в случае же отказа от предложенного плана действий Москва рисковала ухудшить отношения с другими странами. Начало антитеррористической операции федеральных войск в Чечне привело к ужесточению политики Запада в отношении России. Так, резолюция Европейского Парламента от 07 октября 1999 г. призывала к незамедлительному прекращению российской военной интервенции в Чечне, а также содержала требования уважать общепринятые международные нормы в сфере соблюдения прав человека [Resolution on the war …, 1999].

Интересно, что западные политические силы рассматривали Россию и Чечню в качестве равноправных участников конфликта, ввиду чего принуждали российское руководство к разрешению конфликта путем переговоров фактически с террористами. Стамбульский саммит ОБСЕ в ноябре 1999 г. продемонстрировал верховенство США в деле формирования антироссийской позиции в чеченском кризисе. Выступивший с весьма острой речью Борис Ельцин сделал акцент, что критиковать Россию за Чечню никто не имеет права, и это стало лучшим отражением позиции России на саммите [Трегубова, 1999]. Аргументом в пользу проведения антитеррористической операции стало недопущение распространения раковой опухоли терроризма на Северный Кавказ и за пределы России [Горностаев, 1999]. Фактически чеченский вопрос в очередной раз продемонстрировал, что Россия и страны Запада не в силах прийти к консенсусу для решения данной проблемы. Россия демонстрировала способность принимать решения политического характера самостоятельно, а западная коалиция во главе с США оказалась не готова к такому повороту событий.

Чеченский конфликт продемонстрировал несостоятельность политического диалога между Россией и США, однако в небольшой степени это было компенсировано относительной стабильностью экономических связей. Любопытно, что, несмотря на ограничение инвестирования в экономику России с целью недопущения хищений на местах, инвестиционная политика имела достаточно массивные объемы. Как утверждает научный сотрудник Института США и Канады Академии наук России Рудольф Зименков, к началу 1998 г. объем накопленных американских инвестиций в российскую экономику составил 6,2 млрд долларов, или 28,5 % общего количества всех иностранных инвестиций [Зименков, 1999]. Но это можно рассматривать скорее как отдельный эпизод, так как к концу 1990-х годов экономические связи между США и Россией так и не стали полномасштабными. США не проявляли интерес к углублению сотрудничества, и связано это было, прежде всего, с невыполнением обязательств по распределению российскими властями полученных извне средств.

Третий этап американо-российских отношений отличался, как и предыдущие два, ростом напряженности в двусторонних отношениях, чему поспособствовали два важных международных события, а именно кризис на Балканах и проблема в Чечне, на разрешение которых как у США, так и у России были противоположные взгляды. В России на фоне ухудшения экономической ситуации, дефолта 1998 г. продолжали зреть антизападные, антиамериканские настроения, подпитываемые внутренними социально-экономическими неурядицами. По мнению историка Георгия Мирского, в общественном сознании российских граждан распространялись идеи неприязненного отношения американцев к русским, господствовало мнение о желанной цели Америки в виде окончательного распада России, а также догадки о существовании долгосрочного плана политических действий США во всех регионах мира [Гарусова, 2004, с. 61].

В заключение отметим, что в период президентства Билла Клинтона вопрос сотрудничества и развития отношений с Россией занимал если не главное, то ведущее место во внешней политике США. С одной стороны, американо-российские отношения при Билле Клинтоне развивались ровно, с положительной динамикой и без ярко выраженных взаимных претензий по тем или иным вопросам. Был подписан ряд двусторонних заявлений, достигнуты взаимные договоренности по ключевым вопросам двусторонних отношений. С другой стороны, мы можем наблюдать провал внешнеполитической стратегии Билла Клинтона в отношении России. Несмотря на громкие заявления некоторых представителей политической элиты о приверженности западным ценностям и идеалам демократии, в конце 1990-х Россия оказалась на краю пропасти – неудачные рыночные преобразования, которые привели к критически низкому уровню экономического развития и стремительному падению уровня жизни основной массы населения, расширение НАТО, несмотря на достижение договоренностей об изменении географического направления процесса. Считаем, что внешняя политика администрации Билла Клинтона не оправдала себя, в конце 1990-х – начале 2000-х годов в общественном мнении стали господствовать идеи имперского возрождения, проснулось национальное самосознание граждан, стали заметны авторитарные тенденции, а попытки США занять роль гегемона на международной арене лишь усиливали антизападные настроения внутри России.

Список литературы

1. Анпилогов А. 2018. «Вертевшие Борисом»: как Америка вернула к власти Ельцина в 1996 году. Федеральное агентство новостей. 15 марта. URL: https://riafan.ru/1035509-vertevshie-borisom-kak-amerika-vernula-k-vlasti-elcina-v-1996-godu (дата обращения: 29 декабря 2019).

2. Гарусова Л.Н. 2004. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: основные тенденции и направления (1990–2000-е гг.): Учебное пособие. Владивосток, Изд-во ВГУЭС, 152.

3. Горностаев Д. 1999. Стамбульский саммит ОБСЕ на грани провала. Независимая газета. 19 ноября. URL: http://www.ng.ru/world/1999-11-19/1_summit.html (дата обращения: 05 декабря 2019).

4. Зименков Р.И. 1999. Иностранные инвестиции в экономику России. Институт США и Канады РАН. URL: http://www.iskran.ru/russ/works99/zimenkov.html (дата обращения: 06 декабря 2019).

5. Иванов С. 2012. Медведев: все мы знаем, кто победил в 1996-м. Утро: ежедневная электронная газета. 21 февраля. URL: https://utro.ru/articles/2012/02/21/1030258.shtml (дата обращения: 05 декабря 2019).

6. Киссинджер Г. 1997. Дипломатия. Пер. с англ. В.В. Львова. Послесл. Г.А. Арбатова. М., Ладомир, 850.

7. Мигранян А. 1997. Основополагающий акт Россия – НАТО: прорыв или провал? Социалистическая Россия. 19 мая. URL: http://www.newlookmedia.ru/?p=18952 (дата обращения: 24 декабря 2019).

8. Оверченко М., Невельский А. 2018. «Билл, пойми меня правильно». О чем Ельцин просил Клинтона. Ведомости. 31 августа. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/31/779590-bill-poimi-menya-pravilno (дата обращения: 22 декабря 2019).

9. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 1997. Организация Североатлантического Договора. 27 мая. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 24 декабря 2019).

10. Полеванов В.П. 2018. Как американцы воровали имущество России. Информационное агентство Русского общественного движения «Возрождение. Золотой Век». URL: http://xn----ctbsbazhbctieai.ru-an.info/новости/ельцинская-россия-под-управлением-сша-пугающее-свидетельство-бывшего-вице-премьера-россии (дата обращения: 02 декабря 2019).

11. Скрынник И.В. 2000. Внутриполитические и социально-экономические приоритеты администрации Билла Клинтона. Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки, 1: 78–95.

12. Совместное российско-американское заявление по европейской безопасности. 1997. Дипломатический вестник, 4: 11–12.

13. Спасский Н. 1992. Новое мышление по-американски. Мировая экономика и международные отношения, 1: 22–40.

14. Стеценко И.А. 2008. Российская политика администрации Клинтона: надежды, итоги и оценки. Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения, 4: 262–268.

15. Строка в истории. Наш Президент в «восьмерке» самых влиятельных. 1997. РГ. 24 июня. URL: https://rg.ru/1997/06/24/denver.html (дата обращения: 21 декабря 2019).

16. Трегубова Е. 1999. Президент все успел. Коммерсант. 19 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/230729 (дата обращения: 05 декабря 2019).

17. Шабиль С. 2018. Выборы в России в 1996 году: как Белый дом поддержал Бориса Ельцина. Ahewar (Египет). 01 июня. URL: https://inosmi.ru/politic/20180601/242361809.html (дата обращения: 29 декабря 2019).

18. Blacker C.D. 1998. Russia and the West. The New Russian Foreign Policy. Edited by M. Mandelbaum. New York, Council on Foreign Relations Press, 167–193.

19. Congressional Research Service Report 96–261. Russia and U.S. Foreign Assistance: 1992–1996. 1996. Curt Tarnoff Foreign Affairs and National Defence Division. March 20. URL: https://file.wikileaks.org/file/crs/96-261.pdf (дата обращения: 15 декабря 2019).

20. Gergen D. 2001. Eyewitness To Power: The Essence of Leadership Nixon to Clinton [Текст]. New York: Simon & Schuster, 384.

21. Gilman A. 2017. Bill Clinton and Boris Yeltsin: When the White House fixed a Russian election. World Socialist Web Site. June 14. URL: https://www.wsws.org/en/articles/2017/06/14/yelt-j14.html (дата обращения: 29 декабря 2019).

22. Joint Declaration. 1992. 1st summit, Camp David. U.S.-Russia Relations. February 1st. URL: https://www.bits.de/NRANEU/US-Russia/A%20Official%20Docs/Bush%20Yelt%201st%20sum%20.htm (дата обращения: 16.07.2019).

23. Joint Russian-American Declaration on Defence Conversion / Second Bush-Yeltsin summit, Washington D.C., USA. June 17, 1992. George H.W. Bush Presidential Library Center. URL: http://www.bits.de/NRANEU/US-Russia/A%20Official%20Docs/Bush%20Yelt%202nd%20sum.htm (дата обращения: 08 декабря 2019).

24. Lake A. 1993. From Containment to Enlargement. Speech delivered at School of Advanced International Studies. September 21. URL: https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html (дата обращения: 04 декабря 2019).

25. Newport F. 1999. Public Support for U.S. Involvement in Yugoslavia Lower Than for Gulf War, Other Foreign Engagements. Gallup News Service. March 30. URL: https://news.gallup.com/poll/ 3970/ public-support-us-involvement-yugoslavia-lower-than-gulf.aspx (дата обращения: 05 декабря 2019).

26. Resolution on the war in Chechnya. 1999. European Parliament. October 7. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-1999-0029+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN (дата обращения: 05 декабря 2019).

27. Signatures of Partnership for Peace Framework Document. 2012. North Atlantic Treaty Organization. January 10. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_82584.htm (дата обращения: 22 декабря 2019).

28. Vancouver Declaration: Joint Statement of the Presidents of the United States and the Russian Federation. 1993. U.S. Government Publishing Office. April 12. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/WCPD-1993-04-12/WCPD-1993-04-12-Pg545/summary (дата обращения: 17 декабря 2019).

29. Warren C. 1995. America's Leadership, America's Opportunity. Foreign Policy. Vol. 98: 6–27.

30. Yanks To The Rescue: The Secret Story of How American Advisers Helped Yeltsin Win. 1996. Time. July 15: 28–35.

References

1. Anpilogov A. 2018. «Vertevshie Borisom»: kak Amerika vernula k vlasti El'tsina v 1996 godu [«Turning Boris»: how did America return El'tsin to power in 1996]. Federal'noe agentstvo novostei. 15 marta. Available at: https://riafan.ru/1035509-vertevshie-borisom-kak-amerika-vernula-k-vlasti-elcina-v-1996-godu (accessed: 29 December 2019).

2. Garusova L.N. 2004. Vneshnyaya politika Soedinennykh Shtatov Ameriki: osnovnye tendentsii i napravleniya (1990–2000-e gg.): Uchebnoe posobie [Foreign Policy of the United States of America: Main Trends and Directions (1990–2000s): Textbook]. Vladivostok, Izd-vo VGUES, 152.

3. Gornostaev D. 1999. Stambul'skii sammit OBSE na grani provala [OSCE Istanbul Summit is on the edge of failure]. Nezavisimaya gazeta. 19 noyabrya. Availbale at: http://www.ng.ru/world/1999-11-19/1_summit.html (accessed: 05 December 2019).

4. Zimenkov R.I. 1999. Inostrannye investitsii v ekonomiku Rossii [Foreign investment in the Russian economy]. Institut SShA i Kanady RAN. Available at: http://www.iskran.ru/russ/works99/zimenkov.html (accessed: 06 December 2019).

5. Ivanov S. 2012. Medvedev: vse my znaem, kto pobedil v 1996-m. [Medvedev: we know who had won in 1996]. Utro: ezhednevnaya elektronnaya gazeta. 21 fevralya. Available at: https://utro.ru/articles/2012/02/21/1030258.shtml (accessed: 05 December 2019).

6. Kissindzher G. 1997. Diplomatiya [Diplomacy]. Per. s angl. V.V. L'vova. Poslesl. G.A. Arbatova. M., Ladomir, 850.

7. Migranyan A. 1997. Osnovopolagayushchii akt Rossiya – NATO: proryv ili proval? [NATO – Russia Founding Act: breakthrough or failure?] Sotsialisticheskaya Rossiya. 19 maya. Available at: http://www.newlookmedia.ru/?p=18952 (accessed: 24 December 2019).

8. Overchenko M., Nevel'skii A. 2018. «Bill, poimi menya pravil'no». O chem El'tsin prosil Klintona [«Bill, get me right». What did El'tsin ask to Clinton]. Vedomosti. 31 avgusta. Available at: https://www.vedomosti.ru/ politics/articles/2018/08/31/779590-bill-poimi-menya-pravilno (accessed: 22 December 2019).

9. Osnovopolagayushchii akt o vzaimnykh otnosheniyakh, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Organizatsiei severoatlanticheskogo dogovora. 1997 [Founding Act on. Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation]. Organizatsiya Severoatlanticheskogo Dogovora. 27 maya. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (accessed: 24 December 2019).

10. Polevanov V.P. 2018. Kak amerikantsy vorovali imushchestvo Rossii [How had americans stolen the Russian property]. Informatsionnoe agentstvo Russkogo Obshchestvennogo Dvizheniya «Vozrozhdenie. Zolotoi Vek». Available at: http://xn----ctbsbazhbctieai.ru-an.info/novosti/el'tsinskaya-rossiya-pod-upravleniem-ssha-pugayushchee-svidetel'stvo-byvshego-vitse-prem'era-rossii (accessed: 02 December 2019).

11. Skrynnik I.V. 2000. Vnutripoliticheskie i sotsial'no-ekonomicheskie prioritety administratsii Billa Klintona [Domestic and social-economic priorities of the Bill Clinton' administration]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, 1: 78–95.

12. Sovmestnoe rossiisko-amerikanskoe zayavlenie po evropeiskoi bezopasnosti. 1997 [Joint Russian-American Statement on European Security]. Diplomaticheskii vestnik, 4: 11–12.

13. Spasskii N. 1992. Novoe myshlenie po-amerikanski [New American Thinking]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 1: 22–40.

14. Stetsenko I.A. 2008. Rossiiskaya politika administratsii Klintona: nadezhdy, itogi i otsenki [Clinton administration's Russian policy: hopes, outcomes and assessments]. Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 4: 262–268.

15. Stroka v istorii. Nash Prezident v «vos'merke» samykh vliyatel'nykh. 1997 [The line in the history. Our President is in the G8 most influential]. RG. 24 iyunya. Available at: https://rg.ru/1997/06/24/denver.html (accessed: 21 December 2019).

16. Tregubova E. 1999. Prezident vse uspel [The President did his best]. Kommersant. 19 noyabrya. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/230729 (accessed: 05 December 2019).

17. Shabil' S. 2018. Vybory v Rossii v 1996 godu: kak Belyi dom podderzhal Borisa El'tsina [Russian elections 1996: how did the White House support BorisEl'tsin]. Ahewar (Egipet). 01 iyunya. Available at: https://inosmi.ru/politic/20180601/242361809.html (accessed: 29 December 2019).

18. Blacker C.D. 1998. Russia and the West. The New Russian Foreign Policy. Edited by M. Mandelbaum. New York, Council on Foreign Relations Press, 167–193.

19. Congressional Research Service Report 96–261. Russia and U.S. Foreign Assistance: 1992–1996. 1996. Curt Tarnoff Foreign Affairs and National Defence Division. March 20. URL: https://file.wikileaks.org/file/crs/96-261.pdf (дата обращения: 15 декабря 2019).

20. Gergen D. 2001. Eyewitness To Power: The Essence of Leadership Nixon to Clinton [Текст]. New York: Simon & Schuster, 384.

21. Gilman A. 2017. Bill Clinton and Boris Yeltsin: When the White House fixed a Russian election. World Socialist Web Site. June 14. URL: https://www.wsws.org/en/articles/2017/06/14/yelt-j14.html (дата обращения: 29 декабря 2019).

22. Joint Declaration. 1992. 1st summit, Camp David. U.S.-Russia Relations. February 1st. URL: https://www.bits.de/NRANEU/US-Russia/A%20Official%20Docs/Bush%20Yelt%201st%20sum%20.htm (дата обращения: 16.07.2019).

23. Joint Russian-American Declaration on Defence Conversion / Second Bush-Yeltsin summit, Washington D.C., USA. June 17, 1992. George H.W. Bush Presidential Library Center. URL: http://www.bits.de/NRANEU/US-Russia/A%20Official%20Docs/Bush%20Yelt%202nd%20sum.htm (дата обращения: 08 декабря 2019).

24. Lake A. 1993. From Containment to Enlargement. Speech delivered at School of Advanced International Studies. September 21. URL: https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html (дата обращения: 04 декабря 2019).

25. Newport F. 1999. Public Support for U.S. Involvement in Yugoslavia Lower Than for Gulf War, Other Foreign Engagements. Gallup News Service. March 30. URL: https://news.gallup.com/poll/3970/public-support-us-involvement-yugoslavia-lower-than-gulf.aspx (дата обращения: 05 декабря 2019).

26. Resolution on the war in Chechnya. 1999. European Parliament. October 7. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P5-TA-1999-0029+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN (дата обращения: 05 декабря 2019).

27. Signatures of Partnership for Peace Framework Document. 2012. North Atlantic Treaty Organization. January 10. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_82584.htm (дата обращения: 22 декабря 2019).

28. Vancouver Declaration: Joint Statement of the Presidents of the United States and the Russian Federation. 1993. U.S. Government Publishing Office. April 12. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/WCPD-1993-04-12/WCPD-1993-04-12-Pg545/summary (дата обращения: 17 декабря 2019).

29. Warren C. 1995. America's Leadership, America's Opportunity. Foreign Policy. Vol. 98: 6–27.

30. Yanks To The Rescue: The Secret Story of How American Advisers Helped Yeltsin Win. 1996. Time. July 15: 28–35.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Стоколос М.Д. 2020. Роль государственных лидеров в формировании американо-российских отношений в период 1992–2000 гг. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 405–415. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-405-415.

Stokolos M.D. 2020. The role of state leaders in forming the american-russian relations in 1992–2000. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 405–415 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-405-415.

УДК 327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-416-426

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

EVOLUTION OF ARCTIC POLICY PRIORITIES OF THE NORDIC COUNTRIES (BASED ON CONTENT ANALYSIS OF DOCTRINES)

С.А. Бокерия, Е.А. Кернер, Д.А. Кузнецова
S.A. Bokeriya, E.A. Kerner, D.A. Kuznetsova

Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, г. Москва, Ул. Миклухо-Маклая, д. 6
RUDN University,
6 Mikluho-Maklaja, Moscow, 117198, Russia

E-mail: bokeria_sa@rudn.university**,** 1032193526@pfur.ru**,** 1032193937@pfur.ru

Аннотация
Арктика представляет интерес для многих региональных и нерегиональных акторов. Среди региональных акторов можно выделить группу североевропейских стран, которые заинтересованы в развитии своей политики в арктическом регионе. В 2000-х гг. пять циркумполярных государств – Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция и Исландия – разработали собственные арктические стратегии, в которых они обозначили основные приоритеты и направления внешней и внутренней политики по отношению к Арктике. В данной работе содержание арктических доктринальных документов данной группы стран было рассмотрено с помощью контент-анализа. Таким образом, текстовое содержание документов было преобразовано в количественный формат, что позволило более наглядно продемонстрировать отличия приоритетов арктической внешней политики циркумполярных стран.

Abstract
The Arctic is of special interest for many regional and non-regional actors because there is great amount of natural resources and prospective sea routes in this region. Among regional actors there is a group of northern European countries that are interested in the development of their policy in the Arctic region. In 2000s arctic strategies were developed by 5 circumpolar countries of Northern Europe – Norway, Denmark, Finland, Sweden and Iceland. In these documents this group of countries highlighted the main priorities and directions of their foreign and domestic policy in the Arctic. In this article arctic strategies of circumpolar countries were examined with the help of content analysis. To identify the priorities keywords corresponding to the main directions of arctic policy of circumpolar countries were highlighted. Then the frequency of these keywords in arctic documents was analyzed. Thus text content was converted to quantitative data. Due to this differences between priorities of different countries' arctic policy was shown more clearly.

Ключевые слова: Арктика, государства Северной Европы, арктические стратегии, контент-анализ, приоритеты, направления политики.
Keywords: the Arctic, the Nordic states, arctic strategies, content analysis, priorities, policy directions.

В группу арктических стран входят восемь государств, которые находятся в разных географических регионах: в Евразии – Россия, в Северной Америке – США и Канада, в Северной Европе – Дания, Норвегия, Исландия, Швеция и Финляндия. Говоря о странах Северной Европы, стоит отметить, что они обладают разными потенциалами в Арктике.

Так, Дания и Норвегия имеют возможность разрабатывать природные ресурсы в данном регионе и претендовать на расширение границ континентального шельфа. Исландия, Швеция и Финляндия, наоборот, имеют ограниченный потенциал в Арктике, так как они не имеют прямого выхода к Северному Ледовитому океану [Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества, 2013]. Наличие в регионе таких крупных игроков, как Россия, США и Канада, обуславливает стремление стран Северной Европы к сотрудничеству. Для проведения своей арктической политики данная группа стран создала Совет министров северных стран, Северный Совет, Северный инвестиционный банк и т. д. [Конышев, Сергунин, 2011] Тем не менее страны Северной Европы придают особое значение Арктическому Совету. Так, во время председательства Норвегии, Дании и Швеции в Совете в 2006–2013 гг. страны договорились о формировании единой «повестки дня» и координации своих действий. Однако интересы и возможности стран Северной Европы в Арктике различны, поэтому для понимания политики данной группы стран важно рассмотреть их арктические стратегии, в которых они регламентируют свою деятельность в регионе.

Стоит отметить, что Арктика представляет особый интерес для исследователей, так как в данном регионе имеется целый комплекс проблем, подлежащих изучению. Так, конфликтный потенциал Арктики в своей работе рассматривают исследователи Финского института международных отношений Й. Капюла и Х. Миккола [Käpylä, Mikkola, 2013]. Эти же авторы изучали возрастающий интерес к арктическому региону таких стран, как Россия, США, Китай и ЕС [Käpylä, Mikkola, 2013]. Деятельности Китая в арктическом регионе и, в частности, сотрудничеству данной страны с Исландией в Арктике, посвящена работа Н.А. Николаева [Николаев, 2016.] Одной из самых актуальных тем для Арктики является защита окружающей среды. Данную проблему в своей работе рассматривает старший сотрудник Института мировой политики Э. Дингман [Dingman, 2011].

Значительное внимание исследователи уделяют политике Европейского Союза в Арктике. Это можно связать с активизацией деятельности данного интеграционного блока в регионе. Политику ЕС в Арктике в своих работах рассматривают старший научный сотрудник и член группы руководителей Арктического института А. Распотник [Raspotnik, 2018] и кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Института Европы РАН Н.В. Говорова [Говорова, 2016]. Исследователи также уделяют достаточное внимание в своих работах анализу законодательных документов государств по отношению к арктическому региону. Так, например, В.Г. Александров и Н.И. Диденко в своей работе рассматривают законодательные акты циркумполярных государств по отношению к Арктике [Александров, Диденко, 2014].

В данной работе с помощью контент-анализа будут проанализированы доктринальные документы Дании, Норвегии, Исландии, Швеции и Финляндии. Благодаря выявлению частотности повторения некоторых семантических ядер в тексте документов можно будет наглядно представить ключевые направления политики этих государств в регионе. В таблице представлены семантические ядра, которые были выбраны для осуществления контент-анализа (см. таблицу 1). Выбор обусловлен тем, что в Арктике существуют некоторые общие интересы и угрозы, которые могут быть отражены в документах.

Последняя на данный момент арктическая стратегия Норвегии была принята в 2017 г. и получила название «Арктическая стратегия Норвегии – между геополитикой и социальным развитием». В данном документе было закреплено пять ключевых направлений, которые ранее были отмечены в предыдущих арктических документах. К данным направлениям относятся международное сотрудничество, развитие бизнеса, развитие знаний, инфраструктура, защита окружающей среды и обеспечение готовности к чрезвычайным ситуациям.

Таблица 1
Table 1

Семантические ядра для проведения контент-анализа арктических стратегий стран Северной Европы
Keywords conduct content analysis of the Nordic states' arctic strategies

Семантические ядра на русском языке	Семантические ядра на английском языке
Безопасность	Security, security interests/needs/purposes/ matters/ issues/policy
Национальные интересы	National/strategic/sovereign/U.S/Canadian interests
Международное сотрудничество	International/multilateral cooperation, cooperation
Изменение климата	Climate/environmental change
Коренные народы	Indigenous/Arctic/Aboriginal peoples, people of the North
Природные ресурсы	Natural/biological resources, energy/gas/mineral resources, resources
Арктический Совет	Arctic Council
Северный морской путь	The Northeast Passage, NEP, Northern Sea route
Северо-западный проход	Northwest Passage

Для того чтобы проследить эволюцию приоритетов арктической политики Норвегии, был проведен контент-анализ стратегий данной страны по выделенным ранее семантическим ядрам (см. таблицу 2).

Таблица 2
Table 2

Результаты контент-анализа арктических стратегий Норвегии
Results of content analysis of arctic strategies of Norway

Приоритет	Стратегия правительства Норвегии в северных регионах (2006 г.)	Новые структурные элементы на Севере (2009 г.)	Арктическая стратегия Норвегии – между геополитикой и социальным развитием (2017 г.)
Безопасность	7	10	10
Национальные интересы	5	4	1
Международное сотрудничество	52	28	28
Изменение климата	32	50	8
Коренные народы	34	35	3
Природные ресурсы/ ресурсы	78	66	20
Арктический Совет	10	11	18
Северный морской путь	1	2	1
Северо-западный проход	-	-	-

Посмотрев на результаты контент-анализа арктических стратегий Норвегии, можно проследить следующие тенденции. Во-первых, ключевыми направлениями, упоминающимися в данных документах, являются международное сотрудничество, изменение климата, коренные народы и природные ресурсы. Во-вторых, можно отметить, что в первых двух стратегиях 2006 и 2009 гг. семантические ядра «природные ресурсы» и «ресурсы» упоминаются чаще всего. Однако в стратегии 2017 г. данные ключевые слова по частотности употребления опустились на второе место. В новой стратегии Норвегии первое место по частотности занимает семантическое ядро «международное сотрудничество». Учитывая то, что в данном документе тема международного сотрудничества рассматривается более подробно, такое семантическое ядро, как «Арктический Совет» также используется более часто, чем в предыдущих документах. Говоря о сотрудничестве на международном уровне, стоит отметить, что особое

внимание уделяется двустороннему сотрудничеству с Россией, которая является одним из ближайших северных соседей Норвегии. Кроме того, в стратегии 2017 г. выделяют важность сотрудничества с Европейским Союзом в Арктике. Данное направление взаимодействия представляется одним из наиболее актуальных на фоне того, что ЕС в 2016 г. опубликовал собственную арктическую стратегию. Тот факт, что тема международного сотрудничества вышла на первое место по частотности употребления в стратегии 2017 г., можно объяснить тем, что в данном документе большее внимание стали уделять именно внешнеполитическому направлению арктической политики Норвегии. Это можно увидеть и в самом названии документа, где присутствует слово «геополитика», и в оглавлении, где международное сотрудничество выделено в отдельный раздел и поставлено на первое место.

Таким образом, проанализировав три арктических стратегии Норвегии, можно отметить, что чаще всего употреблялись семантические ядра, связанные с природными ресурсами, изменением климата и коренными народами. Интерес к этим направлениям обусловлен тем, что обширная часть сухопутной территории Норвегии находится в Арктике. Также в арктическом регионе Норвегии проживает большее количество людей, чем в других циркумполярных государствах. Важность природных ресурсов для Норвегии определена тем, что ключевую роль в норвежской экономике играют газодобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. Тот факт, что в наиболее актуальной на данный момент стратегии Норвегии 2017 г. на первом месте по частотности находится «международное сотрудничество», можно связать с тем, что к Арктике растет число акторов, проявляющих интерес к данному региону, что открывает для Норвегии как новые возможности, так и новые вызовы.

Еще одним циркумполярным государством в Северной Европе является Дания, которая получила данный статус благодаря тому, что в ее арктический регион входят Гренландия и Фарерские острова [Аллаяров, 2017]. Следовательно, датская арктическая стратегия была одобрена по согласованию с органами управления Гренландии и Фарерских островов. Дания опубликовала свою арктическую стратегию в 2011 г. и стала одним из последних циркумполярных государств, которые обнародовали собственный документ по арктической политике.

В данном документе были выделены основные направления арктической политики Дании. К ним относятся обеспечение мирной, защищенной и безопасной Арктики, достижение самообеспеченного роста и развития, содействие развитию при бережном отношении к климату, окружающей среде и природе Арктики, тесное международное сотрудничество с иностранными партнерами.

Для того чтобы определить, на каком направлении арктической политики был сделан особый акцент, был проведен контент-анализ по выделенным ранее семантическим ядрам (см. таблицу 3).

Таблица 3
Table 3

Результаты контент-анализа арктических стратегий Дании
Results of content analysis of arctic strategies of Denmark

Приоритеты	Стратегия Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг.
Безопасность	7
Национальные интересы	9
Международное сотрудничество	33
Изменение климата	51
Коренные народы	54
Природные ресурсы	76
Арктический Совет	40
Северный морской путь	7
Северо-западный проход	6

По результатам проведенного анализа арктического документа Королевства Дания первое место по частотности занимают семантические ядра, относящиеся к природным ресурсам. Такое внимание к данной теме можно объяснить тем, что в Гренландии находится значительное количество природных ресурсов, включая запасы углеводорода, природного газа и редкоземельных металлов [Плевако, 2019]. На втором месте находятся семантические ядра, связанные с коренными народами Севера. На третьем месте по частотности употребления разместились ключевые слова, связанные с изменением климата. Важность данного направления обусловлена тем, что Дания активно участвует в экологическом движении и в ее политике присутствует приверженность к охране окружающей среды [Антюшина, 2014].

Также стоит отметить, что в датской арктической стратегии уделяют внимание как Северному морскому пути, так и Северо-западному проходу. Такое внимание к морским маршрутам в Арктике определено географическим положением Гренландии, которая находится между двумя данными путями и является опорным пунктом для доступа в Арктику.

Кроме того, в стратегии важным направлением является международное сотрудничество, которое играет для Дании важную роль в связи с тем, что Королевство не располагает мощными экономическими и военно-стратегическими ресурсами. Следовательно, для Дании важно многостороннее сотрудничество для продвижения своих интересов в регионе [Антюшина, 2014].

Таким образом, для арктической стратегии Королевства Дания характерны те же направления политики, что и для других циркумполярных государств. Однако особое внимание уделяется Северному морскому пути и Северо-западному проходу.

Арктическая политика Исландии сформировалась в виде официального документа в 2011 г., тогда была опубликована Парламентская резолюция по арктической политике Исландии (см. таблицу 4).

Таблица 4
Table 4

Результаты контент-анализа арктических стратегий Исландии
Results of content analysis of arctic strategies of Iceland

Приоритет	Парламентская резолюция по арктической политике (2011)
Безопасность	9
Национальные интересы	10
Международное сотрудничество	30
Изменение климата	10
Коренные народы	13
Природные ресурсы	13
Арктический Совет	20
Северный морской путь	0
Северо-Западный проход	2

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что международному сотрудничеству в Арктике Исландия уделяет одно из центральных мест в Резолюции. Основной площадкой для выстраивания международного сотрудничества по вопросам Арктики назван Арктический Совет. Однако помимо него упоминаются оборонное сотрудничество с США, сотрудничество с Норвегией, Данией и Канадой по вопросам региональной безопасности, отношения с Европейским союзом посредством участия в «Северном измерении» (форум сотрудничества, включающий Россию, ЕС, Исландию и Норвегию), а также сотрудничество с Россией через Совет Баренцева/Евроарктического региона.

«Арктический Совет» – второй по частоте упоминания в Резолюции. Исландия очень серьезно подходит к роли этой организации в развитии арктического региона и позиционирует себя как неотъемлемую ее часть, что и подтверждает частотность использования этого семантического ядра. В документе Арктический Совет называют «главным институциональным форумом по проблемам Арктики» и звучит критика в адрес Соединенных Штатов, Канады, России, Норвегии и Дании за попытку создать консультативный форум по вопросам Арк-

тики без участия Исландии, Финляндии и Швеции, который, в свою очередь, может подорвать авторитет Арктического совета.

Особый акцент в Резолюции Исландия делает на роли коренных народов, проживающих в Арктике. Она словно противопоставляет себя остальным арктическим государствам, заявляя, что «влиятельные страны склонны игнорировать вопросы, касающиеся коренных народов». В резолюции сказано, что такой подход должен быть преодолен под эгидой Арктического совета и через другие международные платформы, на которых решаются вопросы коренных народов Арктики.

Наравне с семантическим ядром «коренные народы» используется ядро «ресурсы». Исландия призывает придерживаться правовых норм в отношении доступа к нефтяным, газовым и другим природным ресурсам, установленным Конвенцией ООН по морскому праву. Отдельно выделена проблема использования ресурсов в контексте ответственного обращения с арктической экосистемой. Исландия в качестве одного из ключевых направлений своей политики провозглашает использование всех имеющихся средств для предотвращения антропогенного изменения климата и его последствий в целях повышения благосостояния жителей Арктики. Исландия полностью сосредоточит свои усилия на обеспечении того, чтобы активизация экономической деятельности в Арктическом регионе способствовала устойчивости арктической экосистемы. Это также подтверждается количеством упоминаний словосочетания «изменение климата».

Примерно одинаковое количество раз в резолюции встречаются семантические ядра «безопасность» и «национальные интересы». Помимо общих фраз о необходимости укрепления общей безопасности в Арктическом регионе и предотвращения его милитаризации в резолюции заявляется о намерении Исландии заключать двусторонние соглашения по вопросам безопасности с отдельными арктическими странами, подобно тем, которые она заключила с Данией, Норвегией и Канадой.

Из двух транспортных морских коридоров в Арктике в документе упомянут только Северно-Западный проход и исключительно в контексте неразрешенных проблем Арктики как предмет спора между Канадой и США.

Подводя итог анализа Парламентской резолюции по арктической политике Исландии, можно привести цитату из самой резолюции: «Правовое положение Исландии на севере нуждается в дальнейшем укреплении с целью поставить ее в равные условия с другими прибрежными государствами региона». Исландия как самое маленькое арктическое государство борется за свое место в формировании повестки дня в арктическом регионе и настаивает на равном участии всех членов Арктического Совета в разрешении споров и проблем региона.

В Финляндии также были разработаны арктические стратегии, определяющие основные направления внешней политики страны в данном регионе. Первая стратегия была опубликована в 2010 г. и получила название «Стратегия Финляндии для арктического региона». В данном документе выделены следующие разделы: хрупкая природа Арктики, экономическая деятельность и передовые технологии, транспорт и инфраструктура, коренные народы, инструменты ведения арктической политики на глобальном, региональном уровне и на уровне двустороннего взаимодействия – ЕС и арктический регион. В 2013 г. была опубликована новая арктическая стратегия «Стратегия Финляндии для арктического региона». В данном документе отражены практически те же направления деятельности в регионе, что и в предыдущем документе, однако они выражены в тексте в другой форме и расположены в другом порядке. Так, первым разделом в новом документе является видение арктической Финляндии, что включает в себя обзор деятельности Финляндии в сфере разработки новой стратегии, а также деятельность других циркумполярных стран в этой области. Далее говорится о финском населении в арктическом регионе, образовании и исследованиях, коммерческой деятельности в Арктике, окружающей среде и стабильности. Последний раздел документа посвящен международному сотрудничеству в регионе. Для того чтобы более наглядно представить наиболее актуальные направления арктической политики Финляндии, был проведен контент-анализ по определенным семантическим ядрам (см. таблицу 5).

Таблица 5
Table 5

Результаты контент-анализа арктических стратегий Финляндии
Results of content analysis of arctic strategies of Finland

Приоритеты	Стратегия Финляндии для арктического региона (2013 г.)
Безопасность	55
Национальные интересы	11
Международное сотрудничество	184
Изменение климата	36
Коренные народы	26
Природные ресурсы	56
Арктический Совет	49
Северный морской путь	9
Северо-западный проход	1

По результатам контент-анализа можно увидеть, что чаще всего в тексте арктической стратегии Финляндии 2013 г. повторяются семантические ядра «международное сотрудничество» и «сотрудничество». Это можно связать с тем, что Финляндия активно проявляет себя как координатор сотрудничества между разными государствами. В качестве примера можно упомянуть Северное измерение политики ЕС и так называемую «финскую инициативу», то есть работу над «Стратегией защиты окружающей среды в Арктике», которая способствовала появлению «Арктического Совета» [Антюшина, 2014]. Следовательно, ключевое словосочетание «Арктический Совет» также упоминается в тексте довольно часто.

Вторым по частоте упоминания являются семантические ядра «природные ресурсы» и «ресурсы». Важность разработки и использования природных ресурсов в Арктике обусловлена тем, что Финляндия зависит от поставок энергоресурсов, в частности, из России. Далее следует ключевое слово «безопасность». Финляндия как в стратегии 2010 г., так и в документе 2013 г. придает особое значение сохранению стабильности и обеспечению безопасности в регионе.

Таким образом, арктическая стратегия Финляндии отражает основные важные направления политики в регионе, делая особый акцент на международное сотрудничество.

Швеция – одна из стран-членов Арктического Совета, не имеющая прямого выхода к Северному Ледовитому океану [Антюшина, 2012]. Однако географическое положение обуславливает активность ее арктической политики. Арктическая стратегия Швеции была принята в 2011 г., а ее официальное название – «Стратегия Швеции в Арктическом регионе» (см. таблицу 6).

Таблица 6
Table 6

Результаты контент-анализа арктических стратегий Швеции
Results of content analysis of arctic strategies of Sweden

Приоритет	Стратегия Швеции в Арктическом регионе (2011)
Безопасность	11
Национальные интересы	9
Международное сотрудничество	83
Изменение климата	35
Коренные народы	37
Природные ресурсы	15
Арктический Совет	52
Северный морской путь	4
Северо-Западный проход	1

Рекордсменами по частоте упоминания в документе являются семантические ядра «международное сотрудничество» и «Арктический Совет». Международное сотрудничество в Арктике, в соответствии со стратегией Швеции, должно содействовать, во-первых, обеспечению низкой политической напряженности и конфликтности в этом регионе, и во-вторых, способствовать укреплению позиций Швеции в регионе. Стратегические направления международной кооперации указаны в стратегии в следующем порядке: Арктический Совет, Европейский Союз, Северный Совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, ООН (Конвенция ООН по морскому праву, Международная морская организация, Комиссия по границам континентального шельфа, Всеобщая декларация прав человека, рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, Конвенция ООН о биоразнообразии и Декларация ООН о правах коренных народов), 5 арктических стран (РФ, США, Канада, Дания, Норвегия), Союз Саамов (Sámi Parliamentary Council (SPC)).

Швеция призывает активизировать работу Арктического Совета, чтобы у стран «арктической пятерки» (РФ, США, Канада, Дания, Норвегия) не было необходимости продвигать свои интересы без учета позиций Швеции, Финляндии и Исландии. В отличие от Исландии, формат «пятерки» не подвергается острой критике, Швеция выступает с прагматичным предложением, обосновывая его повышением эффективности сотрудничества в рамках данной организации.

Ключевыми направлениями своей деятельности в Арктике Швеция провозгласила борьбу с изменением климата и защиту прав коренных народов. Это подтверждается количеством упоминания соответствующих семантических ядер в Стратегии. Особое внимание в контексте работы с Саамским союзом в сотрудничестве с Россией, Финляндией и Норвегией должно уделяться вопросам, касающимся молодежи, научных исследований, саамскоязычной инфраструктуры и развития языков.

В Стратегии сказано, что изменение климата и социально-экономическое благосостояние коренных народов связаны напрямую, т. к. их традиционный образ жизни предполагает занятие оленеводством, охотой, выловом рыбы и торговлей другими биологическими ресурсами. Изменение климата означает, что многие традиционные обычаи и обеспечение средств к существованию становится труднее поддерживать. Например, Шведской Комиссией по климату и уязвимости (2007 г.) было установлено, что оленеводство будет значительно затронуто изменением климата. Проблеме социально-экономического развития коренных народов в условиях изменения климата посвящен еще один документ, упомянутый в Стратегии – доклад «Швеция перед лицом изменения климата» (2007 г.), в котором говорится о необходимости адаптации саамской культуры к экологическим изменениям.

Семантическое ядро «природные ресурсы» используется в тексте документа значительно реже, чем все предыдущие, и используется в контексте содействия рациональному использованию ресурсов Арктики. Таким образом, Швеция в очередной раз подчеркнула экологическую направленность своей экономической деятельности в Арктике.

По аналогии с Исландией термины «безопасность» и «национальные интересы» встречаются в Стратегии Швеции примерно одинаковое количество раз. Согласно Стратегии, безопасность Швеции неразрывно связана с безопасностью других стран Северной Европы. В этом контексте упоминается Декларация стран Северной Европы, которая создает пространство для координации политических приоритетов подписавших ее стран. Стратегия была принята в 2011 г., и в ней еще возлагается надежда на вступление Исландии в ЕС, что усилило бы значимость арктического региона для Евросоюза в целом, но в 2013 г. переговоры о вступлении Исландии в ЕС были заморожены.

Подчеркивается, что нынешние вызовы политики безопасности в Арктике не носят исключительно военный характер. Все большее значение приобретает необходимость разработки стратегий арктической политики в условиях изменяющегося климата, что снова подтверждает приоритетность данного направления в арктической политике Швеции.

Национальные интересы Швеции разделены не только по отраслям (энергоресурсы, минеральные и биоресурсы и т. д.), но и по географическому принципу. Швеция имеет значи-

тельные интересы промышленной политики в Баренцевом регионе, который богат рудой, минералами, лесными и рыбными ресурсами. В остальных частях Арктики экономические интересы Швеции включают в себя нефтегазовые ресурсы, полезные ископаемые, лес, устойчивую транспортную систему и инфраструктуру, которая требует добычи полезных ископаемых, безопасное и экологичное судоходство, развитие туризма, оленеводство и др.

Северный морской путь и Северо-Западный проход не рассматриваются как аспекты политической борьбы в Арктике, а только в контексте сокращения в регионе ледового покрова и усиления транспортных возможностей двух морских коридоров. Также СМП упоминается как один из фундаментальных интересов России в Арктике при обзоре ее национальной арктической стратегии и в разделе исторического экскурса.

Подводя итог, нужно отметить, что общим для всех рассмотренных стран стало то, что наиболее значимым направлением арктической политики является международное сотрудничество. Данное семантическое ядро в рассмотренных стратегиях – одно из наиболее популярных. В качестве платформы для международного сотрудничества у некоторых из стран Северной Европы (Дания, Исландия, Швеция) в первую очередь заявлен Арктический Совет. Это говорит о значимости данной организации в выстраивании диалога между странами вокруг Арктики. Более того, Арктический Совет страны Северной Европы считают «главным институциональным форумом по проблемам Арктики», а попытки создать другие площадки рассматривают как попытки подорвать его авторитет. Доступ к природным ресурсам – второй по частоте упоминания в арктических стратегиях приоритет, что в очередной раз подтверждает значимость этого региона как ресурсной базы. Проблема извлечения ценных ресурсов неразрывно связана с проблемами устойчивости экосистемы и жизни коренных народов Арктики. Данные семантические ядра упоминаются также довольно часто в текстах арктических стратегий рассмотренных стран.

Только Финляндия делает особый акцент в своем документе на обеспечение безопасности в Арктике. В целом можно сказать, что семантические ядра «безопасность» и «национальные интересы» во всех рассмотренных доктринах встречаются значительно реже, чем все перечисленные выше.

В отношении транспортных путей об однозначности речи не идет. Две рассмотренные в работе страны упоминают в текстах своих стратегий только Северо-Западный морской проход – Дания, Исландия. Норвегия, наоборот, во всех трех своих документах, посвященных Арктике, упоминает только Северный морской путь. Две оставшиеся страны – Финляндия и Швеция – чаще используют семантическое ядро «Северный морской путь», однако упоминание Северо-Западного прохода тоже в тексте присутствует. Характерно, что авторы не нашли подтверждений того, что два морских пути рассматриваются странами Северной Европы как предметы политического спора в Арктике.

Список литературы

1. Александров В.Г., Диденко Н.И. 2014. Анализ законодательных актов по Арктике и северной территории основных арктических государств. Стратегические приоритеты развития российской Арктики: 323–336.

2. Аллаяров Р.А.У. 2017. Стратегические интересы Дании в Арктике. Гренландия – главный фактор сохранения Арктического статуса. Проблемы и перспективы. Скиф, 15: 198–202.

3. Антюшина Н.М. 2012. Арктический вызов для национальной и международной политики. М., Ин-т Европы РАН, 136.

4. Антюшина Н.М. 2014. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М., Ин-т Европы РАН, 138.

5. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах. 2013. М., Аспект Пресс, 360.

6. Говорова Н.В. 2016. Комплексная Арктическая политика ЕС. Аналитическая записка № 13 (№ 43). URL: http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an43.pdf (дата обращения: 07.12.2019).

7. Конышев В.Н., Сергунин А.А. 2011. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М., РИСИ, 199.

8. Николаев Н.А. 2016. Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике. Арктика XXI век. Гуманитарные науки, 2(8): 57–66.

9. Плевако Н.С. 2019. Гренландия в планах Трампа: возрождение «Дипломатии доллара»? Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 5: 60–65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grenlandiya-v-planah-trampa-vozrozhdenie-diplomatii-dollara (дата обращения: 08.12.2019).

10. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. 2011. URL: https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf (accessed: 13.12.2019).

11. Andreas Raspotnik. 2018. The European Union and the Geopolitics of the Arctic. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 240. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/polar-record/article/european-union-and-the-geopolitics-of-the-arctic-andreas-raspotnik-2018-cheltenham-edward-elgar-publishing-240-p-hardcover-gbp-7200/7B37D616154E19A5AC8285CED51E7C6F (accessed: 20.12.2019).

12. Dingman, Erica M. 2011. Arctic Sustainability: The Predicament of Energy and Environmental Security. Connections, 11 (1): 1–10. URL: www.jstor.org/stable/26326260. (accessed: 07.12.2019).

13. Finland's Strategy for the Arctic Region. URL: http://library.arcticportal.org/1262/1/Finland_Arctic_Strategy.pdf (accessed: 12.12.2019).

14. Käpylä, J., Mikkola, H. 2013. Arctic Conflict Potential: Towards an extra-Arctic perspective. FIIA Briefing paper 138, CIAO. URL: http://www.ciaonet.org/record/29275?search=1 (accessed: 23.04.2019).

15. Käpylä, J., Mikkola, H. 2013. The Global Arctic: The Growing Arctic Interests of Russia, China, the United States and the European Union. FIIA Briefing paper 133, CIAO. URL: http://www.ciaonet.org/record/28992?search=1 (accessed: 23.12.2019).

16. National Strategy for the Arctic region. 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (accessed: 29.11.2019).

17. New Building Blocks in the North. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf (accessed: 11.11.2019).

18. Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf (accessed: 11.11.2019).

19. Sweden's Strategy for the Arctic region. 2011. URL: https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region (accessed: 11.12.2019).

20. The Norwegian Government's High North Strategy. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategien.pdf (accessed: 11.11.2019).

References

1. Aleksandrov V.G., Didenko N.I. 2014. Analiz zakonodatel'nyh aktov po Arktike i severnoj territorii osnovnyh arkticheskih gosudarstv [Analysis of legislation on the Arctic and the northern territory of the main Arctic states]. Strategicheskie prioritety razvitiya rossijskoj Arktiki: 323–336.

2. Allayarov R.A.U. 2017. Strategicheskie interesy Danii v Arktike. Grenlandiya – glavnyj faktor sohraneniya Arkticheskogo statusa. Problemy i perspektivy [Strategic interests of Denmark in the Arctic. Greenland is the main factor in preserving the Arctic status. Problems and prospects]. Skif, 15: 198–202.

3. Antyushina N.M. 2012. Arkticheskij vyzov dlya nacional'noj i mezhdunarodnoj politiki [Arctic Challenges in the National and International Politics]. M., In-t Evropy RAN, 136.

4. Antjushina N.M. 2014. Arktika: novyj format mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Arctic: a New Framework of the International Cooperation]. M., In-t Evropy RAN, 138.

5. Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Hrestomatiya v 3 tomah [The Arctic Region: Problems of International Cooperation: Anthology in 3 volumes.]. 2013. M., Aspekt Press, 360.

6. Govorova N.V. 2016. Kompleksnaya Arkticheskaya politika ES [EU Integrated Arctic Policy]. Analiticheskaya zapiska № 13 (№ 43). URL: http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an43.pdf (data obrashcheniya: 07.12.2019).

7. Konyshev V.N., Sergunin A.A. 2011. Arktika v mezhdunarodnoj politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? [The Arctic in international politics: cooperation or rivalry?]. M., RISI, 199.

8. Nikolaev N.A. 2016. Sotrudnichestvo Kitaya i Islandii v Arktike [China and Iceland cooperation in the Arctic]. Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki, 2(8): 57–66.

9. Plevako N.S. 2019. Grenlandija v planah Trampa: vozrozhdenie «Diplomatii dollara»? [Greenland in Trump's plans: revival of «Dollar diplomacy»?] Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN. 5: 60–65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grenlandiya-v-planah-trampa-vozrozhdenie-diplomatii-dollara (accessed: 08.12.2019).

10. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. 2011. URL: https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf (accessed: 13.12.2019).

11. Andreas Raspotnik. 2018. The European Union and the Geopolitics of the Arctic. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 240. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/polar-record/article/european-union-and-the-geopolitics-of-the-arctic-andreas-raspotnik-2018-cheltenham-edward-elgar-publishing-240-p-hardcover-gbp-7200/7B37D616154E19A5AC8285CED51E7C6F (accessed: 20.12.2019).

12. Dingman, Erica M. 2011. Arctic Sustainability: The Predicament of Energy and Environmental Security. Connections, 11 (1): 1–10. URL: www.jstor.org/stable/26326260. (accessed: 07.12.2019).

13. Finland's Strategy for the Arctic Region. URL: http://library.arcticportal.org/1262/1/Finland_Arctic_Strategy.pdf (accessed: 12.12.2019).

14. Käpylä, J., Mikkola, H. 2013. Arctic Conflict Potential: Towards an extra-Arctic perspective. FIIA Briefing paper 138, CIAO. URL: http://www.ciaonet.org/record/29275?search=1 (accessed: 23.04.2019).

15. Käpylä, J., Mikkola, H. 2013. The Global Arctic: The Growing Arctic Interests of Russia, China, the United States and the European Union. FIIA Briefing paper 133, CIAO. URL: http://www.ciaonet.org/record/28992?search=1 (accessed: 23.12.2019).

16. National Strategy for the Arctic region. 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (accessed: 29.11.2019).

17. New Building Blocks in the North. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf (accessed: 11.11.2019).

18. Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf (accessed: 11.11.2019).

19. Sweden's Strategy for the Arctic region. 2011. URL: https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region (accessed: 11.12.2019).

20. The Norwegian Government's High North Strategy. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategien.pdf (accessed: 11.11.2019).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Бокерия С.А., Кернер Е.А., Кузнецова Д.А. 2020. Эволюция приоритетов арктической политики стран Северной Европы (на основе контент-анализа доктринальных документов). Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 416–426. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-416-426.

Bokeriya S.A., Kerner E.A., Kuznetsova D.A. 2020. Evolution of arctic policy priorities of the nordic countries (based on content analysis of doctrines). Via in tempore. History and political science, 47 (2): 416–426 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-416-426.

УДК 327.7
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-427-436

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА В XXI ВЕКЕ

HUMANITARIAN ASPECTS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND AZERBAIJAN IN THE 21st CENTURY

М.Ю. Бородина, О.С. Гасанов
M.U. Borodina, O.S. Gasanov

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: borodina.m-u@yandex.ru, orhan2012@bk.ru

Аннотация. Предметом исследования являются гуманитарные аспекты российско-азербайджанских отношений в XXI веке. В данной работе авторами было осуществлено исследование важных сфер сотрудничества между странами, а именно в культуре, науке и образовании оказывающих влияние на внешнюю политику России и Азербайджана. Кроме того, в исследовании дается оценка на состояние отношений между странами после распада СССР. В работе использовались такие методы, как анализ, обобщение, сравнительный анализ как главные методы исследования основных направлений внешнеполитической деятельности стран и принцип объективности, позволяющий установить главное направление в отношениях между странами в гуманитарной сфере. В указанной работе оценивались итоговые договоренности в сфере гуманитарного сотрудничества. Результаты исследования дают понять, что начиная с двухтысячных годов Россия и Азербайджан выходят на новый уровень стратегического сотрудничества. Одно из ключевых условий в развитии сотрудничества между странами заключается во взаимных визитах представителей двух стран на самом высшем уровне в духе стратегического партнерства. Таким образом, можно уверенно сказать, что у сторон имеются отличные перспективы для будущего развития межгосударственных отношений в гуманитарной сфере с учетом наличия современных вызовов в формировании гуманитарной политики двух стран.

Abstact. The subject of the study is the humanitarian aspects of Russian-Azerbaijani relations in the 21st century. In this work, the authors carried out a study of important areas of cooperation between countries, namely, in culture, science and education that influence the foreign policy of Russia and Azerbaijan. In addition, the study assesses the state of relations between countries after the collapse of the USSR. In the work, such methods were used as: analysis, generalization, comparative analysis, as the main method for studying the main foreign policy activities of countries and the principle of objectivity, which allows establishing the main direction in relations between countries in the humanitarian sphere. In this work, the final agreements in the field of humanitarian cooperation were evaluated. The results of the study make it clear that since the 2000s, Russia and Azerbaijan have reached a new level of strategic cooperation. One of the key conditions in the development of cooperation between the countries is the mutual visits of representatives of the two countries at the highest level, in the spirit of strategic partnership. Thus, we can confidently say that the parties have excellent prospects for the future development of interstate relations in the humanitarian sphere, taking into account the presence of modern challenges in shaping the humanitarian policy of the two countries.

Ключевые слова: Россия, Азербайджан, гуманитарные отношения, культурные взаимосвязи, научная деятельность, студенческий обмен, международное сотрудничество, инновационные проекты.
Key words: Russia, Azerbaijan, humanitarian relations, cultural relations, scientific activitiesstudent exchanges, international cooperation, innovative projects.

Историю гуманитарных связей России и Азербайджана можно рассматривать с официального момента установления дипломатических отношений 4 апреля 1992 года, имея в виду при этом общую историю СССР и Российской империи, в рамках которых город Баку выделялся как крупный культурный и исторический центр Закавказья. Наличие вековых тесных экономических связей, взаимозависимость, а также необходимость обеспечения безопасности обусловили объединение большей части союзных республик в СНГ, членом которого является современный Азербайджан [Воронина, 2011, с. 112–121].

Не теряя исторического интереса к культуре, науке и образованию в современном мире, Азербайджан активно участвует в организации на уровне государств международных мероприятий и конференций [Алиева, Мамедова, 2016, с. 150–152].

Важнейшим документом договорно-правовой базы межгосударственных отношений России и Азербайджана стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, который государства подписали 3 июля 1997 года.

Вопросы экономического и геополитического сотрудничества России и Азербайджана всегда актуальны и с различных сторон исследуются многими авторами, в то же время анализу гуманитарных взаимоотношений уделяется меньше внимания [Алиев, 2008, с. 22–27; Алиев, 2017, с. 10–12; Мустафаева, 2015, с. 99–101].

Российско-азербайджанские отношения носят поступательный, всеобъемлющий и углубленный характер. Постоянные взаимные деловые вояжи представителей высших органов власти стран лишь подчеркивают и укрепляют межгосударственные связи и гуманитарные аспекты сотрудничества двух стран, укрепляют культурные связи, выводя их на новый уровень.

Российско-азербайджанские культурные связи имеют действительно всеобъемлющий характер, выстроены на соседстве двух государств и коммуникациях двух народов не только в новейшее время, но и в исторической ретроспективе. Для укрепления и усиления данных взаимосвязей необходимо всегда проводить анализ, чтобы определить наиважнейшие направления их развития.

Азербайджанская и российская диаспоры в России и Азербайджане соответственно являются крупнейшими. Численность русского населения в Азербайджане на 2015 год составила 120 тысяч человек или 1,25 % от общего населения страны, что являлось самым большим показателем на Южном и Северном Кавказе России. Тем временем численность азербайджанцев в России, согласно данным, указанным в источнике [Национальный состав России, 2017], в 2010 году официально составила 603 070 человек или 0,4 % от общей численности населения страны. Так же стоит отметить, что численность азербайджанской диаспоры в России продолжает официально увеличиваться. По данным Росстата за 2019 год, в страну въехало безвозвратно 8 737 человек. Представленные данные непосредственно говорят о необходимости укрепления культурных связей с целью улучшения взаимопонимания и мира между государствами и их диаспорами [Алиева, 2015, с. 64–68].

Укрепление культурных связей между странами всегда начинаются с элементарных человеческих отношений, но официальность этим наиважнейшим видам взаимоотношений присваивают, конечно, главы государств, согласовывая необходимые документы во время обоюдных визитов, форумов. Одним из значимых документов, выводящих формат социального сотрудничества на новый уровень, является Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, которая была утверждена 3 июля 2008 года главами государств И. Алиевым и Д. Медве-

девым в Баку. В соответствии с Декларацией определяются следующие направления взаимодействия:

– на основе исторически значимой роли общин двух народов в Азербайджане и России создавать благоприятные условия для всестороннего развития азербайджанской и российской диаспор в сфере языка, культуры, религии, быта;

– способствовать прогрессу разносторонних взаимоотношений молодежных и студенческих организаций, научных и культурных сфер на межгосударственном уровне;

– в целях поддержания и расширения гуманитарных связей между странами, оказывать всестороннюю поддержку в вопросе создания и популяризации кафедр азербайджанского языка, истории, литературы и т. п. в ведущих российских вузах при активной поддержке азербайджанской стороны;

– при активной государственной поддержке способствовать осуществлению всесторонней деятельности филиалов МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Баку, а также Азербайджанского государственного экономического университета в городе Дербент [Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, 2008].

Для анализа обширности взаимосвязей отношений двух государств необходимо проанализировать научную сферу межгосударственных связей [Мирзазаде, 2018, с. 52–55; Мустафаева, 2016, с. 184–195]. Несмотря на богатое и емкое наследие советского времени в истории азербайджанского народа, Азербайджан сегодня независимая республика, в которой государственным языком официально является только азербайджанский, но при этом в этой стране продолжают уважительно относиться к русскому языку и проводить политику сохранения и популяризации его среди населения страны как самого перспективного на уровне иностранного языка. Тем не менее приоритетность языка над другими обуславливается и количеством учебных заведений, способных в Азербайджане преподавать русский язык на высоком уровне. Так, с момента провозглашения независимости Азербайджана и по сегодняшний день в стране действует более чем 300 школ (6 %), 18 вузов и 38 средних специальных учебных заведений. Отдельно стоит отметить действующие на территории Азербайджана Бакинский филиал Академии права и управления, Бакинский филиал Южно-Российского гуманитарного института, Бакинский филиал Московского государственного открытого университета, филиал Дагестанского государственного университета, филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, а также филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [Rahim Rahimov, 2018]. Отдельно стоит отметить высокую оценку, данную председателем Русской общины Азербайджана Михаилом Забелиным: «У нас не закрыта ни одна русская школа. Газет и журналов на русском языке стало выходить даже больше, чем в советское время».

В России же при многочисленной азербайджанской диаспоре действуют средняя общеобразовательная школа № 157 с этнокультурным азербайджанским компонентом в г. Москве, школа № 1583 имени К.А. Керимова в г. Москве и школа № 71 в Республике Дагестан, а также 2 вуза [Рыжов, Гасанов, 2017].

В политике двух стран ведется обширная программа наращивания и популяризации культурных связей между регионами России и Азербайджана, для этого ежегодно проводятся крупные мероприятия, направленные в первую очередь на укрепление братских связей народов, тем более что азербайджанская культура близка многим мусульманским регионам страны, а также интересна в плане изучения развития в других регионах России, с которыми ее связывают теплые и дружеские отношения. Культура в истории Азербайджана занимала всегда одно из главных мест [Агабалаева, 2018, с. 58–62; Адыгезалов, 2008, с. 70–75]. Еще в советское время республика, несмотря на преимущественное мусульманское население шиитского направления, славилась удивительным гостеприимством, добрососедством и мультикультурным составом. В стране проживают представители разных религиозных конфессий. Они не испытывают какие-либо проблемы с государством или

другими гражданами страны. Из крупных конфессий стоит выделить традиционно еврейские и русские поселения страны. Забота государства в вопросе сохранения культуры данных народов видна не только самим гражданам страны, но и высокопоставленным гостям страны, как, например, лидеру партии ЛДПР, депутату Государственной Думы Российской Федерации В.В. Жириновскому, ярому защитнику русского мира. Во время своего визита в Азербайджан в 2014 году он был крайне удивлен политикой Азербайджана, которой он не видит в других странах – союзниках России, в частности, на пресс-конференции депутат отметил: «Такого внимания к русскому языку, такого большого количества русских школ, отделений и факультетов в вузах нет ни в одной другой бывшей советской республике, поэтому, как ни возьми какую-то характеристику Азербайджана, в основном только положительное, я не могу найти что-то отрицательное, чтобы что-то нас не устраивало, нет этого ничего, только положительное» [Визит В.В. Жириновского в Баку, 2014]. Примечательны были и слова депутата на вопрос учеников бакинской школы № 23 после посещённых им уроков русского языка и литературы о былых своих негативных высказываниях об Азербайджане как о проблеме недопонимания, малоинформированности, он пообещал впредь защищать и поддерживать азербайджанцев за их доброе и теплое отношение к русскому народу. Стоит отметить, что сегодня В.В. Жириновский прикладывает немало усилий, чтобы укрепить и улучшить двухсторонние отношения, и не упускает возможность рассказывать о добрых и близких отношениях двух государств на самом высоком уровне.

За последние годы действительно было много насыщенных событий в плане взаимных культурных программ, которые помогали улучшить и укрепить связи в других сферах взаимных интересов. Так, в мае 2016 года в столице Азербайджана городе Баку прошли дни дагестанской культуры с непосредственным участием официальной делегации России из Республики Дагестан [Trand, 2016]. На мероприятиях были продемонстрированы выставки, музыкальные и театральные представления, а также рассказано об экономических достижениях Дагестана. Гостей пригласили к участию в инвестиционных проектах и туристическом потенциале региона России. Мероприятия проходили в присутствии главы Республики Дагестан Рамазана Абдулатипова, который, в свою очередь, с радостью встретился с соотечественниками, проживающими в Азербайджане. Во время диалога с официальными лицами Азербайджана были заложены такие проекты, как создание газет, журналов, учебных пособий на языках двух республик, а также выделении квот для дагестанских учеников в азербайджанских учебных заведениях. Итогом встреч было подписание соглашения о межпарламентским сотрудничестве с Милли Меджлисом Азербайджана.

Через небольшой промежуток времени в Азербайджане прошли Дни культуры Северной Осетии, делегацию возглавил заместитель министра культуры Республики, заслуженный артист РФ Эльбрус Кубалов. В столице страны с сольным концертом выступил государственный ансамбль танца «Алан» под музыку национального оркестра. Также были организованы выставка современного изобразительного искусства «Искусство Осетии», мастер-классы по народно-сценическому танцу, игре на осетинской гармонике, вокалу, композиции и дирижированию.

В ноябре 2014 года в Костроме были проведены дни культуры Азербайджана под лозунгом «Сколько наций, и все понимают язык дружбы», посвященные Дню Единства. Дни культуры начались с турнира по вольной борьбе, на котором участвовало молодое поколение из Владимирской, Вологодской, Тверской, Ивановской, Кировской, Московской областей, Республики Коми, Гагаузии, Костромы и Костромской области. Боевые виды спорта в Азербайджане традиционно являются самыми популярными. По завершению спортивных мероприятий состоялся круглый стол на тему «Взаимоотношения между Азербайджаном и Костромской областью: история и современность. Роль азербайджанцев в истории России и Костромской области». Примечательно, что в фойе была организована книжная выставка, стол с национальными блюдами Азербайджана. Экскурсоводы с радо-

стью рассказывали костромчанам об Азербайджане. К этому празднику был подготовлен концерт, на котором выступил духовой оркестр памяти Муслима Магомаева, а также заслуженные артисты Костромы и России.

В октябре 2015 года в Самарской области были проведены Дни культуры Азербайджана, организаторами мероприятий были Министерство культуры и молодежной политики Самарской области и агентство по культуре и кинематографии Российской Федерации. В областном художественном центре Самары был проведен вечер кино, где были показаны картины «Сон», «Там, где сливаются реки» и «Возвращение в будущее». В художественном музее была проведена выставка «Орнаменты, берущие начало из Кобустана», уникальная коллекция азербайджанских ковров, изделий прикладного искусства, музыкальных инструментов были показаны в Кусково. Отдельно стоит отметить привлекшие внимание посетителей ковры азербайджанских мастеров, всемирно признанные одними из лучших ворсовые изделия таких азербайджанских школ, как Карабах, Куба, Ширван, Баку, Гянджа, Газах, Тебриз.

В 2016 году в Третьяковской галерее прошла выставка, посвящённая азербайджанским художникам. На выставке было представлено 50 картин 12 художников Апшеронской школы живописи и скульптуры [В Третьяковской галерее…, 2016]. На выставке были продемонстрированы работы Т. Нариманбекова, Д. Мирджавадова, Т. Джавадова. Картины были предоставлены Третьяковской галереей и привезены из Азербайджана.

В октябре 2017 года в столице Азербайджана в г. Баку совместно с Объединением фотографов Азербайджана и Представительством Россотрудничества в Азербайджане состоялась фотовыставка почетного члена Объединения фотографов Азербайджана С. Комковой «Ты меня зовешь, Азербайджан!».

В 2018 году в г. Баку состоялось открытие обновленного Центра русской культуры при Русской общине Азербайджана [Директор Центра…, 2018]. Данный центр функционирует с мая 1993 года. Целью центра является развитие, защита и познание русского языка, литературы и традиций. В центре было организовано более 500 мероприятий, таких как литературные и музыкальные вечера, посвящённые русским и азербайджанским писателям, поэтам, композиторам. В центре организуется празднование Пасхи, Масленицы. В центре функционируют ансамбли «Играй, гармонь» и «Нежность», танцевальная студия, детские коллективы и детский кукольный театр. На основе изложенного можно твердо заявить, что Центр укрепляет межкультурное взаимодействие азербайджанского и русского народов.

В 2019 году в стенах Государственной Думы Российской Федерации при непосредственном участии Центра российско-азербайджанской дружбы, работающего при межпарламентской группе дружбы Россия – Азербайджан, был организован круглый стол «Культурные мосты между Россией и Азербайджаном как основа для межкультурного диалога». На организованном мероприятии при участии видных деятелей азербайджанской и российской культур были озвучены предложения по интенсификации более тесного сотрудничества в гуманитарном секторе взаимодействия стран. Отдельной темой была определена возможность создания и укрепления общего информационного пространства. Дополнительно в ходе совещания была отмечена важность освещения различных культурных и молодежных событий при помощи виртуальных источников информации, таких как средства массовой информации и социальные сети. Данное решение было направлено на молодежь, проводящую много времени во всемирной паутине.

Известно, что ковроделие – это один из традиционных видов декоративно-прикладного искусства Азербайджана. При поддержке Московского бюро ЮНЕСКО был выпущен диск под названием «азербайджанские ковры». Традиционное искусство тканья азербайджанских ковров в Азербайджане было внесено в репрезентативный список ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию человечества. В феврале 2020 года в Музее Востока в столице России в г. Москве прошла выставка под названием «Эхо советского Азербайджана» [Выставка «Эхо советского Азербайджана», 2020]. На выставке

были представлены работы мастеров двадцатого века. На выставке было множество работ, среди которых были такие ковры, на которых размещались отрывки трудов восточных творцов литературы и канонические суры. Не менее интересным явлением были также портретные ковры. В Советском Азербайджане ткали ковры с изображением известных деятелей не только Советского Союза, но и известных зарубежных представителей. Делались ковры с изображением политических деятелей В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Немаловажным направлением является здравоохранение. Еще общенациональный лидер Азербайджана Гейдар Алиев, а до этого член Политбюро ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета Министров СССР, сделал ряд важнейших шагов, которые оказали существенное значение для развития инновационной медицины в СССР [Алиев, 2000]. Благодаря Г.А. Алиеву в 1986 году был одобрен проект, на основе которого впоследствии был создан научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза». Не менее существенным был вклад азербайджанского политика в советскую и российскую медицину, связанную с кардиологией. Благодаря его непосредственной поддержке молодой и талантливый хирург-кардиолог Р. Акчурин смог организовать научно-исследовательский центр кардиохирургии. Примечательно, что именно Р. Акчурин произвел успешную операцию на открытом сердце первого президента Российской Федерации Бориса Ельцина. Конечно, глава Азербайджана Гейдар Алиев внес немалый вклад в развитие здравоохранения в стране. Данные традиции сохранились и в настоящее время – молодые специалисты, азербайджанские врачи проходят стажировки в российских клиниках и обучаются во всемирно признанных профессиональными российских медицинских академиях. Между врачами двух стран регулярно проводятся круглые столы, на которых специалисты обсуждают проблемы разного рода заболеваний и современных методов их лечения, возможностей проведения совместных операций, обмена опытом и поддержки дружественных во врачебной среде отношений. Из таких встреч можно отметить заседания, посвященные инфекционным заболеваниям, организуемые в Москве НИИ пульмонологии РАН и Российско-респираторным обществом.

Не менее важное место в гуманитарных связях двух стран занимает литература. Произведения таких великих писателей и поэтов, как В.В. Маяковский, С.А. Есенин, А.С. Грибоедов, Х. Ширвани, Н. Гянджеви, Н. Туси, Х. Натаван до сих пор очень популярны как в Азербайджане, так и в России. Так, например, трилогия современного азербайджанского писателя Кямала Абдуллы «Под сенью Карагача» была по достоинству отмечена российскими экспертам, в частности, Георгий Пряхин ни много ни мало поставил данное произведение в один ряд с лучшими произведениями мировой литературы, рекомендуя ее к обязательному прочтению русскому читателю [Пряхин, 2015]. Летом 2016 года в Дагестане был организован автопробег, посвященный 93-летию Р. Гамзатова, где флаги двух стран гордо веяли в унисон с праздником, показывая, как близки два государства в своих связях. В рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки прошел уже XIII Международный конкурс государств-участников СНГ «Искусство книги», постоянным участником которого является и Азербайджан [Лебедев, 2009]. На XIII съезде азербайджанские писатели получили семь премий в номинациях «Содружество», «Диалог культур» и «Арт-книга». В соответствии с государственной доктриной в Азербайджане традиционно продолжают интересоваться российской литературой, в частности, по инициативе фонда Гейдара Алиева и министерства культуры Азербайджана в современном Бакинском центре Гейдара Алиева были проведены мероприятия, посвященные 200-летию Михаила Лермонтова, который очень полюбил Азербайджан в ходе своего непродолжительного визита в Баку в 1837 году, где и записал азербайджанскую версию «Ашик-Гариб» совместно с Фатали Ахунзаде. На мероприятии звучало произведение Эдуарда Артемьева «Ангел».

26 марта 2015 года в Екатеринбурге был проведен литературный вечер «Россия и Азербайджан, поэзия и история» [Преображенская, 2018], проводимый в рамках Указа Президента России В.В. Путина о проведении в Российской Федерации года литературы.

На мероприятии под красочное слайд-шоу были зачитаны великолепные стихи, поэмы Н. Гянджеви «Хосров и Ширин», стихотворение С. Вургуна об Азербайджане, белорусской поэтессы Е.Я. Лось «О Баку». Целями данного мероприятия стало развитие интереса к национальной литературе, стремление к повышению культурного уровня подрастающего поколения, сближению, взаимопониманию и укреплению дружбы между народами, к диалогу и духовному взаимообогащению.

Укреплению гуманитарных связей способствует и развитие межгосударственного туризма [Гамбаров Т.Р., Пахомова А.В., 2016, с. 82–87]. Прошедший 2019 год запомнился положительной динамикой в данном направлении, этому способствовали немногие ключевые причины. Временное закрытие в 2016–2017 годах турецких курортов для российских туристов, привыкших к высокому уровню турецкого сервиса при минимальных ценах на берегу вечно солнечного Средиземного моря, стало настоящим фиаско. Как результат – перераспределение туристических потоков на поиски новых направлений. И одним из них стал Азербайджан, обладающий большим потенциалом в данном направлении, когда от берегов Каспийского моря до вечно заснеженных горнолыжных склонов Шахдага всего 3 часа езды, низкие цены ввиду снижения курса национальной валюты – маната, упрощенный безвизовый режим сделали поездки более доступными и привлекательными. Немаловажным фактором стал и довод близости культур двух стран, наличие широко распространенного русского языка в Азербайджане, что делало путешествие в страну Огней для российских туристов более интересным, непринужденным и запоминающимся. Все эти факторы способствовали и открытию дополнительных новых рейсов из России в Азербайджан и обратно, например, «Уральские авиалинии» открыли авиарейс Габала – Москва – Габала, что сделало прилет в один из красивейших городов Азербайджана наиболее простым для туристов, у которых раньше не было альтернативы, кроме как прилет через Баку. «Комиавиатранс» получил допуск на совершение полетов в Баку из Нижнего Новгорода, Самары и Калуги. Так, по данным Бюро по туризму Азербайджана, количество российских туристов, которые в 2019 году посетили страну, составило более 930 тысяч человек [Бюро по туризму Азербайджана, 2020]. Все эти факторы, конечно, помогают россиянам узнать больше об Азербайджане, о его культуре и традициях, что, естественно, положительно отразится в будущем на двухсторонних отношениях между народами.

Подводя итог обзору гуманитарных связей между Азербайджаном и Россией, следует отметить, что в период сложных политических и экономических волнений надежным способом поддержки добрых и крепких отношений остается обычный человеческий фактор, азербайджанский и российский народы подтверждают эту парадигму делом, укрепляя свои связи из года в год и открывая новые горизонты для взаимного сотрудничества. Но тем не менее всего этого могло бы и не быть, если бы не теплые и дружественные связи между государственными аппаратами двух стран и их лидеров в частности. Тем не менее работы остается еще много, ведь нет предела совершенству, а учитывая тот потенциал, каким обладают два государства в области гуманитарных связей, останавливаться нельзя и, используя все доступные методы, нужно укреплять достигнутые успехи и реализовывать поставленные задачи. Учитывая же историю взаимоотношений, можно с уверенностью заявить, что перспектива очевидна и вопрос реализации проектов не заставит себя долго ждать в будущем.

Список литературы

1. Агабалаева С.А. 2018. Роль журнала «Азербайджан» в повышении художественно-эстетического познания народа. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 1(78): 58–62.

2. Адыгезалов Г.В. 2008. «Литературный Азербайджан» о связях А.С. Грибоедова с Азербайджаном (современный взгляд на проблему). Научная мысль Кавказа, 34: 70–75.

3. Алиева-Мамедова Г. 2016. Азербайджан в начале XXI века. Гилея: Научный вестник, 110 (7):150–152.

4. Алиева З.М. 2015. Россия и Азербайджан: перспективы развития торгово-экономических отношений. Via scientiarum – дорога знаний, 3: 64–68.

5. Алиев Т.Г. 2008. Важнейшие факторы развития внешнеторговых связей между Азербайджаном и Россией. Региональная экономика: теория и практика, 4: 22–27.

6. Алиев Т.Г. 2017. Направления улучшения внешнеторговых связей между Азербайджаном и Россией. International journal of innovative technologies in economy, 3: 10–12.

7. Бюро по туризму Азербайджана. 2020. URL: http://www.tourbus.ru/news/15723.html.

8. Визит В.В. Жириновского в Баку. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qlsIvg3bmHA.

9. В Третьяковской галерее открылся вернисаж «Созвездие Апшерона». 2016. URL: https://vestikavkaza.ru/news/V-Tretyakovskoy-galeree-otkrylsya-vernisazh-Sozvezdie-Apsherona.html.

10. Выставка Эхо советского Азербайджана. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eqKKjVhR2io.

11. Воронина Т.В. 2011. Развитие интеграционного сотрудничества между Россией и Азербайджаном в рамках СНГ. Вестник Ростовского государственного экономического университета, 1: 112–121.

12. Гасанов О.С., Рыжов И.В. 2017. Современное состояние российско-азербайджанских отношений. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=22701.

13. Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией. URL: kremlin.ru/supplement/250.

14. Дни Дагестана в Азербайджане – выставка, потрясающий концерт. URL: https://www.trend.az › TrendLife.

15. Дни культуры Азербайджана в Костроме. URL: fnkaa.ru/дни-культуры-Азербайджана-в-Костроме.

16. Директор Центра русской культуры Азербайджана Галина Манафова: Не мыслю жизни без Баку. 2018. URL: https://moscow-baku.ru/news/culture/direktor_tsentra_russkoy_kultury_azerbaydzhana_galina_manafova_ne_myslyu_zhizni_bez_baku.

17. Информация о VI Международном конкурсе «Искусство книги» государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=15374.

18. Мирзазаде Л.Ф. 2018. Фактор взаимодействия культур в политической стратегии: Азербайджан – Россия. Paradigmata poznani, 3: 52–55.

19. Мустафаева Р.С. 2015. Россия – Азербайджан: роль диаспор в развитии культурно-гуманитарного сотрудничества. Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: stadia historica jenium, 1: 99–101.

20. Мустафаева Р.С. 2016. Россия – Азербайджан: законодательная база СНГ в культурно-гуманитарной области. Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: stadia historica jenium, 1: 184–195.

21. Национальный состав России URL: http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii.

22. Пахомова А.В., Гамбаров Т.Р. 2016. Сравнительный анализ потоков и факторы развития туризма в России в Республике Азербайджан. Актуальные проблемы экономики и менеджмента, 1: 82–87.

23. Пряхин Г. У меня в душе всегда жива добрая, теплая память о Баку. URL: https://www.trend.az/life/interview/2474925.html.

24. Рагимов Р. 2018. Рост курса русскоязычного обучения в Азербайджане: неполноценность, возможность или вызов? Евразийский ежедневный мониторинг, 201.

25. Речь Президента Азербайджана Гейдара Алиева на церемонии открытия памятника гениальному русскому поэту А.С. Пушкину. URL: http://lib.aliyev heritage.org/ru/8191391.html.

26. Смирнов Д.О. 2013. Россия – Азербайджан: направления и перспективы партнерства. Вестник МНЭПУ, 6: 25–29.

References

1. Agabalayeva S.A. 2018. Rol zhurnala «Azerbaydzhan» v povyshenii khudozhestvenno-esteticheskogo poznaniya naroda. Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:

gumanitarnyye i sotsialnyye nauki [The role of the Azerbaijan magazine in enhancing the artistic and aesthetic knowledge of the people. Scientific notes of Orel state university. Series: humanitarian and social sciences]. 1(78): 58–62 (in Russian).

2. Adygezalov G.V. 2008. «Literaturnyy Azerbaydzhan» o svyazyakh A.S. Griboyedova s Azerbaydzhanom (sovremennyy vzglyad na problemu). Nauchnaya mysl Kavkaza [«Literary Azerbaijan» about A.S. Griboedov with Azerbaijan (modern view of the problem). Scientific thought of the Caucasus]. 34: 70–75 (in Russian).

3. Aliyeva-Mamedova G. 2016. Azerbaydzhan v nachale XXI veka. Gileya: Nauchnyy vestnik [Azerbaijan at the beginning of the XXI century. Scientific Herald]. 110 (7): 150–152 (in Russian).

4. Aliyeva Z.M. 2015. Rossiya i Azerbaydzhan: perspektivy razvitiya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy. Via scientiarum – doroga znaniy [Russia and Azerbaijan: prospects for the development of trade and economic relations. Via scientiarum – knowledge road]. 3: 64–68 (in Russian).

5. Aliyev T.G. 2008. Vazhneyshiye faktory razvitiya vneshnetorgovykh svyazey mezhdu Azerbaydzhanom i Rossiyey. Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [The most important factors in the development of foreign trade relations between Azerbaijan and Russia. Regional economy: theory and practice]. 4: 22–27 (in Russian).

6. Aliyev T.G. 2017. Napravleniya uluchsheniya vneshnetorgovykh svyazey mezhdu Azerbaydzhanom i Rossiyey [Directions for improving foreign trade relations between Azerbaijan and Russia]. International journal of innovative technologies in economy. 3: 10–12 (in Russian).

7. Byuro po turizmu Azerbaydzhana [Azerbaijan Tourism Bureau]. 2020. URL: http://www.tourbus.ru/news/15723.html (in Russian).

8. Vizit V.V. Zhirinovskogo v Baku 2014 [Visit V.V. Zhirinovsky to Baku 2014]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qlsIvg3bmHA (in Russian).

9. V Tretiakovskoy galereye otkrylsya vernisazh «Sozvezdiye Apsherona» [In the Tretyakov Gallery opened the vernissage «Constellation Absheron»]. 2016. URL: https://vestikavkaza.ru/news/V-Tretyakovskoy-galeree-otkrylsya-vernisazh-Sozvezdie-Apsherona.html (in Russian).

10. Vystavka Ekho sovetskogo Azerbaydzhana [Exhibition Echo of Soviet Azerbaijan]. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eqKKjVhR2io (in Russian).

11. Voronina T.V. 2011. Razvitiye integratsionnogo sotrudnichestva mezhdu Rossiyey i Azerbaydzhanom v ramkakh SNG. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [The development of integration cooperation between Russia and Azerbaijan within the CIS. Bulletin of the Rostov State University of Economics]. 1: 112–121 (in Russian).

12. Gasanov O.S. Ryzhov I.V. 2017. Sovremennoye sostoyaniye rossiysko-azerbaydzhanskikh otnosheniy [The current state of Russian-Azerbaijani relations]. URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=22701 (in Russian).

13. Deklaratsiya o druzhbe i strategicheskom partnerstve mezhdu Azerbaydzhanskoy Respublikoy i Rossiyskoy Federatsiyey [Declaration of friendship and strategic partnership between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation]. URL: kremlin.ru/supplement/250 (in Russian).

14. Dni Dagestana v Azerbaydzhane – vystavka. potryasayushchiy kontsert [Days of Dagestan in Azerbaijan – an exhibition, a stunning concert]. URL: https://www.trend.az ›TrendLife (in Russian).

15. Dni kultury Azerbaydzhana v Kostrome [Days of Culture of Azerbaijan in Kostroma]. URL: fnkaa.ru/dn-culture-Azerbaijan-in-Kostrome (in Russian).

16. Direktor Tsentra russkoy kultury Azerbaydzhana Galina Manafova: Ne myslyu zhizni bez Baku [Director of the Center for Russian Culture of Azerbaijan Galina Manafova: I can not imagine life without Baku]. 2018. URL: https://moscowbaku.ru/news/culture/direktor_tsentra_russkoy_kultury_azerbaydzhana_galina_manafova_ne_ myslyu_zhizni_bez_baku/.(in Russian).

17. Informatsiya o VI Mezhdunarodnom konkurse «Iskusstvo knigi» gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv [Information on the VI International Competition «Art of the Book» of the States Parties to the Commonwealth of Independent States]. URL: http: //www.cis.minsk.by/page.php? Id = 15374 (in Russian).

18. Mirzazade L.F. 2018. Faktor vzaimodeystviya kultur v politicheskoy strategii: Azerbaydzhan – Rossiya [The factor of interaction of cultures in political strategy: Azerbaijan – Russia]. Paradigmata poznani, 3: 52–55 (in Russian).

19. Mustafayeva R.S. 2015. Rossiya – Azerbaydzhan: Rol diaspor v razvitii kulturno-gumanitarnogo sotrudnichestva. Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [The role of diaspo-

ras in the development of cultural and humanitarian cooperation. Bulletin of the scientific association of students and postgraduates of the historical faculty of Perm state humanitarian-pedagogical university. Series: stadia historica jenium]. 1: 99–101 (in Russian).

20. Mustafayeva R.S. 2016. Rossiya – Azerbaydzhan: Zakonodatelnaya baza SNG v kulturno-gumanitarnoy oblasti. Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: stadia historica jenium [Russia-Azerbaijan: The legislative base of the CIS in the cultural and humanitarian field. Bulletin of the scientific association of students and postgraduates of the historical faculty of perm state humanitarian-pedagogical university. Series: stadia historica jeniu]. 1: 184–195 (in Russian).

21. Natsionalnyy sostav Rossii [National composition of Russia]. URL: http: //www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii (in Russian).

22. Pakhomova A.V.. Gambarov T.R. 2016. Sravnitelnyy analiz potokov i faktory razvitiya turizma v Rossii v Respublike Azerbaydzhan. Aktualnyye problemy ekonomiki i menedzhmenta [Comparative analysis of flows and factors in the development of tourism in Russia in the Republic of Azerbaijan. Actual problems of economics and management]. 1: 82–87 (in Russian)

23. Pryakhin G. U menya v dushe vsegda zhiva dobraya, teplaya pamyat o Baku [A kind, warm memory of Baku is always alive in my soul – a writer]. URL: https://www.trend.az/life/interview/2474925.html (in Russian).

24. Ragimov R. 2018. Rost kursa russkoyazychnogo obucheniya v Azerbaydzhane: nepolnotsennost. vozmozhnost ili vyzov? Evraziyskiy ezhednevnyy monitoring [Rising Profile of Russian-Language Schooling in Azerbaijan: Inferiority, Opportunity or Challenge? Eurasia Daily Monitor]. 201 (in English).

25. Rech Prezidenta Azerbaydzhana Geydara Aliyeva na tseremonii otkrytiya pamyatnika genialnomu russkomu poetu A.S. Pushkinu [Speech of President of Azerbaijan Heydar Aliyev at the opening ceremony of the monument to the genius Russian poet Alexander Pushkin]. URL: http: //lib.aliyev heritage.org/ru/8191391.html (in Russian).

26. Smirnov D.O. 2013. Rossiya – Azerbaydzhan: napravleniya i perspektivy partnerstva. Vestnik MNEPU [Russia – Azerbaijan: directions and prospects for partnership. Vestnik MNEPU]. 6: 25–29 (in Russian).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Бородина М.Ю., Гасанов О.С. 2020. Гуманитарные аспекты сотрудничества России и Азербайджана в XXI веке. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 427–436. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-427-436.

Borodina M.U., Gasanov O.S. 2020. Humanitarian aspects of cooperation between Russia and Azerbaijan in the 21st century. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 427–436 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-427-436.

УДК 321.01
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-437-448

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕФИЦИТЫ, «ГОСУДАРСТВО БЛАГОДЕНСТВИЯ» И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТОВ И МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ

INSTITUTIONAL DEFICITS, THE «WELFARE STATE» AND STATE SOCIAL POLICY: THE ESSENCE OF CONCEPTS AND POLICY MODELS

О.В. Глацких
O.V. Glatskikh

Среднерусский Институт управления – филиал РАНХиГС,
302028, г. Орел, бульвар Победы, д. 5а
Central Russian Institute of management – branch of Ranepa
5a Victory Boulevard, 302028, Orel, Russia

E-mail: olgaglats@gmail.com

Аннотация
Автор исследует серьезную научно-прикладную проблему институциональных дефицитов, являющихся, с одной стороны, базой социальных проблем. С другой стороны, дефициты коррелируют с отсутствием необходимых у государства ресурсов для проведения эффективной социальной политики. Научная проблематика дефицитов, в том числе институциональных дефицитов, была задействована из экономической теории и интегрирована в исследования государственной социальной политики как самостоятельного направления в политической науке в 70–80 годы XX века. Исследования проблематики дефицитов вне зависимости от социалистической или капиталистической системы качества планирования и управления отраслями и сферами в государстве могут обострять или смягчать явления дефицита. На основе имеющейся теории и эмпирической информации автор анализирует причины появления институциональных дефицитов в современных обществах, включая современную Россию, приводит примеры дефицитов: социальное неравенство, экстерналии, таргетирование государством и бизнесом таких традиционных институтов, как профсоюзы. В данной статье автором предлагается периодизация государственной социальной политики, которую коррелируют с типами государственной социальной политики.

Abstract
The author explores a serious scientific and applied problem of institutional deficits, which are, on the one hand, the basis of social problems. On the other hand, deficits correlate with the lack of resources necessary for the state to implement effective social policy. Scientific problems of deficits, including institutional deficits, were used from economic theory and integrated into the research of state social policy as an independent direction in political science in the 70–80 years of the twentieth century. Research on the problem of deficits, regardless of the socialist or capitalist system, the quality of planning and management of industries and spheres in the state can exacerbate or mitigate the phenomenon of deficits. Based on the available theory and empirical information, the author analyzes the causes of institutional deficits in modern societies, including modern Russia, and provides examples of deficits: social inequality, externalities, and targeting by the state and business of traditional institutions such as trade unions. In this article, the author proposes the periodization of state social policy, which correlate with the types of state social policy.

Ключевые слова: социальная политика, институциональные дефициты, государственная социальная политика, государство благоденствия.
Key words: social policy, the institutional deficits of the state social policy, welfare state.

В последние годы в Российской Федерации, несмотря на значительные усилия института государства, федеральных, региональных и местных властей, острота социальных проблем существенно не снижается. Такое положение дел актуализирует постановку в политическую повестку дня эффективность государственной социальной политики применительно к основным социальным слоям и группам населения. Причем социальная политика государства должна быть проанализирована с последующим принятием политических решений в четырех аспектах.

Во-первых, это соответствие социальных реалий с декларированием в Конституции РФ социального государства. Во-вторых, эффективность функционирования институтов, следствием которого должны стать позитивные институциональные изменения. В-третьих, это наличие институциональных дефицитов, формирующих социальные волнения в обществе. В-четвертых, это реализация государственных программ и национальных проектов, которые ориентированы на преодоление институциональных дефицитов и решение социальных проблем современного российского общества. В этой связи для автора ключевым направлением исследования сложившейся острой социальной ситуации являются концепты «институциональных дефицитов» и «государственной социальной политики».

Научная проблематика дефицитов, в том числе институциональных дефицитов, была задействована из экономической теории и интегрирована в исследования государственной социальной политики как самостоятельного направления в политической науке в 70–80 годы XX века. Одним из разработчиков дефиниции «дефициты» стал Я. Корнаи, который полагал, что синдром дефицита – это «комплексное явление: на его появление влияют несколько факторов. Это проблема как микро-, так и макроуровня» [Корнаи, 1990б, с. 113]. В научном дискурсе о причинах появления и проявлениях дефицита Я. Корнаи акцентировал внимание на том, что дефицит означает, что для реализации какого-либо намерения, плана, к примеру, со стороны института государства, отсутствуют необходимые ресурсы. И при этом «дефицит нельзя описать с помощью одного-единственного показателя» [Корнаи, 1990а, с. 58].

Я. Корнаи видел в социальной сфере, с одной стороны, проявления разных дефицитов, к примеру, рабочей силы на рынке труда, с другой стороны, оборотной стороной дефицитов, как негативного проявления, является проблематика «избытка». Данное понятие исследователь операционализировал в обобщенном смысле, поскольку «избыток», по мнению автора, предполагал негативную, осуждающую коннотацию, свидетельствующую о расточительстве любой политики, о серьезных потерях при использовании ресурсов. При этом, по оценке Я. Корнаи, такой дисбаланс возникал и воспроизводился в рамках любой социально-экономической системы, независимо от того, что, например, характеризует «рынок труда, – дефицит или избыток» [Корнаи, 2012, с. 173].

Кстати, подмечал автор исследования проблематики дефицитов, вне зависимости от социалистической или капиталистической системы качество планирования и управления отраслями и сферами в государстве могут «обострять или смягчать явления дефицита» [Корнаи, 2012, с. 173]. Один из трендов состояния государственной политики занятости в ряде стран Западной и Восточной Европы, бывших республик СССР, может характеризоваться двумя чертами. С одной стороны, наличием резервного рынка труда (безработные), с другой стороны, поисками работодателями трудовых ресурсов. Другими словами, профессиональная квалификация тех, кто ищет работу, не коррелирует с их профессиональной подготовкой, востребованной для новых рабочих мест. И зачастую, по мысли Я. Корнаи, преодолеть этот разрыв невозможно. Еще один ракурс: в условиях избытка может быть характерно и высокое социальное неравенство доходов и уровня благосостояния, что говорит о наличии институциональных дефицитов и системных провалов государственной социальной политики.

Вслед за Я. Корнаи данную проблематику продолжили К. Калхун, М. Олсон, С. Хедлунд. В частности, К. Калхун, директор Лондонской школы экономических и политических наук, выдвинул гипотезу о том, что необходимый для любой страны экономиче-

ский рост, который обеспечивает система интеракций бизнеса и государства, приносит свои серьезные издержки в виде глобальных проблем в экологии, включая экстерналии, социальных волнений и углубляющегося социального неравенства. При этом К. Калхун поясняет, что параллельно издержкам для различных страт общества главными мишенями такой политики являются «институциональные структуры» [Калхун, 2017, с. 247].

Одним из наиболее сложных институциональных дефицитов в современной России является проблема социального неравенства. Проиллюстрируем это цифрами. К примеру, по информации заместителя директора Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН А. Шарова, если в 2008 году «на долю 20 % наиболее состоятельных домохозяйств приходилось 43,8 % совокупных денежных доходов» [Пашем…, 2020, с. 6–7], то десятью годами позже (по итогам 2018 г.) – уже 46,2 %. Как полагает профессор РАНХиГ С.А. Овсянников, уровень социального неравенства в России равен 16 %, а по факту «намного больше, коэффициент соотношения богатых и бедных определен на уровне 10 %» [Неравный враг, 2020, с. 4]. В США этот индикатор равен 16 %, в ФРГ и скандинавских странах – 7 %.

По официальным данным заместителя председателя правительства РФ Т.А. Голиковой, на начало 2000 г. в стране «около 18,5 млн россиян находилось за чертой бедности» [Голикова сообщила…, 2020, с. 2]. Согласно цифрам доктора экономических наук И. Николаева, по итогам 2018 г. (данные исследования банка CreditSuisse) число долларовых миллионеров достигло 246 тыс. человек. При этом, как отмечает данный исследователь, «83 % общего благосостояния в России находится в руках 10 % состоятельных граждан» [В мире запахло революцией…, 2019, с. 8]. Не лучше ситуация и в мире. Цифры, которые приводятся в исследовании благотворительного объединения Oxfam, в руках «2 153 миллиардеров сосредоточено состояние равное всему, чем владеют 60 % населения Земли» [Чтобы жить на зарплату…, 2020, с. 12].

Набирающая свой вес в разрезе институциональных дефицитов в российском обществе неблагоприятная экология, экстерналии как следствие алчности бизнеса и попустительства органов власти и управления в регионах РФ. По оценке Счетной палаты, загрязненным воздухом «дышат 56 миллионов жителей России в 143 городах, ежегодно страна теряет около 300 тысяч га леса» [Выжутович, 2020, с. 3]. Более того, агрессивные действия бизнес-структур, расширяющих свои производства без ущерба жизни населения и экологических стандартов, вызывают социальные волнения и акции протеста (протест одного требования). Такие социальные конфликты от произошедших или потенциальных экстерналий возникли в Курской («Мираторг») и Воронежской областях (УГМК).

М. Олсон в своей работе «Власть и процветание» в разрезе институциональных дефицитов подчеркивает факт того, что, к примеру, вред, приносимый загрязнением окружающей среды, является образцовым примером провала рынка. Разумеется, полагает исследователь, фирмы, создающие экологические проблемы, могли бы оплачивать потери общества от загрязнения окружающей среды – часть продукции «обходится обществу дороже, чем получаемый от ее производства выигрыш» [Олсон, 2012, с. 75]. Государство, являясь доминирующим институтом, может обеспечивать снижение транзакционных издержек (действовать более эффективно в интересах граждан). Но они (бизнес и государство) этого во многих случаях не делают, и общество логично становится жертвой данной экстерналии (внешнего эффекта от производства).

О.И. Уильямсон в этом случае предлагает два вида ответных мер со стороны общества: «мотивационные и учетные» [Уильямсон, 1996, с. 340]. В одном случае в рамках публичного управления необходимо мотивировать бизнес для недопущения экстерналий. С другой стороны, в системе взаимодействия государства и общества вести учет экологических издержек, выставляя счет предприятиям (фирмам) за произошедшие экологические катастрофы, негативно повлиявшие на среду и общество.

С. Хедлунд в своем исследовании «Невидимые руки, опыт России и общественная наука» также уделяет большое внимание институциональным дефицитам, приводя в каче-

стве примера амбициозного перехода страны в 1990-е годы от централизованного планирования и коммунизма к рыночной экономике и капитализму. Этот автор называет процесс перехода системным провалом. Следствием этого провала стали институциональные дефициты (социальное неравенство, таргетирование профсоюзов и других институтов). Кстати, период социального управления в «нулевых» годах XXI века он также оценивает критически «как стабильно провальные попытки государства «вырваться из тисков неудачных институциональных решений» [Хедлунд, 2015, с. 23].

Один из авторитетных отечественных исследователей государственной социальной политики РФ Е.Ш. Гонтмахер отмечает, что в начале 90-х годов исполнительная власть в стране утратила интерес к социальной проблематике, сконцентрировав свои усилия только на экономических преобразованиях, скорее декларативно выстраивая каркас «социальным государства» в Конституции РФ 1993 года. Правда, при этом формировалось законодательство по основным секторам социальной сферы, а также по поддержке наиболее обездоленных категорий населения: пенсионеры, инвалиды, вынужденные переселенцы и др. Кроме того, в правовом режиме был закреплен принцип равенства всех организационно-правовых «форм проведения социальной политики и признано право на существование в социальной сфере негосударственных организаций» [Гонтмахер, 2001, с. 8].

Е. Гонтмахер называет итоги социальных реформ 1990-х годов противоречивыми. Да, институционализировались государственные и негосударственные формы проведения социальной политики, сама политика оформилась в рамках общепризнанных черт. Вместе с тем государственная политика была гигантским шагом назад в сравнении с советским опытом и практиками. Это была политика в интересах крупного бизнеса и олигархата, политика запаздывания и «латания дыр». Основной причиной такого положения дел стало то, что госполитика находилась в противоречии со слабой ресурсной базой для поддержки основных социальных страт, демонстрировавшей провалы государства и рынка в конкретной стране, вызывавшей высокую смертность и массовое общественное озлобление.

Еще один западный исследователь В. Долфсма предложил в своем исследовании выверенную структурную основу для анализа провалов государства в рамках социального и институционального подходов. Более того, данный автор ввел в научный оборот и обосновал четыре основных типа провалов государства. В основе типологизации В. Долфсма лежат правила для акторов, участвующих в управленческих процессах. И эти правила «могут оказаться (1) слишком подробными, (2) слишком общими, (3) волюнтаристскими и (4) конфликтующими с другими правилами» [Долфсма, с. 82]. И, разумеется, такой перечень областей провалов государства, по оценке В. Долфсма, дает нам основание к исследованию различных проблем, к числу которых относятся и институциональные дефициты. Проблемы, ставшие таковыми, в том числе из-за неоптимального или «плохого» управления.

Институциональные дефициты логично отнести к социальным проблемам с характерными подходами к их решению. Кстати, в политической науке сложилась и научная дефиниция типологии проблем – issue typologies. Исследование же социальных проблем в зарубежной и отечественной политической науке осуществляется, как правило, в рамках изучения проблематики политического цикла. При этом, как отмечает Б.Дж. Нельсон, в исследованиях авторами делается основной акцент не столько на моделях действий политических структур на избранных для анализа стадиях политического цикла, а на разнообразных группах проблемных вопросов, каждый из которых по-своему отражает «способ организации отношений между отдельными людьми, социальными группами и государством» [Нельсон, 1999, с. 550].

Характерно, что еще в 50-х годах XX века четыре американских политолога (А. Кэмпбелл, Ф. Конверс, У. Миллер и Д. Стукс) в классической работе «Американский избиратель» выделили два типа проблем: *позиционные и знаковые*. Исследуя позиционные проблемы, стоит определить их в ракурсе противоречий и разногласий, возникших у конкретных индивидов (акторов) в понимании целей деятельности органов власти и управления, включая правительство национального государства. В свою очередь, знаковые про-

блемы представляют собой некую подсистему символических предпочтений (комплекс убеждений).

На наш взгляд, логично рассматривать институциональные дефициты, в том числе и в России, с одной стороны, как проблемы, с другой стороны, в данном разрезе обоснованно выделять позиционные и знаковые институциональные дефициты. К примеру, социальное неравенство и экстерналии в РФ стоит рассматривать как позиционные институциональные дефициты, поскольку они являются следствием разногласий различных групп и политических акторов на их возникновение и перспективы их решения. Что касается второго типа проблем, то, к примеру, «дефицит демократии», активно присутствующий в европейском официальном дискурсе, – это знаковый институциональный дефицит. Ведь «дефицит демократии» связан «с механизмами политического представительства» [Шульга, 2014, с. 162–164] как подсистемой символических предпочтений. В этом ракурсе в современной России стоит выделить не только дефицит демократии, но и дефицит гражданского общества, дефицит идентичности, дефицит объединяющей национальной идеи (государственной идеологии).

Кстати, в основе второго типа знаковых проблем находится социальное признание их общезначимости. И, как отмечал основатель символического интеракционизма Дж.Г. Мид, «лучший ключ к этой значимости мы находим в мире, в котором возникают наши проблемы» [Мид, с. 70]. Именно со знаковыми проблемами, которые исследуют и отечественные ученые-политологи, связана символическая политика. По оценке О.Ю. Малиновой, символическую политику стоит представлять как широкую деятельность, ориентированную на производство различных видов «интерпретации социальной реальности» [Малинова, с. 191] и противодействием (борьбой) различных акторов в публичном пространстве. При этом символическая политика не является антагонизмом реальной политики, она является её аспектом.

Политолог из США Теодор Дж. Лоуи, областью исследований которого была американская политика правительства и публичная политика, акцентировал внимание на том, что либеральное государство выросло до огромных размеров присутствия, его модель роста вызвала проблематичные последствия. Данный исследователь полагает, что с возникновением либерализма как общественной философии было положено «начало коррупции современного демократического правительства» [Лоуи, 2003, с. 396]. Правительство, считает автор, отвечая на требования основных организованных групп интересов в стране, разрабатывает и реализует новые стратегии, которые оформляют тиски этих групп интересов на теле государственного организма.

Для определения сущности институциональных дефицитов и их выправления в политических практиках востребованы институты, включая институт государства. В научном политологическом дискурсе относительно института государства, участвующего в решении социальных проблем общества, имеется два основных концепта: «социальное государство» и «государство благоденствия» (welfare-state). По нашему мнению, эти понятия близки, но не тождественны. Западный исследователь Дж. Вейт-Уилсон отмечает, что общепринятого определения государства благосостояния нет. Правда, между государствами, обеспечивающими качественный уровень благосостояния всем социальным стратам, и государствами, которые создают условия благоденствия только для части своих граждан, есть сущностные различия. В данном случае, если государства второго образца хотели бы иметь право именоваться государствами благосостояния, тогда характеристика «государство благоденствия» можно применять к любому государству по той причине, что все индустриальные государства предоставляют социальные блага гражданам, «даже если это только элиты» [Вейт-Уилсон, 2001, с. 130–131].

Значит, вопрос не только и не столько в государстве, в его определении (к примеру, «социальное»), сколько в проводимой им государственной социальной политике. Ряд зарубежных и отечественных исследователей проблематики государственной политики четче конкретизируют содержание «социальной политики». К примеру, Дж. Маджоне справедли-

во полагает, что социальная политика представляет собой некое равновесие, которое достигается в рамках политического процесса в определенном пространственно-временном континууме «в ходе борьбы соперничающих групп интересов» [Маджоне, 1999, с. 591]. Соответственно, в результате изменения соотношения интересов этих групп и власти изменяется политический курс, реализуемый этой властью. Причем иногда существенно.

Впрочем, преувеличивать соперничество групп интересов, влияющих на изменение курса, не стоит. И на это, к примеру, обращает внимание М. Олсон, справедливо полагающий, что совпадение интересов этих групп не является достаточным условием для создания активных групп, способных заставить правительство прислушаться к их требованиям. Ведь у некоторых групп может оказаться «больше политической силы, чем у других» [Олсон, 2012, с. 80]. И они могут достигнуть сделок с правительством только для себя, а не для приращения общего (коллективного) блага.

Отечественный исследователь В.Д. Роик понимает под социальной политикой то, что она, эта политика, определяет взаимоотношения основных субъектов общества «по поводу социального и материального положения населения» [Роик, 2019, с. 17]. При этом он выделяет социальную политику в рамках всего социума (общества), в организации (корпорации), в регионе, в рамках муниципальных образований (МСУ). А.И. Олейник с понятием «социальная политика» связывает государственное вмешательство в социальные, экономические и политические процессы. При этом автор считает, что под такой политикой логично понимать именно «систематическое воздействие государства на политику домохозяйств на различных ранках» [Олейник, 1998, с. 139].

Разумеется, любой тип государственной политики (государственной социальной политики) в национальном государстве реализуется в рамках устоявшихся моделей такой политики. Анализом теории и прикладных практик при реализации моделей государственной социальной политики занимались как зарубежные ученые (Г. Терборн, Г. Эспинг-Андерсоен, Н. Мэннинг, Т. Маршал, Я. Корнаи и др.), так и отечественные специалисты (С.Н. Надель, В.П. Милецкий, В. Роик и др.). Шведский ученый Й. Терборн, долгое время работавший в Кембридже и занимавшийся изучением социальных проблем, включая проблематику социального неравенства и среднего класса, отмечает в своих работах, что государства стали самыми могущественными структурами коллективной власти, способными осуществлять эффективную социальную политику и решать проблемы институциональных дефицитов.

В своей знаковой работе «Мир: руководство для начинающих» Й. Терборн предложил логично обоснованный тезис о том, что политика XX века создала две успешные формы государства, возникшие в 1960-е годы. Это, как полагает он, в первую очередь *западноевропейская модель государства всеобщего благоденствия*, основанная на щедрой государственной социальной поддержке, и *восточноазиатская модель государства*, характеризующуюся «автономным внешним развитием» [Терборн, 2015, с. 143]. Именно в первой модели государства институционализировался, по выражению Й. Терборна, этатизм благосостояния (welfare statism), когда за одно десятилетие уровень государственных доходов и расходов вырос больше, чем за всю предыдущую историю стран Западной Европы. В рамках же второй группы модель государства развития (development state) в Японии распространилась практически на весь регион.

Кроме того, Й. Терборн, опираясь на критерии уровня социальных обязательств института государства и крен этих обязательств, на резервный рынок труда и проблематику занятости, выделил четыре типа социальной политики государства. Во-первых, интервенционалистское государство, реализующее расширительную политику в интересах социума (скандинавские государства). Во-вторых, это государство «мягкого» благосостояния, при котором его роль сводится к задействованию компенсаторских механизмов при реализации социальной политики (Бенилюкс). В-третьих, это, как правило, англосаксонские государства, реализующие социальную политику с учетом рыночных механизмов.

И, в-четвертых, это государства с невысокими социальными обязательствами при осознанной высокой занятости населения (Япония).

Специалист по государственному управлению из Великобритании Н. Мэннинг, исследуя эффективность государственных учреждений, отмечал, что в научной и экспертной среде ширится признание того, что госучреждения имеют высокое значение для развития, но совершенно неясно, какие именно учреждения являются наиболее значимыми, в особенности для реализации социальной политики. Этот ученый выделял следующие модели государственной социальной политики: корпоративную, марксистскую, плюралистическую модели и модель элит. Кроме того, Н. Меннинг полагал, что государственные учреждения нуждаются в реформах. А именно в снижении госрасходов, в повышении их способностей к развитию, к улучшению выполнения институтом государства функций эффективного работодателя, к повышению качества предоставления социальных услуг [Мэннинг, 2003, с. 42–43].

В своих исследованиях экс-президент Международной ассоциации политических наук Т.Дж. Лоуи представил и обосновал типологию проблем (данные материалы были потом переданы правительственным структурам и в конгресс США). Он видел эти проблемы в следующих разрезах. Во-первых, в зависимости от принуждения федерального правительства, которое применяет этот рычаг давления прямо на индивидов или социальные группы или опосредованно, посредством создания соответствующих условий. Во-вторых, угрозой применения принуждения в краткосрочной, среднесрочной или долгосрочной перспективе. И, как реакция на возникающие проблемы, Т.Дж. Лоуи типологизировал реализуемую правительством государственную политику, выделив распределительную, перераспределительную, регулируемую и законодательную политики.

По мнению Т.Дж. Лоуи, данная типология будет ориентирована на ученых и практиков в подготовке и принятии политических решений, в том числе и в социальной сфере, вне зависимости от конкретных национальных государств. При этом если рассматривать по Т.Дж. Лоуи каждую политику, то в ней изначально закладываются как позитивные, так и негативные аспекты. К примеру, *распределительная политика* представляет собой некую «кормушку», ресурсы от правительства, направленные на конкретных получателей. Разумеется, при ее реализации есть и победители (определенные социальные группы), но есть проигравшие, которые и платят за это распределение.

Если вести речь о *перераспределительной политике*, то она предполагает передачу ресурсов от одной социальной страты (набора индивидов, социальных групп) к другой, выбранной посредством политического решения (правительством, парламентом или чаще всего совместным решением). *Законодательная политика*, насколько можно судить о ней, учреждает правила по отношению к индивидам, социальным группам на доступ к ресурсам общества (иногда ее еще называют учредительной политикой). *Политика регулирования* предполагает государственный дирижизм для достижения публичных целей социальной справедливости и ориентирована только на определенные классы или группы. В этом случае институт государства изыскивает дополнительные ресурсы и повышает затраты в реализации своей политики для достижения поставленных целей.

Свою типологию государственной социальной политики предложил и зарубежный политолог Т.А. Смит, который исследовал связь между функционированием политической системы и характером публичной политики. При этом стоит отметить, что сама дефиниция «публичная политика» в российской политической науке разными исследователями понималась и понимается по-разному. Среди вариантов перевода термина в отечественной науке встречались разнообразные понятия: «открытая», «общественная политика», «государственно-публичная политика», иногда даже термин отождествлялся с социальной политикой [Публичная политика, 2008, с. 6]. В данном случае для нас ближе последний вариант, который предполагает корреляцию публичной политики с открытой государственной социальной политикой в интересах общества.

В данном случае Т.А. Смит понимал всю сложность, конфликтность публичной политики и исследовал двенадцать примеров реализации такой политики в пяти странах западной демократии (Великобритании, США, Канада, ФРГ, Франция) с выделением четырех политических курсов. Данный ученый дал определение такой политике, понимая под государственной (публичной) политикой совокупность правительственных решений, основанных на проблемах. В это понятие он включал и принятие решений политическими элитами, и борьбу групп интересов, и системный анализа Д. Истона о «входе» и «выходе». При этом в рамках политического процесса автор концентрировал основное внимание на шаблонном потоке вопросов, которые в конечном итоге становятся правительственными решениями.

Проводя дифференциацию политических курсов, Т.А. Смит выстраивал их на основании сравнения властных акторов и процессов принятия решений. В результате данный исследователь предложил и обосновал четыре основных типа публичной политики: 1) распределительная политика, 2) секторально фрагментированная политика, 3) эмоциональная политика, 4) перераспределительная политика. Автор полагал, что *распределительную политику* отличают конфликты небольшой интенсивности, которые отмечены малой вовлеченностью различных участников, так как люди, организации, департаменты правительства в значительной степени «не конкурируют с интересами других акторов в их обращении за помощью к правительству» [Smith, 1975, p. 34]. На наш взгляд, есть основание полагать, что распределительная политика реализуется чаще, чем любой другой тип политики, и в комплексе мероприятий в деятельности многих правительств развитых стран мира представлена в большей мере. И во многом это связано с новым контекстом взаимодействия между различными «отраслевыми и корпоративными интересами, социальными партнерами и социальными группами» [Люблинский, 2008, с. 131].

В свою очередь, *секторально фрагментированная политика*, по Т.А. Смиту, отличается от распределительной политики главным образом своей способностью вовлекать гораздо большее число индивидов и социальных групп в конфликт, которые становятся разделимы из-за разногласий, связанных с представляемыми ими секторами. Секторально фрагментированная политика проявляется умеренно в уровне конфликтов, «степень которых определяется как размером социально-экономического сектора, так и количеством, и видами интересов» [Smith, 1975, p. 65]. В нее вовлечены группы интересов, НКО, депутаты парламентов, в том числе от политических партий, министры отраслевых министерств, заинтересованные в решении конкретных проблем отраслевых интересов. Возникающие вопросы в рамках данного типа политики решаются только в рамках законодательного органа.

Эмоциональная политика является наиболее демократичной из всех видов, выделенных Т.А. Смитом, если под демократией понимать широкомасштабное политическое участие и вовлеченность индивидов и групп, а также контроль над последствиями принятия политических решений. Демократические процедуры при реализации эмоциональной политики проявляются следующим образом. Высокая интенсивность конфликта по вопросам «образа жизни», где важную роль в политическом процессе играют не политические партии и депутаты (их влияние становится не настолько сильным, а в ряде случаев подорванным), а обычные агенты, поддерживаемые группами интересов со значительной акцентацией на традиции и мораль конкретного общества.

Политику перераспределения характеризует крупномасштабный конфликт, в котором основные участники более или менее следуют традиционным классовым линиям. Подобно эмоциональному, этот тип политики также включает значительное количество участников. Правда, конфликт при этом более структурирован и его границы более предсказуемы, менее разбросаны по разным социально-экономическим слоям. Перераспределительный тип политики характеризуется тем, что борьба происходит между интересами среднего класса и наемными рабочими, между силами правого и левого идеологического

спектра. При реализации такой политики возможны беспорядки, демонстрации, забастовки и иные политические акции.

Основными акторами такой перераспределительной политики является политическое руководство страны с одной стороны и лидеры профессиональных ассоциаций, представляющие интересы класса наемных рабочих, с другой стороны. Ключевые политические решения в данном случае принимаются, как правило, главами государств и руководителями правительств в ходе переговоров с представителями основных профессиональных ассоциаций. Высоко участие политических партий, при этом законодательная власть демонстрирует относительное спокойствие и стабильность. При этом, как подчеркивает отечественный исследователь Л.В. Сморгунов, тот или иной тип публичной политики (фактически набор или спектр решений правительств по спорным вопросам) используется в различных странах при решении конкретных проблем и «не составляет устойчивой характеристики той или иной демократической системы» [Сморгунов, 2018, с. 392].

Рассматривая институциональные дефициты в РФ, которые имеют отношение к государственной социальной политике, стоит сделать ряд предварительных выводов. Дефициты как базовые социальные проблемы (они очерчены в начале исследования) требуют конкретных мер по их разрешению (в рамках госпрограмм, федеральных целевых программ, национальных проектов и с помощью других механизмов и инструментов). Имеющиеся в Конституции РФ положения о социальном государстве скорее несут в себе символический ориентир, достигаемый в среднесрочной перспективе. Категория же «государства всеобщего благоденствия», которая как практика уже сложилась в ряде государств Запада и имеет приоритет для нашей страны, является ориентиром в долгосрочной перспективе.

Опираясь на имеющуюся теоретико-методологическую основу типологии политик (Т. Дж. Лоуи, Т.А. Смит), эмпирические данные по институциональным дефицитам, ряду характеристик социальных проблем в постсоветской России, стоит предложить и авторскую периодизацию государственной социальной политики с коррелированием этих этапов с типами государственной социальной политики.

Итак, первый этап (1992–2003 гг.) связан с эмоциональной политикой. Эта политика представляла собой широкую вовлеченность индивидов и групп при скудных государственных ресурсах в постсоветской России, измученной «шоковой терапией» в экономике и взбудораженной хаотичной демократизацией. Данный этап характеризуется в первую очередь высокой интенсивностью конфликта индивидов и социальных страт между собой по вопросам «образа жизни» (деление на адептов «советско-социалистической» и «либерально-западной» идеологем). Следствием этой эмоциональной политики, инициированной радикальными экономическими реформами правительства младореформаторов Е. Гайдара, стало массовое обнищание населения, деградация социальной инфраструктуры и учреждений.

Второй этап (2004–2017 гг.) представлял собой секторально-фрагментированную политику, реализуемую в рамках умеренных конфликтов по поводу распределения увеличивающихся ресурсов государства ресурсов за счет оживления экономики между отраслями и секторами социальной сферы. В рамках данной политики свое влияние оказывали парламентские политические партии, НКО, министерства и ведомства, группы интересов. Именно в эти годы были сделаны попытки в преодолении институциональных дефицитов в рамках новых явлений: «материнский капитал», 4 приоритетных нацпроекта («Образование», «Здравоохранение», «Развитие АПК» с ориентиром на повышение уровня жизни в сельских территориях, «Доступное комфортное жилье – гражданам России»), ФЦП (федеральные целевые программы) и госпрограмм.

И третий этап (с 2018 года по настоящее время) связан с перераспределительной политикой, в которой задействован широкий круг участников (акторов), характеризующейся высокой конфликтностью. Правда, со структурированием границ конфликта и его предсказуемым развитием. К примеру, в рамках данного этапа прогнозируется решение

вопроса о введении прогрессивной шкалы налогообложения (более низкой для бедных, более высокой для обеспеченных слоев населения). Особую роль на данном этапе и в рамках перераспределительной политики играют и будут играть 12 национальных проектов, которые ориентированы на выравнивание возможностей для всех слоев социальных страт российского общества и решение целей национального развития.

Список литературы

1. В мире запахло революцией. Социальное неравенство выливается в массовые уличные протесты. 2019. Московский комсомолец. PPE. 27 ноября – 4 декабря: 8.

2. Вейт-Уилсон Дж. 2001 Государство благосостояния: проблема в самом понятии. Pro et Contra. 6(3): 128–158.

3. Выжутович В. 2020. Среда окружает. Российская газета. 7 февраля: 3.

4. Голикова сообщила, что за чертой бедности живет 18,5 млн россиян. 2020. Коммерсант. 27 января: 2.

5. Гонтмахер Е.Ш. 2001 Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт. Pro et Contra. 6(3): 7–22.

6. Долфсма, В. 2017 Провалы государства. Общество, рынки и правила. М., Изд-во Института Гайдара, 256 с.

7. Калхун К. 2017. Что грозит капитализму сегодня. М., Изд-во Института Гайдара, 265.

8. Корнаи Я. 1990. Дефицит. М., Наука, 608.

9. Корнаи Я. 1990 Путь к свободной экономике: страстное слово в защиту экономических преобразований. М., Экономика, 149.

10. Корнаи Я. 2012. Размышления о капитализме. М., Издательство Института Гайдара, 352.

11. Лоуи Т. Дж. 2003. Конец либерализма: обвинительный акт. М., Изд-во МГУ, 400.

12. Люблинский В.В. 2008. Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран. Полис. 6: 130–146.

13. Маджоне Дж. 1999. Социальная политика и управление: идеи, интересы и институты. М., Вече, 607.

14. Малинова О.Ю. 2015. Символическая политика: осмысление предметного поля. В кн. Сморгунов Л.В. Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. М., Издательство «Аспект Пресс», 195.

15. Мид Дж. Г. 2014. Философия настоящего. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 272.

16. Мэннинг Н. 2003. Реформа государственного управления: международный. М., Издательство «Весь Мир». 496.

17. Нельсон Б.Дж. 1999. Социальная политика и управление: общие проблемы / Б.Дж. Нельсон // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е.Б. Шестопал. М., Вече, С. 527 – 569.

18. Неравный враг. Бедность стала темой сессии «Русского дома» в Давосе. 2020. Известия. 23 января, с. 4.

19. Олейник А.Н. 1998. Социальная политика: пути достижения эффективности. Полис. 5: 139–144.

20. Олсон М. 2012. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., Новое издательство, 212.

21. «Пашем с утра до ночи, а в кошельке пусто. Одним едва хватает на еду и оплату ЖКУ, а другие не знают, на что бы еще потратить пару миллионов. 2020. Аргументы и факты. 21 января, с. 6–7.

22. Публичная политика: от теории к практике. 2008. СПб., Алетейя, 356.

23. Роик В.Д. 2019. Социальная политика и технологии социальной работы. М., Юрайт, 522.

24. Сморгунов Л.В. 2018. Политические режимы, стили и режимы публичной политики. В кн. Соловьев А.И. Государственная политика и управление. М., Издательство «Аспект Пресс», 409.

25. Терборн Й. 2015. Мир: руководство для начинающих. М., Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 336.

26. Уильямсон О.И. 1996. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., Лениздат; CEVPress, 702.

27. Хедлунд, С. 2015. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 424.

28. Чтобы жить на зарплату безбедно. Как состояние экономики может снизить бедность в стране. 2020. Российская газета. 22 января, 12.

29. Шульга М.А. 2014. «Дефицит демократии» в Европейском союзе: Смыслы и интерпретации. Политическая наука. Трансформация европейского пространства. 2: 162–183.

30. Smith T.A. 1975. The comparative policy process. Clio Press, Inc, 184.

References

1. V mire zapahlo revoljuciey. Social'noe neravenstvo vylivaetsja v massovye ulichnye protesty [The world smelled of revolution. Social inequality translates into massive street protests]. Moskovskij komsomolec 2019. RRE. 27 nojabrja – 4 dekabrja: 8 (in Russian).

2. Vejt-Uilson Dzh. 2001 Gosudarstvo blagososotojanija: problema v samom ponjatii [Welfare state: a problem in the concept itself]. Pro et Contra. 6(3): 128–158 (in Russian).

3. Vyzhutovich V. 2020. Sreda okruzhaet [The environment is surrounding]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper] 7 fevralja: 3 (in Russian).

4. Golikova soobshhila, chto za chertoj bednosti zhivet 18,5 mln rossijan [Golikova said that 18.5 million Russians live below the poverty line]. 2020. Kommersant. 27 janvarja: 2 (in Russian).

5. Gontmaher E.Sh. 2001 Social'naja politika v Rossii: jevoljucija 90-h i novyj start [Social policy in Russia: the evolution of the 90s and a new start]. Pro et Contra. 6(3): 7–22 (in Russian).

6. Dolfsma, V. 2017 Provaly gosudarstva. Obshhestvo, rynki i pravila [State failures. Society, markets and rules]. M., Izd-vo Instituta Gajdara [Publishing House of the Gaidar Institute], 256 s. (in Russian).

7. Kalhun K. 2017. Chto grozit kapitalizmu segodnja [What threatens capitalism today]. M., Izd-vo Instituta Gajdara [Publishing House of the Gaidar Institute], 265 (in Russian).

8. Kornai Ja. 1990. Deficit. M., Nauka, [The Science] 608 (in Russian).

9. Kornai Ja. 1990 Put' k svobodnoj jekonomike: strastnoe slovo v zashhitu jekonomicheskih preobrazovanij [The path to a free economy: passionate word in defense of economic transformation]. M., Jekonomika [The economy], 149 (in Russian).

10. Kornai Ja. 2012. Razmyshlenija o kapitalizme [Reflections on Capitalism]. M., Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Publishing House of the Gaidar Institute], 352 (in Russian).

11. Loui T. Dzh. 2003. Konec liberalizma: obvinitel'nyj akt [The End of Liberalism: The Indictment] M., Izd-vo MGU [Publishing of Moscow state Univercuty], 400 (in Russian).

12. Ljublinskij V.V. 2008. Social'naja politika v uslovijah globalizacii: opyt razvityh stran [Social policy in the context of globalization: the experience of developed countries]. Polis. 6: 130–146 (in Russian).

13. Madzhone Dzh. 1999. Social'naja politika i upravlenie: idei, interesy i instituty [Social policy and management: ideas, interests and institutions]. M., Veche, 607 (in Russian).

14. Malinova O.Ju. 2015. Simvolicheskaja politika: osmyslenie predmetnogo polja. V kn. Smorgunov L.V. Rossijskaja politicheskaja nauka: Idei, koncepcii, metody [Symbolic politics: understanding the subject field]. M., Izdatel'stvo «Aspekt Press», 195 (in Russian).

15. Mid Dzh. G. 2014. Filosofija nastojashhego [The philosophy of the present]. M., Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki [House of the Higher School of Economics]. 272 (in Russian).

16. Mjenning N. 2003. Reforma gosudarstvennogo upravlenija: mezhdunarodnyj [Public Administration Reform: International]. M., Izdatel'stvo «Ves' Mir» [The Whole World]. 496 (in Russian).

17. Nel'son B. Dzh. 1999. Social'naya politika i upravlenie: obshchie problemy [Social policy and governance: common problems] B.Dzh. Nel'son // Politicheskaya nauka: novye napravleniya / Per. S angl. M.M. Gurvica, A.L. Demchuka, T.V. Yakushevoj. Pod red. R. Gudina i H.-D. Klingemanna. Nauchnyj redaktor russkogo izdaniya E.B. Shestopal. M., Veche, 527 – 569 (in Russian).

18. Neravnyj vrag. Bednost' stala temoj sessii «Russkogo doma» v Davose [The unequal enemy. Poverty became the topic of the session of the Russian House in Davos]. 2020. Izvestija. [The News] 23 janvarja, s. 4. (in Russian).

19. Olejnik A.N. 1998. Social'naja politika: puti dostizhenija jeffektivnosti [Social policy: ways to achieve efficiency] Polis. 5: 139–144 (in Russian).

20. Olson M. 2012. Vlast' i procvetanie: Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. M., Novoe izdatel'stvo [New Publishing]. 212 (in Russian).

21. Pashem s utra do nochi, a v koshel'ke pusto. Odnim edva hvataet na edu i oplatu ZhKU, a drugie ne znajut, na chto by eshhe potratit' paru millionov [We plow from morning to night, and in the wallet is empty. One is barely enough for food and utility bills, while others do not know what else to spend a couple of million]. 2020. Argumenty i fakty [Arguments and facts]. 21 janvarja, s. 6–7 (in Russian).

22. Publichnaja politika: ot teorii k praktike [Public policy: from theory to practice]. 2008. SPb., Aletejja, 356 (in Russian).

23. Roik V.D. 2019. Social'naja politika i tehnologii social'noj raboty [Social policy and social work technologies]. M., Jurajt, 522 (in Russian).

24. Smorgunov L.V. 2018. Politicheskie rezhimy, stili i rezhimy publichnoj politiki [Political regimes, styles and public policy regimes]. V kn. Solov'ev A.I. Gosudarstvennaja politika i upravlenie. M., Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publisher]. 409 (in Russian).

25. Terborn J. 2015. Mir: Rukovodstvo dlja nachinajushhih [World: A Beginner's Guide]. M., Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki» [Nat. researched University «Higher School of Economics»], 336 (in Russian).

26. Uil'jamson O.I. 1996. Jekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija [Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, «Relational» Contracting]. SPb., Lenizdat; CEVPress, 702 (in Russian).

27. Hedlund, S. 2015. Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshhestvennaja nauka. Sposoby ob#jasnenija sistemnogo provala [Invisible hands, the experience of Russia and social science. Ways to explain a system failure]. M., Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki [Publishing House of the Higher School of Economics]. 424 (in Russian).

28. Chtoby zhit' na zarplatu bezbedno. Kak sostojanie jekonomiki mozhet snizit' bednost' v strane [To live comfortably on a salary. How the state of the economy can reduce poverty in the country]. 2020. Rossijskaja gazeta [Russian Paper]. 22 janvarja, 12 (in Russian).

29. Shul'ga M.A. 2014. «Deficit demokratii» v Evropejskom sojuze: Smysly i interpretacii [The «Deficit of Democracy» in the European Union: Meanings and Interpretations] Politicheskaja nauka. Transformacija evropejskogo prostranstva [Political science. Transformation of the European space]. 2: 162–183 (in Russian).

30. Smith T.A. 1975. The comparative policy process. Clio Press, Inc, 184.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Глацких О.В. Институциональные дефициты, «государство благоденствия» и государственная социальная политика: сущность концептов и модели политики. Via in tempore. История. Политология, 47 (2): 437–448. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-437-448.

Glatskikh O.V. Institutional deficits, the «welfare state» and state social policy: the essence of concepts and policy models. Via in tempore. History and political science, 47 (2): 437–448 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-437-448.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Акимов Ю.Г. – профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Батиев Л.В. – ведущий научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, кандидат юридических наук, доцент

Бисенгалиев М.К. – независимый исследователь, Москва, член Платоновского общества

Богданова А.А. – аспирант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета

Бокерия С.А. – доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат юридических наук

Бородина М.Ю. – ассистент кафедры истории и политики России института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Виноградов А.Е. – независимый исследователь, Москва, кандидат исторических наук

Воробьев И.Ю. – документовед кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Гасанов О.С. – соискатель кафедры истории и политики России института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Глацких О.В. – аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Демидова К.В. – соискатель, начальник экскурсионного отдела АНО «Агентство развития внутреннего туризма», Москва

Деревянко А.В. – заведующий отделом Воронежского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук

Жерновая О.Р. – заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент

Зайцева И.В. – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина, кандидат исторических наук

Исмагилова М.И. – студент кафедры международных отношений и политологии, факультет истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

Кернер Е.А. – магистрант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Кузнецова Д.А. – магистрант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Лопатина М.Ю. – аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета

Максименко Е.П. – доцент кафедры социальных наук и технологий Института базового образования Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Москва, кандидат исторических наук

Мамаева Т.П. – доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Медведев В.В. – доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

Михайлов И.В. – доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук

Наумов Д.В. – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного университета

Попов М.В. – доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им Г.И. Носова, кандидат исторических наук

Пушкаренко Е.А. – доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Сивов А.Н. – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

Смирнова О.А. – доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат политических наук, доцент

Стоколос М.Д. – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Стржалковская А.Д. – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Шамрина Е.А. – декан факультета экономики и управления Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Шумаков А.А. – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат исторических наук